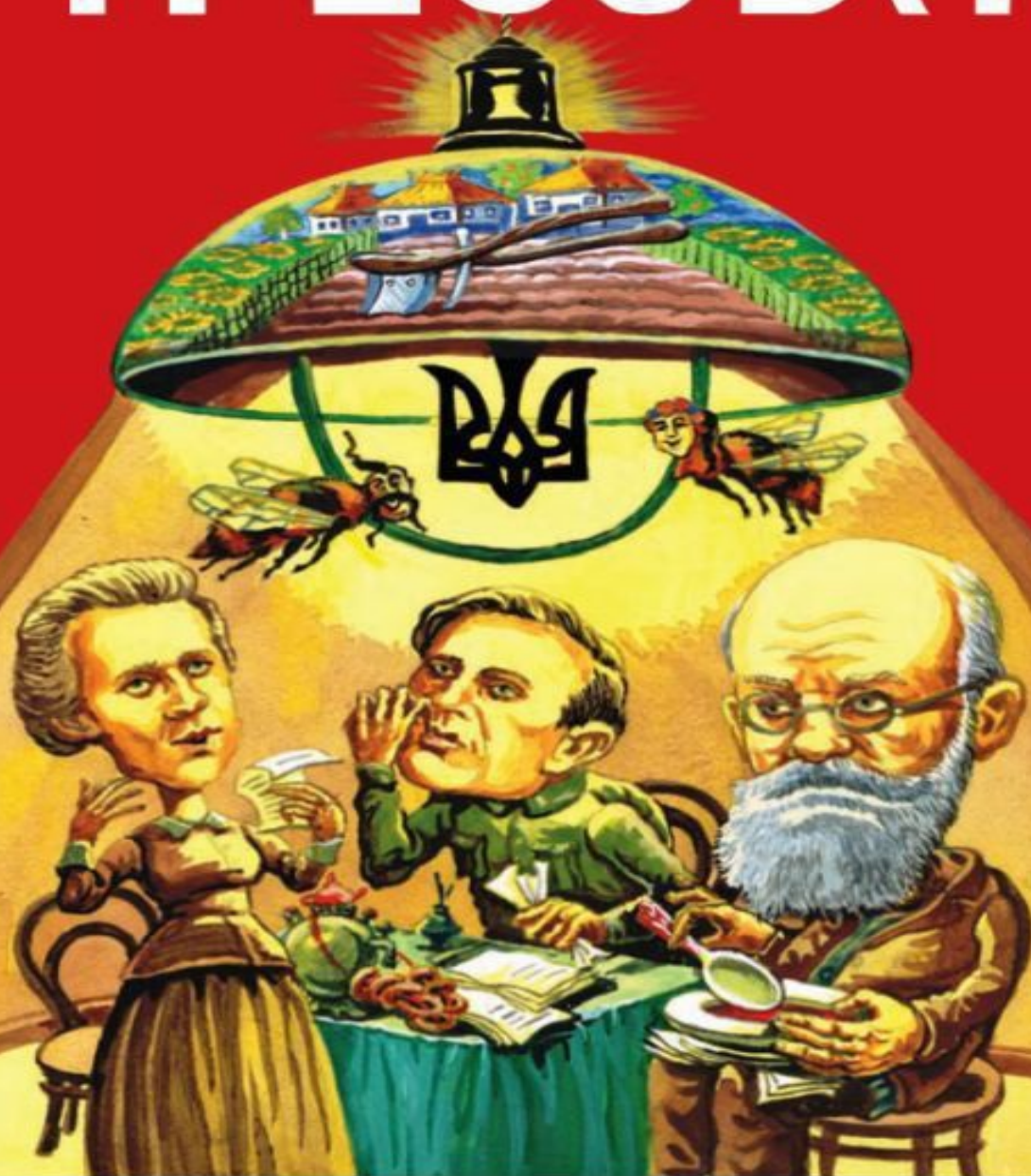

Олесь Бузина

СОЮЗ ПЛУГА И ТРЕЗУБА

КАК ПРИДУМАЛИ УКРАИНУ

История Украины всегда была любимой темой для большинства отечественных историков. Но когда за дело берется Олесь Бузина — эта тема быстро становится широко обсуждаемой. Ведь не зря газета «Комментарии» включила Олеся Бузину в рейтинг ТОП-10 провокаторов. Можете быть уверенными, эта книга будет не менее скандальной, чем «Вурдалак Тарас Шевченко». В ней автор рассказывает о формировании Украины в начале XX века.

-
- [Самоубийство «отца»](#)
- [Два хитрых Наполеона, придумавшие Италию](#)
- [Самоубийца-самостийник](#)
- [Страна, выдуманная из Дикого поля](#)
- [Веселые нравы профессиональных украинцев](#)
- [Леся из пробирки](#)
- [Была ли Леся Украинка лесбиянкой?](#)
- [Иван Франко — масон, «расист» и украинофоб](#)
- [Поэт Михайль Семенко: «Я палю свій “Кобзар”!»](#)
- [10 миллионов трупов из-за одного эрц-герц-перца](#)
- [Забытый геноцид русских в Галиции](#)
- [Сечевые стрельцы в боях за Австрию и красную Россию](#)
- [Революция, похитившая победу](#)
- [Самозванная Центральная Рада](#)
- [Галоша Грушевского против украинской армии](#)
- [Октябрь 17-го — битва за «Арсенал»](#)
- [Как Петлюра за канализацию воевал](#)
- [Звездный час Петлюры — с белыми против красных](#)
 -
 - [Полк имени Тараса Шевченко предал Раду и перебежал к красным](#)
- [Независимость объявили... ночью](#)
- [Коллективный труд плагиаторов из Центральной Рады](#)
- [Премьер Винниченко поздравил Украину с катастрофой](#)
- [Сталин: «Между русским и украинским народами нет конфликта»](#)
- [Никто не хотел ехать под Круты](#)
 -
 - [Без связи и патронов](#)
 - [Капитан Гончаренко — «герой» Крут и СС](#)
 - [А у них не было дяди в Центральной Раде...](#)
- [Легенда про «українську флоту»](#)
- [Запрещенная Донецко-Криворожская республика](#)
- [Как Центральная Рада хотела украсть гетмана Скоропадского](#)
- [Махно в гостях у Ленина](#)

- [Памяти атаманщины](#)
 - [Как сиделось в тюрьме министрам при гетмане Скоропадском](#)
 - [Бомба для лучшего друга Украины](#)
 - [В Берлин за смазкой](#)
 -
 - [В новый центр](#)
 - [Война, которую проиграли все](#)
 - [Гетман Скоропадский: «Мы все русские люди!»](#)
 - [Как галичане сдали полякам Львов](#)
 - [Вымышленный дивизион](#)
 - [«Злука» и разлука УНР с ЗУНР](#)
 - [Украинские белогвардейцы](#)
 - [Белое лето 1919-го](#)
 -
 - [Патриарх обвинил во всем красных, но отказался благословить и белых](#)
 - [Гуляй, народ! «Здоровое» зверство с обеих сторон](#)
 - [За красную звезду и двуглавого орла!](#)
 -
 - [Украинцы: «Натерпілись од червоних і сіцілістів-петлюровців!»](#)
 - [Киевская катастрофа Петлюры](#)
 - [Великая галицкая зрада Украины — 1919](#)
 -
 - [Взбешенный Петлюра подарил Львов Польше](#)
 - [Как Петлюра с Польшей подружился](#)
 -
 - [Петлюровцы воевали вместе с поляками против галичан](#)
 - [Чудо на Днепре](#)
 - [Воскресшая Польша против новой России](#)
 - [«Герои базара» как вершина трусости вождей УНР](#)
 - [Московская миссия «архиплохища» Винниченко](#)
 - [Сеятель «бактерии» украинства](#)
 - [Как Лазарь Моисеевич с Израилем Юделевичем Украину украинизировали](#)
 -
 - [Насаждение шевченкомании](#)
 - [Сосюра — классик из дурдома](#)
 - [Трансвестит в вышиванке](#)
 - [Союз плуга и трезуба](#)
 - [Библиография](#)
 - [notes](#)
 - [\[1\]](#)
-

Олесь Бузина

СОЮЗ ПЛУГА И ТРЕЗУБА

КАК ПРИДУМАЛИ УКРАИНУ

Киев
АРИЙ

Самоубийство «отца»

Украина — страна фальшивых генеалогий, выдуманных биографий и вымаранных страниц.

(Граф Алексей Тугаринов)

Словно огромная чаша горячего борща, курилась туманами жирная украинская земля.

(Павел Бляхин «Красные дьяволята»)

Отец идеи украинской самостийности незадачливый адвокат Николай Михновский повесился на яблоне в Киеве в ночь с 3 на 4 мая 1924 года. Случилось это прямо в саду возле дома № 76 по тихой улице с жизнерадостным названием Жилянская, где он остановился в 10-й квартире у своих приятелей Шеметов, знавших его еще по дореволюционным временам.

По иронии судьбы, буквально в двух шагах от того места, где свел счеты с опостылевшей жизнью Михновский, — на перпендикулярной к Жилянской улице Паньковской — недавно поселился его старинный враг, еще один «батько» украинской независимости — фальшивый «перший президент» Украины Михаил Грушевский, слезно умоливший советское правительство впустить его из эмиграции на родину.

Двум великим украинцам, претендовавшим совсем недавно на первые посты в выдуманном ими государстве, жить в такой опасной близости друг от друга оказалось явно невозможно, и один из них решил уйти. Удалиться тихо. По-английски. Не прощаясь. Чтобы не напоминать в очередной раз невыносимую поговорку: «Где два украинца, там три гетмана».

Что думал Михновский, когда просовывал голову в петлю, накинутаю на ветку, нам уже никогда не установить. Возможно, и помянул злобно Грушевского: на, мол, давись — «пануй» единолично над Украинской Социалистической Радянской Республикой — правда, под присмотром ГПУ, чтобы не начудил чего лишнего. Но факт остается фактом. В тот момент, когда длинный (под два метра ростом!), грузный, с отросшим после революции пузом Михновский повис на яблоне, ломая шейные позвонки (все очевидцы отметили потом его неестественно вывернутую голову), академик ВУАН Грушевский мирно почивал у себя в двухэтажном уютном домике, раздувая окладистую, как у раввина, седую бороду, сочным буржуазно-националистическим храпом.

Весна в том году выдалась необычайно холодная, поздняя. Снег начал таять только на исходе марта. А в начале мая, когда киевские сады стоят, по выражению поэтичных киевлян, «словно молоком облитые», они только вздымали к небу голые рога ветвей. И на одном из этих рогов висел Михновский — болтался гигантским вопросительным знаком (*«Що ж нарobili ви з МОЄЮ Україною?»*), что, впрочем, совершенно никем не было замечено.

Город жил своей обычной жизнью. Домохозяйки, схватив корзинки, бежали с утра на Сенной и Житний базары за молоком и солеными огурчиками, которые привозили крестьяне из окрестных сел, а те, что жили на Татарке и Куреневке — на Лукьяновский рынок. Школьники спешили в школы. «Гегемон» революции — рабочий класс по гудку, как и при старом режиме, но за куда меньшие деньги (вот она заслуженная награда!), топал на завод «Большевик» — так переименовали победившие красные к 5-й годовщине революции акционерное общество «Киевский машиностроительный и котельный завод Гретера и Криванека». И только студенты начинали день весело — их уже с утра ждало ВИНО — Высший институт народного образования, помещавшийся в красном корпусе упраздненного Университета Св. Владимира — у него безбожная власть в лютой злобе тоже экспроприровала имя, оставив только орденский цвет стен.

Название «обновленного» учебного заведения вызывало постоянные шутки — в 1926 году ему подыщут несколько более серьезную аббревиатуру — КИНО (Киевский институт народного образования). Но ехидные смешки все равно не утихнут. Тогда в 1933 году КИНО еще раз переименуют. В Киевский институт социального воспитания (КИСВ), что придало ему неуместную кошачесть. А потом в том же году (воистину, нет такого преступления, на которое не пошли бы «комуняки»!) расчленят этого «кота» надвое. Одной половинке присвоят имя Киевского педагогического института им. Горького, чтобы учеба медом не казалась, а другой — вернут, наконец, звание университета.

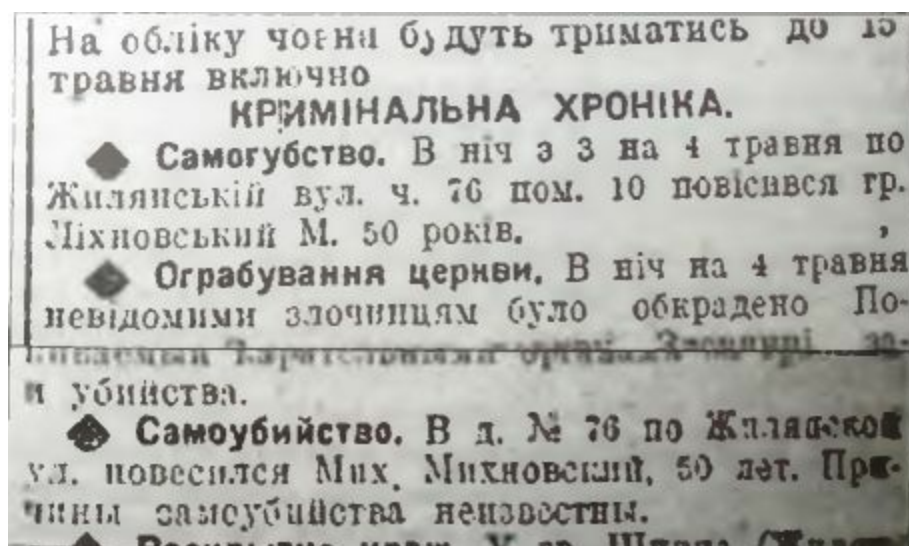
Все это я напоминаю только потому, что упокоившийся Михновский окончил в свое время именно университет Св. Владимира — его юридический факультет, не вынеся однако, из стен «альма матер» ни капли мудрости. Ибо, как говорится, университет может дать образование, но не ум, что биография нашего героя убедительнейшим образом и доказала, украсив ему горло пеньковым галстуком.

На низком левом берегу Днепра не построили еще ни одного уродливого спального района, заслонив небеса многоэтажными коробками. До самого горизонта простиралась синяя булгаковская даль, из-за которой утром — с московского востока — вставало для Украины солнце. А на берегу правом Святошин был еще дачным пригородом, застроенным в

русском стиле чудными деревянными домиками с резными окнами. И Пуща-Водица с прудами чистоты удивительной. А Жуляны — не аэродромом, а простым селом. И Борщаговка тоже. Там чухали с утра дремучее пузо дикие мужики — те самые, что перерезали в 18-м году гетманский офицерский отряд, остановившийся на ночлег. И всем им — и студентам, и домохозяйкам, и совслужащим, и мужикам — и заводам, и фабрикам, и Крещатику, и Пуще-Водице — не было ни малейшего дела до унылого висельника. Да и не могло быть. За годы гражданской войны город повидал столько трупов, что просто перестал ими интересоваться. Одним «жмуром» больше или меньше — какая разница, если совсем недавно они валялись прямо на площадях даже у самого памятника Богдану?

Безвременную кончину Михновского, сами того не осознавая, почтили только две киевские советские газеты — «Пролетарская правда» и «Більшовик». Скучные и официозные, они ничуть не напоминали увлекательную прессу погибшей дореволюционной эпохи. Гигантские простыни их страниц были заполнены в основном речами новых вождей, отчетами о чествованиях, съездах и партконференциях. От их чтения у обывателя сводило скулы — единственной отрадой могли служить разве что немногочисленные рекламные объявления о симфонических концертах или гастролях какого-нибудь театра лилипутов. Да еще — уголовная хроника, хладнокровно отмечающая налеты и грабежи. В этот последний позорный раздел и попал после смерти наш герой.

На третий день после злополучного 4 мая «Пролетарская правда» в рубрике «Происшествия» как раз между заметками «Убийство бандита» и «Раскрыта кража» напечатала мелкими буквами: «В д. № 76 по Жилианской ул. повесился Мих. Михновский, 50 лет. Причины самоубийства не известны». (При этом журналисты перепутали имя покойного.) А газета «Більшовик» в разделе «Кримінальна хроніка» допустила опечатку уже в его фамилии: «Самогубство. В ніч з 3 на 4 травня по Жилианській вул. ч. 76 пом. 10 повісився гр. Ліхновський М. 50 років». Вслед за этим сразу шла заметка «Ограбування церкви».

Заметки в киевских газетах 1924 года о смерти Михновского

Оба «некролога», если их так можно назвать, наглядно демонстрировали, насколько мало был известен главный самостийник широкой публике и новым хозяевам Киева. Взятые явно из одной и той же сводки сообщений, которые рассылала в прессу милиция, они

трактовали «великого» Михновского только как обычного самоубийцу — мало различимого в толпе десяткой других самоубийц, незаметно покидавших бывшую столицу Древней Руси.

Знал бы демонстративный, самолюбивый Михновский, что все закончится так убого, и что даже фамилию его малограмотные репортеры изуродуют до неузнаваемости, поменяв «М» на «А», он, может, и передумал бы вешаться. Но, как гласит еще одна украинская поговорка: «Якби ж то знаття!».

В любом случае, поправить что-либо было уже поздно. Позвонок хрустнул, язык вывалился изо рта, съевшего и выпившего столько всего вкусного при жизни, — еще одна нецененная жертва легла на алтарь нации. Простите, повисла над ним, как и хотел при жизни Михновский — раньше и, главное, ВЫШЕ всех.

Еще жив был Петлюра. Еще дегустировал эмигрантские французские супчики Винниченко. Еще не пристрелили в чекистском подвале Юрка Тютюнника. Не взорвали Коновальца. А Михновский уже стоял перед Высшим судом и сдавал главный экзамен по Закону Божию — предмету, по которому в гимназии у него имелась твердая «пятерка».

Тогда, чтобы получить по этой науке отличную оценку, необходимо было перечислить даже такие скучные подробности, сколько на небе ангелов («Легион легионов или тьма тем») и в честь каких святых учреждены Государем Императором неприсутственные дни. Сегодня же требовалось всего лишь ответить чистосердечно: «Помнишь ли ты, раб Божий Николай, что самоубийство — величайший грех?» и как согласуются измышленные тобой десять националистических заповедей, особенно последняя: «Не бери собі дружину з чужинців» с христианским заветом: «Несть ни эллина, ни иудея»?

Впрочем, Бог из уважения к выдающимся заслугам покойного перед нацией, несомненно, должен был обратиться к нему на национальном языке. Не «раб Божий Николай», а «раб Божий Микола». А то Михновский, чего доброго, вообще отказался бы разговаривать с ним — строго по своей заповеди № 4: «Усюди і завсігди уживай української мови».

А дальше Господь все милостивый, возможно, даже спросил бы нашего Миколу не без иронии (ибо и ирония ему не должна быть чужда, раз он вездесущ), но уже на государственном наречии имперской казармы и Академии наук, хорошо известному Михновскому не только по гимназии и университету, но и по многолетней службе в царском суде, где он годами держал дулю в кармане, не забывая разжимать пальцы в нужный момент, когда следовало расписаться за казенное жалование: «Куда желаете на выбор: в москальский рай с официантами-ангелами в косоворотках, разносящими расстегайчики и соленые рыжики на закуску к холодной водочке? Или — в строго украинский самостийный ад только для национально-сознательной публики — с чертями в шароварах и вышитых крестиком сорочках и тихим хором подчертков, распевающих: «Ще не вмерла Україна!»?

Не знаю, как вы, а я уверен, что Михновский выбрал бы национально-сознательный ад. Ведь недаром именно ему приписывали известную фразу: «Геть москалів з українських тюрем!»

* * *

Перефразируя одного популярного автора, историю Украины, как и любой другой страны, можно написать по-разному. Марксист стал бы рассматривать ее как борьбу классов.

Православный идеалист — как назидательный урок свыше человеческой популяции, осмелившейся жить без Бога в сердце и Царя в голове.

Но я хотел бы реконструировать возникновение Украины совсем под другим углом — как историю массовых психозов и навязчивых идей.

Принято считать, что человек есть существо разумное. Эта точка зрения широко распространена. На первый взгляд, вроде бы так и есть. Значительная часть представителей нашего вида способна к созидательному труду и даже творчеству. Мы умеем писать и считать.

Твердо отличаем правую ногу от левой, для чего призывникам уже не нужно обертывать одну из них сеном а другую соломой. А некоторые из нас даже изумляют менее одаренное большинство изобретением той или иной технической игрушки, якобы облегчающей бытие.

Успехи прогресса не могут не радовать. Они внушают веру, что жизнь не только хороша, но и будет становиться все лучше. Что если сегодня весело, то завтра станет еще веселей! Иногда просто дух захватывает от того, сколько вокруг всего понавыдумывали. Все это так.

Однако в Историю человек влипает в абсолютно бессознательном, я бы даже сказал, бесчувственном состоянии. Как тот же Михновский. Такое впечатление, что он то ли обкурился чего-то, то ли напился до состояния скота. В лучшем случае, шел по улице, размышлял о высоком и вдруг БАЦ (!) головой об столб. Аж искры прыгнули из глаз, сигнализируя, какой конфуз получился от столкновения прекраснотушных идей с грубой действительностью. Так и с украинским национализмом. Думали, как лучше. А получилось, как всегда. Впрочем, вас же предупреждали. Что же вы не прислушались?

В конце XIX столетия территория современной Украины входила в состав двух великих империй — Российской и Австро-Венгерской. В гербах и той, и другой красовался унаследованный от Рима двуглавый орел. Короны, перья — все один к одному. Разница была только в том, что орел российский лениво держал в лапе скипетр, а австрийский, более хлипкий и нервный — пламенеющий меч. И все бы ничего. Забавлялась бы Вена оперетами Кальмана, а Петербург — дягилевским балетом. Да только это был воистину «конец века» — *fin de siècle*, как говорят французы. Он ознаменовался резким ростом еретической идейности, омрачившей рассудок вчерашних верноподданных.

На свет появилось поколение людей горячих, нетерпеливых и не собиравшихся довольствоваться, как их отцы» заезженной формулой: «Христос терпел и нам велел».

Некоторые из новых идей возникли на местной почве. Другие проникли извне — через плохо охраняемые границы. Но все они имели западные истоки и были порождены тесными условиями тогдашней европейской жизни. Вместить же ее в рамки приличия не мог даже империализм с его корсетами для дам, паровыми моторами для мужчин, эдисоновским электричеством для освещения своего величия и сливным бачком для самых активных особей в виде политики колониализма.

Призрак коммунизма уже полвека неприкаянным бродил по Европе, выискивая для материализации страну, которую не жалко. Но это было еще полбеда. Другая половина интеллектуального бедствия заключалась в том, что вместе с призраком коммунизма по тем же тропам стали слоняться еще несколько подобных привидений.

Бородатый призрак анархизма в широкополой шляпе, смахивающий то на французского бузотера Пьера Прудона, то на беглого русского помещика Бакунина. Как и положено настоящему анархисту, не признающему никаких властей, это идеологическое чудовище активно размножалось спорами. Вокруг грузного бородача, как опята, выскакивали детишки

помельче — анархо-коллективизм, анархо-синдикализм и совсем уж мелкие, но необыкновенно ядовитые и буйственные грибки-галлюциногены, носившие наименование анархистов-безмотивников.

Одна из этих «поганок» — итальянский анархист Луиджи Лучени пырнул ржавым напильником в 1898 году австрийскую императрицу Елизавету, когда она выходила из отеля в Женеве. Загоняя заточку в шестидесятилетнюю даму, сохранившую девичью стройность, борец за счастливое будущее воскликнул: «Да здравствует анархия! Смерть обществу!».

Несчастливая женщина, олицетворявшая для Лучени это самое ненавистное старое общество, умерла через час, а убийца, приговоренный к пожизненному заключению, еще успел настроичить мемуары «Я ни о чем не жалею» перед тем, как повеситься в тюрьме.

До возникновения на территории Украины первого анархистского «квазигосударства» — Махновии оставалось ровно двадцать лет. Но об этом никто не догадывался. Нестору Ивановичу Махно было только десять, и он еще даже не успел поучаствовать в покушении на полицейского в Гуляй-Поле, с чего в 1907 году стартует его феерическая политическая карьера.

А всего за два года до того, как Луиджи Лучени воткнул свою заточку в императрицу Елизавету, в столице ее империи — Вене — вышла книга отца мирового сионизма Теодора Герцля «Еврейское государство». Впрочем, он не был первым. В 1893 году англиканский священник Вильям Хехлер — «христианский сионист», как его называют, выпустил брошюру «Возвращение евреев в Палестину согласно пророчествам». Прочитав сочинение Герцля, добрый Хехлер, вместо того, чтобы подать в суд за плагиат, пришел в восторг от того, насколько совпадают их взгляды.

Разыскав Герцля, он устроил ему две аудиенции у турецкого султана Абдул-Гамида и молодого германского кайзера Вильгельма II. Палестина входила тогда в Османскую империю, а немцы являлись ближайшими союзниками турок. Мысль увлечь кайзера идеей восстановления Израиля, чтобы он тактично намекнул об этом своему другу султану, была, как казалось Хехлеру и Герцлю, здоровой. Однако, император Германии куда больше интересовался строительством военного флота, мечтая поколебать могущество Великобритании на морях. Как большой ребенок он выслушал аргументы двух первых сионистов, сыпавших цитатами из Библии, пришел в восторг и... ничего не сделал. А Абдул-Гамид делиться «своей» землей с кем-либо, в том числе и с евреями, не пожелал.

Казалось бы, какое это имеет отношение к Украине? Прямое! У Герцля с Хехлером тут нашлись многочисленные последователи, пожелавшие материализовать их видение. Владимир Жаботинский — организатор еврейского легиона на службе Великобритании во время Первой мировой войны и по совместительству большой почитатель Тараса Шевченко — родился в Одессе, а первый премьер-министр Израиля Голда Мейер в Киеве.

Призрак сионизма недаром возник в Европе в том же XIX столетии, что и коммунизм с анархизмом. Появление этих идеологических мутаций свидетельствовало о глубоком кризисе традиционного европейского общества. Век прогресса проявил первые признаки приближения конца. Запахло жареным — кострами нового Средневековья. Людей в Европе стало слишком много, а земли для них слишком мало. Все почувствовали тесноту. Как физическую. Так и духовную. Каждый начал искать свою землю обетованную.

Причина кризиса крылась все в том же прогрессе. С 1800 по 1913 год население Европы почти утроилось, достигнув 458 миллионов человек. Этот скачок произошел на глазах всего лишь трех поколений. И конца ему не было видно. Среднегодовой прирост в

Великобритании составлял 13,2 человека на тысячу. В Германии — 7,4. В России — 8,6. Европа была перенаселена половозрелой молодежью, не знавшей, на какой алтарь себя положить.

Закономерно, что теория мальтузианства, предупреждавшая о проблемах, которые сулит перенаселение, появилась именно в Англии, где рождаемость, как и способность к демографическим прогнозам, была самой высокой. Дотошный английский священник Томас Мальтус опубликовал свой «Опыт о законе народонаселения» еще в 1798 году, когда скачок массового производства «лишних людей» только начинался. Мальтуса с его ужасными предупреждениями проигнорировали, и заниматься сексом без контрацептивов, имевших в те наивные времена вид бараньей кишки, меньше не стали. Но при жизни автора «Опыт о законе народонаселения» выдержал шесть изданий, что свидетельствовало об актуальности темы! По мнению Мальтуса, безудержный рост человеческой популяции могли остановить только войны, эпидемии и голод. Это и было блестяще доказано на практике в результате двух мировых войн XX века.

Но пока будущая Украина, одну часть которой чаще всего называли Малороссией, а другую — «королевством Галиции и Лодомерии», о правоте покойного Мальтуса не подозревала. Она ветхозаветно плодилась и размножалась — строго по рекомендациям Библии. Причем, удалыми темпами. Когда в 1654 году гетман Богдан Хмельницкий принял присягу Москве, население Украины не насчитывало и миллиона человек. Согласно же переписи 1897 года, оно перевалило 23 миллиона, а накануне Первой мировой войны достигло 35 миллионов. В принадлежавшей австрийцам Галиции имелось еще 4 миллиона русинов, часть которых (самая продвинутая) стала догадываться, что и они тоже являются «українцями». Бледный призрак украинского национализма едва просматривался на фоне Карпатских гор. Однако он подпитывался яркими примерами больших националистических призраков, которым уже посчастливилось материализоваться — прежде всего, германским и итальянским.

Германия, объединенная прусским канцлером Бисмарком «железом и кровью», являлась в конце XIX столетия воплощенным соблазном для любого националиста. На протяжении веков немцы говорили на разных языках, плохо понимая друг друга. Баварский диалект отличается от современного литературного немецкого («хохдойча») примерно, как украинский от русского. Баварцы охотно воевали с пруссаками. Можно сказать, просто на дух их не переносили. Еще в 1866 году Бавария сражалась на стороне Австрийской империи против Пруссии, а всего через пять лет баварский король Людвиг признал прусского короля Вильгельма I (дедушку того, к которому ездили в гости со своими сионистскими прозрениями Герцль с Херхелем) императором Германии. Признал, естественно, не добровольно, а исключительно под угрозой физического воздействия — того самого бисмарковского железа, с которого обильно стекала кровь, служившая чернилами для государственных актов.

В отличие от баварского, саксонский диалект напротив является основой современного немецкого языка. На нем написана так называемая «Библия Лютера». Но это не помешало королю Саксонии Иоганну выступить в том же году вместе с «иноязычными» баварцами против «единоязычных» пруссаков. Проиграв, как и Людвиг, он вступил в Северогерманский Союз, а потом тоже признал короля Пруссии своим новым сюзереном и императором Германии. Вот как бывает! Просто в голову не вмещается! Еще в 1870 году нет никакой Германии, а всего через год она уже есть в результате завоевания немцами... немцев. Ну,

«искусственное государство», да и только!

А фраза главного объединителя Италии графа Камилло ди Кавура, сказанная в 1861 году, просто во все учебники вошла: «Италию мы создали, теперь надо создать итальянцев». Чтобы «сделать» Италию, Кавуру вместе с королем Пьемонта Виктором-Эммануилом пришлось прикончить с полдюжину других итальянских государств — Королевство обеих Сицилий, где правили Бурбоны (между прочим, занимало половину современной Италии!), герцогство Модену, герцогство Парму, герцогство Тоскану, Ломбардо-Венецианское королевство, находившееся до этого под управлением Австрии, и Папское государство со столицей в Риме. В общем, неплохо потрудились поделщики по присвоению чужого имущества! Приходи, турист, любоваться! И это, несмотря на то, что пьемонтский, ломбардский и венецианский — отдельные романские языки, совершенно не похожие на... итальянский. Пьемонтский больше смахивает на французский, а венецианский — на каталонский в Испании. Чтобы никому не было обидно, Виктор-Эммануил возвел в ранг государственного... тосканский диалект, хотя тосканцы никого не завоевывали. Зато на нем когда-то писал Данте!

Боже мой, из чего только не бывают склеены современные нации! Ну, думал ли Данте, изгнанный земляками в далеком XIV веке из родной Флоренции в эмиграцию и умерший в Равенне, что язык его поэмы «Божественная комедия» сделают через шестьсот лет государственным языком Италии? Наверняка, нет! Он себя и итальянцем-то не ощущал. По крайней мере, в современном смысле. Данте был по политическим убеждениям гибеллином — сторонником императоров Священной Римской империи германской нации и идеи ВСЕМИРНОГО ГОСУДАРСТВА. И даже написал трактат «Монархия», в котором доказывал, что, как один Бог на небе, так и один император должен быть на земле.

Австрийская империя, у которой Виктор-Эммануил отобрал Ломбардо-Венецианское королевство, являлась прямой наследницей Священной Римской империи германской нации. По Данте, вся Италия должна была подчиняться германским кайзерам, что он и высказал недвусмысленно еще в одном своем политическом сочинении — «Послании правителям и НАРОДАМ Италии». Заметьте: не народу, а именно народам! Много «народов» там, оказывается, проживало, не очень желая сливаться в единую нацию. Данте бы наказать за «предательство» общеитальянского дела, о существовании которого он даже не подозревал, а вместо этого благодарные, но малообразованные «потомки» наградили его диалект статусом «государственного языка». Воистину, националистическая мифология творит себя из чего угодно не только в Украине, но и во всем мире! Не уверен, можно ли назвать эту комедию божественной. Но на постановку она точно тянет. В лицах и на большой сцене.

Впрочем, перед тем как начать разговор о создании Украины, стоит все-таки подробнее остановиться на Италии — именно потому, что итальянский прецедент породил миф об «украинском Пьемонте»^[1], который внезапно открыл в экономически и культурно отсталой Галичине профессор Грушевский на самой зорьке разгоравшегося XX века.

Два хитрых Наполеона, придумавшие Италию

Есть такое крылатое выражение — наполеоновский план. Так обычно называют нечто грандиозное, но нереальное, фантастическое. Впрочем, мы просто несправедливы к Наполеону. Многим его замыслам удалось стать явью. К примеру, современная Италия — один из самых ярких примеров воплощенных наполеоновских планов. Однако сами итальянцы вспоминать об этом не любят. Вместо того, чтобы утыкать дорогую родину монументами императору Франции, говорившему в детстве на корсиканском диалекте, который так похож на итальянский и подписывавшемуся «Наполеоне Буонапарте», они предпочитают ставить памятники королю Виктору Эммануилу. Официально он — объединитель страны.

Наряду с графом ди Кавуром и Гарибальди этот король — один из трех главных героев национального мифа. Миф носит по-итальянски бравурное название — Рисорджименто. В переводе — Воскрешение. Если свести эту сказку к простой формуле, она выглядит так: в XIX веке Италия страдала под пятой иностранных завоевателей, а итальянцы мечтали только об освобождении и воссоздании единой страны — о Воскресении. Появился храбрый король Пьемонта Виктор Эммануил и с помощью мудрого премьер-министра графа Кавура и буйного Гарибальди освободил ее от владычества австрийцев. Славься, возрожденная Италия!

Но правда заключается в том, что первым человеком, нарисовавшим на карте королевство Италия, был не Виктор Эммануил в 1861 году, а Наполеон Бонапарт в 1805-м. Он же стал и ПЕРВЫМ КОРОЛЕМ ИТАЛИИ. А во времена Виктора Эммануила больше всего крови за независимость этой страны пролили не итальянцы, а... французы.

Наполеон I. Был первым во всем — в том числе первым королем Италии

То, что сегодня происходит на Украине, не уникально — это всего лишь последняя,

гаснущая волна процесса, который начался в Европе в эпоху Великой французской революции. Создатели наций на Западе вдали не меньше наших «отцов» независимости. Но параллели между Италией и Украиной особенно очевидны. И ту, и другую страну сделали буквально из ничего — «воссоздавая» то, чего никогда... не было.

Историческую фразу Камилл ди Кавура, произнесенную в 1861 году. «Италию мы создали, теперь надо создать итальянцев», вы, дорогой читатель, уже знаете. Отдадим ему должное. Хотя бы за циничную откровенность. В отличие от украинских политиков, Кавур был веселый парень — любитель вина и женщин. Он не врал без нужды. По крайней мере, наедине с самим собой.

До начала XIX века Италия — просто географическое понятие. Данте и Бенвенуто Челлини считали себя флорентийцами. Казанова — венецианцем. Колумб — генуэзцем. Никто из них итальянцами себя не называл. Что общего могло быть у тех же венецианцев с генуэзцами, если они разговаривали на разных языках и больше всего на свете ненавидели не турок или французов, а друг друга? Жестокие войны между Венецией и Генуей — главный конфликт средневековья в Италии. Свою великую книгу о путешествии на Восток венецианец Марко Поло написал, сидя именно в генуэзской тюрьме. Единного литературного языка не существовало. Мемуары, которые принесли ему всемирную славу, тот же Казанова накропал по-французски. Его соотечественник, выдающийся эротический поэт Баффо, сочинял на венецианском языке. Любой филолог знает строчки Данте:

*Гордись, Фьоренца, славой величавой!
Ты над землей и морем бьешь крылом,
И самый Ад твоей наполнен славой...*

И ни слова об Италии! Для Данте родина — Флоренция, Фьоренца. К ней мысленно обращался он, изгнанный из родного города как представитель побежденной партии гибеллинов — сторонников германского императора. Повторюсь: Данте считал — один Бог на небе, значит, и один царь должен быть на земле, а в трактате «Монархия», где он излагал свои мысли, поэт обращался к «народам Италии». К НАРОДАМ, а не народу!

Впрочем, не исключаю, что вы мне не верите. Ведь отказываться от привычных стереотипов трудно. Даже невыносимо. Это как признаться самому себе, что кто-то вас нахально прокинул да еще и снял на этой комбинации кассу. Тогда давайте предоставим слово уроженцу Италии всемирно известному писателю Умберто Эко. Вот как этот остроумный и весьма почитаемый мною автор изобразил этническую и языковую ситуацию в Италии в романе «Баудолино»: «Там прежде обитали римляне, римляне римские, те, которые говорили на латыне... Потом империя тех римлян развалилась, и в Риме остается только папа, а по Италии распространились разные народы с РАЗНООБРАЗНЫМИ СВОИМИ ЯЗЫКАМИ. У нас во Фраскете говорят одним манером, а неподалеку, в Тортоне, уже другим. Путешествуя с Фридрихом по Италии, мне привелось слышать нежные языки, с которыми при сравнении наш фраскетский вообще не язык, а лаянье псов».

Так и лаяли каждый по-своему до того эпохального дня, когда в 1796 году в Италию вторгся молодой французский генерал корсиканского происхождения Наполеон Бонапарт. Еще накануне его вторжения в Италии существовало много государств: Неаполитанское королевство, занимавшее почти половину нынешней Италии, Королевство Сардиния,

несколько герцогств Модена, Парма, Тоскана, Папская область со столицей в Риме и две республики — Генуя и Венеция.

Все это плохо лежавшее добро Бонапарт завоевал за несколько месяцев. А потом создал на развалинах Итальянскую республику, чтобы легче было управлять захваченными территориями. В те времена молодой авантюрист еще был республиканцем. Но в 1805 году Наполеон объявил себя императором, а Итальянскую республику переименовал в Итальянское королевство. Королем Италии, естественно, назначил себя. А короновался железной короной лангобардов. Эта корона принадлежала предводителям средневекового германского племени, захватившего в VI веке н. э. северную Италию. Корона, на самом деле, золотая. Но внутри ее по периметру вделан выгнутый кольцом железный гвоздь — якобы из креста, на котором распяли Спасителя. Отсюда и название.

Железная корона лангобардов — ею короновался Наполеон как первый король Италии

Как итальянский король Наполеон короновался 26 мая 1806 года (запомните эту дату!) в Милане. В честь этого события он выпустил очень красивые золотые монеты достоинством в 40 лир. С одной стороны их было написано «Император Наполеон», а с другой — «Королевство Италия». Он же утвердил и флаг этого государства, цвета которого совпадают со знаменем нынешней Италии — зеленый, белый и красный. Легко заметить, что флаг почти такой же, как у Франции. Просто синий цвет заменен зеленым. Так Наполеон подарил Италии государственность и главный символ.

Сорок лир Наполеона. На этой монете впервые появились слова «Королевство Италия»

Но править страной постоянно первый король Италии не мог. Ведь одновременно он был еще и императором Франции. Поэтому исполняющим обязанности главы государства с титулом вице-короля он назначил Евгения Богарне — сына своей жены Жозефины от

первого брака. Наполеон вообще мечтал об объединенной Европе, которой правили бы он, его родственники и его генералы.

Однако объединенная Европа с первого раза не получилась. Она замерзла в русских снегах, куда сходили и созданные императором первые «итальянцы». Двадцать семь тысяч их побывали в 1812 году в походе на Москву. Но вернулся оттуда только каждый двадцать седьмой — всего тысяча завшивленных, чудом уцелевших героев — высококачественный генетический материал для будущей нации, выдержавший испытание жесточайшим естественным отбором русских морозов и казачьих пик. (Так и вижу умильную картину, как происходил сей биологический эксперимент. Два бородатых казачины верхом на косматых лошадках, а у копыт — целый взвод незадачливых макаронников, взывающих о пощаде. «Ну, что, Ванька, — говорит казак казаку. — Их тут двадцать семь душ — иродов. Каждый из нас проткнет ровно по тринадцать штук. А вот этого, самого маленького, с барабаном, оставим на расплод — авось, из него что-то путное выйдет...»)

«Нельзя отрицать того, что Наполеон симпатизировал итальянцам в силу того смутного расового родства, действие которого сказывалось с особой силой всякий раз, когда он находился в их стране, в непосредственном общении с ними», — писали в «Истории XIX века» французские профессора Лависс и Рамбо. Да и как же мог Наполеон им не симпатизировать? Ведь это он придумал итальянцев! Придумали бы их казаки, они бы им тоже симпатизировали. Даже без смутного родства.

Впрочем, первый король Италии не отрицал существования на полуострове, кроме итальянцев, и других коренных народов. Присмотревшись поближе к пьемонтцам, он решил, что это не итальянцы вовсе, а французы, и присоединил их к Франции напрямую — язык пьемонтцев даже сегодня куда больше похож на французский, чем на итальянский. А на юге Итальянского сапога оставил целое Неаполитанское королевство, назначив туда королем своего друга Мюрата — сына простого трактирщика из-под Тулузы. Мол, для этих мафиози он будет куда органичнее законного короля Фердинанда из династии Бурбонов. Мюрат сел на трон. А Фердинанд сбежал на Сицилию, где у него было еще одно королевство — Сицилийское, куда по причине отсутствия флота, разбитого при Трафальгаре, загребущая рука императора не могла дотянуться.

Марионеточная наполеоновская Италия просуществовала до 1815 года, когда ее создатель проиграл битву при Ватерлоо и удалился на остров св. Елены. Победители «корсиканского чудовища» — Великобритания, Россия, Австрия и Пруссия договорились на конгрессе в Вене об устройстве послевоенного мира. В Италии все вернулось на круги своя — к положению, существовавшему до вторжения на полуостров французских войск. Снова воскресли независимые государства — Парма, Модена, Тоскана... Разве что Неаполитанское и Сицилийское королевства слились в одно под властью местных Бурбонов и были торжественно переименованы в Королевство Обеих Сицилий, а Венеция и Ломбардия — то есть, территория бывшего «Королевства Италии», придуманного Наполеоном, — оказались под именем Ломбардо-Венецианского Королевства под управлением Австрии. Вена назначала туда своего вице-короля — точь-в-точь, как это делал Наполеон. Наступили мир и спокойствие.

Естественно, такой мир не нравился всем. Многие, и в первую очередь так называемая интеллигенция, стали говорить, что при Наполеоне, когда «была Италия», жилось вольнее и сытнее. Мол, и макароны были толще, и пицца — диетичнее. В каждом из независимых государств на полуострове в виде сапога нашлись свои горючие элементы. Местные

правительства с ними довольно эффективно боролись. Поднимет очередной революционер «восстание» в какой-нибудь Парме, покричит для виду на площади, требуя свободы, и бежит за границу. Главной «заграницей» для этих революционеров стал Пьемонт — Сардинское королевство — то самое, жители которого разговаривали на языке, похожем на французский. Пьемонтский король Виктор Эммануил решал, что давать приют бузотерам ему выгодно. Так он мог терроризировать своих соперников — всех остальных итальянских монархов. А кого не вмещал Пьемонт, те бежали во Францию. Именно там Джузеппе Мадзини создал свою организацию «Молодая Италия», состоявшую в основном из его друзей. Мадзини выпускал журнал и требовал вместо кучи итальянских государств одну республику — как во времена Древнего Рима.

По сути, Италия была в то время большой буферной зоной между Австрией и Францией. И тут у пьемонтского короля завелся очень умный министр граф ли Кавур. А во Франции путем различных махинаций как раз пришел к власти племянник Наполеона — Наполеон III. По мере сил молодой человек во всем стремился подражать покойному дяде и лез в драку по всякому поводу. Третьего Наполеона с лихो закрученными мушкетерскими усами и бородкой так и тянуло повоевать с Австрией и Россией — отомстить за прежние семейные обиды.

Наполеон III. Оплатил кровью французских солдат итальянский проект покойного дяди

Хитрые пьемонтцы Виктор Эммануил с Кавуром решили: а почему бы не использовать взрывную агрессивность Наполеона III в своих целях? Будем «шестерить» перед Францией, втянем ее в войну с Австрией на своей стороне и снова создадим «Королевство Италию» с собою во главе. Должен же новый Наполеон сделать что-то хорошее для таких замечательных союзников!

На будущую Италию Кавур с Виктором Эммануилом смотрели, как на бизнес-проект. Если сломать все границы в итальянском сапоге, туда можно будет засунуть здоровенную пьемонтскую ногу. Вся казна, все налоги, которые собирают король Обеих Сицилий, герцоги Пармы и Тосканы, а также Папа Римский (а он много берет!) пойдут нам — умным и прогрессивным деятелям.

Чтобы втереться в доверие к Наполеону III, два сардинских прохиндея впутались в Крымскую войну. Пятнадцатитысячный корпус пьемонтских войск целый год мерз под Севастополем — говорят, даже отличился в битве на Черной речке. Но начальный политический капитал Кавур и Виктор Эммануил вложили очень выгодно. Наполеон остался очень доволен их вкладом в общую победу и в ответ дал себя впутать в войну против Австрии — за «освобождение» Италии.

Кавур. Придумал Италию как бизнес-проект, чтобы захватить кассу

Национальный итальянский миф гласит, что все итальянцы мечтали об этой свободе. Но в реальности за будущую Италию в основном воевали французы. Правда, не на шару. Полным идиотом Наполеон III все-таки не был. Взамен своей «бескорыстной» помощи итальянскому делу, он выторговал у двух пьемонтских махинаторов Ниццу и Савойю, принадлежавшие до этого Пьемонту. Савойя — это дедовское наследие Виктора Эммануила. Он и был-то из так называемой Савойской династии! Но дедушкин удел расчетливый пьемонтец, плюнув на сантименты, отдал взамен за будущие выгоды — ведь Италия в пятьдесят раз больше какой-то Савойи! Ну, ее в римскую баню, эту Савойю вместе с покойным дедушкой! В общем, очень буржуазный был король — реалистично смотрел на вещи.

Получилась смешная ситуация. Австрия воевала за независимость маленьких итальянских государств против наглого Пьемонта, который крышевал Наполеон III. А Франция — за независимость будущей марионеточной Италии во главе с Пьемонтом. За красивыми словами скрывались два тонких политических расчета великих держав. Австрийцев устраивала раздробленная Италия как буферная зона между ними и Францией. А французы хотели ослабить Австрию и создать подконтрольную себе новую страну, которая слушалась бы не Вены, а Парижа.

Враги сошлись на равнине в Ломбардии — под деревней Сольферино 24 июня 1859 г. С одной стороны — 120 тысяч австрийков, часть из которых составляли ничего не понимавшие в этой высокой политике солдаты-русины из далекой Галиции, которые еще не догадывались, что они — «украинцы». С другой 25 тысяч пьемонтцев, то есть, «протоитальянцев» и почти

94 тысячи французов. Такой битвы Европа давно не видела. Австрийцами командовал лично император Франц-Иосиф, союзниками — Наполеон и Виктор Эммануил. Войска растянулись по фронту на пять миль. Австрияки лезли на рожон, как черти. Но французы, заняв господствующие высоты с виноградниками (за виноградник каждый настоящий француз готов сражаться до последней капли крови!), отбили все атаки и перешли в контрнаступление. Пьемонтцы тоже не зевали. Виктор Эммануил лично водил своих головорезов в атаку на силы реакции.

Виктор Эммануил при Сольферино. Единственный вклад итальянцев в дело своей независимости

Мяса ради будущей Италии друзья наделали столько, что ошалел даже главный «италофил» — Наполеон III. Сразу же после победы он заключил с Францом-Иосифом мир и укатил в Париж. Подальше от разлагающихся трупов. Именно после этой битвы придумали международный Красный Крест — так жалобно орали на поле при Сольферино раненые, которым поотрывало ядрами руки и ноги. А поскольку взывали к общественности они в основном по-французски — на тогдашнем международном языке, их вопли были услышаны.

Зато в результате этой великой французской победы в литературе появился роман немецкоязычного писателя Йозефа Рота из ныне украинского городка Броды — «Марш Радецкого» (он открывается сценой битвы при Сольферино), а на карте Европы — независимая Италия под тем же зелено-бело-красным флагом, который придумал для нее Наполеон-старший. Остальное было делом техники. Государственным языком назначили тосканский, потому что на нем разговаривал Данте. То, что Данте выступал за власть над Италией германского императора, никого из новых итальянцев не смущало — давно это было, в XIV веке, кто помнит о его политических заблуждениях? Зато всемирно известный поэт — примажемся к его славе! До сих пор в Италии шутят, что первый иностранный язык у них итальянский — дома все по-прежнему говорят по-сицилийски, по-венетски, по-пьемонтски. Как кому нравится.

Беспощадный Виктор Эммануил и его клан уничтожили все независимые государства на территории Италии. Больше всего пострадало Королевство Обеих Сицилий. Уровень жизни там сразу понизился. «Экономическая политика Пьемонта привела к ухудшению положения масс Юга, — писала в книге «Италия на рубеже веков» еще советская исследовательница

Цецилия Кин, — возник так называемый «великий бандитизм», когда сторонники низложенной династии Бурбонов использовали крестьян и бывших солдат бурбонской армии в борьбе против правительства».

Итальянские эмигранты в Америке, которых показывают в гангстерских фильмах, — это прежде всего сицилийцы, уехавшие за океан от счастливого итальянского Рисорджименто. А знаменитая мафия — остатки партизанского движения против захватчиков-пьемонтцев.

Удивительно, но объединение Италии привело к... резкому падению боевого духа итальянской армии. Жители итальянских государств, завоеванные пьемонтцами, не хотели сражаться за единую Италию — то есть переименованный в нее великий Пьемонт. От австрийской разведки не удалось скрыть это настроение умов. В 1866 году вспыхнула австро-прусская война. Виктор Эммануил тут же вmeshался в нее на стороне Пруссии, надеясь еще чем-нибудь поживиться. Инструкция главнокомандующего австрийской армии на итальянском театре эрцгерцога Альбрехта так оценила потенциальную стойкость нового противника: «Сардинская армия после последних походов сделала большие успехи по части снаряжения, вооружения, обучения, довольствия войск и управления ими, но в нравственном отношении она не поднялась... Прежний рыцарский и монархический дух офицеров, вследствие примеси к ним эмигрантов, волонтеров и лиц, изменивших прежнему своему знамени, значительно ослабел. Между солдатами дух единства и преданности, существовавший в пьемонтской армии, где каждый полк состоял из жителей одного округа, не может более существовать, ибо теперь пьемонтцы в полках составляют меньшинство, в смеси со всеми другими итальянскими племенами, из которых многие не любят военной службы и не расположены к Пьемонту».

Будущий командующий Киевским военным округом генерал Драгомиров, а тогда военный атташе назвал эту характеристику итальянской армии «превосходной». Одним словом, итальянцев еще было создавать и создавать...

Но для успешного завершения этого эксперимента пришлось пропустить исходную биомассу, как фарш, через кровавую мясорубку XX столетия. Логическим результатом объединения Италии стала не свобода (из 28 миллионов подданных нового королевства избирательными правами пользовались всего полмиллиона), а участие в двух мировых войнах и фашизм Муссолини. Ибо любая страна, вынужденная сглаживать внутренние противоречия между частями, из которых склеена, переходит к жесткой внутренней и агрессивной внешней политике.

По наполеоновскому «итальянскому» рецепту создавались и создаются все новые независимые государства. Обычно они плодятся в спорных поясах между сверхдержавами. Чтобы ни себе, ни другому. Так «возродилась» во второй половине XIX века между Оттоманской Портой и Российской империей никогда не существовавшая Румыния, которую до того дипломаты несколько свысока именовали «валашскими княжествами». А веком позже между Германией и Россией — Польша («уродливое детище Версальской системы», по выражению Молотова), Чехословакия (чуть ли не самый яркий пример высосанного из пальца государства, что видно даже по названию и тому красноречивому факту, что, осознав свою полную искусственность, Чехословакия добровольно самораспустилась) и... наша богоспасаемая Украина.

Это не означает, что я против нынешней Украины или так называемых национальных государств вообще. Если что-то возникло и существует, значит, это непреложный этап в истории человеческого развития. Надо и его пройти. Не все существующее — разумно, но

если Господь так управил, значит, так тому и быть. Не нам разрушать республики и колебать престолы. Каждому — свое. А я не повстанец и не заговорщик. У меня другое ремесло — писательское. Но никто не в силах отнять у меня право на свободные рассуждения. А они, увы, не избавлены грустной иронии.

Ради воплощения прекрасной утопии нации несколько десятков миллионов европейцев пришлось в XX веке переселить на тот свет. Причем, не только евреев. Я имею в виду немцев и итальянцев, так удачно и, главное, дешево «материализовавшихся» в предыдущем столетии, чтобы дорого погибнуть в России в столетии следующем (на сей раз, под Сталинградом), а также поляков, венгров, румын, и, естественно, русских. Простите, представители тех незадачливых «племен», коих забыл помянуть — вас так много, что всех не упомнишь.

Еще несколько миллионов согнали с насиженных мест, где они жили столетиями. Немцев выселили из Восточной Пруссии и Судет. Поляков — из Львова. Лемков — из Лемковщины, переименовав их в украинцев.

Ничего подобного просто быть не могло в эпоху «реакционных» монархий старого порядка. Прусский король или австрийский император охотно завоевывал какую-либо чужоязычную территорию, но ему даже в голову не могло прийти депортировать местных жителей целыми уездами, потому что они не немцы и не понимают государственного языка. Завоеванные должны были обожать «своего» монарха и исправно платить налоги, но имели право на дом и спокойную частную жизнь.

Идея национализма — глубоко антихристианская по сути, какой бы он ни был. Именно поэтому национализм сразу же скрестился с материалистической профанацией христианства — социализмом, породив германский национал-социализм и итальянский фашизм. Интегральный украинский национализм Дмитрия Донцова — всего лишь обезьянья разновидность этих двух своих отцов-прототипов.

И даже если церковь сохраняется в национальном государстве, она либо становится пустой, как в Чехии, либо превращается в обычный племенной культ, наподобие польского католицизма. Сказав: «Несть ни эллина, ни иудея», святой Павел имел в виду, что есть просто люди. Классический же национализм всегда учил своих адептов не видеть в представителе другой нации человека. Или видеть его в последнюю очередь. Ибо нация — «понад усе».

Не мудрено, что в такой нервной обстановке, когда даже местечковые евреи стали бросать свои гешефты и замышлять воссоздание «царства Израильского», чуткий к требованиям момента и не совсем простой парубок с Полтавщины засел за написание своей «Самостийной Украины». Главное было — не отстать от времени, убегающего в неизведанную даль за ветряком на краю родного села.

Самоубийца-самостийник

Несмотря на то, что «Самостийная Украина» Николая Михновского вышла в Австро-Венгрии во Львове, ее автором был не галичанин, а 27-летний харьковский адвокат с сердцем, разбитым неудачным романом, — сын православного священника села Туровка Полтавской губернии. После всех административных перетурбаций XX века Туровка относится теперь к Киевской области.

Блудный подданный Российской империи Николай Михновский, опубликовавший в 1900 году от имени насчитывавшей всего несколько человек Революционной Украинской Партии вышеупомянутую 22-страничную брошюру, и есть, как бы кому ни хотелось, отцом украинской независимости. Самым первым и самым непризнанным. Других детей у него не было. Увы, никто из современников не хотел признавать его приоритет в темном вопросе «делания Украины». И, прежде всего, прочие самозваные «отцы». Хотя юридических прав на отцовство у них было значительно меньше, зато настойчивости на порядок, а то и два, больше, чем у вспыльчивого, но неорганизованного Михновского.

Киев, 1917 г. III Украинский военный съезд. Михновский стоит на ступеньку ниже Петлюры и Грушевского

Суть характера первого самостийника замечательно передает эпизод из его раннего детства, описанный современным биографом «великого человека» Федором Турченко в книге «Николай Михновский. Жизнь и слово»: «Міхновський належав до людей холеричного типу... В родині жив переказ, як Микола трирічним хлопцем побачив уперше свого небожа Василя Совачева на хрестинах із золотим хрестиком і запитав, звідки у нього ця прикраса. Одержавши у відповідь, що небіж «знайшов його собі», Микола схопив Василя за чуба і

запитав: «А мені чом не знайшов?» Родичі і близькі казали, що ця фраза досить точно характеризувала вдачу Міхновського — енергійну, імпульсивну до нестримності, волелюбну».

Не знаю, где тут можно отыскать волелюбие. По-моему, налицо обычная зависть. Увидел на другом мальше блестящую цацку и тут же набросился с кулаками, словно тот в чем-то перед ним виноват. Всю жизнь потом Михновскому будет казаться, что ему недодали, недосыпали — в общем недооценили.

Но если ему и не повезло с чем-то, так это с характером. Даже коллеги по «украинской справе» шарахались от бешеного адвоката, как от чумного! И отнюдь не по причине идейных разногласий. Просто Михновский был хамом. Но не заурядным, а выдающимся — «непересічним». Выдающимся именно в хамстве, а не в политической деятельности. То набросится на знакомых с упреками, то устроит публичную истерику. Как охарактеризовала его одна из знакомых дам — Анна Берло в воспоминаниях «Мои знакомства с некоторыми украинскими деятелями», Михновский был человеком «грубым и невоспитанным». Но себе самому он, естественно, казался тонкой возвышенной натурой.

Коллег-ураинофилов в Киеве конца XIX века можно было пересчитать по пальцам. По-украински ради оригинальности разговаривали всего несколько приличных семей. Лояльный имперский город — «мать городов русских!» Как же могло быть иначе? Но как раз ближний круг — свою украинскую «тусовку» Михновский и не жаловал больше всего. «Ах! Коли б ви знали, яка тут брудота у сім чудовім граді Київі, — писал он своему другу Борису Гринченко. — інтриги, плітки, злість і ненависть панують серед нашого суспільства. І то мають бути патріоти».

Зато братья-патриоты и отплатили ему — по-иезуитски. Как только в 20-е годы появилось слово «фашизм», непревзойденный тролль Михаил Грушевский тут же обозвал в мемуарах Михновского «фашистом», хотя как тот мог им стать в 1900 году за два десятилетия до рождения фашизма? А интеллигентный с виду Петлюра, умевший выслушать и утешить чуть ли не любого дурака в вышиванке, сделал исключение только для одного из представителей этой породы — для Михновского. «Головной отаман» лишил его мечты всей жизни — возглавить украинскую армию и повести ее на москалей.

Михновский первым среди национально-сознательных тугодумов докумекал, что государство — это, прежде всего, армия. Задолго до великого Мао он мог бы сказать: «Винтовка порождает власть». Но не сказал, а основал в 1917 году в Киеве Украинский военный клуб имени гетмана Полуботко, который занялся разложением киевского гарнизона, верного Временному правительству. Петлюра (в то время еще не самостийник) деятельность Михновского публично осудил, а сам втихаря при деятельной поддержке Грушевского и Винниченко пробрался на должность военного секретаря Центральной Рады (по-нынешнему — министра), присвоил идеи конкурента, творчески их развил, а подлинного автора спровадил из Киева на Румынский фронт — заниматься украинизацией.

И даже когда в 1924 году бывший адвокат скоропостижно (как и все, что он делал) отбыл в мир иной, его же духовные наследники — уже настоящие фашисты — просто вышвырнули Михновского из истории национализма.

Капеллан дивизии СС «Галичина» Исидор Нагаевский, который сочинил в эмиграции толстенький томик «История Украинского государства XX столетия», изданный Украинским католическим университетом имени папы Климента в Риме и перепечатанный в Киеве в 1993 году, не постеснялся даже обобрать труп покойного и приписать его идею украинской

самостийности своему земляку — некоему отцу Василию Подолинскому родом из Галичины. Во всей его лживой книжке о Михновском не сказано ни слова! Позор бывшему эсесовцу!

Не отдают должное первому самостийнику и нынешние профессиональные националисты. Даже у великого «просветителя» всех несвидомых Виктора Ющенко руки до увековечивания памяти Михновского так и не дошли. Почему? Скорее всего, из суеверия. Наши шароварные патриоты считают неприличным вспоминать с высоких трибун, что идею независимости выдумал самоубийца. Разве могла такому человеку прийти в голову хорошая идея? А если все-таки пришла человеку именно с суицидальными наклонностями, то не означает ли это, что она недостаточно хороша? Видимо, это кажется новым носителям старой идеи не очень вдохновляющим примером для подрастающего поколения. Тому же Исидору Нагаевскому служить в дивизии СС было нестыдно. Хорошая сытая служба, и форма красивая... Как раз для доброго пастыря! А сказать пару добрых слов об отце независимости — самоубийце Михновском — язык не поворачивался! Ну, можно ли построить с такими, с позволения сказать, «людьми» настоящую державу? Ведь те же японцы не постеснялись возвести самоубийство в государственный культ и провозгласить вершиной развития человеческой личности самурая, вспоровшего себе брюхо. А наши псевдодержавотворцы только распевают тоскливые песни, а добровольно отдать жизнь за Украину, как Михновский, не спешат.

Не хотят даже достойно переиздать научное наследие самоликвидировавшегося мыслителя! Хотя написал он немного. Совсем чуть-чуть. Если собрать все в кучу, то к двадцати двум страницам «Самостийной Украины», в лучшем случае, еще с десятков листиков наберется. Это же не полное собрание сочинений Карла Маркса! Но денег украинская держава на творческое наследие Михновского жалеет — и даже цитировать его в полном объеме биографы Михновского боятся. Стыдно им признать, что автор идеи самостийности был редким мракобесом и теоретиком этнических чисток. «Усіх, хто на цілій Україні не за нас, той проти нас, — писал он. — Україна для українців. І доки хоч один ворог чужинець лишиться на нашій території, ми не маємо права покласти оружжя».

Н. Михновский: «Наша нація некультурна... Україна для українців»

А собирався строить Микола «самостийную» с размахом — «від гір Карпатських аж по Кавказькі». Идея, прямо скажем, не только шовинистическая, но и нереальная. Замечу, что в 1900-м году, когда автор «Самостийной Украины» это изрек, на территории, которую облюбовал для своего государственного проекта Михновский, помещалось еще и Войско Донское, населенное отнюдь не украинцами. Куда, спрашивается, собирався беспокойный «батько» нации девать этих донских казачков? Да еще и вооруженных сплошь новенькими трехлинейными винтовками и шашками? Ведь вряд ли они мечтали добровольно вступить в подданство фантастической Великой Украины киевско-харьковского мечтателя, что и доказали на деле, повоевав в 1918 году с петлюровцами за Донбасс.

Однако такие несуразности Михновского практически не смущали. Мысли его неслись, как скакуны в известном шлягере — целыми эскадронами. В той же «Самостийной Украине» он придумал еще и «Переяславскую конституцию» Богдана Хмельницкого, якобы на полвека опередившую разрекламированную ныне «конституцию» Пилипа Орлика. Правда, текст своей научной «находки» Михновский так и не предъявил. Но это его не беспокоило. Он был из тех людей, которые выдумывают нечто возбуждающее, а потом сами верят в свои фантазии. Множество популярных националистических мифов ведут свое происхождение именно от его крошечной брошюры 1900-го года. При этом, рисуя картины националистического соблазна, Михновский, как и положено настоящему садо-мазохисту, тут же впадал в истерическое самобичевание. «Так, ми не культурні, — в порыве откровенности сознавался он. — Це безперечна правда: наша нація некультурна». Но именно это его и вдохновляло безмерно: «Але в самім факті нашої некультурності знаходимо ми

найліпший, наймогутніший, найінтенсивніший аргумент і підставу до того, щоб політичне визволення нашої нації поставити своїм ідеалом». Именно из прославления варварства Михновским вырос впоследствии интегральный национализм Донцова и Бандеры с его культом вождя, насилия и террора. Так что, в этом он был хоть и не фашистом, но явным предшественником фашизма.

Особенно же адвокат Михновский ненавидел интеллигенцию: «В історії української нації інтелігенція її раз-у-раз грала ганебну й сороміцьку роллю. Зраджувала, ворохобила, інтригувала, але ніколи не служила своєму народові». При этом автор «Самостийной Украины», как видно из его писаний, плохо понимал, что означает само слово «интеллигенция», причисляя к этой категории даже феодальных разбойников XVI–XVII веков — князей Четвертинских, Черторыйских и Вишневецких, предавших, по Михновскому, украинский народ. Интересно, что бы сказал автору этой концепции князь Ярема Вишневецкий, любивший «интеллигентно» сажать своих политических противников — запорожских казаков — на кол?

Николай Михновский принадлежал к тому истеричному типу личностей, которые прячут свою неспособность к созидательной деятельности под громкой фразой. Когда читаешь его «Самостийную Украину», просто в восхищение приходишь от бесстрашия авторской мысли. Но восторг проходит, когда узнаешь, что смелая книжица вышла... без указания имени автора. Михновскому ничего не грозило за ее публикацию. Мало ли какую ерунду печатали за границей во Львове всевозможные «интеллигенты»? Тот же Грушевский. Царскую полицию это абсолютно не беспокоило. Она занималась реальными противниками режима — эсерами и анархистами.

Публикуя анонимно свой «труд», Михновский без отрыва от его сочинения делал совершенно легальную карьеру адвоката в Российской империи. Характерно, что до революции его ни разу не привлекали за политическую деятельность к ответственности. Более того! Первую мировую войну выдающийся «самостийник» провел в глубоком тылу — в Киеве в должности военного прокурора! Один из видных деятелей украинского движения Евгений Чикаленко вспоминал, как в 1916 году Михновский, щеголявший в русской военной форме и раздражавший его своей, как он выразился, «театральностью», набросился на него с упреками, что украинская общественность не созвала в начале войны съезд и не послала «до царя депутації, яка заявила б, що українське громадянство цілком лояльне, що воно стоїть за цілість Росії й зовсім не думає про прилучення України до Австрії, але просить дати українському народові такі права, якими він користується в Австрії». Как утверждал Михновский, «якби це було зроблено, то правительство «не вважало б усіх українців за зрадників». Иными словами, автор «Самостийной Украины» ничем не отличался принципиально от своих нынешних наследников, многие из которых полжизни прожили убежденными борцами с национализмом, а другую половину — провели в поклонении тем божкам, которых сжигали.

Главный труд. 22 страницы без подписи, обеспечившие бессмертие самоубийцы

Увы, и для него украинская независимость была просто навязчивой идеей. Отдаст ей должное в состоянии умоисступления, выплеснет эмоции на бумагу или в лицо знакомым, обзовет их последними словами, а потом тихо ходит на службу в имперское судебное ведомство и на чистом русском языке зарабатывает языком (простите за тавтологию) на новый фрак.

Но для профессионального украинца у Михновского был один существенный недостаток — он постоянно опережал события и говорил сегодня то, что все остальные начнут болтать только завтра. Эту способность забежать вперед, свидетельствующую о некотором умственном превосходстве над серой массой единомышленников, другие профессиональные украинцы и не могли ему простить. На протяжении всего 1917 года киевская Центральная Рада «дружила» с петроградским Временным правительством. А Михновский уже тогда собрался отделяться и мутил воду в частях киевского гарнизона. Поэтому «свои» же Винниченко и Петлюра устроили ему командировку в действующую армию, договорившись об этом с русскими военными властями. «Вони обидва, — жаловался «ссылный», — звернулись до командуючого тоді Київським округом Оберучева, кажучи йому, що, коли він не хоче заколоту в військових сферах, то нехай вишле Міхновського з України, і Оберучев, знісшись з Керенським, перевів мене на Румунський фронт».

Автор такой радикальной «Самостийной Украины» так и не создал собственной политической силы. Вредный характер и некоторые странности психики отпугивали от него потенциальных сторонников. Его Революционная Украинская Партия осталась в основном даже не на бумаге, а в перевозбужденном мозгу ее создателя. Партийные ряды руповцев

ограничивались преимущественно личными друзьями Михновского. Как сказали бы сегодня, это была «виртуальная» партия. Ни царское правительство, ни большевики, ни националисты-конкуренты ее даже не замечали. Вершин в политической биографии Михновского было всего две. Летом 1917 года толпа дезертиров, наслушавшись его речей, объявила себя «полком гетмана Полуботко» и вышла на демонстрацию с лозунгом, на котором белым по красному было написано: «Хай живе Міхновський!». Обрадованный великий политик потом долго надоедал знакомым, рассказывая об этом доказательстве своей популярности.

А второй случай «вознесения» произошел через год. Гетман Скоропадский подбирал кандидатуру для должности премьер-министра. Никто из идейных украинцев не хотел идти к нему на службу — бывший царский генерал раздражал их. Тогда гетман вспомнил о Михновском и приказал привезти его в Киев из родного села, где тот якобы лечился от ревматизма. Но после непродолжительной беседы с отцом украинской самостийности Скоропадский пришел к выводу, что на должность главы правительства тот не тянет, и предложил ему стать просто советником. Михновский же видел себя в истории, как минимум, премьер-министром и начинать государственную службу Украине с более низких постов наотрез отказался. Мол, как можно иначе: я самостийную Украину придумал, а другие ею командовать будут?

Предложение гетмана пионер самостийности гордо отверг и после этого всю гражданскую войну прятался от всех, сбежав на самую границу своей воображаемой державы — на Кубань, откуда в хорошую погоду отчетливо видны те самые Кавказские горы, которыми должна была кончаться Украина Михновского.

Жиланская, 76. Во дворе дома, где повесился Михновский, теперь детская площадка

Рослый, широкоплечий, с пушистыми усами, бодро торчащими в стороны, как у породистого кота, Михновский казался просто созданным для героических подвигов уровня Петра Великого. Но в реальности его преследовали одни неудачи. Даже личная жизнь не сложилась. Женщины боялись хама и не спешили связывать с ним свою судьбу. Ни одна не решилась выйти за него. Он так и остался «самостийником» во всем — одиноким и по большому счету никому, кроме себя, не нужным.

Правда, устроившись после окончания Киевского университета Святого Владимира помощником присяжного поверенного Фурмана, Михновский начал свою юридическую карьеру с того, что соблазнил его супругу. По словам той же Анны Берло, амбициозный юрист завів роман із жінкою свого патрона, підмовив її покинути чоловіка і повіз її до своїх батьків на село». Вероятно, хотел похвастаться своим успехом перед папашей-попом. Номер не удался. Старосветский батюшка не оценил вольнодумство сына, наплевавшего на Божью заповедь № 10, которая запрещала возжелать жену ближнего своего. Да и госпоже Фурман и село, и любовник с замашками просвещенного дикаря скоро надоели. Дамочка вернулась к обманутому супругу, а Михновский, потеряв работу и репутацию, сбежал от позора в Харьков, где его еще не знали.

Там, тоскуя без женского общества, адвокат-беспредельщик с горя подался «в террор». Ему взбрело в голову подорвать памятник Пушкину как символу имперского деспотизма. Подговорил знакомых юнкеров Чугуевского пехотного училища — самого раздолбайского во всей Российской империи! Недоучки взялись за дело, но заложили слишком слабый заряд. Бронзовый Александр Сергеевич устоял назло горе-подрывникам. Слегка повредить удалось только постамент. Да еще пару стекол вылетело в соседних домах.

И так вся жизнь! За что ни возьмется, все валится, горит, разлезается по швам и оборачивается не подвигом, а скандалом. Как будто Бога прогневил впавший в гордыню сын поповский.

Даже повесился Михновский только со второго раза. К пятидесяти годам жизнь ему окончательно осточертела. Уехать с Кубани в эмиграцию не удалось — на белогвардейском пароходе сепаратисту не нашлось места. Да и не ждали его в Европе. Там своих дураков не знали, куда девать. Вроде, и Первую мировую войну устроили, чтобы сократить их поголовье, ухлопали почти десять миллионов человек, а идиоты снова собирались в толпы на улицах Берлина и Рима и ходили колоннами под развевающимися знаменами, выпрашивая у Сатаны нового поводыря.

А дома совершенно другие, глубоко чуждые Михновскому, но, как и он, не чуждые идиотизма люди строили после гражданской войны тоже глубоко враждебную ему Украину — советскую. Несостоявшийся «батько нации» впал в глубочайшую депрессию, с которой и прежде водил дружбу.

Весной 1924 года он вернулся в Киев и остановился у своих друзей Шеметов. А 22 апреля в Чистый Четверг, то есть за три дня до Пасхи предпринял первую попытку повеситься в саду хозяев дома. Веревка оборвалась! Висельник-неудачник только ошарашил хозяйку, зайдя утром на кухню с петлей в руке и детски наивными словами игрока в русскую рулетку: «Выходить, я ще довго буду жити».

«Довго» затянулось почти на две недели — утром 4 мая после очередной депрессии

приятели обнаружили его висящим на яблоне. О том, как потом есть с этого дерева плоды, эгоист-самостийник не подумал.

И последнее. Михновский оставил что-то вроде политического завета — так называемые «Десять заповедей». Десятый пункт их гласил: «Не бери собі дружини з чужинців, бо твої діти будуть тобі ворогами», а четвертый: «Усюди й завсігди уживай української мови». Сам их автор не следовал своим принципам. Супруга присяжного поверенного Алексея Дмитриевича Фурмана, на которой Михновский хотел жениться в бытность юным адвокатом и теоретиком, не имела чести быть украинкой, а на службе в военной прокуратуре ему приходилось не только говорить, но и (страшно подумать!) даже писать на «ворожій мові». И все-таки было бы интересно узнать, на каком языке он разговаривал с бесами, толкнувшими его в петлю?

Страна, выдуманная из Дикого поля

Украина «от гор Карпатских аж по Кавказские» в 1900 году существовала только в воспаленном воображении Николая Михновского. В реальности никто ни тогда, ни ранее, ни даже через двадцать лет не мог с точностью ответить, что такое Украина и каковы ее «естественные» границы.

Этот щекотливый вопрос — один из самых болезненных для украинских националистов. Они изо всех сил пытались доказать, что Украина — древняя страна, поработенная иноземными завоевателями, и что она значительно древнее России. Но факты никак не удавалось подогнать под эту жесткую схему.

Уже после окончания гражданской войны в 1921 г. в Вене вышла тоненькая 30-страничная брошюрка бывшего генерального судьи УНР (титул-то пышный какой!) Сергея Шелухина «Назва України». В ней этот «украинец» с неукраинской фамилией доказывал, что «Назва території Україною не менш стародавня, як назва Руссю. Слово Україна місцевого протонародного походження і в своїй появі зв'язане з територією. Слово Русь невідомого походження»...

Брошюра Сергея Шелухина «Назва України»

Как и Михновский, Шелухин был по образованию юристом. Он окончил тот же юридический факультет императорского университета Св. Владимира в Киеве. Особенность лиц его профессии состоит в том, что во время судебного процесса они должны доказать, что угодно, не останавливаясь ни перед какими подтасовками.

Русский дворянин, бывший судебный следователь, прокурор и член Одесского окружного суда при царе батюшке Сергей Павлович Шелухин сделал до революции куда более успешную карьеру, чем полупомешанный Михновский. Памятников не взрывал — в основном переключившись на бумажки. Но достигнутое его не удовлетворяло. В 1917 году этот протерший штаны 53-летний крючковорец, посадивший немало врагов царя и отечества на нары, подался в революцию — объявил себя «врагом» старого режима, которому чуть ли не с пеленок служил верой и правдой.

Сергей Шелухин

Любая революция рождает таких перевертышей сотнями. Однако Шелухин был оборотнем особого рода. Так как из Одессы до Киева куда ближе, чем до Петрограда, где все теплые места во Временном правительстве были уже заняты (министром юстиции там назначил себя САМ Керенский!), Шелухин выбрал украинский вариант революции. И не прогадал — у Центральной Рады ему удалось выпросить должность министра судебных дел. Был он и тем самым «генеральным судьей» в годы когда суд и расправу чинил всякий, кому в голову взбредет, и членом Государственного Сената при гетмане Скоропадском, и исполняющим обязанности министра юстиции при Петлюре. В общем, занимал множество декоративных, но приятных должностей, главная функция которых состояла в доказывании, что наблюдаемое обывателем беззаконие, в котором кто-то увел лошадей или расстрелял их хозяина, и есть вековечная мечта украинского народа о независимости.

Продолжил свое полезное дело Шелухин и в эмиграции. Так у него и получилось, что Украина — ровесница Руси, а «московська народність утворилася з мішанини Славян з переважаючою кількістю фінських і ураломонгольських племен... В українській народності сих домішок немає».

Конечно, переродившемся в украинца москалю Шелухину было лучше знать, от каких финских и урало-монгольских племен он произошел, но, по логике, выходит, что став украинцем, хитрый юрист тут же внес в эту девственно «чистую» расу свою финско-урало-монгольскую примесь.

Это только доказывает, чего стоят рассуждения, подобные шелухинским, которые призваны обосновать принципиальные («генетические») различия между украинцами и русскими. Если же говорить о примеси к славянской крови монгольской, то среди современных украинцев в массе она явно выше, чем у русских, из-за метисации со степными монголоидными племенами, населявшими большую часть нынешней Украины во времена Киевской Руси. Берендеи, торки, черные клобуки и половцы растворились, в первую очередь,

среди пограничного — «украинного» славянского населения. Казачество, начиная с названия, имело степные корни, а терминология — все эти «атаманы», «коши» и «бунчуки» — явно татарского, тюркоязычного происхождения.

Кстати, первые ниспровергатели украинской идеи прибегали для ее критики к аргументам, аналогичным шелухинскому «расизму». К примеру, А. Царинный (под этим псевдонимом скрывался бывший директор 1-й киевской гимназии Николай Стороженко) в книге «Украинское движение» (Берлин, 1925 г.) писал: «Украинская идея» — это гигантский шаг назад, отступление от русской культуры к тюркскому или берендейскому варварству. В древнерусской летописи часто повторяется о тюркских кочевниках, что они «заратяшися» на Русь, то есть пошли на Русь ратью, войной. Возрождаясь в «украинцах», они опять идут войной на Русь — в области культурной... Все русское для них — предмет глубочайшей ненависти и хамского презрения». Как видим, обе стороны использовали в полемике одинаковые приемы.

Шелухин ошибался, утверждая, что слово «Русь» — «неизвестного происхождения». Впрочем, в его времена это действительно был дискуссионный вопрос. Теперь он окончательно решен. Славянское «Русь» произошло от финского «руотси». Так финны называли дружины норманнов, явившиеся в VIII–IX веках из Скандинавии на южное побережье Балтики. Главным занятием этой скандинавской «руси» была торговля славянскими рабами и пушниной в обмен на арабские серебряные монеты — дирхемы.

Расширяя свое влияние на бассейн Волги и Днепра, первые русы достигли в середине IX века подконтрольного хазарам Киева на пограничье с кочевой тюркоязычной Степью и сделали его своей столицей. Пришлая германская ватага дала свое имя подконтрольным финским и славянским племенам от Балтики до Поднепровья, скрестилась с местными женщинами (расовые предрассудки, в отличие от Шелухина этих добрых молодцев мало заботили) и основали известную нам из средневековых летописей Русь. Скандинавское происхождение Руси доказывается и тем, что даже в современном финском языке Швеция называется «Руотси», тогда как Россия — «Вэнаия» (от слова «венеды», «венды», как называли германцы и финны славян).

Итак, Русь древнее Украины. Слово же «Украина» происходит от древнеславянского «оукраина» — «окраина», «пограничье». Одним словом, это просто окраина Руси — трудноуловимая черта между державным русским порядком и анархическим хаосом Степи. Чтобы образовалась Украина, Русь должна была дойти до границы.

Впервые в летописи это загадочное слово было зафиксировано в 1187 году — по крайней мере, на 300 лет(!) позже, чем Русь: «Разболелся Владимир Глебович недугою тяжкой, от которой и скончался. И принесли его в город Переяславль на носилках, и тут преставился он... и плакали по нему все переяславцы. Ибо он любил дружину, и золота не собирал, добра не жалел, а отдавал дружине... За ним же украина с много потужила»... В оригинале: «за ним же оукраина много постана».

Я намеренно пишу в данном случае «украина» с маленькой буквы. Во-первых, потому что так в летописи. Во-вторых, потому что мы не знаем точно, о чем идет речь, и каковы были размеры этой «украины» — точнее, «оукраины». В-третьих, по той причине, что из отрывка неясно, речь идет о географическом названии или просто о «границе».

Прошу также заметить, что вышеупомянутый текст сохранился только благодаря «клятым москалям», которых так не любят украинские националисты. Ипатьевская летопись, откуда пошел гулять миф об «Украине XII века», получила свое название от

Ипатьевского монастыря под Костромой, библиотеке которой она и принадлежала. Сам же список был сделан примерно в 1420-х гг. Язык его — явно русский, а не украинский.

На географических картах и уже с заглавной буквы как обозначение вполне определенной территории «Украина» появилась только в первой половине XVII столетия! В нижнем правом углу карты Великого княжества Литовского «со многими землями, ему принадлежащими», которая была составлена для князя Николая Радзивилла и вышла в Амстердаме в 1643 г., микроскопическими буквами при впадении речки Рось в Днепр начертано по-латыни: «Ukraina». А на северо-запад от этой надписи, которую нужно рассматривать в лупу, чтобы обратить на нее внимание, куда более крупными литерами красуются привычные названия «Volynia» («Волынь») и «Rusia rubra» («Червонная Русь»).

Это место, где всплыло из тьмы веков название «Ukraina», и есть та самая «граница» между оседлым и кочевым мирами. И в древнерусские времена, и при польском владычестве она проходила как раз по Роси — первой естественной преграде от набегов тюркоязычных племен.

Обратите внимание и на полное название первой карты собственно Украины, составленной, по заданию польского короля, накануне запланированного похода на Крым французским военным инженером Гийомом де Бопланом в 1648 году: «Delineatio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina» («Общее изображение пустынных равнин, в просторечии Украина»).

Delineatio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina

Пустынные равнины на границе с Диким Полем...

Посвящая свою книгу «Описание Украины» наследнику Владислава IV — королю Яну-Казимиру, Боплан писал: «Беру на себя смелость с полной покорностью и глубоким уважением поднести Вашему августейшему величеству описание этого ВЕЛИКОГО ПОГРАНИЧЬЯ — Украины, расположенной между Московией и Трансильванией, которую Ваши предшественники добыли для Вас пятьдесят лет назад, и широкие равнины которой

стали столь же плодородными, сколь пустынными были доселе. Это — новое королевство, которое недавно значительно возросло, благодаря доблести и разумному продвижению великого и несравненного Конецпольского — краковского каштеляна и верховного главнокомандующего Ваших войск».

В обращении к читателям Боплан продолжил: «Наслаждайтесь на досуге плодами моего труда, наблюдая из своих кабинетов эту красивую и редкостную страну, большая часть которой была заселена в мое время».

Итак, страной Украину стали воспринимать только во времена Боплана — в 30-е — 40-е годы XVII столетия. До того — это просто пустыня между оседлым и кочевым мирами, по которой рыскали только отдельные отряды татар и запорожцев. Польская колонизация дала первый толчок освоению этих земель. Но их четко отличали от «старой» Руси. В этом смысле красноречива запись в «Летописи Самовидца» — современника Богдана Хмельницкого: «Не тилко уния у Литви, на Волини, але и на Украини почала гору брати». Львовщина в те времена по-прежнему называется Червонной Русью, Волынь — Волынью, а Северское княжество, то есть Черниговщина, — Северским княжеством. Все это — не Украина, а просто часть Руси, попавшая под власть Польши после Люблинской унии 1569 года. Местное население называют «русинами». И никто еще не слышал этнонима «украинцы», так как и этноса не существовало.

Западных исследователей интересовало тогда не то, кто такие украинцы, а кто такие казаки? Наиболее емкий ответ дал через полвека Вольтер в «Истории Карла XII», назвавшим запорожцев самым странным народом на свете: «Это шайка русских, поляков и татар, исповедывающих нечто вроде христианства и занимающихся разбойничеством; они похожи на флибустьеров».

«Смесь русских, поляков и татар»... Ни о какой расовой чистоте будущей нации не приходится говорить с самого ее зарождения. Ситуация во многом напоминала тот процесс, что в том же XVII веке происходит в Америке. Только там скапливается гремучая смесь англичан, шотландцев и ирландцев. Кроме того, на «украине» Руси нет моря, отделяющего ее от метрополии — к нему еще только предстоит выйти, уничтожив Крымское ханство.

Планы овладения Крымом вынашивал уже Владислав IV, по заданию которого чертил свою карту Боплан. Но горячая «смесь русских, поляков и татар» взорвалась раньше времени — восстанием Богдана Хмельницкого. В результате контроль над Украиной перешел к Российской империи, а осуществить честолюбивые намерения Владислава по завоеванию Крыма смогла только Екатерина Великая — почти через полтора века. Завоеванные территории — нынешние Одесская, Николаевская, Херсонская и Донецкая области получили название Новороссии. Хотя, будь поляки рациональнее, эти земли значительно раньше могли бы стать... Новопольшей.

Владислав IV

Гигантский плавильный котел Российской империи, ее внешнеполитические успехи и та полноправная роль, которую играли в них малороссы, достигая вершин имперской иерархии, не могли не прекратить формирование отдельной нации на территории Украины.

Формула триединого русского народа, придуманная киевлянином Феофаном Прокоповичем, устраивала всех. Как гласил «Учебник географии Российской империи», изданный в Петербурге в 1873 году: «Русские по различию наречий своих разделяются на 1) Великоруссов, 2) Белоруссов и 3) Малоруссов».

До поры до времени это объяснение полностью отвечало реальности. А что тогда называлось Украиной, четко определил Тарас Шевченко. Откройте его повесть «Прогулка с удовольствием и не без морали» и убедитесь: «Могила, или курган, на Волыни и Подолии — большая редкость. По берегам же Днепра, в губерниях Киевской и Полтавской, вы не найдете версты поля, не украшенной высокой могилой, а иногда и десятком могил. И не увидите ни одной развалины... Бедная, малосильная Волынь и Подолия, она сохраняла своих распинателей в неприступных замках и роскошных палатах. А моя прекрасная, могучая, вольнолюбивая Украина туго начиняла своим вольным и вражьим трупом неисчислимые огромные курганы».

Итак, Волынь и Подолия для Шевченко — НЕ УКРАИНА. Украина для него — Киевская и Полтавская губернии — то самое историческое пограничье с Диким Полем. Вот эту Украину он и завещал нам «любить» — без Подолии и Волыни, тем более, без Галичины. Слова же «украинцы» Тарас Григорьевич в своем творчестве ни разу не употребил. Хотя он и знал много «крепких» словечек (и «жид» был в его писательском словаре, и ласковое «жидок», и «москаль»), а этого — не ведал! Не мыслил такой категорией!

Веселые нравы профессиональных украинцев

И не только Шевченко не знал этого слова! Даже значительно позже, уже в начале XX века, подавляющее большинство жителей земель, ставших современной Украиной, тоже никогда в своей жизни не слышали слова «украинцы»! И даже не подозревали о его существовании! Не испытывая по этому поводу, кстати, даже малейшего дискомфорта.

Из коллекции автора. Ухажер дочери Грушевского Александр Севрюк пьет с немецкими и австрийскими дипломатами после заключения Брестского мира, «продав» им Украину

Его не знали те наши прадеды, что жили восточнее речки Збруч и являлись подданными Российской империи. Но и тем, что благоденствовали западнее Збруча в подданстве «доброго цисаря» Австро-Венгрии Франца Иосифа, сие великое слово тоже было неведомо. «Почуваю себе русином», — признался простодушно в начале XX века в статье «Дещо про самого себе» Иван Франко. И никто даже не плюнул в его сторону!

В мемуарах печально петлюровского генерала Юрка Тютюнника есть прекомичнейший эпизод, как в 1917 году он решил сформировать «сознательную» украинскую часть. Для этого в рамках политики украинизации, которую проводили Временное правительство и Центральная Рада, подобрали призывников из Полтавской, Киевской, Черниговской, Волынской, Холмской, Подольской, Херсонской, Екатеринославской и Харьковской губерний. В общем, со всей Украины.

Цитирую дословно:

«Прибуло щось до семи тисяч. Відкриваючи віче, я запропонував:

— Хто поміж вами українці, піднесіть руку догори!.

Піднеслося не більше трьохсот рук.

— Малороси! Піднесіть руки!

Піднесло руки коло половини присутніх.

— *Хахли! Піднесіть руки!*

Знов піднесла руки добра третина.

— *Українці, малороси і хахли! Всі разом піднесіть руки!*

Понад головами кількатисячної юрби піднісся ліс рук».

Итак, из 7 тысяч человек, прибывших украинизироваться (это очень приличная социологическая выборка!) в 1917 году самоидентифицировали себя украинцами всего триста! Жалкие 4,28 процента! Остальные считали себя хохлами, малороссами — кем угодно, но не украинцами. Это и есть реальная картина того, что у нас называют национальной сознательностью масс.

Свидетельство Тютюнника поистине бесценно. Это пишет знаменитый генерал-хорунжий УНР, расстрелянный в 1930 году ГПУ. Его воспоминания о делах бурной молодости вышли за границы. В отличие от нынешних политиков и «науковців», он действительно воевал за идеал Украины оружием, а не языком. Поэтому его словам я верю. Они передают впечатляющую картинку состояния человеческого материала («биомассы», по знаменитому выражению), из которого профессиональные украинцы сто лет назад принялись лепить новую нацию.

Возможно, кого-то удивит словосочетание «профессиональный украинец». Но оно абсолютно адекватно характеризует ту маленькую группу интеллектуалов, которые решили воплотить в действительность новый политический проект — пересадить его из теплицы собственных умственных конструкций на чернозем расплывчатого географического понятия, каким была тогда Украина.

Профессиональным украинцем был Симон Петлюра, живший до Первой мировой войны за счет издания в Москве русскоязычного журнала «Украинская жизнь». (Журнал, кстати, расхвалился очень туго — количество подписчиков постоянно падало). Таким же «профессионалом» украинского дела был и Михаил Грушевский, собиравший гранты на НТШ («Наукове товариство ім. Шевченка») во Львове, с чего и процветал, строя дома на территории Киева и оставаясь «верноподданным» Российской империи.

То, что империя развалится, он не подозревал. Не было у него дара исторического пророчества — иначе не построил бы еще и «виллу» во Львове — за линией будущего фронта мировой бойни.

В мемуарах известного украинского деятеля Евгения Чикаленко — издателя и редактора газеты «Рада» — есть эпизод, как он посоветовал в 1913 году Грушевскому после жуткого финансового скандала во Львове (местные «пьемонтцы» обвинили его в разворовывании «партийной кассы») вернуться в Киев. А тот обиженно ответил, что еще не выслужил австрийскую пенсию во Львовском университете и не так богат, чтобы ею пренебрегать. Цитирую тоже дословно:

— Але ж мені, каже Грушевський, лишається тільки трохи прослужити до половинної пенсії (емеритури) урядової.

— Та хіба ви, кажу, — не обійдетесь без тої пенсії? Ви ж людина, слава Богу, заможна, я б на вашому місці покинув ту пенсію і навіть більше: я б подарував якійсь інституції і віллу у Львові, щоб галичани не мали приводу закидати вам користолюбіє і говорити, що ви наживалися з Наукового товариства, як вони це говорять тепер, і навіть написали в тій анонімній брошурі, що ви свою велику «Історію України» друкували на кошті товариства.

Евгений Чикаленко безуспешно убеждал Грушевского отказаться от австрийской пенсии

Грушевський, страшенно почервонівши, відповів на це: — Не такий-то вже я й заможний, щоб зрікатись пенсії та ще й дарувати свою віллу».

«Очевидно, не стало в нього духу зробити величний жест», — завершає своє повествовання Чикаленко.

В отличие от паталогически жадного Грушевского, Чикаленко такие жесты делал постоянно. И он, и Грушевский были детьми богатых родителей. Но наследством, полученным от отцов, распорядились по-разному. Богатейший потомственный дворянин Чикаленко (владелец поместья в Херсонской губернии, которое он сдавал в аренду, чтобы не заниматься делами самому, яхты на Днепре, дома в Киеве и дачи в Крыму; избыток доходов тратил на «українську справу», как другие на дорогую любовницу. Это спасало его от скуки. Он был из плеяды последних украинцев-любителей — персонажем уходящего панского сословия. Вроде тех панов, которые за полвека до описываемых событий спонсировали Шевченко, выпуская за свой счет его «Кобзарь».

Чикаленко точно так же выделял деньги на одну из первых украиноязычных газет «Рада» редактором которой и являлся. Газета выходила себе в убыток, но ее редактор-издатель регулярно покрывал дефицит из собственного бездонного кармана. Себя он считал очень важной персоной — воспитателем украинцев. Но впоследствии не испытывал особого счастья, наблюдая за результатами своего педагогического эксперимента. В 1921 году уже в эмиграции он писал своему приятелю из Вены не без юмора: «Бачив масу українців, і багато між ними “гадких утьонков”, що я висидів в “Раді” і за діяння яких тепер доводиться червоніти».

Под «гадкими утьонками» он подразумевал тех деятелей УНР, которые с таким блеском провалили замечательную идею, выношенную Чикаленко, и вместе с ним оказались за границей, не выдержав конкуренции с другими экспериментальными проектами — большевистской красной Россией и ее дочерью УССР.

В непосредственной бюрократически-боевой деятельности по созданию новой державы Чикаленко никогда не участвовал. Он не побывал не только министром у Скоропадского или Петлюры, но даже и рядовым членом Центральной Рады. Не барское, знаете ли, дело. Российский монархизм, который исповедовали его предки, когда накапливали свои богатства, в нем причудливо мутировал в таком же монархизм, только прозападный. До конца жизни он грезил прекрасным принцем из австрийских Габсбургов или германских Гогенцоллернов, который сядет на украинский престол. Ждал во время Первой мировой войны немцев как избавителей! Буквально готов был распластаться перед ними. Дочь Чикаленко вспоминала, что когда немцы заняли в 1918 году Киев и один из офицеров оккупационной армии зашел к ним в дом, «батько з серцем устав і сказав уже по-українськи, не пробуючи боротися з труднощами німецької мови: “Краще я буду німецьким наймитом, ніж братом москалів! Переклади йому це”. И добавил уже по-немецки: «Вы сделали из поляка европейца!»

Первый премьер-министр УНР Владимир Винниченко: «Может, немцы зроблять з України окрему державу, як це планував Бісмарк»

Профессиональные украинцы начала XX века были настроены антирусски и, следовательно, прогермански. В этом смысле мемуары Чикаленко — очень показательный документ. Всех деятелей «національного відродження» их автор знал, со всеми общался, все они вылупились, по его мнению, в его гнезде из тех яиц, которые он же и отложил. Можно сказать, целую Украину высидел дедушка! Памятник бы ему за это — прямо верхом на лукошке с горой яиц!

И вот начинается Первая мировая война. Подданный Российской империи Чикаленко приезжает в Москву, чтобы найти еще одного такого же подданного — будущего первого премьер-министра украинского правительства Владимира Винниченко. Тот — мужчина в полном расцвете сил, прославившийся до войны своими полупорнографическими литературными произведениями — не в армии, как можно было бы предположить, а в

санатории — «закошил».

«Винниченка я застав у санаторії, — пише Чикаленко, — як завжди, жвавого, повного енергії та надії на те, що німці вщент розіб'ють Росію і, може, зроблять з України окрему державу, як це планував, як кажуть, ще Бісмарк. Ми пробалакали майже цілу ніч».

Но разбить Россию оказалось не так-то легко, как думали друзья. Она упорно сопротивлялась, воюя одновременно против Германии, Австро-Венгрии и Турции, и даже однажды осмелилась потребовать у помещика Чикаленко как своего верноподданного лошадей для нужд армии. Помещик обиделся. Ему было жаль лошадей. Особенно племенных жеребцов. Чикаленко ответил уряднику, что обычных лошадей, так уж и быть, даст, а жеребцов и кобыл, предназначенных на расплод, все равно оставит, поскольку имеет от министерства «свідощтво, що вони не підлягають військовій службі». Урядник пытался воззвать к его патриотизму и даже заявил, что соседи-помещики уже заплатили свой «долг» государю императору конским составом. Но Чикаленко уперся — жаль лошадей и все! И в сердцах поплакался приехавшему к нему в гости после санатория московскому другу: «Коли Винниченко почув оце, то радив мені ліпше отруїти тих жеребців, ніж давати їх до війська; жеребців і кобил я таки не дав, і в мене забрали лише робочих коней».

К слову сказать, очень скоро в революционные дни вся эта конюшня все равно пропала. Царское государство, защищавшее дворянина-фантазера Чикаленко, исчезло, а мужички, плохо понимавшие его новаторские идеи «розбудови нації», просто увели племенных жеребцов и кобыл с барского двора, запрягли в тачанки и подались в махновцы.

Выбор политической ориентации первыми профессиональными украинцами часто зависел от причин, которые читателю бы даже в голову не пришли. К примеру, в 1917 году всеобщее удивление вызвало то, что председатель Центральной Рады Грушевский объявил себя социалистом, примкнув к партии украинских эсеров. Понятное дело, Винниченко или Петлюра — люди без собственности, типичные представители творческой интеллигенции. Им только в социалисты и податься! Куда же еще? А Грушевский — почтенный домовладелец, построивший перед самой войной многоэтажный доходный дом на Паньковской и лупивший три шкуры с жильцов — типичный буржуй. Его-то как к голозадой эсеровской молодежи занесло? А отгадка, оказывается, проста.

«Грушевський спитав мене, як я думаю — чи безпечно тепер робити купчу на землю, яку він сторгував, щоб мати самостійний ценз по повіту до Державної Думи, щось коло 100 десятин. На це я відповів йому: «На мою думку, не варто купувати землі, бо Установчі збори, на яких переважатимуть селяни, певне, реквізують поміщицькі землі за ціну дешевшу, як ви за неї заплатите». Так він землі і не купив».

Профессиональный украинец Грушевский

Открываем те же мемуары Чикаленко. Весна 1917-го. Грушевский только-только приехал из Москвы в Киев, чтобы приступить к работе в Центральной Раде, но желает избраться еще и в общероссийскую Государственную Думу. Для этого, по закону, нужен имущественный ценз.

Желание получить землю на шару и толкнуло Михаила Сергеевича в объятия украинских эсеров. К тому же и жених дочери Александр Севрюк оказался из этой партии. В результате весь Киев удивлялся, почему вслед за Винниченко должность украинского премьера получил никому не ведомый «киндерсюрприз» эсер Голубович, а послом в Германию отправился тот же Севрюк. А виноваты были всего лишь дочь на выданье да не купленная по жадности земля.

Вильгельм II и Франц Иосиф. Винниченко желал победы Берлину и Вене, но высокие гонорары предпочитал получать в ненавистной Москве

Сразу после того, как Грушевский перешел покупать землю, на заседании Общества помощи украинской литературе, науке и искусству (в оригинале: «Товариству підпомоги українській літературі, науці і штуці») решили сброситься по пять тысяч рублей на газету «Рада», в очередной раз находившуюся на грани банкротства. Дали почти все, кроме известного композитора Николая Леонтовича, отличавшегося прижимистостью, и все того же бородатого господина, который сидит теперь в виде памятника в Киеве под Домом учителя — Грушевского. По словам Чикаленко: «Грушевський сказав, що у нього немає грошей; я ж не мав сміливості сказати йому, що він же роздумав купувати маєток, то гроші zostалися вільні».

Как и кони Чикаленко, денежки Грушевского тоже пропали — во время революции их съела инфляция.

Сгорело все! В 1918 году огонь сожрал дом Грушевского, а инфляция — спрятанные от друзей деньги

Самым веселым и противоречивым персонажем из компании профессиональных украинцев был все тот же «конский палач» Владимир Винниченко. В 1910 г. он издал в сборнике «Земля» в Москве повесть «Честность с собою». Причем на русском языке. Завистливые коллеги по профукраинству стали упрекать автора: почему, мол, не на будущей державной мове? В письме в газету «Рада» Винниченко оправдывался, что сначала написал повесть по-украински и даже послал ее в Литературно-научный вестник во Львов, который редактировал Грушевский. Но Вестник отказался печатать произведение Винниченко, «бо передплатники і так докоряють редакції, що вона містить аморальні твори».

Герои повести были списаны с молодого Петлюры, еще одного украинского деятеля — Порша, а также самого автора и живо обрисовывали их сексуальные нравы. «Господи! — восклицал Чикаленко. — До чого може дописатися людина! Всі жінки в повісті тільки й

думають, тільки й роблять, що віддаються любимим і нелюбимим і просто навіть незнайомим молодим і здоровим мужчинам у номерах... Всі жінки в повісті Винниченка рвуться «до бугая». И добавил, что, прожив полвека на свете, таких людей и не видел. А Грушевский заметил, что повесть написана только одним органом и просил сменить тему, «бо прочія часті тіла ображаються».

Тем не менее за этот шедевр по половому, а не национальному вопросу в России Винниченко отвесили целых 2500 рублей — в четыре раза больше, чем он получил бы во Львове в Литературно-научном вестнике. Так, по крайней мере, уверял всеведающий Чикаленко. И будущий премьер-министр независимой Украины не выдержал — продал «москалям» свои эротические фантазии. А если бы накинули еще пару гривенников с царскими орлами, то Винниченко в голом виде станцевал бы гопак прямо на Красной площади!

Леся из пробирки

Справедливости ради, скажем, что первую украинку удалось вывести раньше, чем первого украинца. Ее так и называли — Леся Украинка. Хотя это было ее ненастоящее имя. В детстве у нее были другие выходные данные» — Лариса Петровна Косач. Превращение шло поэтапно. Сначала удалось изменить имя. И только по мере обретения новой этнической идентичности — еще и фамилию.

Главную роль в этой искусственной мутации сыграла мать подопытного крольчонка — Ольга Драгоманова, малоизвестная детская писательница, сочинявшая под псевдонимом Олена Пчилка. По происхождению род матери был греческим. Драгоман — кличка пращура Леси-Ларисы, приблудившегося, как гласила семейная легенда, к войску Богдана Хмельницкого и подрабатывавшего при безграмотных казаках переводчиком драгоманом. Со временем его профессия стала кличкой, а потом и фамилией. Окончание «ов» свидетельствовало о пророссийских симпатиях рода — при Екатерине Второй прапрадед Леси Стефан Драгоманов, еще писавший свою фамилию греческими буквами, получил, как и большая часть малороссийской старшины, дворянство от имперского правительства.

Ольга Драгоманова

Стефан Драгоманов удачно женился на дочери гадячского казачьего старшины — Колодяженского и приобрел, благодаря удачному вложению своего мужского естества, отличный дом в Гадяче (теперь — райцентр Полтавской области) и усадьбу под ним в селе Монастырские Будищи. Наличие крепкой экономической базы, основанной на труде крестьян, позволило впоследствии Драгомановым, как и многим русским дворянам XIX века, «дурковать» в свое удовольствие, не слишком заботясь о карьере. Так в лоно этой семьи проникли «прогрессивные» идеи.

Брат деда по материнской линии прапорщик Яков Драгоманов, не зная, чем себя занять, подался в «декабристы». Правда, до Сенатской площади не дошел — сказался больным, но, по решению следственной комиссии, был переведен из Петербурга в

Староингерманландский полк без лишения офицерского чина — «под строгий надзор полкового, бригадного и дивизионного начальства». Под «строгим надзором» он пописывал стихи, которые публиковал в петербургских журналах. Естественно, о родных местах, но на русском языке:

*Кипит и пенится великолепный Псел,
Как мило вы над ним дремучие дубравы,
Склонились с берегов! Но волны величавы,
Оставляя вашу сень, плывут в зеленый дол...*

В общем графоманствовал понемногу — большого литературного таланта внучке не оставил.

По мужской линии предки Леси Украинки происходили из коронной шляхты Речи Посполитой — правда, православной. Некий Петр Косач служил королю Яну Собесскому и участвовал в битве под Хотинном в 1673 году. Со временем Косачи осели на Черниговщине — в Мглине (ныне Брянская область Российской Федерации) и влились в состав казачьей старшины. Это удивительные места. Ни Россия, ни Украина — с переходными говорами, представляющими смесь двух языков. Во времена Гетманщины — сотенное казачье местечко. Потом — уездный город Черниговской губернии.

В историю русской культуры Мглин вошел благодаря стихам, написанным Алексеем Константиновичем Толстым, в ответ на эпиграмму Пушкина. Как-то Пушкин обмолвился:

*Есть в России город Луга
Петербургского округа.
Хуже б не было сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего.*

Помещик Мглинского уезда из села Красный Рог Алексей Толстой — великий остроумец и один из создателей Козьмы Пруткова — добавил к этим бессмертным строкам не менее хлесткое четверостишие:

*Город есть ещё один,
Называется он Мглин,
Мил евреям и коровам,
Стоит Луги с Новоржевом.*

Как видим, из одного и того же уезда и сословия — российского дворянства — могли происходить выдающийся русский поэт Алексей Толстой и никому неизвестный папа украинской поэтессы — Петр Косач. Так случается! Причем, по маминой линии Алексей Толстой был прямым потомком гетмана Разумовского. Вот как, оказывается, все переплелось! А нам хотят доказать, что украинцы — это одно, а русские — совсем другое.

Как будто это мухи и котлеты!

У папы будущей Леси Украинки было одно лично мне симпатичное качество — он любил делать детей. Почувшись недолго в Петербургском университете и поучаствовав там в каких-то студенческих «брожениях» в 1861 г., Петя Косач перевелся в Киевский университет Св. Владимира, по окончании которого был причислен к министерству юстиции. Заблуждения молодости на его служебной карьере никак не сказались — сразу же после получения диплома молодой человек поступил на службу в Киевскую палату уголовного суда и защитил диссертацию кандидата законовещения. А в 1866 году — всего в 25 лет — получил теплое место председателя Новоград-Волынского собрания мировых посредников.

Петр Косач

Как выгодный жених, к тому же имевший явную предрасположенность к вступлению в брак, молодой судейский чиновник легко добился руки Ольги Драгомановой — сестры своего университетского приятеля. Темпераментная и честолюбивая Ольга мечтала стать известной писательницей, но коварный юрист не давал ей сублимировать — стоило ей присесть к письменному столу, как молодой человек увлекал любимую жену в постель и принуждал выполнять супружеские обязанности. Вскоре после свадьбы родился первенец — Михаил. А всего через год — Лариса (будущая Лесья). Неугомонный председатель собрания мировых посредников ликовал и жаждал немедленно приступить к созданию третьего ребенка — мол, вся Европа переживает бэйби-бум и мы должны не отставать! Такое страстное желание плодиться и размножаться повергло Ольгу Драгоманову в шок, и она сбежала от ненасытного мужа за границу — под благовидным предлогом поправления здоровья после тяжелых родов.

Но чадолюбивый юрист и тут проявил себя с лучшей стороны! Как пишет официальный биограф Леси Украинки Анатолий Костенко: «Петр Антонович взял отпуск и, советуясь с врачами, сам выхаживал дочь при помощи искусственного питания, которое по тем

временам было делом новым и непривычным». Конечно, проще было взять обычную кормилицу. Искусственное питание не прибавило здоровья маленькой Ларисе, как не прибавляет никому и сегодня. Старорежимная сиська — и теперь надежнее! Ничего лучше наука так и не придумала для возвращения здорового потомства. Но не будем забывать — это была передовая семья, стремившаяся экспериментировать даже на собственных детях. К тому же, г-н Косач побаивался ревнивой супруги. А вдруг, вернувшись с курорта, приревнует?

Подкармливая дочь из бутылочки, как медвежонка, папа «в декрете» (неслыханное дело для того времени!) дождался возвращения супруги и тут же сделал ей еще одну девочку. В честь мамы малышку назвали Ольгой. А потом (чего останавливаться на достигнутом!) добавил к выводку своих детей Оксану, Исидору и Николая! Это был настоящий сексуальный гигант! Просто племенной бугай, а не председатель суда, предназначенного для рассмотрения по ускоренной процедуре мелких уголовных дел. Хотя, может, эта «ускоренная процедура», оставлявшая много свободного времени для личной жизни, и была виновата в такой сексуальной активности?

Как бы то ни было, искусственное питание вошло в жизнь будущей поэтессы буквально с пеленок — сначала в прямом, а потом и в идейном смысле. Ее молодая мать, не имея возможности развивать собственный талант, решила сделать знаменитыми писателями своих детей и принялась бурно воспитывать их в псевдонародном стиле. Маленьких Михася и Лосю (так первоначально ласкательно называли в семье еще не переименованную Лесю) одевали в мужицкие костюмчики, стремились оградить от русскоязычной среды и таскали по глухим селам Новоград-Волынского уезда на свадьбы и языческие игрища.

С переодеванием (правда, ткани выбирали дороже, чем у крестьян, сохраняя только фольклорный стиль кроя) все шло по коварному материнскому плану. Во время приездов в Киев ряженные братик и сестричка запомнились своим ровесникам из интеллигентных семей именно диким «туземным» дизайном прикида. «Михаил в серой чумарке, — вспоминала Л. Старицкая, — Леся — в вышитой рубахе, белые волосы аккуратно собраны и перевязаны ленточкой. Уже тогда Леся имела болезненный вид, была тихой, стеснительной».

Хуже обстояло дело с изоляцией от литературного русского языка. Пока сидели в деревне под Новоград-Волынским, оборону более-менее удавалось держать, как в схроне. Но стоило выехать в город или пригласить в гости кого-нибудь из родственников (а они, как на грех, в отличие от помешавшейся на идее тотальной украинизации, Ольги Драгомановой не желали забывать родной русский язык — особенно сестры Петра Антоновича Косача), и вся «чистота эксперимента» шла насмарку. Бациллы великого и могучего языка Пушкина и Толстого проникали в неокрепшее сознание маленькой Ларисы и шептали: «Ты Лося, а не Леся — помни!».

Письма Ларисы Косач к бабушке показывают, что в детстве она разговаривала на суржике. Папу называла «папой», а не «татом», бабушку — «бабушкой», а не «бабуней», письмо — «письмом», а не «листом». Где тут, скажите, украинский язык?

Тринадцатилетняя Леся пишет бабушке в Гадяч из Колодяжного на Волыни 14 мая 1884 г.: «Милая бабушка, дуже мені неприємно, що папа Вам написав, що він нас приганяє писати, чого ніколи не буває, і хоч я, може, нечасто пишу до Вас, но зато завжди з охотою і приємністю... Нам тепер багацько роботи, бо ми насадили садок... Ми насіяли багацько цвітів, котрі теж треба поливати... Вчора ми получили ваше письмо. Вчора були Тамарині іменини, і папа їй подарив повозочку з лопаткою... Вона дуже багацько говорить і все рисує

щось... Прощайте, милая бабушка, цілую Вас... Ваша Леся».

К этому времени Лося уже была переименована в Лесю. Это произошло еще в 1876 году. «Мене презвали на Лесю», — сообщила наша вундеркиндка в письме из Новоград-Волынского маминим родственникам Драгомановым. Но процесс переименования детей в семье продолжался — украинизационный маразм Ольги Петровны крепчал, и конца ему не было видно! Упомянутая в письме к бабушке сестричка Тамара, которой подарили на именины «повозочку» — это не еще один неучтенный ребенок в семье неутомимого производителя пана Косача, а уже упомянутая мною выше Оксана. Подумав, мама решила возвысить ее из лермонтовских Тамар в шевченковские Оксаны! Во имя все той же украинской народности и борьбы с «москальськими впливами».

Лариса Косач

«Милая бабушка, — докладывает Леся Е. И. Драгомановой в Гадяч 9 июня 1884 г. — Вчора охрестили Тамару, впрочім, вона тепер вже не Тамара, а Оксана, бо мама перемінила їй ім'я».

Такие вот дела! Легли спать вечером, была сестричка Тамара. Проснулись — нет ее. Мама «съела». Вместо нее — Оксаночка. Любите теперь эту. А будете плохо вести, и вас переименуем.

Еще хорошо, что пани Косач мальчиков не переодевала в девочек, и наоборот. А то есть мамы, которые и такими фокусами балуются. Причем, даже в наши дни. Но определенная «акцентуированность» психики Ольги Петровны налицо. Это была еще та «пчилка». Пчелы и осы целыми роями гудели у нее в голове!

В Киеве — городе многонациональном и терпимом — супругу председателя Новоград-Волынского собрания мировых посредников воспринимали если не как городскую сумасшедшую, то, как минимум, бабу со странностями. Она люто ненавидела Марко Вовчок, считая, что та похитила ее литературную славу. Ольга Петровна называла ее «нахабною кацапкою, що вкрала українську личину».

Особенно было смешно слышать такие формулировки от дамы, чьи предки — греческие эмигранты — имели к Украине еще меньшее отношение, чем Маша Вилинская, вышедшая замуж за малороссийского помещика Марковича и взявшая для своих дамских литературных делишек украинский псевдоним. Ведь о происхождении Драгомановых и их умении приспособливаться к «проклятому» царскому режиму все хорошо помнили.

Но Ольга Петровна не унималась. То, что лучшей малороссийской писательницей общество признало «москальку», ранило ее до глубины души. «Яке то було колись неславне для української мови і літератури переконавання, возмуцалась мама Леси Українки, — що нібито якась перша-ліпша кацапка, зроду не чувши української мови, ледве захотіла, у два дні перейняла мову зо всіма найтонкішими її властивостями... Далєбі це зневажало українську мову; що ж то за така осібна характерна мова й письменність, що всякий чужосторонець возьме й зараз писатиме, та ще як досконало».

Мол, мы тут надрываемся — учим Лесю, учим, переименовываем ее, изолируем от «вредных» влияний, а никто не хочет читать ее «шедевры». Да и Олену Пчилку не читают! Восхваляют по-прежнему какую-то «кацапку», в два счета доказавшую своим творчеством, что любой москаль может стать украинским «классиком»!

Не меньшее раздражение мамы будущей поэтессы вызывали и евреи — «жиды», как она их всегда называла. «І охота вам возиться з жидами!» — упрекнула как-то Лариса Косач секретаря первой киевской украиноязычной газеты «Рада» Василия Королева-Старого году эдак в 1907-м. К тому времени ее дочь уже стала широко известной в узких кругах украинской драматургиней. — Та ж і ви, Ольго Петрівно, їх не бойкотуєте, — парировал журналист и тут же намекнул на темы некоторых произведений ее дочери. — Та й ось і Лариса Петрівна все пише про жидів. Чом же ви їй не дорікаєте?» «Лєся пише тільки про мертвих, — ужалила в ответ Пчилка. — Я теж проти жидів мертвих та ще й таких, що померли перед двома тисячами років, нічого не маю».

Маленькую Лосю, превращенную в Лесю, и ее братика в чумарке, по решению Ольги Драгомановой, воспитывали дома. Науки, естественно, кроме запрещенного русского языка, им преподавали специально приглашенные учителя. «Было решено, — писал биограф Леси Украинки Анатолий Костенко, — в школу детей не посылать, чтобы не подвергать опасности нежелательного общения с детьми из богатых и дворянских семейств и, таким образом, избежать отрицательного влияния. Этот факт, естественно, удивлял окружающих».

Но выдержать драконовскую систему на практике до конца не удалось. Для женщин высшее и даже среднее образование в те времена не считалось обязательным. Девушки из приличных семей оканчивали гимназию или Институт благородных девиц. Некоторые учились потом на высших женских курсах. Крестьянка считалась вполне «образованной» и без умения читать. Но мужчины должны были работать и содержать семью, как содержал свою супругу с психическими странностями и выводком детей Петр Антонович Косач. Образованному человеку найти приличную работу проще, чем малограмотному. Поэтому старшего брата Леси Михаила Косача, в конце концов, эта семейка, слегка одичавшая в вольнском селе, отдала в русскоязычную гимназию в Холме, где он прошел полный курс обучения, после чего поступил в университет.

А строго украинскому воспитанию Леси неожиданно помогла... болезнь. Туберкулез костей, который она подцепила, промочив ноги на празднике Крещения (ох, уж это «народное» воспитание панской дытыны!) навсегда исключил для нее возможность обучения вне дома. Отныне политика домашней украинизации Ольги Драгомановой обрела

себе надежнейшего союзника в лице... палочки Коха, в конце концов, уничтожившей ее нежеланную дочь. Увы, так бывает. Подсознательным нежеланием рожать и нянчить этого «лишнего» ребенка (какая любящая мать сбежит от новорожденного младенца ЗА ГРАНИЦУ?!) Ольга Петровна УБИВАЛА маленькую Ларису Косач, и по мере превращения ее в труп делала из нее Лесю Украинку.

Страшно?! Мне самому не по себе. Думаете, я ожидал таких выводов? Но в этой вроде бы рядовой чиновничьей малороссийской семье происходила воистину античная трагедия скрытой нелюбви друг к другу. Причина? О, тут у меня тоже есть версия. Кто-нибудь помнит, как возник псевдоним Леси — «Украинка»? Может быть, кто-то его использовал до того, как он могильным камнем лег на хрупкие плечики этой съеденной чахоткой белоголовой девочки?

Да, его трепали на страницах изданий и до Леси. В мужском варианте — «Украинец» — этот ярлык использовал великий богоненавистник Михаил Драгоманов — старший брат Ольги Петровны Косач. Так этот один из первых социалистов «на теренах» Украины подписывал свои крамольные статьи на политические темы, когда не хотел быть узнанным. Псевдоним дяди достался Ларисе не по доброй воле. Его выбрала не она, а, как обычно, мама. В 1884 году, когда девочке было только тринадцать, она по знакомству, как это почти всегда и делается в подобных случаях, поместила стихотворение дочери во львовском журнале «Заря». Для подписи был выбран вариант тайного имени брата — Лесья Украинка.

Смею предположить, Ольга Петровна не любила своего мужа, зато испытывала тайное противоестественное обожание к своему родному брату — была влюблена к него. Это же чувство восхищения Михаилом Драгомановым вместе с некоторым пренебрежением к «заурядному» отцу передалось, если верить биографам, и новоспеченной Лесе.

Михаил Драгоманов

Михаил Петрович был мелкий бес. Но вредный. Из тех, кого называют отравителями детских душ. Лесе запомнился эпизод из раннего детства. С братом и родителями она

приехала в Киев к дяде — тогда доценту университета. Все вместе пошли к друзьям Житецким. Маленький Гнатко Житецкий, качаясь на качелях, распевал слова только что выученной молитвы: «Чаю воскресения мертвых»... Проходивший мимо Михаил Драгоманов тут же одернул его: «Если хочешь чаю, пошел бы в дом и попросил у матери!»

Неизвестно, подействовала ли эта издевка на Гнатка. Но на Лесю — подействовала! Она стала атеисткой. Как и любимый дядя. Каким цинизмом нужно обладать, чтобы убивать веру в неокрепшей детской душе, насмехаясь над словами важнейшей для христианина молитвы — над «Символом Веры» — над надеждой воскреснуть из мертвых, которой, может, только и держатся рабы Божьи в царстве Князя Мира сего!

Вот ведь как бывает! «Стрелял» по сыну друга, а «попал» в племянницу.

Слезы капают на мой письменный стол, когда я пишу эти строки. Потому что я помню, как в тяжелую черную минуту, ночью, повторял слова этой молитвы вслед за женой, державшей мою руку, и нам обоим становилось легче, тьма отступала, и я засыпал, успокаиваясь. «Чаю воскресения мертвых» — это вам не чаю попросить... Даже с коньяком и лимоном.

Пытаясь читать произведения Леси Украинки, я все время ловил себя на мысли, что им чего-то не хватает. Вроде бы, все на месте — и слова, и ритмы. а «не берет! Все плоско, надуманно, из головы. Только «Лесная песня» живая — крик Лесино подсознания, навеянным детскими посещениями крестьянских праздников на Волыни и постоянной нехваткой мужчины. Недаром она ассоциировала себя с мавкой — беспомощным мелким чертеняком. Я долго не мог понять, чего же мне в ней недостает — то, что я находил в Пушкине. Лермонтове, Толстом, Достоевском, Гоголе? И вдруг понял — не хватает духовного опыта, искренности, открытости — попросту говоря, Бога, пронизывающего теплыми лучами творчество любого своего посланника.

А у Леси над всем царил хозяин смерти — Каменный господин, забирающий Дон Гуана и «Тот, кто в скале сидит», уволакивающий мавку в финале «Лесной песни». Сатана.

Эксперимент, вдохновленный им, удался.

Ольга Петровна получила свою Украинку. Но мертвую. В виде памятника.

Была ли Лесья Украинка лесбиянкой?

Первым заметил неладное Иван Франко. Сделав немало для превращения Леси в национально-литературную «святую», он, по-видимому, подозревал, что, на самом деле, имеет дело со «святым». «Мимоволі думаєш, що ся хора, слабосильна дівчина — трохи чи не одинокий мужчина на всю новочасну соборну Україну», — утверждал он в статье 1898 года, поставив Лесю в один ряд с Шевченко.

Лесья Українка

Фрейдистом Франко не был. И не мог быть. Первая работа «венского шамана» по психоанализу появится только через два года. Но дух времени уже носился в воздухе, и будущий украинский классик, шагая в ногу с эпохой и даже чуть-чуть обгоняя ее, уже чувствовал, что под длинной юбкой скрывается не только Лесья, но и некоторым образом... Олесь. Фразу по поводу мужских качеств Леси Украинки он ввернул настолько многозначительную, что начинаешь сомневаться в мужественности самого Каменяра: «Чи не одинокий мужчина»... А ты же кто тогда — обладатель псевдомопассановских усищ, строгавший детей, как матрешек?

Впрочем, о Франко и его загадочной сексуальности чуть позже. Давайте закончим разговор о нашей «мужчине» в юбке.

В 1997 году, публикуя в «Киевских Ведомостях» статью «Была ли Лесья Украинка лесбиянкой?», я даже не предполагал, какой скандал получится. «Сразу оговорюсь, — писал я тогда, — что рассматриваю свою роль исключительно как популяризаторскую. Большинство фактов, о которых пойдет речь, хорошо известно. Правда, только немногочисленным знатокам. В «своем» академическом кругу их обсуждают, опровергают и смакуют, но наружу из кипящего котла вырвались пока только две тоненькие струйки пара».

Первой струйкой пара стала статья Юрия Ключа «Либи́до поэтессы», напечатанная в 1995 году в журнале «Лель». До тех пор семья Лесиных родителей считалась, как трубили

официальные биографии, «на редкость дружной». Автор, скрывшийся под псевдонимом Ключ, опроверг это. По свидетельству современников, несчастный папа Косач был подкаблучником — он добывал деньги, но парившая в интеллектуальных небесах супруга его не очень ценила. Образ морально раздавленного отца подсознательно повлиял на сексуальность будущей поэтессы. Возле нее всегда будут слабые мужчины и... сильные женщины. Однажды Леся обмолвилась: «Колись, як вийду заміж, то мій чоловік буде секретарствувати у мене».

Так и получилось — скромный судебный чиновник Климент Квитка, за которого Леся вышла в конце жизни, был всего лишь ее тенью. Он не любил вспоминать свою унижительную роль. И на вопросы исследователей приоткрыть тайну их отношений всегда отвечал отказом: «Кожний запит що до її біографії так на мене впливає, що на кілька днів падає здатність до роботи»...

Тайну этого странного брака приоткрывает фраза из письма Леси сестре Лиле: «Ты права в том, что Квиточку следовало бы взять в руки»... Кроме таких ценных деспотичными женщинами достоинств как покорность и мягкость, молодой человек обладал еще и стабильным жалованием государственного служащего. Российская империя, платившая ему как помощнику секретаря окружного суда в Тифлисе, не дала бы таким образом умереть с голоду и его будущей супруге — неудачливой поэтессе, чьи пьесы и поэмы не приносили дохода. Конечно же, для продолжения привычного образа жизни писательницы-любительницы слабовольного «Квиточку» следовало прибрать к рукам! А вообще весело получается — не только род занятий — литературу, но и мужа Леся выбрала по примеру мамы — из судейских.

В той же статье в «Леле» было названо имя тайной любовницы Леси — писательницы Ольги Кобылянской. Правда, открытой дискуссии не вышло. «Науковці» стыдливо приняли позу страуса. Зато профессор Николай Сулима в разговоре со мной признался, что кое-кто из знакомых требовал от него после публикации статьи выйти из редколлегии «Леся».

Хорошо, скажет читатель, «Лель» — эротический, а не научный журнал, я вам не верю. Что ж, раз вы доверяете только официальному признанию, вынужден прибегнуть к последнему доказательству. В том же 1995 году в Киевском институте литературы была защищена необычная докторская диссертация «Дискурс модернизма в українській літературі», автором которой была Соломия Павлычко. Несмотря на квазинаучное название, этот текст содержал ряд совершенно несвойственных украинскому литературоведению глав: «Модернизм как феминизм», «Конфликт между полами», «Сексуальность» и, наконец, «Дискурс личных отношений. Биографическое отступление». Последний раздел и содержал рассказ о романе Леси и Ольги Кобылянской.

Мы встретились с Соломией Павлычко в уютном кафе в двух шагах от помпезного сталинского дома на Крещатике, где она жила. За бокалом вина она сказала: «Кое-кто предлагал мне исключить эту главу из текста, а на защиту явился какой-то неизвестный господин и минут пятнадцать держал речь, сравнивая меня с моим отцом. Сравнение, по его мнению, явно не в мою пользу».

Но диссертация была защищена и в 1997 году вышла отдельным изданием. Иначе быть не могло. Она содержала неопровержимые документы — выдержки из дневника и личных писем.

Обе женщины пережили разочарование в мужчинах. Кобылянскую бросил критик Осип Маковей.

Леся Украинка и Ольга Кобылянская

Леся Украинка из-за болезни никогда не пользовалась особым успехом — вокруг нее постоянно всплывали одни аутсайдеры. «Господи, невже на світі нема жодної людини такої, як я, людини, з якою я могла б жити, хоча б жінки?» — записывает в отчаянии Ольга. И такой человек нашелся — Леся, расшифровавшая скрытый лесбийский намек в ее рассказе «Меланхолический вальс», повествующем о странных отношениях трех женщин-эстеток.

Сам по себе этот мотив не был чем-то исключительным для мировой литературы — еще в XVIII веке Дидро написал «Монахиню», где коснулся и темы лесбийской любви. Но для зажатой в теплых патриархальных объятиях Украины он казался более, чем шокирующим — тот же Иван Франко, редактируя тексты Кобылянской, предпочитал вычеркивать некоторые места. Впрочем, Кобылянская была барышня не промах, и в 1895 году тиснула в шпугартской газете «Die Neue Zeit» рассказ «Природа», содержащий первую в украинской литературе сцену физической любви — до этого он пролежал ненапечатанным восемь лет! Но до выхода украинского перевода пришлось ждать еще три года.

Леся Украинка сразу почувала в Ольге Кобылянской родственную душу. Их переписка завязалась в мае 1899 года и сначала была посвящена исключительно литературным делам, но через два года резко перешла на интимный тон — сразу после встречи двух женщин в Карпатах. Письма Ольги — возможно, наиболее откровенные из этой пары, были уничтожены — факт тем более красноречивый, что Леся тщательно сохраняла все, что ей писали.

Зато остались ее собственные послания, содержавшие прозрачные интимные намеки: «Хтось тепер і завжди однаково когось любить і хоче комусь “неба прихилити”, але часом він не вміє писати так, як хотів би: розкис, голова болить, різні зайві думки заважають, от хтось і пише так якомсь блідо, апатично, зовсім не так, як думає про когось, як любить когось. А якби був тепер при комусь, то не потребував би сидіти та мазати пером по папері, а ліг би собі

коло когось, наводив би на когось паси, може б мало що говорив, а проте більше б сказав, ніж в сьому недотепному листі» (5 декабря 1901 г.). «Хтось когось хотів би поцілувати і погладити, і багато чогось сказати...» (19 декабря 1901 г.). «І хтось когось любить і ніколи ні на кого не гнівається, і не гнівався, і не буде гніватись... когось цілує і гладить і так, і так... і ще так...». Стоит ли объяснять, что слишком много разновидностей поглаживаний для обычных подруг?

«Ніжні поцілунки не дуже личать двом тридцятирічним жінкам, — сделал вывод в статье «Либида поэтессы» Юрий Ключ, — зате цілком логічні для двох закоханих лесбіянок: відомо ж бо, що вони особливу перевагу віддають дотику уст. «А тут ще нема з ким в позу втомлених коней стати, то вже й зовсім біда», — в цій фразі Леся, як можна гадати, прямо вказує на позу прихильниць одностатевого кохання».

Как известно, туберкулез резко повышает чувственность больного, заставляя стремиться к сексуальным наслаждениям. Умирающая от чахотки страстная любовница недаром была ходячим образом в популярных романах XIX — первой половины XX века от «Дамы с камелиями» Дюма-сына до «Трех товарищей» Ремарка.

Но иногда Леся писала еще и под влиянием наркотиков. Морфий был тогда распространенным обезболивающим препаратом, продававшимся в обычных аптеках. «Останніх три ночі можу спати при помочі бромю і сульфазолу, — признается Леся Украинка подруге в одном из писем, — а перше без морфію і не думати». Ее послания полны подобными жалобами с упоминанием различных наркотических препаратов: «Стан був настільки критичний, що я вже думала з журбою про морфій», «напад з нирками припинила опієм». Украинка?.. Наркоманка?.. Лесбиянка?.. Все не так просто, как в школьном учебнике. «Ото тільки якби Заньковецька знала, хто такий Лесбос!» — написала Лариса-Леся матери 5 марта 1898 года из Ялты, узнав, что знаменитая актриса якобы согласилась играть в ее драме «Блакитна троянда» («Голубая роза»).

Марии Заньковецкой — возлюбленной одного из основателей профессионального украинского театра Николая Садовского — незачем было знакомиться с Лесбосом. У «хохлацкой королевы», как назвал эту пикантную даму Чехов, видевший ее однажды на сцене, хватало поклонников-мужчин. Зато Лариса Косач была глубоко просвещена в темном «лесбийском вопросе». Воистину «передовая» женщина!

Мария Заньковецкая

Однако в пьесе начинающей драматургини («Голубая роза» была первым театральным опусом Леси) Заньковецкая так и не сыграла — прима не любила провальных ролей. Вместо нее в сценическую авантюру впуталась другая актриса — Ратмирова. Растянутое представление не пользовалось успехом у зрителей. Публика, зевая, уходила из зала — постановку «первой украинской психологической драмы» не спас даже образ врача психиатра, копающегося в развинченных мозгах главной героини. Тогда Леся лично перевела свое творение на русский язык! Представляете, какая жертва? Но и это не помогло — попросту говоря, пьеска получилась нудненькой. Даже через десять лет «единственному мужчине» украинской литературы (письмо Леси Украинки к матери от 3 февраля 1908 г.) оставалось только сетовать на неприкаянную судьбу «Голубой розы»: «Може б, хто її й поставив, якби вона була доступніша, все ж, може, вона не гірша від многих “новинок”».

Статья «Была ли Леся Украинка лесбиянкой?» вышла в субботу 13 сентября 1997 года. А уже через несколько дней я узнал, что являюсь автором «чергового брудного пасквілю на одну з наших національних святинь (цього разу за об'єкт нападу обрано геніальну поетесу Лесю Українку)» («Літературна Україна», № 32 за 18 вересня 1997 р.), «дрібним плюгавцем, що посягнув на святе» («Час-Тіме», № 37 за 18–24 вересня 1997р.) и производителем «підступної клубнички» («Сільські вісті», № 111 за 16 вересня 1997 р.). И это были, пожалуй, самые лестные эпитеты, которыми наградило меня украинское болото!

Аргументов у моих «критиков» не было. Поэтому единственное, что произвели их разгневанные мозги, вмещалось в короткую формулу обозревателя «Сельских вестей»: «Сперечатися з Бузиною безглуздо». Автор этой мысли, достойной страуса, даже не заметил, что фактически признал мою правоту. Спорить с Бузиной бессмысленно, ибо возразить ему... нечего.

Я, конечно же, понимал, почему все шишки посыпались именно на меня. Я не был первым. Но я был самым смелым. Статья в «Леле» называлась нейтрально — «Либи́до поэтессы». Ее автор предпочел предусмотрительно скрыться под псевдонимом. Соломия Павлычко была надежно защищена связями своего отца поэта-гимнописца Дмитрия Павлычко — великого воспевателя советской власти, вовремя переквалифицировавшегося, как и все «литукраинцы», в националиста. А я был просто, корреспондентом «Киевских Ведомостей». осмелившимся поставить вопрос с прямотой ребенка: «Так была ваша Леся лесбиянкой или нет?» Правда, стоит учесть, что «Ведомости» являлись на тот момент самой тиражной газетой Украины — можно сказать, я отхлестал своих оппонентов по постным рожам сразу стотысячным тиражем! Что же странного, что они так взвыли, а потом перешли на лай?

Но, клянусь, не меньше скандальной славы меня интересовала истина. Что мог я поделаться с любопытством и сомнениями, буквально сжигавшими мои внутренности? Вновь и вновь перечитывал я письма к Ольге Кобылянской, опубликованные в двенадцатитомном собрании сочинений Леси Украинки. Как известно, в них она называет себя в третьем лице, полушифром: «Хтось біленький». И почти также именует Ольгу: «Хтось чорненький», словно бы опасаясь, что тайна их отношений будет раскрыта. Некоторые места звучат более чем пикантно: «Хтось когось хотів би поцілувати, і погладити, і багато чогось сказати, і багато подивитися, і багато подумати», «хтось когось дуже жалує і любить, з охотою і сів би, і ліг би навколо когось, і розважив би ліпше, ніж ті духи (хтось на них ревнивий), духи не можуть любити, а хтось може і любить», «хтось дякує комусь за уважність і добрість і — не може описати рухів своїх рук», «хтось когось пасами гладить», «а тут ще нема з ким в позу втомлених коней стати, то вже й зовсім біда»...

«Письма эти отличались своеобразным стилем, — утверждал биограф Леси Украинки Анатолий Костенко, — в них вместо имен обоих писательниц фигурировали местоимения кто-то (хтось, хтосічок, когось), Ольга Кобылянская была кто-то черненький; Леся Украинка — кто-то беленький».

Я понял, что обязан увидеть подлинники этих писем. Оформление разрешения в Институте литературы заняло считанные минуты. Через полчаса я уже сидел в архиве в двух шагах от памятника Лесе Украинке.

Первое же послание к Ольге из Кимполунга (Буковина) от 6 июня 1901 года объяснило, почему Леся решила прибегнуть к полушифру. В нем она извиняется, что пишет обычное письмо в конверте, а не карточку, доходившую значительно быстрее, и просит, чтобы «хтось» часто писал именно карточки: «То буде чіча-ляля». Следующее обращение от Ольги пришло уже на карточке — аналоге современной открытки, только без рисунка. С лицевой стороны (там, где теперь размещают картинку) на ней писали адрес, а на обороте совершенно открыто текст — любой почтовый служащий прочтет! Ну, могли ли они писать напрямую в первом лице? Конечно, нет! Выигрывая в скорости, пылким дамам, решившим поиграть в лесбияночек, пришлось прибегнуть к намекам. Необходимость пользоваться почтовыми карточками и определила «шпионский» стиль всей переписки. Замечу, что «особый», подчеркнуто нежный тон Леся допускала только по отношению к Ольге. И что все письма Ольги к себе она неизменно уничтожала.

Некоторые затруднения для интерпретации вызывало только слово «паси». До сих пор (и в примечаниях к изданному в 70-е годы двенадцатитомнику) считалось, что речь идет об особых магнетических движениях пальцев по системе Месмера — ими Ольга и Леся якобы

успокаивали нервы друг другу. Так сказать, о невинной психотерапии. Но в оригинале письма Леси из Сан-Ремо от 14 ноября 1902 года это слово употреблено явно в переносном смысле — в кавычках. Значит, речь шла совсем о другом танце рук — куда более интимном. Эту пляску действительно «невозможно описать». В собрании же сочинений кавычки почему-то исчезли. Из скромности публикаторов, наверное...

Уже в феврале 2013 года, готовя эту книгу к публикации, я еще раз открыл советскую биографию Леси Украинки, написанную Анатодем Костенко для серии ЖЗЛ и перечитал ее. Конечно же, ее автор ВСЕ ЗНАЛ. Знал еще в далеком 1971 году, когда в СССР «секса не было» — тем более, лесбийского. Стоит только прочесть одну его фразу, стыдливо спрятанную между залежей ничего не значащих дифирамбов покойной поэтессе: «Еще будучи в Берлине, Леся написала через Павлыка первое письмо Ольге Кобылянской, заочно предлагая знакомство. Тотчас же получила быстрый и благосклонный ответ... Обе женщины, чье творчество составляло предмет восхищения современников, были влюблены друг в друга и эту взаимную любовь сохранили на всю жизнь, никогда не позволив не то что туче — даже тени омрачить свое чувство».

Итак, БЫЛИ ВЛЮБЛЕНЫ ДРУГ В ДРУГА. Яснее не скажешь. На этом и поставим точку в их сладких сюсюкающих отношениях. Пусть «хтосичка» любит свою «когосичку», раз уж им так надо для женского счастья.

Иван Франко — масон, «расист» и украинофоб

Не менее занятным фруктом, чем Леся Украинка, был и человек, первым почуявший в ней мужчину, — Иван Франко. Этот добрый господин в вышиванке, большую часть жизни проживший в польско-австрийском Лемберге, негров и папуасов считал низшей расой, а в мужчинах видел не только друзей, но и объект для влюбленности.

Общеизвестно, что Франко родился 27 августа 1856 года в селе Нагуевичи на Львовщине, жители которого твердо верили в нечистую силу и еще незадолго до рождения будущего писателя сжигали колдунов. Но немногие помнят, что по мужской линии предки писателя были немцами. На это указывает их фамилия. «Франками» на Галичине называли выходцев из Германии — преимущественно кузнецов. Они селились между крестьянами-русинами и зарабатывали на жизнь своим ремеслом. Простым кузнецом был и отец писателя — весельчак и гуляка.

Дом Ивана Франко в Нагуевичах

Но «арийские» корни все-таки сказывались. В юности Иван Франко не только увлекался социализмом, но и был убежденным сторонником расистских теорий. Знания по этому вопросу он почерпнул во Львовском университете, где, кроме лекций по филологии, прослушал «бесплатные курсы психологии, палеонтологии и национальной экономики».

Свои воззрения, почерпнутые из немецкоязычных брошюр, он изложил в «Мыслях об эволюции в истории человечества», изданных, когда их автору едва исполнилось двадцать пять. Молодой Франко верил, что расы делятся на низшие и высшие. К первым он относил вымерших неандертальцев, а также негров, бушменов и папуасов, которых скопом вообще называл «найнижчими» — то есть самыми примитивными.

По теории Франко, примитивные расы раньше других «вирізнилися з мавп». И только от них через тысячи лет произошли более совершенные индивидуумы. Случилось это где-то между Африкой и Индией, где сейчас плещется океан, а в допотопные времена, по утверждению Ивана Яковлевича, находилась «суха земля» — утонувший впоследствии континент Лемурия.

К чести Франко следует сказать, что он всегда оставался расистом-теоретиком. Негров на улицах Львова не бил — как по причине отсутствия таковых в Австро-Венгрии XIX в., так и из-за слабого телосложения. Низкорослого, рыжего и физически недоразвитого литератора

даже не взяли в армию. Специальная «суперарбитрационная» комиссия признала хилого расиста непригодным для службы императору Францу-Иосифу II с винтовкой в руках.

К сожалению, об интересных антропологических взглядах юного Каменяра у нас сегодня умалчивают.

Наверное, чтобы не привлекать внимание скинхедов к его творчеству.

Расистские взгляды Франко гармонично сочетал с масонством. Стихотворение Ивана Яковлевича «Каменярі» сегодня, как и в советские времена, входит в школьную программу. При социализме его трактовали как гимн революции — свидетельство истинно пролетарской ориентации украинского классика. «Лупайте сю скалу!» — учили мы на уроках, продираясь через завалы франковского творчества.

Иван Франко

На самом деле, в пору написания «Каменярей» поэт пережил бурное увлечение масонством. Именно их называли «вольными каменщиками». Да и вся символика стихотворения — отнюдь не рабоче-крестьянская.

По словам историка и политолога Константина Бондаренко, «в середине XIX столетия, наверное, процентов девяносто всей галицкой интеллигенции (и поляков, и немцев, и украинцев) принадлежали к масонам. Масонских лож существовало несколько. Некоторые вели свой отсчет еще с XVIII века. Некоторые только образовались. Система строгого признания со стороны мирового масонства еще не считалась обязательной. К какой именно ложе принадлежал Франко, неизвестно. Однако его творчество периода 70-х гг. во многом пронизано масонскими мотивами. В «Каменярах» это влияние, несомненно — мессианство, голос сверху, призывающий к жертвенности во имя других — все это очень характерно для идеологии «вільних каменярів». Но масоном Франко пробыл недолго. С конца 70-х годов он включился в социалистическое движение, которое отвергало и религию, и масонство как пережитки прошлого».

Но не стоит полагать, что Иван Франко только то и делал, что горел на общественных работах. Искал он себя и в других сферах. Иногда довольно пикантных.

Вот отрывок из письма слегка растаявшего «каменяра» к невесте Ольге Рошко. В январе 1879 г. он признается ей в своих тайных увлечениях: «Красота людська, — чи то мужчин, чи то женщин, — все робить на мене дуже сильне враження... Впрочім женщины тутешні відстрашують, ні, відражають мене. З мужчинами я сміліший. Ти не знаєш, певно, що коли хто міг бути предметом твоєї заздрості, то скорше мужчины, ніж женщины. Я більше мужчин любив у своїм житті, ніж женщин знав. І знаєш що, — се в мене якась неприродна дика, любов».

Двадцатитрехлетний Франко описывает, как он обожает разгуливать по Львову, всматриваясь в мужские лица, иногда знакомится, заговаривает с приглянувшимися экземплярами, разочаровывается... Все это вызывает у него очень противоречивые чувства: «Мені встидно і страшно не раз, коли почну викликувати в своїй пам'яті ті лиця, що мені подобалися і притягали мене до себе, але що я можу зробити? Я знаю, що причина того неприродного потягу до мужчин дуже проста — виховання, зовсім відособлене від женщин, — але чи ж міг я се змінити?»

Наслушавшись таких признаний, Ольга Рошко — дочь священника — взяла и вышла замуж. Но не за Франко, а за надежного сельского попа — Владимира Озаркевича. И чего, спрашивается, испугалась? Ну, любил жених цепляться на улицах к понравившимся представителям своего пола. Что ж тут такого? Члены нашего Союза писателей, наверняка, в этом никакой крамолы не усмотрят. Мол, скучал человек, хотел поговорить...

В конце концов, Каменяру все-таки удалось жениться. Невесту он нашел аж «за границей» — в Киеве. Приехав в «мать городов русских» из австрийского Львова за деньгами для задуманного журнала, Иван Яковлевич встретил девушку, которая «созрела». Звали ее Ольга Хоружинская. Она приходилась сестрой жены преподавателя коллегии Галагана Е. К. Тригубова. Светла их так называемая «українська справа», имевшая порой сексуальный подтекст.

Вскоре Франко предложил Ольге руку и сердце. И сразу же получил положительный ответ. Ученой барышне страшно хотелось замуж! Чтобы жених, не дай Бог, не передумал, она приехала во Львов сама с двумя сотнями рублей, собранными на журнал. Впоследствии Франко признавался, что женился без любви — «з доктрини, що треба оженитися з українкою і то більш освіченою, курсисткою». Свой выбор он называл не архиблестящим, утверждая, что с другой женой мог бы «розвитися краще і доконати чогось більшого». В общем, по примеру большинства наших мужчин во всех неудачах винил не себя, а бабу.

Иван Франко и Ольга Хоружинская

Идейный украинский брак оказался не лучшим проектом. Буквально накануне свадьбы странный литератор познакомился с полной противоположностью своей невесты. Девушка была по национальности полькой, украинским вопросом не интересовалась и служила на почте. «Фатальне для мене було те, що вже листуючись з моєю теперішньою дружиною я здалеку пізнав одну паночку польську і закохався в неї, — признався Франко в письме историку Агатангелу Крымскому. — Отся любов перемучила мене дальших десять літ». Звали панночку Целина Журавская. Ради нее Каменярь, плюнуv на идейность, даже опубликовал по-польски в одном из львовских изданий повесть «Манипулянтка». Да, да! Сначала по-польски, и только потом — на украинском языке. Чуть было не пропала «українська справа»!

Личная жизнь на два фронта подорвала молодую семью. Не получая должной порции мужниной ласки, супруга писателя медленно, но надежно сходила с ума. Как однажды выразился Иван Яковлевич, «на тлі зразу еротичнім». Если верить Франко, она даже покушалась на его жизнь.

После этого сердце Каменяря стало, как гранит.

В 1914 году великий писатель сдал Ольгу в знаменитое львовское заведение для сумасшедших — «до Кульпаркова». А на ее место пришла Целина Журавская — успевшая за тридцать лет этого кошмара превратиться во вдову с двумя детьми.

К этому времени и сам «идеалист» стал инвалидом — даже писать мог только левой рукой, выводя отдельно каждую букву. По словам канадского исследователя Томаса Примака, «в начале 1908 года Франко переболел тяжелым параличом и расстройством умственной деятельности, от которого так и не оправился».

О причинах болезни франковеды спорят. Одни называют сифилис. Другие — прогрессирующую шизофрению. Возможны, и другие версии. Как бы то ни было, под конец жизни Иван Яковлевич стал все чаще общаться с «духами» и слышать «голоса».

Несмотря на посмертный статус украинского классика, при жизни Иван Франко в основном добывал пропитание как газетный журналист и... корректор. «Я зарабатываю на хлеб, главным образом, корректурой, из-за которой литературная и научная работа является для меня только роскошью», — жаловался он в 1904 году петербургскому профессору Венгеру.

Растроганный Венгер подбросил Каменяру работенку — заказ на статью «Южнорусская литература» для энциклопедии Брокгауза и Эфрона. «Южнорусская» в то время означала то же самое, что сейчас «украинская».

С заданием Иван Яковлевич справился успешно. Работу сдал в срок и, получив 803 кроны гонорара, поинтересовался у Венгерова, не нужен ли какой-нибудь петербургской редакции корреспондент в Галиции? «Или, может быть, кому-нибудь была бы интересна моя беллетристика?» — спрашивал он. — Мне кажется, что работая и на русском языке, я не изменяю интересам моей родины»...

Но беллетристика Франко Петербургу не понадобилась.

Современники вспоминали Франко как человека со странностями — желчного и обидчивого. Трудно найти видную фигуру, о которой он отозвался бы с восхищением. Разве что Лесю Украинку признал «настоящим мужчиной» в литературе. Сейчас мы назвали бы такого субъекта мизантропом.

Но и весь украинский народ — или, по крайней мере, его западную ветвь — Иван Яковлевич не жаловал. До начала XX века название «украинцы» еще не устоялось. Жившие в Российской империи, официально именовались «малороссами». А те, кому посчастливилось появиться на свет в европеизированной Австро-Венгрии, галичанами или просто «русинами». В статье «Дещо про самого себе» Франко называет себя именно так: «Почуваю себе русином» — пишет он. И тут же раздражается ядовитой филиппикой: «Не люблю русинів. Так мало серед них найшов я справжніх характерів, а так багато дріб'язковості, вузького егоїзму, двоєдушності й ПИХИ, що справді не знаю, за що я мав би їх любити, незважаючи навіть на ті тисячі більших і менших шпильок, яки вони, не раз з найкращим наміром, вбивали мені під шкіру. Зрозуміло, знаю між русинами декілька винятків, декілька осіб чистих і гідних усякої пошани (говорю про інтелігенцію, не про селян!), але ці винятки, нажаль, тільки стверджують загальний висновок».

Своих земляков-галичан Франко считал «расою обважнілою, незграбною, сентиментальною, позбавленою гарту й сили волі, так мало здатною до політичного життя на власному смітнику, а такою плідною на перевертнів найрізномірнішого сорту». Зато «справжню польську шляхту» считал «елітою польського народу». О ней у Франко другие слова: «Ціню і люблю, як люблю всіх благородних людей»...

Мечтал ли он о независимой Украине? Историк Константин Бондаренко считает: «Не стоит забывать, что за исключением некоторого периода в молодости, Иван Яковлевич был законопослушным гражданином Австро-Венгрии. Он родился и умер при одном императоре Франце-Иосифе. Франко мечтал стать депутатом парламента, но несколько раз проваливался на выборах. Вся его жизнь прошла в стабильном государстве, где были немыслимы социальные потрясения и, тем более, мечты об отделении какой-либо его части. Я думаю, Франко был реалистом и не ставил перед собой немыслимых задач. На что он мог надеяться, так это на культурную автономию и равноправный статус украинского народа в рамках Австро-Венгерской империи. О независимости Украины он никогда не говорил».

Как же так случилось, что Иван Яковлевич попал в «корифеї»? Прозаик он —

достаточно посредственный, скучный. «Борислав сміється», в отличие от «Милого друга» Мопассана, на десятки европейских языков не переводили. «Украдене щастя» — тоже не гоголевский «Ревизор». Поэзия Каменьяра, за исключением нескольких стихотворных строк, в памяти не задерживается.

Но, как говорится, на безрыбье и рак — рыба, и Франко — классик. Литературный пантеон слепили из того, что было. А потом что было, то и полюбили. Или сделали вид, что любят. Не зная и не собираясь знать, кем были на самом деле предметы этой казенной страсти.

Поэт Михайль Семенко: «Я палю свій “Кобзар”!»

Но не все украинские литераторы были блеклыми «носителями национальной идеи». Среди молодого поколения зрел бунт против ограниченности «профессиональных украинцев». Уже в 1914 году — как раз к 100-летию юбилею Тараса Шевченко — юный поэт-футурист Михайль Семенко заявил на всю Украину: «Я палю свій “Кобзар”!».

С этого громкого скандала начался модернизм в украинской литературе. Да и сама современная украинская литература тоже с него началась. Хотя нужно отдать должное жрецам официального культа Тараса Григорьевича. Эти угрюмые господа, простите, паны и товарищи, сделали все, чтобы сначала вглотать имя Семенко в грязь, а потом предать его полному забвению.

1910 год. 18-летний студент Семенко сфотографировался в Петербурге, поступив в институт

Имя этого поэта с такой тщательностью вычистили и до сих пор вычищают из истории «укрсучлита», что не только обычные граждане, окончившие школы, но и студенты филологических факультетов практически ничего о нем не знают. В лучшем случае слышали, что был такой украинский футурист Семенко, издавший когда-то книгу своих стихов под претенциозным названием «Кобзар» и расстрелянный НКВД в 1937 году. Но все, что предшествовало этим событиям, предпочитают не вспоминать. А редкие, крошечными тиражами переизданные стихи скандалиста Семенко печатают с жуткими купюрами, подвергая покойного поэта драконовской хуторянской цензуре.

Между тем, литературный бунт Михайля Семенко был абсолютно закономерным явлением — первым публичным проявлением неприятия того маразма, который породил демонстративное кобзарепоклонство со стороны людей, ничего не знающих о Шевченко и не желающих знать.

В 1914 году «украинство» готовилось встречать 100-летие со дня рождения Шевченко. Журналы печатали десятки пустых «похоронных» статей. Произносились длинные и нудные речи на литературных вечерах. Издавались «Кобзари». Ушлые проходимцы из числа

«профессиональных украинцев» даже начали собирать деньги на первый памятник Шевченко.

Его должны были установить в Киеве на том месте, где сейчас клумба на площади Льва Толстого. Городская Дума уже дала согласие — как видите, никто в Российской империи Николая Второго чтить память Шевченко не препятствовал!

Но жулики-шевченкофилы пожертвования собрали, а монумент Тарасу... так и не отстроили, спрятав «налог» на Великого Кобзаря в свои еще более великие карманы.

(Примерно так же один уже нынешний «молчаливый» жулик-депутат собирал недавно с доверчивых граждан средства на так называемый «Храм Тараса» и выплачивал из госказны гонорары себе и своей супруге-графоманке за «промови», произнесенные ими на публичных мероприятиях в честь покойного Тараса Григорьевича. «Храм» он так и не построил. Зато до сих пор получает дотации из бюджета, делая вид, что «просвещает» массы и способствует распространению украинского языка.

Хватало таких «просветителей» и в начале прошлого века. Украв общественные средства на памятник Шевченко, им очень хотелось отвлечь внимание от своих финансовых махинаций. И тут, как нельзя, кстати, подвернулась эпатажная, но чистая душа начинающего стихотворца — 22-летнего поэта Михайля Семенко, которого буквально тошнило от киевских кобзарепоклонников во главе с хитромудрым строителем многих домов и дач будущим главой Центральной Рады Михаилом Грушевским и редактором унылой газеты «Рада» Сергеем Ефремовым.

Буквально в день празднования 100-летия Тараса в некоторых киевских магазинах появилась крошечная (всего 8 страниц!) книжечка, на титуле которой красовалось слово «Дерзання». Но самым скандальным была даже не сама книжечка, а предисловие к ней под названием «Сам». В нем Михайль Семенко писал: «Ей ти, чоловіче, слухай сюди! Я хочу сказати тобі декілька слів про мистецтво... тільки декілька слів... Ти підносиш мені засмальцованого «Кобзаря» й кажеш: ось моє мистецтво! Чоловіче, мені за тебе соромно... Ти підносиш мені заяложені мистецькі «ідеї» й мене канудить. Мистецтво є щось таке, що тобі й не снилось. Я хочу тобі сказати, що де є культ, там немає мистецтва. А передовсім воно не боїться нападів. Навпаки. В нападах воно гартується. А ти захопивсь за свого «Кобзаря», від якого тхне дьогтем і салом. І думаєш, що його захистить твоя пошана. Пошана твоя його вбила. Й немає йому воскресення. Хто ним захоплюється тепер? Чоловік примітивний. Як раз вроді тебе, показчиком якого є «Рада». Чоловіче. Час титана перевертає в нікчемного ліліпута і місце Шевченкові в записках наукових товариств. Поживши з вами, відстаєш на десятиріччя. Я не приймаю такого мистецтва. Як я можу шанувати тепер Шевченка, коли я бачу, що він є під моїми ногами? Я не можу, як ти, на протязі місяців витягувати з себе жили пошани до того, хто будучи сучасним чинником, є зъявищем глибоко відразливим. Чоловіче! Я хочу тобі сказати, що в сі дні, коли я от се пишу, гидко взяти в руки нашу часопись. Якби я отсе тобі не сказав, що думаю, то я б задушився в атмосфері вашого «щирого» українського мистецтва. Я бажаю йому смерті. Такі твої ювілейні свята. Отее все, що лишилося від Шевченка. Але не можу й я уникнути свого святкування. Я палю свій «Кобзар»».

Михайль Семенко: «Поживши з вами, відстаєш на десятиріччя»

Большинство украинских книжных магазинов авангардную книжку Семенко продавать отказались. Впоследствии сам автор вспоминал: «Чудний край ся Україна... року Божого 1914, в февралі місяці, Україна вперше виявила той скарб, який вона в собі носить. Об'явила його моя маленька брошура (Семенко — «Дерзання» поези, ц. 11 к.) яку ідейні крамарі відмовились продавати і виявили не мале, справжньо ідейне, обуренне, мотивуючи вчинок так: 1) книгарня «Української Старини» — «якийсь капосник облив помями батька Тараса», 2) книгарня «Час» — «не продаємо прінціпіально», 3) книгарня «Л. -Н. В.» («Літературно-наукового вісника») — «хай полежать, не продаватимемо, поки не побачимо, що скаже преса»...

«Критика» набросилась на першого українського футуриста, як стая заражених бешенством собак. Один из деятелей тогдашнього «профукраїнства» Никита Шаповал, скрившись под псевдонимом Сриблянський, назвав творчество Семенко «бандитизмом». Хотя за всю жизнь Семенко никого не ограбил и не убил.

Зачитана до дыр. «Кобзар» Михайля Семенко не переиздавался с 1920-х годов. Сегодня это самая замалчиваемая украинская книга

Другие называли автора антишевченкоманского манифеста «юродивым», «садистом», «хамом» и обещали «набить ему морду». Бичеватели Семенко даже не заметили, что, защищая «высокое», они пользуются лексиконом уголовников и базарных торговков.

Семенко по праву занял место первого украинского литературного провокатора. Он выявил всю лживость культа Кобзаря. Если жрецы нового «божка», навязываемого обществу, ведут себя, как дикари, то каков же тогда сам божок? Это было глотком чистого воздуха в болотных испарениях того, что называло себя «украинской культурой». Болото сочло себя смертельно оскорбленным. Болото думало, что оно чистое озеро, и уверяло всех в этом. Но 8-страничная книга Семенко развеяла все иллюзии.

Уже позже, после революции, Семенко издаст свою главную книгу, которую эпатажно назовет «Кобзарем». И даже трехтомное собрание своих стихов. Писал он невероятно много. И не без таланта. Его завещание стоит привести полностью. Это страшные строки для всех председателей, бригадиров и рэкетиров из литературного колхоза под названием «Спілка письменників України»:

Комусь попаде і ця книжка.

*Історії літератури — не обійти, —
як би я не заплющував очі і не опускав їх низько.
Не обдуриш історії, читачу, й ти.
Знайдуться моськи, що будуть плювати,
доводячи свою «революційність теж»:
«і яке, мовляв, хутористичне нахабство,
і яке не сучасне, і чуже без меж».
Кумовством обдуриш хіба себе й кума.
Не всі народились однаково. Й знову ж
доводиться й далі працювати й думати.
От чому про історію в мене коротка мова.
4/X 1930 Харків.*

Десятки виданих благодаря кумовству Шевченковських премій не стоять ні одної строчки Михайля Семенко, которого не миновала пуля, но, слава богу, обошла эта позорная награда за выдающиеся достижения в области украиноязычной графомании.

XXI век еще откроет Семенко. Он недаром назвал свой журнал, который издавал в Харькове в конце 1920-х годов, «Новою генерацією». Время этого поколения людей будущего уже наступает. Давно назрела необходимость переиздать в полном объеме «Кобзар» Михайля Семенко. Тем более, что если быть честным, он имеет куда больше прав на книгу с таким названием чем... Тарас Шевченко.

Сборник поэзий Тараса Григорьевича на самом деле назывался «Кобзарь», с мягким знаком в конце. Этот мягкий знак отбросили твердолобые украинизаторы в те же 20-е годы, чтобы отдалить Тараса Григорьевича от русского языка, на малороссийском диалекте которого он писал. Было бы справедливым переиздавать знаменитую шевченковскую книгу так, как ее озаглавил сам автор, а не горе-производители литературного фальсификата — самогонщики от литературоведения и псевдопатриотизма.

Семенко вернулся в Киев весной 1918 года. Он пережил тут гетманский переворот и приход Петлюры. Но петлюровцем не стал. Более того — подался в революцию, к большевикам. О том, что он погиб в застенках НКВД, в узких кругах специалистов по «розстріляному відродженню» любят проливать крокодильи слезы. Но боятся печатать стихи самого Семенко, написанные в 1920 году, во время советско-польской войны:

*Придавила кнопку пальцем Антанта.
Обізвались вранці.
Хто — Варшава?
Смикніть Петлюру — уже час —
нехай виводить банди — на комуні.
— Пан наказав.
Пішла робота. Брат на брата.
Обдурені — на робітників
в ворожий наступ. На фронті зрада — і захопили червоний Київ...
Хіба це не кожному ясно?
Хіба забракне червоного вогню?*

*Революція ще горить прекрасно,
всміхаючись завтрашньому дню!*

Абсолютно не разделяя политических взглядов Семенко и сочувствуя среди всех сил в Гражданской войне, прежде всего, белогвардейцам, я не могу не отдать должное его таланту и поэтическому темпераменту. Ибо литература выше любой политики.

«Семенко, Шкуруний и Бажан семафорят в будущее» Карикатура на украинских футуристов из журнала «Глобус» за апрель 1927 года

То, что это так, доказывает то, что одна из первых достойных статей о Семенко появилась в мюнхенском националистическом журнале «Сучасність» в мае 1989 года. Ее автор — профессор украинской литературы и языка Альбертского университета (Эдмонтон, Канада) Олег Ильницький, не побоялся вспомнить добрым словом Семенко и украинских футуристов — его последователей. А редактор журнала — Тарас Гунчак не побоялся поставить эту статью в номер, рискуя навлечь на себя гнев «тарасопоклонников».

Между прочим, в той статье, называвшейся «Шевченко і футуристи», приводились слова младших современников Михайля Семенко, высмеивавших вслед за ним официальный культ Кобзаря: «Шановний Тарасе Григоровичу! Ви заплямовані гоппошаною просвіт», «Лозунг наш — геть Тараса іконописного!», а шевченкопоклонники назывались «шевченкоїдами».

Помните эти слова Михайля Семенко:

*Тарас Шевченко —
жива людина,
а не легендарний Ісус Христос.
Тарас Шевченко —
з черевом і мозком
а невсихлі
підмащені олією
моці.
Тарас Шевченко
обідав і пив горілку...*

В 1999–2000 гг., в пору написания «Вурдалака Тараса Шевченко», я еще ничего не знал о «шевченкоборстве» Михайля Семенко. Но, открыв для себя эту историю, удивился тому, что меня ругали теми же словами, что и автора футуристической книги под названием «Кобзар». Значит, тяга к новой информации и исторической правде — не убиваема. Сам того не подозревая, я выполнил мечту украинских футуристов — показать Шевченко без штанов.

Именно этого Шевченко и боятся больше всего некрофилы от шевченколюбия. Ибо, как заметил один из друзей Семенко, футурист Гео Шкурупий, обращаясь к Шевченко: «Дотепний богемець, передовик, член товариства «Мочеморд». Ви тепер були б опудалом, як і ми, для всіх просвітнянських орд!».

Мальчишка с Полтавщины. Фото будущего футуриста

И тут самое время спросить: как могло появиться в украинской литературе такое явление, как автор «Дерзань»? Семенко родился в той части Украины, которая породила больше всего литературных талантов, — на Полтавщине. Из этих мест происходили и сам литературный украинский язык, и основатель украинской литературы Иван Котляревский, и Николай Гоголь, которому эта литература была тесна, как детские штанишки взрослому, и

такой современник Семенко, как Остап Вишня. Край веселых и свободных людей просто не мог не родить человека, которого искренне тошнило от ежегодной шевченкофильской мертвечины.

Семенко настаивал, что Шевченко — обычный человек, и отказывался почитать его новым «богом». Тем более, что в те времена многие еще помнили живого, неотретушированного Тараса — пьяницу, обжору, скупердяя и бабника. В конце XIX века множество мемуаров о Тарасе печатал журнал «Киевская старина». Каждая интеллигентная семья в Украине подписывала это издание. Нужно было быть полным идиотом, чтобы поверить в «божественную сущность» Шевченко, начитавшись подлинных документов и воспоминаний о его похождениях.

А Семенко, слава Богу, родился в небогатой, но интеллигентной семье, жившей в маленьком местечке Хорол. Его отец был мелким чиновником, мать — писательницей. Сам Михайль учился сначала в реальном училище, а потом в Петербургском психоневрологическом институте. Он закончил только три курса. На четвертом — началась Первая мировая война, призвавшая поэта в армию и отправившая его аж во Владивосток — в радиотелеграфную роту. Но три года в Петербурге (заметьте, в том же городе, где получил развитие и талант Шевченко) навсегда сделали из Михайля Семенко футуриста — человека, влюбленного в будущее, а не приносящего жертвы прошлому.

Студент из Украины попал в столицу империи в тот самый момент, когда она переживала пик Серебряного века в литературе. Только что отгремела слава символистов. Брюсов и Блок на глазах становились историей. Выходила звезда акмеизма — Ахматовой и Гумилева. И главное — на литературную сцену, буквально наперегонки, ломались футуристы. И эгофутуристы в лице Игоря Северянина. И куда более многочисленные кубофутуристы, самым ярким из которых был Маяковский — еще не бритый налысо, но уже в желтой кофте.

Михайль Семенко одновременно испытал влияние и Северянина, и Маяковского. Он изобрел собственную разновидность этого литературного течения, назвав ее «кверофутуризмом». («Кверо» по-гречески — «искать»). Не будет преувеличением сказать, что автор «Дерзань» оказался самым крупным искателем в украинской поэзии XX века — настоящей антитезой шевченковскому «Кобзарю», который он швырнул к своим ногам.

10 миллионов трупов из-за одного эрц-герц-перца

Любой незаинтересованный наблюдатель согласится, что будущие «символы нации» при жизни были обычными маргиналами. Занудный галицкий графоман Иван Франко, который «больше мужчин любил в своей жизни, чем женщин знал». Мамина дочка Леся Украинка, разрывающаяся между обострениями туберкулеза и литературно-лесбийскими страстями. Редактор третьестепенного журнальчика Симон Петлюра. Хитренький «ученый» Михаил Грушевский, мечтающий о должности профессора русской истории в Киеве, а вынужденный довольствоваться кафедрой непонятно чего во Львове. Никто не воспринимал их всерьез и не мучил их «творчим доробком» детишек в школе. Подавляющее большинство людей даже не догадывались о существовании этих вредных субъектов. И не только в Берлине или Париже, где их и сегодня не знают, но и в Киеве или Одессе. Что же должно было случиться, чтобы все эти комики, подобно грызунам, проникли в массовое сознание «пересічного українця», которого еще следовало создать?

А случиться должна была КАТАСТРОФА — крушение старого мира, гибель богов. Одним словом, Первая мировая война, которую никто еще не называл первой, когда она началась. Думали, будет последняя. И, главное, быстрая и победоносная! Причем, ошибались так буквально все.

Россия вступила в эту войну 1 августа 1914 года. Шли «спасать» маленькую Сербию от большой Австрии. Но скоро уже никто не хотел думать, кто прав — такое безобразие получилось.

Пулеметы к бою! Автоматическое оружие, массово примененное в Первой мировой войне, лишило Европу целого поколения молодых людей

Даже поверхностно знакомый с историей человек скажет, что Первая мировая разразилась после того, как в Сараево сербский террорист Гаврила Принцип застрелил из браунинга наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда. Австрия выдвинула Сербии ультиматум. Белград его принял, за исключением одного пункта, требовавшего допустить австрийских криминалистов к расследованию этого преступления

на территорию самой Сербии. Не удовлетворенная сербским ответом Вена двинулась в поход на Белград.

Русские вступились за сербского «братика» и объявили полную мобилизацию. Германия, связанная союзом с Австро-Венгрией, попросила эту мобилизацию отменить, а когда Николай II отказался, объявила ему войну, несмотря на то, что германский кайзер и русский царь ласково называли друг друга «Вилли» и «Ники». Франция, имевшая союзный договор с Петербургом, тут же объявила войну Германии. А через несколько дней к драке подключилась еще и Великобритания, крайне удивив этим немцев, которые были готовы драться со всеми, кроме англичан, даже не имевших с ними сухопутных границ. В результате через неделю все в Европе дрались со всеми, чтобы мы имели теперь удовольствие читать такие замечательные книжки, как «На Западном фронте без перемен» Ремарка, «Марш Радецкого» Йозефа Рота и «Похождения бравого солдата Швейка» Гашека.

К сожалению, прочесть их никогда не смогут те десять миллионов солдат, угробленных за четыре года войны, которую сначала называли просто Великой, а потом, когда в 1939 году началась ее «вторая серия», — Первой мировой. Они пошли «на удобрение» новой европейской цивилизации, предпочитающей теперь выяснять отношения внутри себя без помощи оружия. Из них, по меткому выражению того же уроженца города Броды (ныне Львовская область) Йозефа Рота, «выросла кукуруза в Галиции», где происходили особенно жестокие бои. Но до сих пор стоит вопрос: неужели эти десять миллионов людей (причем, в основном молодых!) погибли из-за какого-то пожилого австрийского принца и юного сербского дурака?

В какой-то мере это правда, как ни анекдотично звучит подобная версия. Но были еще и куда более глубокие причины. Покойный Фридрих Энгельс — один из основоположников марксизма (жаль, что его теперь не цитируют, как раньше цитировали кстати и некстати) — предсказал Первую мировую еще в 80-е годы XIX века. «Для Пруссии — Германии, — писал тогда он, — невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размаха, невиданной силы. От 8 до 10 миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи... голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс... безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством. Крах старых государств и их рутинной государственной мудрости; крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовой... Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды».

Ленин — еще один марксист, которому нынче в Киеве умеют только отбивать нос малообразованные юнцы, представляющие собой пародию на сараевского террориста Гаврилу, прочитав это предсказание, восхитился. «Какое гениальное пророчество!» — написал он. И добавил, что многое из предсказанного Энгельсом «идет, как по писаному». Статья его по этому поводу так и называется — «Пророческие слова». Не глуп был, оказывается, Ильич. И не во всем неправ. Как и его товарищи по партии.

Сам Ленин, кстати, тоже чуть не стал жертвой империалистической бойни. Перед войной он жил в политической эмиграции в Кракове — на территории тогдашней Австро-Венгрии. С началом войны его как «верноподданного» Николая Второго арестовали с целью выяснения, не является ли г-н Ульянов русским шпионом? Имеется рассказ одного

австрийского солдата — русина из Галичины, как он конвоировал в нужник какого-то маленького лысого человека с бородкой, и как тот долго не открывал дверь, и галичанин подумал, что лысый дернул через туалет на волю. Конвоир уже собрался, было, стрелять... Но тут из-за дощатой двери появилась довольная рожа облегчившегося будущего вождя мирового пролетариата — справив нужду, тот дожидался, строго по Энгельсу, того момента, когда «короны дюжинами будут валяться по мостовой».

Конвоир не выстрелил. Ленин уехал в Швейцарию. Так из незначительных эпизодов и плетется мировая история.

Занятно, что к возникновению Первой мировой войны причастно тотемное украинское животное — свинья. Оно-то и подложило свинью мировой истории. В сараевском убийстве, кроме сербской террористической организации «Черная рука», направлявшей Принципа, некоторую роль сыграли еще и самые обыкновенные поросята. Их ввоз из Сербии на территорию Австро-Венгерской империи запретил незадолго до смерти несчастный Франц Фердинанд.

Сербия была страна сельскохозяйственная, с чрезвычайно ограниченным экономическим бюджетом. Поэтому все внутривнутриполитические проблемы в ней решались крайне жестоко. Патриоты из двух соперничавших королевских кланов — Обреновичей и Карагеоргиевичей дорываясь до государственного корыта, сводили счеты друг с другом без пощады, уничтожая своих политических конкурентов. Они боролись за право контроля над свиноводческой отраслью. Ведь единственной существенной статьёй сербского экспорта был вывоз... свинины, которую очень любили поедать австрийцы, венгры и чехи, входившие в состав Австро-Венгрии.

Вырученные за счет продажи свинины деньги сербы тут же вкладывали в приобретение оружия. Им тоже хотелось быть великой державой! Хотя бы в пределах Балкан. Оружие Белград обычно покупал у той же Австро-Венгрии — на частных заводах «Шкода», расположенных в Чехии. А одним из крупнейших акционеров этого предприятия был все тот же эрцгерцог Франц Фердинанд. Он вообще больше всего любил Чехию и жил там в своем замке Конопиште вместе с обожаемой супругой — чешской графиней Хотек. Конопиште — это самый центр Чехии. Замок прекрасно сохранился. Туристы и сегодня могут посмотреть, в какой пошлой роскоши проводил свои дни и ночи Франц Фердинанд.

Но незадолго до Первой мировой вредные сербы решили сменить поставщика вооружений. Вместо «Шкоды» они разместили свои заказы во французском концерне «Шнейдер-Крезю». Понесший существенные убытки эрцгерцог пришел в ярость. Как пишет в книге «Моя Россия» Питер Устинов — американский писатель русского происхождения: «Он отомстил, нанеся Сербии самый чувствительный удар: запретил вывоз свиней из Сербии в Австрию. Все эти события, связанные с покупкой Сербией оружия у Франции, запретом на ввоз свиней в Австрию из Сербии, а также раздражение самого Франца Фердинанда и создали атмосферу, в которой стало возможным убийство этого австрийского эрцгерцога».

Сегодня все боятся арабских террористов. А в начале прошлого века самыми страшными были сербские. Эти мрачные, но горячие ребята умудрились создать целый террористический режим на юге Европы.

Обстановка в мире отличалась нервозностью. Кроме классиков марксизма, ее замечательно характеризовали еще и некоторые консерваторы. Например, канцлер Германской империи Бисмарк, беседуя с русским послом, высказал мнение, что «великие державы похожи на путешественников, не знакомых друг с другом и случайно очутившихся в

одном вагоне. Они наблюдают друг за другом и, когда один из них сует руку в карман, то сосед готовит свой револьвер, чтобы иметь возможность выстрелить первым». Это было сказано еще в 1879 году. Но к 1914-му положение только ухудшилось. Во главе трех главных европейских государств — Германии, России и Австро-Венгрии — стояли наследственные монархи. Каждый из них должен был носить личину «отца народа», но относился к подданным не как к живым людям, а как к игрушечным солдатикам, которыми можно по-детски играть.

Кроме того, в Европе существовало мелкое вредное государство — Сербия. Оно очень хотело поживиться кусочком австро-венгерской территории и мечтало втравить в драку ради этого «старшего брата» — Россию. Во главе Сербии стояли самые настоящие разбойники. А наиболее колоритным из этих свинокрадов был полковник Драгутин Димитриевич по кличке Апис.

«Черная рука» Драгутин Димитриевич — справа в верхнем ряду

Сербия обладала глубокими национальными традициями политического терроризма. На протяжении всего XIX ст. две королевские династии — Карагеоргиевичи и Обреновичи — только то и делали, что последовательно отстреливали друг друга, сменяясь на престоле. Когда в 1903 году сторонники Карагеоргиевичей из тайной организации «Черная рука» пристрелили короля Александра Обреновича прямо с женой в его дворце и выбросили их трупы в окно, убивать внутри страны стало больше некого, и террор решили экспортировать за границу, как свинину.

Полковник Драгутин Димитриевич буквально опутал весь государственный аппарат своими соратниками из «Черной руки». Членом этого тайного общества был даже новый наследник сербского престола королевич Александр. В 1908 году Австро-Венгрия заявила об аннексии Боснии и Герцеговины, которой управляла по международному мандату уже почти 40 лет. Димитриевич-Апис обиделся и решил шлепнуть кого-нибудь из австрийских принцев. Больше всего на эту роль, на его взгляд, подходил славянофил Франц Фердинанд.

Эрцгерцог. Франц Фердинанд в гусарском мундире

«Убили, значит, Фердинанда-то нашего... того, что жил в Конопиште, того толстого, набожного», — это классическая фраза, которой начинается «Бравый солдат Швейк». По большому счету, ничего больше о наследнике австрийского престола у нас не знают. Между тем, Франц Фердинанд не был толстым, как полагала служанка Швейка пани Мюллерова, и не выделялся какой-то особенной набожностью. На момент смерти он уже разменял седьмой десяток. Франц Фердинанд приходился племянником императору Францу-Иосифу — старейшему монарху Европы, правившему дольше, чем Франц Фердинанд жил на свете — с 1848 года. Австро-Венгрия так привыкла к стабильности при этом императоре, что ее чиновники не хотели никаких перемен. Все и так было хорошо. Промышленность быстро развивалась — особенно в Чехии. Культурные права малых национальностей обеспечивались лучше, чем в любой другой стране тогдашнего мира. Правда, хотя Австро-Венгрию населяло 14 этносов, официально страна делилась на две части — Австрийскую империю и Венгерское королевство. Все остальные герцогства и королевства, входившие в страну, не имели фактической автономии.

Но наследник престола считал, что наступает время реформ. Он не любил венгров и испытывал особые симпатии к чехам, учитывая, что каждый вечер залезал в постель к представительнице именно этой нации — своей супруге. Славянофил-эрцгерцог хотел превратить двуединую монархию в триединую и выделить Чехию в отдельный полноправный субъект страны. Другим ее частям — Хорватии, Боснии, где находилось Сараево, Галиции он тоже собирался добавить прав. Это затрагивало интересы Венгрии, но Франц Фердинанд не мучился сомнениями. Венгерский язык он считал тарабарским, несколько раз пытался его выучить, страшно злился и признавался министру иностранных дел графу Чернину: «Они мне антипатичны хотя бы просто из-за языка».

Конопеште. Любимый чешский замок наследника

Как человек Франц Фердинанд отличался резкостью, грубоватостью и страстно любил охоту. За свою жизнь он подстрелил больше тысячи оленей. При этом наследник страшно злился, если кто-то топтал его цветы в парке Конопеште, где он знал каждое растение и увлекался садоводством. Существовало пророчество, что Франц Фердинанд станет причиной большой войны, над которым эрцгерцог посмеивался. Несмотря на свою брутальность, он был достаточно добрым человеком и не хотел большого кровопролития, подозревая, что империя его не переживет. Однажды он сказал: «Я никогда не поведу войну против России. Я пожертвую всем, чтобы этого избежать, потому что война между Австрией и Россией закончилась бы или свержением Романовых, или свержением Габсбургов, или, может быть, свержением обеих династий... Война с Россией означала бы наш конец. Если мы предпримем что-нибудь против Сербии, Россия встанет на ее сторону, и тогда мы должны будем воевать с русскими».

А начальнику австрийского генштаба Конраду фон Гетцендорфу, который мечтал о военной славе, наследник престола заявил, что войны с Россией нужно избегать, так как от нее выиграет только Франция и французские масоны-антимонархисты, «которые стремятся вызвать революцию, чтобы свергнуть монархов с их тронов».

Тем не менее, своими реформаторскими планами наследник мешал всем: австрийским милитаристам — развязать войну, венгерским националистам сохранить контроль над Хорватией и Словакией, сербским националистам — присоединить Боснию и Герцеговину, славянофилам — усилить русское влияние в Европе и добиться разделения Австро-Венгрии на мелкие славянские государства. В убийстве эрцгерцога было слишком много заинтересованных. До конца истоки этого теракта не распутаны до сих пор.

В результате летом 1914 года все в Европе только делали вид, что озабочены внезапной смертью Франца Фердинанда. В тайне Европа страшно хотела повоевать. Она была готова хватиться за первый попавшийся повод, чтобы расчехлить пушки. Так Франц Фердинанд стал первой жертвой мировой войны. Хотя русским офицерам было очень сложно объяснить

своим солдатам, почему те должны умирать из-за какого-то «эрц-герц-перца», титул которого простой мужик из-под Тамбова или Полтавы не мог даже выговорить.

Но ни одно «доброе» дело не остается безнаказанным. Сербия оказалась среди победителей в Первой мировой, превратилась в Югославию и в политическом отношении заняла на Балканах место покойной Австро-Венгрии, присоединив к себе Хорватию и Боснию. Но она тут же столкнулась с теми же проблемами, что и распавшаяся Австро-Венгрия. Раньше сербы охотились на австрийских принцев. Теперь — собственные сепаратисты стали отстреливать сербских правителей. Правда кровавый Апис — полковник Димитриевич — до этого не дожил. Он был расстрелян по приказу члена собственной организации «Черная рука» королевича Александра Карагеоргиевича в 1917 году. Естественно, по обвинению в государственной измене. Реабилитировали Аписа только в социалистической Югославии при маршале Тито.

1915 год. Поезд с русскими пленными едет по мосту в Карпатских горах

А сам Александр стал королем Югославии и был убит в Марселе в 1934 г. хорватскими террористами — точь-в-точь, как Франц Фердинанд, которого убили по его приказу. Александр, как и эрцгерцог, был подстрелен во время прогулки в открытом автомобиле. Думается, ему было о чем поговорить с покойным Францем Фердинандом, когда они встретились на небесах.

Однако все это будет потом. А пока Европа просто вступила в кучу дерьма, на котором ей было суждено поскользнуться — в Первую мировую войну.

Забывтый геноцид русских в Галиции

Наверняка, большинству из нас покажется невероятным, что человек, родившийся в Галичине в конце XIX века, официально числившийся поданным Австро-Венгерской монархии, ходивший в греко-католическую или, что значительно реже, в православную церковь и разговаривавший в быту на том, что теперь именуется украинским языком, считал себя по национальности... русским. Но так было. И таких людей было много. Очень много! Даже больше, чем можно представить.

Виселицы от «доброто цїсаря». По словам очевидцев, в 1914 г. путь отступления австрийцев в Галичине был уставлен виселицами для «русофилов»

Только один замалчиваемый ныне, но красноречивый факт. В начале прошлого столетия, незадолго до Первой мировой войны, среди членов австрийского имперского парламента пятеро принадлежали к Русской Народной Партии. На выборах в Галицкий сейм (краевой парламента Галичины) в 1908 году та же политическая сила провела 8 своих депутатов — «послов», как тогда говорили.

Причем все их противники — «украинофильские» партии (подчеркиваю, все вместе — от Национально-Демократической до Радикальной!) смогли провести тогда же только 12 депутатов. А несколькими годами ранее, на предыдущих выборах, Русская Народная Партия вообще побеждала в Галичине, имея одиннадцать своих представителей. Ровно столько же, кстати, получили тогда и все украинские политические партии. Выходит, что сторонников Русской Народной в Галичине было столько же, сколько их насчитывалось в нескольких украинских партиях, а кроме упомянутых мною Национально-Демократической и Радикальной, их имелось немало — около десятка!

Ни в учебниках, ни в официальных историях никакой информации по этому поводу вы не найдете. Скажем, в широко известной истории Украины канадского профессора Ореста Субтельного, которую печатали у нас на заре независимости огромными тиражами, выдавая за образец объективности, говорится, что в 1910 году в Галичине «было зарегистрировано

более 58 % населения польской национальности и только 40 % украинцев». А о русских в той же Галичине нет ни слова! Как будто их кот языком слизал! Но кто же тогда массово голосовал за Русскую Народную Партию, если там не было русского народа?

В некоторых трудах можно найти упоминания о каких-то загадочных «украинцах-русофилах» или «москвофилах», как их еще иногда называют. Наши нынешние историки задним числом записали эти «мертвые» галичанские души, как сказал бы Гоголь, в эдаких неполноценных украинцев — не совсем сознательных, что ли, надеявшихся не на близкую Австрию, а на далекую Россию.

Но дело в том, что такая трактовка — обычное псевдонаучное жульничество.

Один из основателей Русской Народной Партии в Галичине Осип Мончаловский в ее программе открыто декларировал, что она «исповедует, на основании науки, действительной жизни и глубокого убеждения, национальное и культурное единство всего русского народа... Принимая во внимание принадлежность русского населения Галичины к малорусскому племени русского народа, а также местные условия, русско-народная партия признает необходимым и целесообразным просвещать русское население Галичины на его собственном, галицко-русском наречии, не отказываясь, однако, от помощи, какую русскому народу в Австрии могут принести и действительно приносят общерусский язык и общерусская литература, представляющие национальное и культурное выражение всего русского народа».

Русская Народная Партия Осипа Мончаловского в начале XX века победила на выборах в парламент Галичины

Никакими «украинцами-москвофилами» ни Мончаловский, неоднократно арестовывавшийся австрийцами за свои взгляды, ни его единомышленники просто не могли быть. Это признает любой человек в трезвом рассудке, который прочтет еще один пассаж этого популярнейшего некогда в Галичине публициста, писавшего в издании «Червонная Русь». «Украинствовать, — утверждал он, — значит: отказываться от своего прошлого, стыдиться принадлежности к русскому народу, даже названий «Русь», «русский», отказываться от преданий истории, тщательно стирать с себя все общерусские своеобразные черты и стараться подделаться под областную «украинскую» самобытность. Украинство —

это отступление от вековых, всеми ветвями русского народа и народным гением выработанных языка и культуры, самопревращение в междуплеменной обносок, в обтирку то польских, то немецких сапогов».

Я понимаю возмущение тех, кому не нравятся эти слова. Но они были сказаны. И их должен учитывать любой мало-мальски серьезный исследователь, пишущий об украинской истории. Иначе это будет не история, а сказка для идиотов, за которых нас держат грантоеды-натолизы и вчерашние пропагандисты КПСС, съевшие свои партбилеты в ночь после путча 1991 года. История — это конфликт. А конфликт невозможен без двух противоборствующих сторон. Зачем же одну из них замалчивать?

Можете себе только представить тот скандал, когда в 1907 году депутат австрийского парламента от РНП Дмитрий Марков впервые в истории Западной Европы произнес с трибуны речь о правах русского народа Галичины на чистейшем русском языке! Вся Вена вздрогнула! Кем только не называли Маркова — вплоть до «изменника» дорогой австро-венгерской родины. А он всего лишь совершенно логично полагал, что если во времена Данилы Галицкого его родная земля именовалась Русью, а ее население — русскими, то и он как прямой потомок этой Руси тоже имеет законное право так же называться и отстаивать свои права!

Куда же девался целый русский народ в Галичине? Почему никто не вспоминает об этих неопровержимых фактах? А потому, что в августе 1914 году, в первые же дни Мировой войны, австро-венгерское правительство провело жесточайший геноцид против русских в этой провинции. Их вешали, расстреливали, ссылали в концентрационные лагеря «Талергоф» и «Терезин», затыкали им рот, обвиняли в шпионаже, а потом старались даже не вспоминать о всех тех преступлениях, которые совершало одно из самых «либеральных», по заверениям наших историков, «европейских» правительств. Так бы мы и не знали ничего, если бы не подшивки старых газет и четыре выпуска «Талергофского альманаха», изданного уцелевшими жертвами этого террора во Львове в 20 — 30-е годы.

В некоторых селах репрессии правительства стали поводом для сведения довоенных счетов. Те, кто голосовал за украинские партии, сдавали теперь австрийцам избирателей Русской Народной, которой продували выборы: «В Каменке Струмиловой, — по свидетельству «Талергофского альманаха», — один священник расстрелян и один арестован, повешено и расстреляно 10 крестьян и арестовано свыше 120 крестьян — все по доносу местного униатского священника Михаила Цегельского».

В селе Полоничная Каменецкого уезда «галицкие украинофилы» распространяли заведомо ложные и нелепые слухи о том, что война вызвана «москвофилами», написавшими к русскому царю прошение... На людей русских убеждений посыпались со всех сторон угрозы и доносы, которые встретили весьма благоприятную почву, так как жандармским постом заведовал у нас в то время заядлый украинофил Иван Чех». Уже на четвертый день войны ранним утром он арестовал целую толпу односельчан (32 человека!), избил несколько женщин, конфисковал домашнюю библиотеку у одного из задержанных и всех отправил в концлагерь Талергоф. Ни возраст, ни пол не могли служить оправданием. За колючую проволоку гнали от малых детей до 80-летних стариков.

В селе Устьи Жидачивского уезда австрийцы увели десять человек крестьян и в течение двух дней зверски издевались над ними. Арестованных настойчиво спрашивали: русские они или поляки? Крестьянина Федора Горака, назвавшего себя русским, тут же убили. Опасаясь судьбы несчастного Горака, остальные арестованные (в основном женщины) заявили, что они польки. После этого им приказали молиться по-польски. Польскую молитву знала только одна. Ее отпустили. Остальных взяли с собой и во время боя держали впереди боевой линии. Напор русских войск заставил австрийцев бежать. Только это спасло арестованных от смерти.

Исследователи этой трагедии, которую называют «Галицкой голгофой», считают, что через концлагеря «Талергоф» и «Терезин» прошло не меньше 100 тысяч человек. Количество расстрелянных и повешенных вообще не поддается учету. По сути, был репрессирован чуть ли не каждый сознательный русский галичанин.

В моей домашней библиотеке есть все выпуски «Талергофского альманаха», собранные в книгу «Военные преступления Габсбургской монархии 1914–1917 гг.» и переизданные в Соединенных Штатах к 50-летию трагедии. Ее опубликовал активист карпатско-русского движения Петр Гардый, посвятивший ее погибшему в Талергофе священнику Олимпию Полянскому из села Юровцы Сяноцкого уезда и «всем убитым, замученным и пострадавшим от австро-венгерского террора во время Первой Мировой Войны». Я купил эту книгу на интернет-аукционе — толстенный том, не уступающий по объему Библии. Каждая страница пропитана страданием и кровью.

«Вот видите, на этих деревьях перед окнами висели заподозренные в «русофильстве». Так прямо на деревьях вешали. Сутки повисят, снимут — и других на них же вешают... А шпионов развели австрийские власти массу. На заборах, стенах — всюду висели объявления с расценками: за учителя — столько-то, за священника столько-то, за крестьянина цена ниже и т. д. И достаточно было одного голословного доноса, чтобы несчастного схватили и бросили в тюрьму либо предали казни», такими картинами переполнен «Талергофский

альманах».

В 1914 году австро-венгерская армия отступала. Не имея силы справиться с русскими войсками, злость сгоняли на русских галичанах. Это были сцены в духе абсурдного юмора «Бравого солдата Швейка». В селе Дубровице священника Илью Лаголу жандармы арестовали и стали искать царский портрет, винтовки и бомбы, так как, по их словам, «русские все это привозили на аэропланах». Но ни бомб, ни портрета Николая II так и не нашли. Обнаружился только портрет Льва Толстого. По мнению полицейских, это было явным доказательством «государственной измены» — отца Илью тут же арестовали и отправили в концлагерь.

Австрийские жандармы искали у священника Ильи Лаголы портрет Николая II и бомбы, которые русские якобы «привезли ему на аэроплане». Но нашли только портрет Толстого...

Священника Г. А. Полянского арестовали только за то, что нашли у него на чердаке самодельный глобус, который послужил доказательством его «шпионской работы». Бедного попа обвинили в том, что он якобы нарисовал на этом глобусе раздел Австрии. Не помогли даже его объяснения, что с помощью глобуса он просто пытался нагляднее объяснить историю Ветхого Завета своим прихожанам.

После погрома. Вывеска газеты «Прикарпатская Русь», которую сорвали во время репрессий

В селе Речки под Жовквой крестьянку Паранович казнили за то, что она, вернувшись из Угнова, рассказала соседям о приближении русской армии: «Ее вытащили на улицу, избili до крови, а затем вывели за село и повесили. Прибежавшую за ней соседку, просившую солдат не убивать несчастной женщины, они повесили тоже».

Русские депутаты австрийского парламента были с началом войны тут же арестованы и обвинены в государственной измене. С 11 июня по 21 августа 1915 года в Вене по их делу прошел знаменитый судебный процесс. Главным обвиняемым был известный своими громкими выступлениями Дмитрий Андреевич Марков, а рядом с ним на той же скамье подсудимых сидели венский корреспондент петербургской газеты «Новое время» Дмитрий Янчевецкий и простой кузнец из Каменки Струмиловой Гавриил Мулькевич. Как пишет книга «Военные преступления габсбургской монархии», свидетелями обвинения «відзначились самі «чільні» українофіли» — депутаты парламента Семен Витык, Стефан Анешкевич, Вячеслав Будзиновский. Кость Левицкий (лидер Украинской национально-демократической партии) и будущий диктатор Западно-Украинской народной республики Евгений Петрушевич.

Марков. Звезда Русской Народной партии

По сути, это было сведение политических счетов. И Петрушевич, и Левицкий яростно ненавидели яркого красноречивого Маркова, который до войны мешал установить им монополию в Галичине. Австрийцы прекрасно использовали противоречия между галичанами — русскими и антирусскими, но говорившими на одном языке! Маркова и шестерых его товарищей приговорили к смертной казни. Несмотря на военные действия, через испанского короля Альфонса XIII за них просил русский царь Николай II. Австрийский кайзер Франц-Иосиф заменил осужденным смерть на пожизненную тюрьму. И только после его смерти в следующем 1916-м новый император Карл — совсем молодой и достаточно гуманный человек — выпустил их из тюрьмы, понимая, что процесс был обыкновенным фарсом. Никакой государственной измены за Марковым и его товарищами не числилось. Они просто отстаивали свою национальную идентичность и культурные права.

Сечевые стрелцы в боях за Австрию и красную Россию

На исходе своего президентского срока — буквально накануне «прощания с нацией» 7 января 2010 года Виктор Ющенко подписал один из своих последних «исторических» указов — о всенародном праздновании 95-летия (дата не очень круглая, но, когда сдаешь дела, это не важно!) победы сечевых стрелцов «над росіянами» в битве на горе Маковка. Народу предписываются массовые гулянья, которые по размаху должны превзойти День Победы 9 Мая вплоть до выпуска фильма, марки, проведения научных конференций, шествий и переименования улиц.

Отдадим должное Виктору Андреевичу. Как бывший член «преступной» компартии и «совіцький окупант» он не ограничивает свое гуманитарное образование историей родной КПСС, которую ему преподавали в Тернопольском финансово-экономическом институте, но и регулярно заглядывает в националистические пропагандистские брошюры начала прошлого века. А может, и не заглядывает — просто слушает на ночь сказки о стрельцах от своей второй супруги Кэтрин Клер-Чумаченко. Уверен, этих сказочек она знает немало — на них традиционно воспитывали молодую поросль в диаспоре, прививая ей духовные идеалы.

Гора Маковка, 1915 г. Так выглядели позиции сечевых стрелцов во время двухмесячных боев за эту карпатскую вершину

Но так как мозги «диаспорянам» промывали не меньше, чем детям, росшим на исторической родине (только на другой, антисоветский, манер), то и ей будет интересно узнать кое-что новое о сечевых стрельцах. Ведь Виктор Андреевич распорядился в своем указе это явление не только отпраздновать, но и «объективно» осветить. А как же не осветить уникальный феномен украинских сечевых стрелцов, начавших свой марш по страницам истории войной за Австрию, а закончивших битвами... за Красную Россию?! Многие из них стали видными деятелями «української радянської культури», а один даже дослужился при Сталине до советского генерала, подружился с маршалом Рокоссовским и

проделал карьеру обратную ющенковской — из националиста в члены Компартии!

Легион сечевых стрельцов был сформирован в 1914 г. в Галичине в подражание польским национальным формированиям на службе Австро-Венгрии. Галицкие украинствующие политиканы старались во всем не отстать от поляков и тоже кинулись наперегонки выявлять свою лояльность императору Францу-Иосифу, в связи с начавшейся Первой мировой войной. Раз полякам Вена разрешила создавать легионы, значит, и мы должны показать, какие хорошие из галичан верноподданные! Примерно так же в застойные 70-е годы, уже в советские времена, Тернопольская область, где учился Ющенко, будет лидировать по числу желающих вступить в компартию.

Впоследствии возникнет миф, будто бы, записываясь в сечевые стрельцы, «національно-свідомі галичани хотели воевать за независимую Соборную Украину. Это полная ложь. Ее легко опровергнуть, открыв любой доступный источник. Официальной программой Головной Украинской Рады, возникшей уже на второй день войны 2 августа из числа членов австрийского парламента и местных украинских партий и поднявшей вопрос о стрельцах, была национально-территориальная автономия Галичины в составе Австро-Венгрии. И не более того! Еще самые радикальные из галичан мечтали об отдельной независимой Украине из малороссийских губерний, на престол которой после победы над царской Россией должен был сесть принц из династии австрийских Габсбургов.

Другой миф гласит, что верные Францу-Иосифу украинцы-галичане кинулись в легион тысячами, как вода в Черемоше во время паводка, и только препоны официальной Австрии помешали сформировать из этого моря добровольцев полноценную армию, ограничившись всего одним легионом, численность которого равнялась обычному австрийскому пехотному полку — 2000 человек. Но вот свидетельство противоположного. Историк Ярослав Тинченко о «массовом энтузиазме галичан: «Во Львовском государственном архиве видел множество документов осени 1914 года, которые свидетельствуют о массовом дезертирстве сечевых стрельцов из легиона, бежавших домой во время отступления австрийской армии из Галичины».

Война действительно началась крайне неудачно для Австрии. Русские войска Киевского округа, превратившегося с началом боевых действий в Юго-Западный фронт, стремительно наступали. Уже 21 августа, через три недели после объявления войны, они без боя заняли Львов. Австрияки поспешно удирали в Карпаты, бросив галичан на съедение «московским варварам», каждый четвертый из которых был родом из Украины. В этих условиях самым естественным для галичан было драпать по домам.

Открытки, завлекавшие в легион веселой стрелецкой жизнью, мало походили на реальную войну

На самом деле население будущей Западной Украины очень ждало русские войска. Многие симпатизировали России. Поэтому австрийское правительство проводило против галицких украинцев массовые репрессии. Заподозренных в русофильстве тут же вешали или депортировали в концлагеря. Главными исполнителями этих репрессий были венгерские части, которые традиционно ненавидели галичан за участие в подавлении венгерского восстания 1848 года. Свои счета сводили с ними и местные поляки, составлявшие правящее меньшинство в Галичине. Висящий в петле греко-католический священник, которого вздернули отступающие австро-венгры, — типичный образ из послевоенных западных романов, описывающих 1914 год. Он присутствует и в «Бравом солдате Швейке» Гашека, и в «Марше Радецкого» галичанина Йозефа Рота. Нужно быть слепым, чтобы его не заметить.

В таких условиях дезертирство галичан из армии Франца-Иосифа было вполне закономерным. Недоверие австрийского командования к украинским сечевым стрельцам было настолько сильным, что, сформировав легион, оно побоялось применять его как цельную боевую единицу, бросая на фронт отдельные роты, за благонадежностью которых присматривали другие части многонациональной австро-венгерской армии.

По иронии истории, первый бой сечевых стрельцов, претендовавших на историческое наследие Запорожской Сечи, произошел с самыми настоящими потомками запорожцев — казаками 2-й Кубанской дивизии. Впрочем, боем назвать это сложно. В последних числах сентября 1914 г. стрелецкая сотня Осипа Семенюка столкнулась с пикетом кубанских казаков под селом Сянки в Карпатах. Кубанцы подстрелили пять сечевиков. Зато тем достался ценный трофей — кобыла. Летописцы боевых подвигов легиона УСС утверждают, что это был боевой конь одного из бежавших с поля боя казаков. Но не исключено, что, потеряв в перестрелке пять товарищей, легионеры выдали за взятого в бою коня реквизированную местную крестьянскую клячу, чтобы хоть как-то «подсластить» свою победу. Вопрос, куда девался сам хозяин героически захваченной лошади, так и не решен историками Первой мировой.

Из-за репрессий, которые проводили австрийцы в Галичине, отношение простых русинов к воякам УСС было неоднозначным. «Сечевых стрельцов даже называли гончими псами Франца-Иосифа, говорит историк Ярослав Тинченко. — Многие галичане надеялись на лучшую участь с приходом русской армии. Но новая власть во главе с графом Бобринским предпочла, по примеру австрийцев, заигрывать с местной польской аристократией. Тогда украинцы-русины охладели к войне вообще. Правда, русское командование считало, что солдаты-украинцы из армии Франца-Иосифа будут массово переходить на сторону русских, но ничего для этого не делало».

Повешенные галичане, 1914 г. Рядом позируют солдаты австрийской армии, совершившие этот «подвиг»

Сечевым стрельцам, брошенным австрийцами на фронт, тоже приходилось несладко. У нас любят самоуничижительно бичевать русскую и советскую армии. Но идиотизма хватало во всех армиях мира в том числе и в австрийской. Недаром именно она подарила миру роман Гашека. Зимой 1914–1915 гг. в Карпатах легион УСС самые большие потери нес не убитыми и ранеными, а обмороженными. Тонкие европейские шинели и ботинки, в которые нарядили галичан перед тем, как они принесли присягу Австрии, плохо подходили к военному карпатскому «слалому». Вооружили их тоже по принципу: на тебе, Боже, что мне не гоже. Об отношении австрийского командования к УСС говорит тот факт, что часть стрельцов вооружили однозарядными винтовками Верндля, снятыми с вооружения еще в 1888 г. при переходе на магазинную винтовку Манлихера. И это несмотря на то, что в легионе служил «цвіт галицької інтелігенції», — адвокаты, учителя и студенты составляли в этот период до 70 процентов личного состава двухтысячного легиона.

Ющенко собирался праздновать 95-летие победы украинских сечевых стрельцов над русской армией на горе Маковка. Увы, ни целая русская армия не могла уместиться на одной горе, ни легион УСС никогда не действовал самостоятельно. Бои за Маковку весной 1915 г. продолжались два месяца. Русские части то захватывали ее, то сдавали после контратак австрийцев. Кроме сечевых стрельцов, за нее дрались и другие части австро-венгерской армии, значительно превышавшие их по численности. Это были обычные нудные позиционные стычки, каких случалось множество за Первую мировую войну. Ни в одной приличной истории «битвы за Маковку» вы не найдете. О «размахе» ее говорит тот факт, что

за два месяца «бесперерывных подвигов» сечевые стрельцы потеряли 42 человека убитыми, 76 ранеными и 35 пленными. Маловато, как для эпохальной битвы!

Русские войска отступили от Маковки не из-за героизма стрельцов, а из-за прорыва немецкой армии под Горлицей в Польше — кайзер Вильгельм бросился спасать своего австрийского союзника и нанес мощный удар, не пожалев снарядов для артподготовки. После этого русское командование начало отвод из Карпат всего Юго-Западного фронта, которому грозил обход, — в том числе и из-под никому не известной горы Маковка.

Австро-венгерская армия не была слабым противником. Но УСС не принадлежал к ее лучшим частям. Элиту воинства Франца-Иосифа составляли немецкие и венгерские полки, а также те, в которых служило много хорватов. На протяжении всей войны русские неоднократно и со вкусом разделялись с «украинским легионом», таявшим на глазах, несмотря на пополнения. Во время Брусиловского наступления 1916 г. сечевые стрельцы поспешно удирали, проявив выдающиеся беговые качества. Они много теряли пленными. Но братской могилой их стала невысокая гора Лысоня на Тернопольщине.

По разным данным там в 1916 г. погибло от 700 до 1000 солдат-галичан. В плен к русским попал даже будущий глава ОУН сотник Андрей Мельник и множество других. От «легиона», переименованного к тому времени просто в полк, осталось всего 16 офицеров и 150 стрельцов.

Чтобы придумать этому разгрому оправдание, пришлось сочинить легенду, что против УСС сражались лучшие части российской императорской армии. Автор вышедшей в 2008 г. книги «Украинские легионеры», некий Иван Монолатий даже утверждал, что русское командование атаковало Лысоню «силами 113-ї елітної пішої дивізії». Разочарую апологета стрелецких подвигов — 113-я пехотная дивизия не могла быть элитной. Она относилась к так называемым «третьеочередным» дивизиям — самым слабым в русской армии. Ее сформировали только во время войны из саратовских ополченцев. Но командовал этой дивизией украинец, генерал-лейтенант Александр Тимченко, имя которого то ли не знает, то ли постеснялся упомянуть автор легенды. Ни один украинец никогда не командовал в австрийской армии дивизией. В русской — их было полно даже среди командиров корпусов. После катастрофы под Лысоней отправленным на переформирование «усусам» (так еще галичане называли сечевиков) даже прислали командира-неукраинца — чеха подполковника Кикаля. В командные способности галичан добрая бабушка Австрия больше не верила. Разгром УСС был настолько сильным, что несколько месяцев австро-венгерские генералы даже не хотели восстанавливать эту воинскую часть. Однако, к концу войны таки восстановили.

После окончания Первой мировой войны в 1918 г. сечевые стрельцы стали частью Галицкой армии — вооруженных сил ЗУНР (Западно-Украинской Народной Республики). Их дополнили и развернули в бригаду. Вскоре Галицкая армия была разбита поляками и перешла через Збруч на территорию Украинской Народной Республики Симона Петлюры. Потом она стала частью Вооруженных Сил юга России генерала Деникина, а после победы красных объявила себя ЧУГА — Червонной Украинской Галицкой Армией. Так 1-я бригада УСС (Украинских Сечевых Стрельцов) была переименована в 1-й полк Червонных Украинских Сечевых Стрельцов. «Вместе с 3-м и 7-м полками Галицкой армии, — рассказывает военный историк Ярослав Тимченко. — Он стал 1 й бригадой ЧУСС. Кстати, в 3-м полку служило много представителей украинской львовской интеллигенции. Красные включили сечевых стрельцов отдельной бригадой в 44-ю стрелковую дивизию (бывшую 1-ю

Украинскую Щорса). Началась война Красной России с поляками. Когда в конце апреля 1920 г. еще две бригады ЧУГА восстали против красных и ушли к полякам, бригада сечевых стрелцов осталась в Красной Армии. Во время наступления поляков она оказалась в окружении под Казатином, но прорвалась ценой атаки Львовского куреня. После этого сечевые стрелцы высоко котировались у красных. После окончания гражданской войны несколько сотен молодых людей из состава бригады были отправлены в Харьковскую школу червонных старшин. Многие из них сделали карьеру в области советской культуры. Например, Мирослав Ирчан. Но самым известным среди военных оказался и одновременно самый молодой сечевой стрелец Остап Стеця. Он вступил в сечевые стрелцы в 1915 году, имея 15 лет от роду, провоевал Первую мировую и гражданскую войны, а в 40-е годы стал советским генералом и одним из руководителей Войска Польского, организованного во время войны на советской территории. Среди его военнослужащих было много галичан-украинцев. Генерала Стецю направили в Войско Польское как уроженца Галичины, с детства знавшего польский язык. Есть фотография, где он стоит рядом с Рокоссовским».

Чтобы помнили. Справа от Рокоссовского — бывший стрелец генерал Стеця

Такой неожиданный финал имеет история сечевых стрелцов...

Революция, похитившая победу

Подлинной причиной возникновения в 1917 году зародыша «самостийной» Украины стало не единодушное желание украинской нации, еще не существовавшей, да и ныне существующей больше в воображении, чем в реальности, а кризис власти, вызванный Февральской революцией в Петрограде. В православии царь — «удерживающий». Его миссия — сохранить вверенный ему Богом народ от крайних проявлений сатанинского начала.

Царь не просто держит в руках скипетр и державу. Он — удерживает мир от прихода Антихриста. Не только нас, русских, избранных Богом сохранить светоч истинной веры, но и всю землю. Стоило пасть монархии в России, и через год рухнули короны в Германии и Австро-Венгрии. Ночь нацизма накрыла Европу. Зажглись топки концлагерей. Вот она — мистическая связь между евреем-террористом Мордехаем Богровым, стрелявшим в Столыпина — премьер-министра православного царя — и его безымянным соплеменником, сгоревшим в печи Дахау. Причина и следствие. Выстрел Богрова услужливо открывал... дверь газовой камеры и дверцу крематория — расчищал путь Гитлеру. Пули Юровского и его подручных, прекративших в Екатеринбурге земную жизнь православного императора и членов его семьи, это первый порыв ветра Провидения, который загонит топор в железную башку Троцкого. Масонская наглость начальника Генерального штаба Алексеева, потребовавшего у государя отречься в дни Февраля, приведет его к позорной смерти беглеца в обозе деникинской армии, а не к славе победителя во Второй Отечественной войне, как называли Первую мировую в тогдашней России. Душевная слабость Николая II, позволившего себе на мгновение забыть об обязанностях помазанника Божия и поддаться на уговоры Алексеева и ему подобных, вместо того, чтобы сказать: «Вы можете убить меня, господи, но я — ваш император, и я не отрекись, и пусть кровь моя будет на вас», ввергнет царя в тот самый подвал, где его ждет пуля Юровского. Все замыкается. Спасения нет. Ибо царь отрекся от своего народа. А народ отрекся от своего царя. И горе всем тому поспособствовавшим. Всем.

*Февраль 1917-го. После революции и отречения Николая Россия потеряла лидера.
Началась война всех со всеми*

Февральская революция 1917 года до сих пор остается одной из самых великих исторических тайн. Взорвался не просто паровой котел — целая империя. «Наше православное царство», по словам Шевченко, сказанным в минуту просветления. Да так взорвался, что осколки его — в том числе и наша заблудшая Украина-Малороссия разлетаются по сей день. Все мы в той или иной мере наследники кровавого февраля 1917-го. И главное — никто точно так и не сказал, почему случилась эта катастрофа.

В школьных учебниках моего советского детства писали, что в Петрограде тогда начинался голод. Мол, возникли очереди за хлебом. Потом восстали рабочие, солдаты столичного гарнизона. Ситуация вышла из под контроля. Царь отрекся. А победой воспользовалась хитрая буржуазия, породившая Временное правительство.

Потом, уже после распада СССР, историки не раз писали, что голода в столице империи не было. И не только голода, но и вообще никаких проблем с продуктами. В 1917 году из всех стран, участвовавших в Первой мировой войне, Россия оставалась самой сытой. Германия задыхалась в тисках морской блокады. У немцев дети в то время рождались без ногтей из-за костлявых мамаш, вынашивавших плод на голодный желудок! Но никто не бунтовал и кайзера не свергал!

Маленькая 50-миллионная Австро-Венгрия, которую у нас презрительно именовали «лоскутной империей», сражалась впроголодь на два фронта — против России и Италии. И успешно сражалась — в основном на чужой территории. У нас ее армию до сих пор представляют только по «Похождениям бравого солдата Швейка». Но правда заключается в том, что не Россия закончила Первую мировую войну захватом хотя бы Львова, а Австро-Венгрия — оккупацией Одессы и Екатеринославля. Это при тотальной нехватке ресурсов!

Союзники России — Англия и Франция — мобилизовали в армию все, что смогли — сначала красивых и спортивных, а потом дохлых и плоскостопых. Все призывные возраста, вплоть до стариков, за исключением только сумасшедших и совсем уж дряхлых, с которых песок в прямом смысле сыпался! Именно тогда Западная Европа стала континентом массово работающих женщин. Тот трудовой подвиг, которым советский народ прославится в Великую Отечественную войну, когда мальчишки будут точить снаряды, английские, французские и немецкие подростки совершили уже в Первую мировую! И союзники России, и ее враги в феврале 1917-го давно жили по карточкам. Все продукты там распределялись строго по нормам. Никакого свободного рынка в Европе на тот момент не было! Только тотальная мобилизация и учет всего — та экономическая политика, которую потом большевики, ничего не придумав — только слямзив, назовут «военным коммунизмом»!

А в России на момент Февральской революции по карточкам распределялся лишь сахар. Все остальные продукты, вплоть до красной и черной икры, находились в свободной продаже. И было их столько, что хватило бы даже не на две, а на три России. Есть красноречивый пример. Уже когда закончится не только Февральская, но и Октябрьская революция, и немцы после Брестского мира весной 1918-го войдут в Киев, их поразит прежде всего обилие еды. Кайзеровские солдаты будут пялиться на витрины киевских магазинов, переполненные колбасами и булками. И нажираться от пуза впервые за всю войну!

Вспомните еще один исторический факт. В другую войну — Отечественную — бывший Петроград, который станет Ленинградом, окажется в полной блокаде. Начнется настоящий голод — с людоедством и трупами на улицах. Но никто не восстанет и революцию не устроит. А в 1917 году очереди в Петрограде возникли в один прекрасный день (даже дата

известна точно — 21 февраля по старому, 6 марта — по новому стилю). И так же в другой прекрасный день через неделю исчезли. И всю весну, лето и осень революционные граждане будут трескать свой хлеб за обе щеки и заплевывать улицы столицы империи шелухой от семечек чуть ли не по колено. Значит, кому-то было нужно, чтобы хлеб в совершенно определенный момент куда-то подевался, а потом снова нашелся! Словно чудо революционное случилось! Отрекся Николай II и тут же булочные наполнились буханками, а очереди ушли на митинги.

Но чуда не было. Было совсем другое. Те, кто организовал Февральскую революцию, понимали, что делать ее необходимо немедленно, потому что ровно через три-четыре месяца Россия одержит полную победу в войне, самодержавие докажет свою эффективность, а Керенский, Гучков, Львов, Терещенко и прочие деятели февраля так и умрут никому не ведомыми масонами, высчитывая в своем узком кругу, у кого масонский градус круче.

В одном из писем, как всегда исподтишка, признался лидер конституционных демократов Милюков: «Твердое решение воспользоваться войной для производства переворота было принято нами вскоре после начала войны, вы знаете также, что наша армия должна была перейти в наступление (весной 1917 года), результаты коего в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования. Вы понимаете теперь, почему я в последнюю минуту колебался дать свое согласие на производство переворота, понимаете также, каково должно быть мое внутреннее состояние в настоящее время. История проклянет вождей, так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю».

Милюков: «... История, проклянет вождей, так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю»

Предшествовавший революции 1916 год оказался весьма удачным для Русской императорской армии. Пусть и с громадными жертвами, но был совершен тот самый всем известный Брусиловский прорыв. Полностью забыли снарядный голод. На Черном море

ввели в строй два новеньких линейных корабля и готовились вводить третий. Каска и противогаз стали нормой для пехотинца на фронте. В небе летали сотни русских истребителей, покончив с господством немцев в воздухе. Воздушные бои на Восточном фронте, если не считать таран Нестерова, начались только в 1916 году, и на момент распада империи насчитывалось не меньше двух десятков асов, вплоть до полковника Казакова, сумевшего сбить 32 немецких самолета. Умудрился же он нащелкать их всего за год! Значит, успешно развивалась царская авиация. И следовательно, нужно было спешить в тылу демократам, либералам и прочим внутренним врагам?

1916-й год стал весьма удачным для царской армии

Главную проблему для империи представлял не разномастный революционный спектр различных политических направлений от кадетов до большевиков, который я назвал бы не спектром, а сбродом, а добрый и интеллигентный последний император. Россия всегда нуждалась в грозном царе. Если бьет, значит, любит. Это знала не только любая баба, но и вся нация в целом. Россия — это страна садомазохизма. В этом суть ее великодержавной эротики. Царь Иван запугал всех опричниной до смерти, но до сих пор памятником ему стоит храм Василия Блаженного на Красной площади. А доброго сына его — Федора Иоанновича — ничто не помнит. Петр Великий рубил лично головы стрельцам на той же Красной площади и считается выдающимся деятелем — самым удачливым российским реформатором. А сын его — Алексей — сгинул в Петропавловской крепости при невыясненных до конца обстоятельствах. Никому не нужный и не интересный.

Николаю II его победившие враги дали прозвище Кровавый. Ну, какой же он Кровавый? Он в жизни своей никого, кроме ворон и прочего мелкого зверья, не убивал. Это все его «кровавые» деяния! Войну устроил? Так не только он один. Там целая компания, составлявшая так называемый «европейский концерт». Вообще непонятно, кто первый войну начал и кто кого подстрекал. Тогда по справедливости почетное прозвище Кровавый

необходимо присвоить всем сановным современникам последнего царя. Так и писать — премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж Кровавый, первый лорд адмиралтейства Уинстон Черчилль Кровавый. (Мало он, что ли, народу погубил в двух мировых войнах, да и лично пострелял из пистолета во время колониальных карательных экспедиций?) Король их Георг V Кровавый, допустивший двух этих душегубов на высокие посты. И так далее по списку: Вильгельм II Кровавый, Франц Иосиф II Кровавый, Раймонд Пуанкаре Кровавый — президент Франции... Господи, сколько этот Пуанкаре народу французского из-за немецкоязычных Эльзаса с Лотарингией отправил на тот свет! Да и немецкого тоже. И ради чего? Теперь и Франция, и Германия все равно в Евросоюзе в обнимку. Как две лесбиянки. Стоило ли ради этого делать «потерянным» целое поколение, превращая его в окопах в черепа, обглоданные крысами до идеальной белизны и гладкости?

Если Николая II называли Кровавым, то тогда такое прозвище заслужили все его европейские сановные современники

Чтобы лучше уяснить положение Российской империи накануне Февральской революции, я позволю процитировать того же Черчилля из его книги «Мировой кризис»: «Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была на виду. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена... Долгие отступления окончились; снарядный голод побежден; вооружение притекало широким потоком; более сильная, более многочисленная, лучше снабженная армия сторожила огромный фронт; тыловые сборные пункты были переполнены людьми. Алексеев руководил армией и Колчак — флотом. Кроме того, никаких трудных действий больше не требовалось: оставаться на посту; тяжелым грузом давить на широко растянувшиеся германские линии; удерживать, не проявляя особой активности, слабеющие силы противника на своем фронте;

иными словами — держаться; вот все, что стояло между Россией и плодами общей победы... В марте царь был на престоле; Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна».

Кровосос Черчилль

Думаю, те, кто хотел в тот момент отстранить Николая II от власти, не хуже Черчилля, осознавали это положение. После победы самодержавие только укрепилось бы. Ни о замыслах русских либералов, мечтавших ограничить власть императора по английскому образцу, ни о глобальном эксперименте большевиков не было бы и речи. Страна проходила точку бифуркации. Нервы у всех были напряжены до предела. И тогда внутренние враги империи решили надавить на самую уязвимую точку в системе самодержавия — на самого Николая Второго.

Мы привыкли слышать, что последний царь был слабым правителем. Но это не так. Попробуйте хоть раз мысленно встать на его место. В 1917 году шел двадцать третий год его правления. Нынешние президенты «выдыхаются» максимум за два срока. У Николая II это был в пересчете на президентские уже пятый срок! И решал царь проблемы не наподобие финансового кризиса в Греции, а по-настоящему трудные. Ему выпала русско-японская война, революция 1905 года, Первая мировая. Эсеровский террор достиг пика. Ни министры, ни генералы, ни сам глава империи не были уверены в своей безопасности. Но Николай держался! А еще строил линкоры, развивал армию, проводил реформы. Это был совсем не слабый человек!

Но в начале 1917-го все было против него. Думская оппозиция попыталась действовать через ближайшее окружение Николая II, чтобы убедить его назначить так называемое «ответственное министерство» — то есть кабинет министров, который подбирал бы не царь,

а парламент. Это был так называемый «заговор великих князей» — именно через них, расстрелянных потом большевиками, пытались вложить в уши самодержца эту идею. Убийство Распутина — всего лишь зримое ответвление верхушечного заговора. Старца убили великий князь Дмитрий Павлович и депутат Пуришкевич. Царя лишили его последнего энергетического донора.

Революция планировалась как попытка переворота сверху. Ее подлинные тайные вдохновители — глава военного комитета Думы Гучков, лидер кадетов Милюков и председатель Думы Родзянко — рассчитывали, что все ограничится маленькой заварушкой. Народ в Петрограде побунтует, царь отречется, малолетний царевич Алексей не сможет ни на что влиять, и в России воцарится дорогая их сердцу олигархическая «демократия».

Но вышло не так, как мечталось. Эсеры и большевики слишком уж подогревали революционный котел снизу — просто, как черти в аду. Николай II, вопреки ожиданиям, отрекся не только за себя, но и за Алексея, что нарушало, кстати, законы Российской империи. Его брат Михаил отказался принимать скипетр. У страны временно не оказалось лидера. И началась война всех со всеми. Произошло то, о чем еще в XIX веке предупреждал Николай Гоголь: «Всеобщая беда — государь ли позабудет своего подданного и отрешится от него или подданный позабудет своего государя и от него отрешится».

Уже в наши дни вспомнили, кто же все-таки нарушил временно железнодорожное сообщение, вызвавшее хлебные очереди в Петрограде. Это был скромный чиновник Министерства путей сообщения — Юрий Ломоносов — толстопузый жизнелюб и приятель депутата Думы Бубликова. Через несколько дней два этих друга с группой уголовников захватят министерство лично. Ломоносов, кстати, был приятелем еще и Ленина! Уже после Октябрьской революции его назначат уполномоченным Совнаркома по закупке паровозов за границей. Умрет в Лондоне! Напрасно говорили, что Февраль обошелся без большевиков. Они тоже были в числе расшатывателей устоев и подгрызателей опор!

Юрий Ломоносов

И напоследок еще одна цитата из Черчилля: «Согласно поверхностной моде нашего

времени, царский строй принято трактовать как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен был исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которые она оказалась способна».

Единственное, что не смог выдержать этот гигант, это удар в спину. Хотели победить самодержавие, а победили самих себя.

Самозванная Центральная Рада

Бывает, что ничтожные события, как искра, проносятся в сознании современников, а потом через десятилетия неожиданно превращаются в исторический миф. Так случилось с Центральной Радой, существовавшей чуть больше года — с марта 1917-го по конец апреля 1918-го. Киевляне начала столетия, видевшие этот режим воочию, припечатали его презрительным определением — «оперетка».

Без февральской революции в Петрограде, покончившей с тремя столетиями Романовых, никакого национального возрождения в Украине, наверняка, не было бы. В то время, когда в столице России бушевали уличные страсти, в Киеве стояла тишь и благодать. «К концу февраля 1917 г., — писал местный мемуарист Гольденвейзер, — наша киевская атмосфера не была сгущена более, чем обыкновенно, и ничто не предвещало близкой грозы».

Все изменилось 15 марта (3-го по старому стилю), когда отчеты о перевороте в Петрограде опубликовали киевские газеты. Засевшим в тылу общественным деятелям революция очень понравилась. Всем хотелось чего-то новенького, и вот оно наступило! Сразу же возникло множество организаций, из щелей вылезали подпольные партии всех окрасов. Было среди них и так называемое «Товариство українських поступовців» — сокращенно ТУП. Название это сейчас мало что говорит душе и уху. Тем не менее, именно этот ТУП и постановил основать организацию, которая бы представляла интересы украинцев.

В чем они состоят, толком еще никто не понимал. Решили, что делегатов должны прислать украинские общественные организации. Но так как таких почти не имелось в природе, то некий Дмитрий Антонович — сын известного историка, оббегал в Киеве все, что мало-мальски их напоминало, и набрал первоначальный список членов. Рассмешил он даже будущего первого председателя Центральной Рады Михаила Грушевского, так как Антонович включил в него тринадцать самых разнообразных кружков социал-демократического окраса, вплоть «до церковных хоров».

Единственная причина, почему Антонович развернул такую бурную интриганскую деятельность, был страх, что власть в украинском объединении захватит ТУП во главе с известным в узких украинофильских кругах литературоведом и журналистом Сергеем Ефремовым. Не будет преувеличением сказать, что и родилась-то Центральная Рада из внутриукраинской партийной грызни.

Сергей Ефремов

Специалисты до сих пор не решили, какой день считать первым в истории Центральной Рады. Самый ранний протокол ее зарегистрирован 22 марта. Но первую годовщину отпраздновали под председательством Грушевского в 1918 г. почему-то 20 марта. В справочниках чаще всего попадаетея дата 17 марта (4-е по старому стилю). А в самой популярной газете нашего города того периода — «Киевской мысли» — сообщение о возникновении некоего комитета «Центральная Рада» отнесено все-таки к 17 марта.

Что же касается «версии» Грушевского, то дед, скорее всего, что-то напутал — ведь его в это время не было в Киеве. Грушевского пришлось пригласить на родину, чтобы навести хоть какой-то внутренний порядок. Ведь все члены Рады чувствовали себя гениями, носителями прогрессивных идей и никто никому не хотел подчиняться. Они так ненавидели друг друга, что решили передать власть над собой человеку старшего поколения, по возрасту годившемуся на роль «отца».

Михаил Грушевский

Чтобы придать новому органу хоть какую-то легитимность, было решено созвать Всеукраинский национальный съезд. Он произошел в начале апреля. Тем не менее, даже точное число его делегатов известно только примерно. Называют цифры от 700 до 1500 участников. Но документы показывают, что в выборах председателя Рады 8 апреля участвовало только 593 делегата. Чему верить?

Но представляли они не граждан Украины, большинство из которых даже не догадывалось, что в Киеве возник некий самозванный «парламент», а только общественные организации. Такой трюк сделал орган власти нелегитимным, так как народ его не избирал. Впоследствии это сильно сказывалось на самооущении членов Рады, ведь в глубине души они понимали, что являются всего лишь политическими жуликами, попытавшимися узурпировать власть.

Больше всего делегатам хотелось выговориться. Так в бесплодных дебатах и прошел год. Никакой реальной власти Рада не хотела. Даже отделяться от России решила только после того, как в Петрограде победили большевики. На бумаге с разрешения Временного правительства у Рады были целые «украинизированные» корпуса русской армии, а на практике все это разбегалось по домам с немецкого фронта и никому не подчинялось.

Опять же только на бумаге существовал и кабинет министров во главе с драматургом Винниченко. Чиновники его не уважали и не слушались. Военный министр Центральной Рады Симон Петлюра однажды из-за нехватки помещения даже вынужден был проводить заседание своего ведомства в парламентском туалете. Что еще могло родиться в таком месте, кроме идеи послать необученных студентов под Круты?

Владимир Винниченко

Только по причине полной недееспособности Центральной Рады большевики так легко захватили Киев в январе 1918 г. и выгнали Грушевского с компанией в железнодорожный эшелон, превратив эту говорильню в правительство на колесах. Единственным практическим делом, которое совершила Рада, было приглашение в Украину немцев. На штыках оккупантов этот «уряд» и вернулся в Киев, чтобы опять приступить к привычному делу — болтовне.

Устав от дискуссий ни о чем, 30 апреля 1918 г. кайзеровская армия заменила Грушевского куда более вменяемым правительством гетмана Скоропадского. «Оперетка»

кончилась.

Не так давно третий президент Украины Ющенко горячо наезжал на идею федерализма. А Юрий Луценко в бытность министром внутренних дел даже пустил в обиход обидное словечко «федерасты». А напрасно! Ведь отец-основатель Украинской народной республики Михаил Грушевский, по луценковской терминологии, тоже «федераст»! Он автор работы «Якої ми хочемо автономії і федерації», увидевшей свет в 1917 г.

Никакой независимости Грушевский в этой книжонке не хотел. Вершиной его политической мечты было, чтобы Украина входила в Российскую федеративную республику. «Федерація, — объяснял он, — означає об'єднання в одній державі кількох держав». И расшифровывал: «Се зазначається... в самій назві федерацій: найбільш звісна з них назва північно-американської союзною держави «Сполучені Держави Америки (Соединенные Штаты — штати се значить держави)». Звучит немного коряво. Но в общем понятно.

Единственное, чего требовал от России косноязычный профессор-спикер, чтоб она была демократичной: «Ми хочемо, щоб держава, до складу котрої входитиме Україна, були федеративною демократичною республікою». Целая глава у него так и называется: «Автономна Україна в Федеративній Російській республіці».

Отказаться от этой мысли Грушевского заставила только Великая Октябрьская революция и восстание большевиков в Киеве. Лишь после них 9 января 1918 года своим Четвертым универсалом Центральная Рада объявила о полной независимости Украины.

Несмотря на то, что Центральная Рада вещала якобы от имени всего украинского народа, большинство граждан на Украине даже не понимали, кто такие украинцы. До революции употребляли слово «малороссы», которые считались наряду с белорусами и великороссами частью единого русского народа. Идея не то, что независимой, а просто хоть какой-то Украины была чисто интеллигентской штучкой узкого круга избранных политиканов.

Поэтому Михаилу Грушевскому в экстренном порядке пришлось написать целую брошюру «Хто такі Українці і чого вони хочуть». Загадочное природное явление профессор объяснял в чисто биологических терминах: «Подивитися на вигляд українців — зараз можна помітити, що се люди не одної породи: одні чорняві, інші біляві, одні мають голову круглу, інші подовгасту, одні тілом худі і костисті, інші товсті, тілисті. Видно, що се потомки людей з різних порід і племен, що помішалися і злилися в один народ, об'єднані одною мовою, а головне — одною свідомістю народною»...

Грушевский провел целое филологическое исследование этой смеси и утвердился в выводе, что она действительно состоит из разнородных компонентов: «Переглядаючи прізвища українські, побачимо тут і потомків родин великоруських, і польських, і німецьких, і сербських, і жидівських, що пристали до українців в різні часи і вважають себе українцями». Но к евреям первый украинский спикер относился очень подозрительно. «Бували і з жидів українські патріоти, котрі не відрікалися своєї жидівської віри, — писал он. — Правда, що небагато було таких».

Как утверждал «батько нації», не важно, «якого хто роду, якої хто віри, а часом, навіть — і якої хто мови». Главное, чтобы они «вважали себе українцями».

Все это показывает, что украинская нация в 1917 году только начинала складываться. Это показали и единственные демократические выборы, которые тогда удалось провести — в органы местного самоуправления. Даже американский историк украинского происхождения Тарас Гунчак был вынужден признать, что в Екатеринославе при выборах в городскую думу из 110 мест украинцы получили только 11, в Одессе из 120 — пять, в

Житомире из 98 — девять, в Херсоне из 101 — пятнадцать, и даже в Киеве украинские партии взяли только 25 мандатов из 125!

«Яка іронія, — писав Гунчак в книзі «Україна: перша половина ХХ століття», — у той самий час, коли у Києві засідала Українська Центральна Рада, містом керували люди, які вкрай вороже ставилися до боротьби українського народу за самостійне існування».

Но ведь так получилось, что избирателям дали право свободно высказаться на выборах в городские думы! А за Центральную Раду никто из них не голосовал — она сама собралась без спросу избирателей. Самозванно. Куда же девались потом эти избиратели? Одни погибли во время гражданской войны, другим — заткнули рот победившие в конце концов большевики.

Тарас Гунчак

Главной причиной, почему Центральная рада воспринималась киевлянами как оперетка, была комичность ее вождей. Нельзя сказать, что Грушевский и Винниченко — полные ничтожества. Но оба они оказались явно не на своем месте.

Грушевский, уставая от галдежа на заседаниях «парлямента», вместо того, чтобы выполнять свои обязанности спикера, строчил прямо в сессионной зале какие-то брошюры и учебнички, за которые ему платили щедрые гонорары. Его «Иллюстрированную историю Украины» наконец-то стали хорошо раскупать. Обывателю было интересно почитать, чего там накалякал новый начальник. А Винниченко, возглавив первый украинский кабмин, никак не мог избавиться от ремесла драматурга, которым занимался до того, как податься в политику.

Киевский мемуарист Григорий Григорьев вспоминал, как в разгар революции 1917 года зашел к знакомой машинистке на Фундуклеевскую, 20 и неожиданно столкнулся лоб в лоб с главой украинского правительства: «С машинисткой разговаривал Винниченко. Вскоре он ушел, пожав ей руку. Я не удержался, чтобы не расспросить о таком известном деятеле нового правительства. Она рассказала, что Винниченко, наверное, больше, чем

государственными делами, интересуется своими пьесами. Принес, чтобы немедленно напечатать исправленный экземпляр для нового издания «Черной пантеры и белого медведя».

По словам девушки, печатать для премьеры ей приходилось очень много. Винниченко, боясь разрушить имидж державного мужа, стеснялся напрягать левой работой машинисток в Центральной Раде и обратился к ней как к старой знакомой. Печатать свои пьесы Владимир Кириллович предпочитал в Москве в русском переводе — так было больше славы. Вскоре в киевских книжных магазинах появился московский сборник произведений 37-летнего украинского премьер-министра.

Говорят, достигнув предела компетентности, люди на новой должности с наибольшим увлечением делают не то, что нужно, а то, что у них хорошо получалось раньше. Именно так и случилось с Грушевским и Винниченко. Они с успехом издавали во время революции своих книг и потеряли независимость Украины сразу же после ее обретения.

Галоша Грушевского против украинской армии

Но как получилось, что Октябрьскую революцию шустрая Центральная Рада встретила практически безоружной? Почему за восемь месяцев после падения царского режима «батьки нації» не сумели создать собственную армию?

Действительно парадокс! Особенно на фоне аналогичных сюжетов той эпохи. Национально-освободительные войны против большевиков умудрились выиграть крошечная Финляндия, сшитая на скорую руку из лоскутов Польша и даже такие геополитические недомерки, как Латвия или Эстония. И только огромная Украина (уже тогда все знали, что размером она, как Франция!), имея целую орду бывших военнослужащих Российской императорской армии — по происхождению украинцев (в том числе, 700 генералов, 60 тысяч офицеров и почти 2 млн. солдат) умудрилась проглотить все и всем!

Единственным самостоятельным успехом украинских вооруженных сил было взятие Петлюрой в декабре 1918 года Киева, который отбили у украинского же гетмана Скоропадского! Получается, это была победа над своими же в карликовой гражданской войне. А все остальные «подвиги» — и предыдущие, и последующие — совершались только при помощи внешних сил. Весной того же 1918-го Грушевский и Петлюра вошли в собственную столицу в обзоре немецкой армии. Через два года уже один Петлюра без Грушевского заявился все в тот же Киев, благодаря полякам. Смешно сказать, но петлюровцы неизменно терпели поражения не только от таких серьезных противников, как белые и красные, но даже от разбойников-махновцев. Роскошные гайдамацкие курени со шлыками на шапках и «непобедимые» сечевые стрельцы в самый неподходящий момент драпали, как угорелые!

Катастрофа. Красные входят в Киев зимой 1918 г.

Чтобы разгадать причину такого упадка боевого духа, следовало бы вернуться в самое начало революции — весну 1917 года, когда в Киеве только что возникла Центральная Рада.

Если кто-то думает, что эта «контора» собиралась бороться за независимость, он

глубоко ошибается. Главным политическим принципом Рады был федерализм, выраженный в лозунге «Вільна Україна у вільній Росії!» Но эта вывеска предназначалась для дураков. Никто из наивных граждан, ходивших на митинги под красными и желто-синими флагами, даже не догадывался, что на самом деле, после февральской революции власть в бывшей Российской империи захватили масоны с Керенским во главе. А в Киеве сидел только их филиал, оформленный в виде Центральной Рады. Ведь и Грушевский, и Петлюра — тоже были масонами.

Об этой части своей биографии Грушевский нехотя упоминает в мемуарах, написанных уже в 20-е годы. Правда, там же он говорит, что после февральской революции фактически порвал отношения с бывшими соратниками по киевской ложе. Но факты доказывают обратное. Пока в Петрограде сидело масонское Временное правительство, бородатый Карабас-Барабас националистического «театра» ни разу не поднял на них хвост!

По большому счету, Грушевский еще и не умел что-либо организовывать. Вернувшись в Киев из Москвы, где при царском режиме находился в «ссылке», он поселился в собственном огромном доме и, по его словам, «чув себе щасливим, по кількох літах заслання, в своїм милім кабінеті, серед зібраного в нім старого українського мистецтва — образів, портретів, посуду, арматури, що дивилися на мене з усіх стін, коли я підіймав очі від паперу, а в вікна заглядало наше українське сонце». Вместо того, чтобы, засучив рукава, начинать строить государство, «вождь» строчил брошюру за брошюрой — «Вільна Україна», «Якої ми хочемо автономії і федерації» и «Звідки пішло українство і до чого воно йде».

«Українство», между тем, едва родившись, уже шло к пропасти. На фронте наступали немцы. В Петрограде к власти рвались большевики. А Грушевский с компанией даже не догадывались, что скоро им придется взять всю ответственность за события в Киеве на себя.

Если бы история была более благосклонной к тогдашним украинцам, она наверное, оперативно убрала бы этого малопригодного для великой политической миссии профессора со сцены и заменила кем-нибудь другим. Теоретически такой шанс был. Грушевский, разменявший шестой десяток, страшно боялся простудиться и в начале марта в основном сидел дома. У него не было галош, и он не мог участвовать в митингах и демонстрациях. «Я сам все ще не виходив нікуди, крім Центральної Ради, що була неподалеку, — пише он, — щоб не промочити ніг і не перестудитись».

Нужного размера резиновой обуви в условиях начинающегося дефицита не находилось. Но как раз накануне первой киевской манифестации украинцев 19 марта Грушевскому привезли галоши его покойного знакомого. Они оказались, по словам «отца нации», как раз впору: «Так що я міг марширувати хоч куди». И бородатое чудо помаршировало в галошах... мертвеца! Строить оно не умело. Зато разрушать было на все руки мастер. Первое, чему свернул голову Грушевский, был «Військовий клуб імені гетьмана Полуботка» — зародыш независимой украинской армии.

Эх, галоши-галоши...

Руководил «клубным делом» Николай Михновский — известный адвокат, с началом Первой мировой войны призванный на службу в военную прокуратуру и получивший погоны поручика. Среди украинских политических деятелей весны 1917 года он единственный выступал за независимость. И выступал уже очень давно — с 1900 года, когда написал брошюру «Самостійна Україна». Хитреньких и осторожных Грушевских Михновский страшно пугал своим радикализмом. Тем более, что в молодости он отметился еще и организацией взрыва памятника Пушкину в Харькове. В мемуарах Грушевский называет Михновского неврастеником и фашистом, хотя никакого фашизма весной 17-го не было еще не только в Украине, но даже и на его родине — в Италии. Однако эта стилистика позволяет судить о методах, которыми председатель Центральной Рады предпочитал даже задним числом уничтожать своих бывших противников.

Он пишет, что, приехав в Киев, застал Михновского во главе «невеличкого гуртка молодих офіцерів», которых тот «розагітував в націоналістично-фашистським духу, і з ними разом пробував вести пропаганду і організацію в військових частих київської залози».

На самом деле, никаким фашизмом в организации Михновского даже не пахло. Он просто хотел побыстрее сформировать национальную армию и с ее помощью добиться независимости. В Киеве находилось около 3 тысяч солдат-запасников, которые хотели служить только в украинских частях. Организации Михновского удалось сколотить из них два полка — им. Полуботка и им. Хмельницкого. По справедливости, поручик-адвокат должен был стать и секретарем Центральной Рады по военным делам. Но Грушевский считал необходимым назначить на эту должность Петлюру.

Грушевский — всегда с ложкой

5 мая в Киеве открылся Украинский военный съезд. Он должен был решить, кто возглавит национальные формирования — Центральная Рада или, как писал в мемуарах Грушевский, «наші фашисти, Михновський й К». Разгорелась даже ссора, кому открывать форум. Михновский доказывал, что эта честь принадлежит ему. В ответ Грушевский заявил: «З'їзд скликала Центральна Рада і я як її голова відкрю його». «Змагання вийшло в сам момент, коли з'їзд відкривався, — у великій залі педагогічного музею, — розповідає він, — і мушу признатись: я рішив його тим, що просто злегка відпихнув Михновського фізичним рухом і відкрив збори. Признаюсь, для мене се зісталось доказом слабості Михновського як діяча, що він, буди в порівнянні зо мною і фізично сильнішим, і досвідченим демагогом, однак спасував перед рішучим рухом в такий важний для нього момент і випустив з рук провід».

По-видимому, Грушевському просто не приходило в голову, что его соперник не видел ничего героического в том, что оттаскал бы за бороду нахального, но хилого профессора. Но как политик Михновский действительно проиграл. Съезд избрал генеральный военный комитет, главной фигурой которого оказался Петлюра — ставленник масонской клики Грушевского.

Конфликт достиг апогея 5 июля. Ночью сторонники Михновского из полка им. Полуботка захватили арсенал и окружили караулами государственные учреждения. Они заявили, что на фронт не пойдут, потому что их фронт тут — в Киеве. А от Центральной Рады потребовали провозгласить независимость Украины.

Полуботковцы надеялись, что Грушевский и Рада присоединятся к ним. Каково же было их удивление, когда уговаривать сложить оружие к бунтовщикам вышел Петлюра. Растерянным сторонникам независимости ничего не оставалось, как сложить оружие перед своими же товарищами-украинцами из полка им. Хмельницкого.

Впоследствии деятели Центральной Рады очень не любили вспоминать этот эпизод. Ведь получается, что они сами задавили первых настоящих «самостийников». А уже 25 октября в Петрограде произошла Октябрьская революция, после которой Грушевский и его

сторонники взяли курс на отделение. Но потерянное время было не вернуть. Большевиков под Крутами будут встречать собранные на скорую руку студенты. Галоша Грушевского растоптала украинскую армию в зародыше.

Ни одно «доброе» дело не остается безнаказанным. По замыслу организаторов переворота, полк им. Хмельницкого должен был поддержать полуботковцев. Вместо этого, он их... разоружил. Так случилось потому, что командовал хмельничанами редкий проходимец подполковник Юрий Капкан. Кадровый офицер русской армии, в 1915 году он дезертировал и объявился снова в войсках только после Февральской революции. Причем, из-за необыкновенно боевой импозантной внешности и подделанного послужного списка оказался на должности комполка им. Хмельницкого.

Один из «украинизированных» полков

Во время переворота 5 июля Капкан решил не рисковать и остаться верным Временному правительству и Центральной Раде. После подавления бунта его полк двинули с Киевского вокзала на фронт против немцев. И тут случилось неожиданное. Пьяные казаки полка им. Хмельницкого стали «салютовать» из винтовок. Как они утверждали впоследствии, в воздух. Но стоявшие в районе Кадетского гая солдаты гвардейского кирасирского полка, сформированного в основном из «москалей», в ответ на этот «салют» ударили по эшелону всерьез из всего имевшегося у них оружия. Несколько хмельничан было убито.

Дурацкий инцидент имел огромный общественный резонанс. Редкая киевская газета не написала тогда о нем. Скандал разбирали даже на экстренном заседании комитета Центральной Рады. Рада требовала вывести из Киева всех кирасир и донских казаков и сместить командующего военным округом полковника Оберучева. Но дело так и окончилось ничем. Через некоторое время полк им. Полуботка снова отправили на фронт. Но едва оказавшись там, выдающийся трус подполковник Капкан сразу же снова сбежал в тыл, оформив отпуск.

Участие Михновского в подготовке июльского переворота главарям Центральной Рады доказать не удалось. Тем не менее, они считали, что за бунтом полуботковцев стоит именно он. Поручика-адвоката срочно перевели на Румынский фронт в бессарабский городишко

Болград. Тут он вел себя необыкновенно тихо. Не участвовал ни в каких митингах, а только читал лекции по украиноведению.

Николай Михновский

Отказавшись от идеи создания собственных вооруженных сил, Центральная Рада согласилась летом 1917 года на план Временного правительства сформировать так называемые «украинизированные» части в составе русской армии. В первую очередь украинизировать решили 34-й корпус, переименовав его в I Украинский. В нем оставили только солдат-украинцев, а остальных — перевели в другие места службы. Полки корпуса носили очень громкие имена старых гетманов — Хмельницкого, Скоропадского, Сагайдачного и Полуботка.

Тем не менее, декрет Ленина о мире подействовал и на них. Зимой 1918 года все эти «гетманоносные» части расползлись по домам, узнав о демобилизации старой армии. Поколебавшись, кому подчиниться, — большевикам или Центральной Раде — они выполнили тот приказ, который пришелся им больше по душе. И вместо того, чтобы защищать Украину, разворовали военное имущество и сбежали к женам и детишкам.

Октябрь 17-го — битва за «Арсенал»

В первые дни после петроградского Октябрьского переворота в Киеве вообще никто не понимал, что происходит — ни обыватели, ни даже сами политики.

Революционная рутина. Покататься на трамвае без билета, но с оружием мог каждый желающий

Из Петрограда доносились противоречивые известия о борьбе между большевиками и Керенским. А в Киеве выясняли отношения между собой даже не две силы, как в столице, а целых три — созданный на скорую руку большевиками Военно-революционный комитет, штаб Киевского военного округа, по-прежнему признававший только Временное правительство, и Центральная Рада. Началась война трех.

Все эти политические центры сидели буквально в минутах ходьбы друг от друга: ревком — в Мариинском дворце, штаб округа — на улице Банковой, где сейчас Секретариат президента, а Центральная Рада — на Владимирской в здании нынешнего Дома учителя.

А в городе находились четыре военных училища, кадетский корпус, пять школ прапорщиков, военный завод «Арсенал» и трудно поддающиеся исчислению массы солдат киевского гарнизона, за души которых шла борьба между соперничающими политиками. Для полноты картины можно прибавить еще Всероссийский казачий съезд, который как раз в эти дни происходил в Киеве, и чехословацкую бригаду из бывших австрийских пленных, вызванную штабом округа и прибывшую к вечеру 28 октября. От такого обилия шахматных фигур на доске просто голова шла кругом!

Кстати, среди лидеров всех враждующих сил оказались украинцы. В Раде заправляли Грушевский с Петлюрой. Силы Временного правительства возглавляли краевой комиссар Кириенко — по партийной принадлежности, меньшевик. А самым заметным среди деятелей ревкома был 29-летний Владимир Затонский — преподаватель политеха и будущий нарком в правительстве Советской Украины.

Вечером 28-го октября отряды юнкеров и казаков арестовали ревком в Мариинском дворце. Но ускользнувшему от ареста Затонскому удалось организовать новый в 3-м

авиапарке. Новым центром большевиков стал «Арсенал». Начались уличные бои. Киевляне впервые слышали орудийные выстрелы. Арсенальцы и авиапарковцы пытались захватить киевское Константиновское училище на Печерске. В ответ юнкера-константиновцы безуспешно штурмовали «Арсенал». Тем не менее, сражение выглядело каким-то вялым. Настоящего озверения еще не было. Как вспоминал один из мемуаристов А. Гольденвейзер, «на этот раз судьба пощадила киевлян, и большого артиллерийского обстрела не было. Дело обошлось несколькими орудийными выстрелами, не причинившими особого вреда. Вообще в октябре 1917 года в Киеве не было настоящей вооруженной борьбы; стороны ограничились выяснением своих сил».

Центральная Рада под двуглавым орлом

От противостояния ревкома с штабом округа выиграла третья сила — Центральная Рада. Ей удалось притащить с фронта больше всего частей — так называемых «украинизированных». В то время их еще не успели разложить большевики. А чехословаки, хоть и прибыли в Киев, но отказались драться и заняли нейтралитет. По достигнутому соглашению, большевики должны были сидеть тихо и не претендовать на монопольную власть на Украине, а юнкера получили право выехать с оружием на Дон, где начинала формироваться белая армия.

31-го октября Центральная Рада опубликовала обращение к военным частям и гражданам: «На Україні ллється кров! Одні частини війська йдуть проти других... У Києві на улицах йде бій. Генеральний секретаріат України... вимагає, щоб всі частини війська, всі громадяне України негайно припинили напад один на одного... Всі війська і всі партії повинні признавати власть Генерального секретаріату і всеціло підлягати його розпорядженням. Досить крові! Хто буде продовжувати вести криваву боротьбу, той ворог отчизні і революції».

Но своей временной победой в Киеве Рада так и не сумела воспользоваться. Грушевский и Петлюра по-прежнему оставались федералистами, выступавшими за Украину в составе демократической России, несмотря на то, что последняя распадалась на глазах. 7-го ноября

по старому стилю (20-го — по новому) Центральная Рада выпустила III Универсал: «Одніні Україна стає Українською Народною Республікою. Не одділяючись від Республіки Російської і зберігаючи єдність її, ми твердо станемо на нашій землі, щоб силами нашими допомогти всій Росії, щоб уся Республіка Російська стала федерацією рівних і вільних народів».

Но все это осталось только прекрасными мечтаниями. Вокруг начиналась гражданская война красных с белыми, чего Грушевский еще не осознавал. Справедливость требует признать: и в 1917 году Российскую империю, и в 1991-м СССР развалила не Украина, а борьба самих российских кланов. Только противоборство в Петрограде и Москве дважды развязало руки национализму на окраинах. Легкомысленные Керенский и Ельцин, сами того не желая, стали отцами украинской независимости. Большинство из нас даже не представляет, какое количество предметов искусства и старины находилось в это время на Украине. На Правобережье большинство крупных поместий все еще принадлежало польским родам, оставшимся тут со времен Речи Посполитой. Левобережье было покрыто именьями и хуторами потомков казачьей старшины, получившей при Екатерине II статус российского дворянства. На протяжении двух столетий до Октябрьской революции Украина не знала ни войн, ни народных восстаний. Крепкая царская власть, которую теперь совершенно несправедливо называют «деспотической», позволила накопить бесчисленные материальные ценности. В парках загородных дворцов еще стояли мраморные статуи обнаженных греческих богинь, в семейных галереях сохранялись портреты предков, в секретерах лежали нетронутыми семейные архивы.

На Владимирской улице. В 1917 году тут все митинговали

Но и в семьях зажиточных крестьян сундуки ломались от накопленной за годы стабильности дорогой одежды, а горшок с золотыми «дукачами», которыми девушки украшали праздничный убор, не был редкостью. Добавьте к этому сделанную на заказ мебель, хорошую коляску и пару добрых лошадей, и вы поймете, чем обладал средний украинский «кулак», — отнюдь не мироед, а просто непьющий хозяйственный мужик, умевший работать.

Осенью 1917-го все это постепенно стало подвергаться разграблению. Толпы сельской гольтыбы первым долгом набросились на панские усадьбы, сахарные заводы...винокурни, где находились запасы спирта. Пьянство и грабеж переплелись в неразрывный клубок. Люди тонули в цистернах со спиртом, замерзали спяну в уличных лужах, когда прихватили первые заморозки, и тащили домой даже совершенно ненужные вещи. Фольклорные экспедиции уже в 70-е годы XX века будут находить у крестьян Качановки — знаменитого поместья украинских меценатов Тарновских — отбитые головы и задницы греческих «венер» — туземцы приспособили их вместо прессов, чтобы удобнее было квасить капусту! Вот это и было подлинное «творчество» народных масс — инициатива снизу.

Спасенные сокровища. А остальное пропало!

Кое-кто понимал, какой пласт культуры теряет страна. И даже пытался с этим бороться. Отдел охраны памятников старины генерального секретариата народного просвещения Центральной Рады 19 ноября 1917 года опубликовал обращение к народу: «Маючи на увазі, що розрухи на Україні все збільшуються, відділ охорони пам'яток старовини й мистецтва Секретарства народної освіти звертається до всіх культурних громадян з-поміж солдатів, селян, духовенства, сільської інтелігенції з гарячим закликком — не псувати і не нищити пам'яток старовини, не допускати до грабунку і розгрому панських дворів та будинків, де часто переховуються дуже цінні старі папери, книги, картини, старі меблі, вжити всіх засобів, щоб зберегти усе це і передати до музеїв, де вони стануть у великій пригоді для нашої освіти, для науки й культури, де будуть служити не для одної людини або родини, а для усього народу».

Но все это осталось прекраснодушными пожеланиями! «Культурні громадяни» не грабили чужие дома, а некультурные не читали газет, где публиковались подобные «вопли». Мой дед Григорий Бузина 1902 года рождения вспоминал, как некоторые его односельчане разносили по частям панскую усадьбу. Один из них пьяным забрался на крышу и стал отдирать кровельное железо, но свалился и расшибся насмерть. Это была первая «жертва революции» в селе. Причем, добровольная. Вряд ли этот мародер из Полтавской губернии слышал ленинское: «Грабь награбленное!» Вообще же те времена дед характеризовал

краткой, но емкой фразой: «Тоді людину вбити було раз плюнути». Сам он не желал ни грабить, ни убивать, а потому любил мне рассказывать, как в 17 лет дезертировал из Красной Армии.

Безобразие. Памятник Столыпину успели свалить еще до Октябрьского переворота

Великие исторические события всегда сказываются на коммунальном хозяйстве. Попытки сделать мир справедливее почему-то всегда оборачиваются грязью на улицах и в уборных. Справедливости ради, нужно сказать, что Киев стал «сдавать» уже до революции. Мировая война и наплыв мобилизованных потихоньку превратила красивый город в помойку. Студент Университета св. Владимира Анатолий Полетика — потомок известного малороссийского дворянского рода — так описывает свои впечатления от Киева уже 1916 года: «Этот старый, красивый и чистый город нельзя было узнать: засоренные мусором улицы, переполненные вагоны трамваев (число «больных» вагонов все время росло и чинить их становилось все труднее и труднее), тусклое освещение улиц, особенно на окраинах, очереди у лавок и булочных и дороговизна. Мне скоро пришлось убедиться в том, что моей стипендии в 25 рублей в месяц (зимой 1914–1915 гг. этой суммы было бы вполне достаточно на мою жизнь) теперь хватает всего на две недели, даже при наличии привезенных мною из Конотопа продуктов».

С началом революции стало еще хуже. Лето 1917-го запомнилось в Киеве как время бесконечных массовых акций. «Митинг был сплошным, — вспоминает Полетика. — Он начинался с раннего утра и продолжался до поздней ночи. Ораторы один за другим поднимались на трибуну — это обычно была скамейка, стол, подножие памятника: памятники Николая I и Александра II прекрасно подошли для этой цели. Но свободы слова, провозглашенной Временным правительством, все же не получилось. Солдаты, толпившиеся на этом перманентном всероссийском митинге, слушали только то, что им хотелось слушать, а именно скорейший мир во что бы то ни стало и раздел помещичьих земель. Ораторов, призывавших продолжать войну для защиты свободы и демократии в России против германского империализма или говоривших о необходимости созыва Учредительного собрания и компенсации, хотя бы частичной, помещикам за конфискацию

земли, встречали криками «долой» и сгоняли с трибуны».

Толпы разложившихся нижних чинов заплевали семечками все мостовые и загадили киевский вокзал. Отмоют его только весной 1918 года, когда в город войдут немцы и наведут идеальную чистоту. Оккупанты собрали на вокзал несколько десятков баб и заставили его отдраить с мылом. Обалдевшим от революционной «свободы» коренным киевлянам это казалось настоящим чудом. Как ни странно, но именно германское нашествие оказалось в памяти киевлян самым приятным временем, по сравнению с властью петлюровцев или красных.

Булгаков. Весь 1917 год проширялся морфием в Вязьме

В массовом сознании киевский 1918 год запомнился благодаря «Белой гвардии» Булгакова. А вот предшествующие события остались белым пятном. Обычный читатель даже не представляет, что происходило в Киеве во время Февральской и Октябрьской революций. Так получилось, потому что в это время в городе физически отсутствовали писатели, которые составляют его наибольшую гордость. Доктор Булгаков на протяжении 1917-го служил в больнице захолустной Вязьмы, где постепенно погрязал в пучине наркомании. А Константин Паустовский, оставивший увлекательные воспоминания «Далекие годы» и «Начало неведомого века», находился в Москве и вернулся в Киев только в начале 1918-го. Воспоминания Михаила Грушевского прерываются как раз на осени 1917-го. А отличные мемуары журналиста и одновременно министра Центральной Рады Николая Ковалевского до сих пор не изданы в Украине и широкой публике не известны. Их австрийское издание 1960-го года является библиографической редкостью. Отсутствовал в Киеве и будущий гетман Скоропадский, в это время находившийся на фронте. Одним словом, революции в нашем городе не повезло — для нее просто не нашлось подходящих летописцев. Ведь важны не только великие дела, но и великие художники для запечатления в веках. Кто бы помнил о походе неудачливого князя Игоря на половцев, не окажись в его дружине замечательный поэт?

Как Петлюра за канализацию воевал

А ведь великого и смешного хватало. Какой замечательный материал пропадает! Взять хотя бы так называемое Январское восстание в Киеве, вылившееся в битву между большевиками и петлюровцами за завод «Арсенал» и... городскую канализацию. Сколько дерьма и крови ждет своего художественного воплощения!

Атаман. Во время январских боев 1918 года бывший журналист Петлюра проявил себя агрессивным и одновременно благородным лидером

В начале XX века назвать Киев украинским можно только условно. Большинство жителей города считало себя либо великорусами, либо малороссами — представителями двух ветвей единого русского народа. Фраза из летописи: «Киев — мать городов русских» была не историей, а действительностью. В 1917 году разделение внутри этой группы произошло не по этническому, а по классовому признаку. Рабочие поддерживали большевиков. Интеллигенция, буржуазия и дворянство стояли за белую «единую и неделимую Россию».

Значительную часть киевлян составляли поляки, остававшиеся тут еще со времен Речи Посполитой. И, естественно, очень мощной и многочисленной группой была еврейская община. Состоятельная ее часть держалась от революции в сторонке, выжидая лучших времен, а малоимущий, но горячий и преимущественно вкусивший образования элемент бросится в революцию, поставляя кадры для парработников и чекистов. Дора Иткинд, Яков Гамарник, Александр Горвиц, Исаак Крейсберг — имена вождей киевского Январского восстания говорят сами за себя.

По сути, украинцы в 600-тысячном городе были в меньшинстве. Центральную Раду поддерживали только некоторые военные части. Как известно, под те же Круты отправилось только 118 студентов и гимназистов — преимущественно из Кирилло-Мефодиевской гимназии и Украинского Народного университета. А где же остальные? Где студенты Политехнического института, Университета св. Владимира — крупнейших киевских учебных

заведений? Где старшекласники более чем тридцати казенных и частных гимназий? Где не меньше десяти тысяч бывших царских офицеров, находившихся на тот момент в городе?

Подавляющее большинство из них осталось в сторонке от противостояния «красные — украинцы», не чувствуя его своим. Только некоторые из них присоединились к петлюровцам. Например, упоминаемый в мемуарах штабс-ротмистр лейб-гвардии Кирасирского его величества полка, приставший к гайдамакам и воевавший на их стороне с большевиками в своих серебряных погонах и бело-желтой фуражке. Удивительно он смотрелся в одном строю с гайдамаками в красных кожаных штанах и шапках со шлыками! Этот офицер погиб в последний день киевских боев. Но слова этого молодчаги вошли в историю: «В таком виде и желаю умереть!» Он был прав — значительную часть из тех офицеров, кто не вышел тогда на улицы, большевики расстреляли сразу же после вступления в Киев.

Киевские красногвардейцы. Среди них тоже преобладала молодежь

Восстание на «Арсенале» должно было начаться не 15 января по старому стилю, как это произошло в действительности, а, по крайней мере, неделей раньше. Но среди сторонников Центральной Рады оказался очень энергичный и инициативный человек — комендант Киева Ковенко. Он разнюхал, что на заводе готовится выступление, и в ночь на 5 января с отрядом вольных казаков после короткой перестрелки ворвался на завод и захватил все оружие. В ту же ночь его люди отобрали винтовки и пулеметы на судостроительной верфи, механическом заводе и в мастерских Политеха. Весь конфискат свезли в дом № 7 по Московской улице — буквально рядом с «Арсеналом».

И тут украинцев предали. Причем, солдаты части, носившей самое украинское название, какое только можно представить — Полк имени Шевченко! «Шевченковцев» поставили охранять склад на Московской, а те слили информацию киевскому партийному комитету да еще и пообещали немедленно поддержать восстание.

Впрочем, этому есть объяснение. Солдат-шевченковцев не купили за сало. Они действовали из идейных побуждений. Большинство из них совсем недавно служили в Петрограде в лейб-гвардии Волынском полку — том самом, который начал Февральскую

революцию 1917 года, а потом сделал и Октябрьскую. Только два месяца назад их перевели в Киев, и они унесли большевистские традиции с собой. «Своими» для них были красногвардейцы, а не Петлюра и Грушевский.

«Ворохобницьке повстання почалося вночі на 16 січня, — писала в те дни газета «Нова Рада». — Большевицька «червона гвардія», прихиливши на свій бік частини полків ім. Шевченка та Сагайдачного, вже давно розагітованих большевицькими брехнями, засіла в арсеналі на Печерську й звідти почала обстрілювати місто. Зчинився бій між повстанцями та українськими військами і вільним козацтвом, що рушили на оборону міста й обложили арсенал, силкуючись вибити звідти ворохобників».

Благодаря фильму Александра Довженко «Арсенал», эти события именно под таким названием и вошли в массовое сознание. А на самом деле, у выступления киевских большевиков было еще три очага — Подол, Шулявка, где отряд красногвардейцев сформировал завод Гретера и Криванека (ныне «Большевик») и Главные железнодорожные мастерские.

На самом деле, «Арсенал» только отсиживался в обороне. А самой боевой частью оказался отряд подольских красногвардейцев. Вверх по Андреевскому спуску они прорвались в самый центр города и были остановлены только у Золотых ворот — буквально в пяти минутах ходьбы от здания Центральной Рады. Тут разгорелся жесточайший, стоивший красным 60 человек, бой за гостиницу «Прага» — здание на углу Владимирской и Прорезной. Теперь на нем висит мемориальная доска, сообщающая, что тут жил писатель Ярослав Гашек. А до революции находились знаменитые «номера», куда водили проституток господ-офицеры и студенты. В комнатах, где совсем недавно предавались плотским утехам, засели большевистские пулеметчики. Штурм гостиницы шел, как в боевике. Один отряд украинцев прорвался на крышу, а другой — при поддержке двух броневиков и гранат ворвался на первый этаж. Через несколько минут большевики полетели, по словам одного из очевидцев, «як жаби», с последнего этажа. Руководил обороной «Праги», по воспоминаниям участников штурма, опубликованным во львовском издании «Літопис Червоної Калини» в 1938 году, бывший юнкер-еврей Константиновского училища — как видим, и со стороны красногвардейцев воевало много молодежи.

Во время подавления Петлюрой Январского восстания в Киеве два коварных гимназиста, только что вернувшиеся из-под Крут, подкрадывались к красногвардейцам в районе Золотых ворот с тыла, набив свои ранцы ручными гранатами. У работяг-большевиков на них рука не поднималась — как же можно убивать мальцов? А те вытаскивали вместо школьных чернильниц гранаты и отправляли сторонников учения Маркса-Энгельса к праотцам, чтобы они могли проверить: действительно ли правы материалисты или загробный мир все-таки существует? Много народу на «переменках» положили!

Главной ошибкой восставших была нескоординированность действий. Пока подольская красная гвардия шла в наступление, остальные отряды не проявляли активности. Главным достижением шулявских красногвардейцев во главе с киевским поляком Всеволодом Довнар-Запольским стал 1 февраля (по н. ст.) захват Кадетского корпуса. Теперь в этом здании возле Воздухофлотского моста находится Минобороны Украины. А тогда никакого моста не было. Поднятых ночью с постели кадетов — по сути детей — ограбили до нитки и тем ограничились. Но улица Довнар-Запольского и соответствующая трамвайная остановка на Дегтяревской до сих пор существует в Киеве. Кстати, самому Довнару было только девятнадцать. Он погибнет в конце 1919 года.

Зато накануне, 31 января, «великую победу» одержали арсенальцы. Около полуночи в кромешной тьме они вылезли из своего логова на заводе через канализационные коллекторы и, прокравшись на склоны Днепра, захватили водокачку. Киев остался без воды! В здании Центральной Рады и элитных особняках Липок дерьмо зависло в унитазах. Досадили таки буржуям! Все мемуаристы из интеллигентных слоев в один голос описывают этот «ужас». Рабочие кварталы подобными трудностями было не испугать — там не было таких развращающих человека удобств.

Наступил переломный момент. Судьба сражения повисла на волоске. Или Центральная Рада захлебнется в экскрементах. Или поднятой «волной» захлестнет самих большевиков. И тут 2 февраля (по старому — 20 января) в город ввалился Симон Петлюра со своими гайдаками. Их театральный вид наводил ужас даже на своих. Вот как описывает встречу с живым гайдаком еще один сторонник Рады Всеволод Петров: «Смужкова шапка з червоним шликом, голена голова з довгим чорним оселедцем за вуха та свіжим шрамом від кулі, та нерухоме самовпевнено залізне обличчя маніяка аномальної людини, нібито справді воскресий гайдамака прастарих часів»... То, что раньше видели только в пьесах, забегало по улицам!

Между боями. Петлюровский командир вместе с невестой

Но кроме «театра», у Петлюры были еще и пушки. На следующий день артиллерия в упор пробила пролом в стенах завода, куда хлынули эти красношлычные «черти». Интеллигент Петлюра (даром, что ли, до революции был журналистом и бухгалтером!) приказывал стрелять так, чтобы не повредить монумент Кочубею и Искре.

Сейчас на его постаменте торчит крошечная горная пушечка возле метро «Арсенальная». «Стріляйте так, щоб пам'ятник оставався цілий!» — приказывал атаман, щадя культурные ценности.

«Маніяки». Грозные хлопцы пугали даже своих театральними «оселедцями» и шлыками на шапках

3 февраля около 6 часов вечера колонна Петлюры из гайдамак и солдат полка им. Хмельницкого ворвалась на завод. Кое-кого перебили. Остальных, как стадо, согнали в кучу во дворе. «Кілька ще завзятих арсенальців-більшовиків виявили були спротив, але скоро переконалися, що даремно, — вспоминает участник штурма П. Выдыбайло. — Всі добровільно віддавали зброю. Багато оборонців арсеналу поховались по пивницях, іще довго хлопці вишукували і витягали перестрашених людей, навіть жінок і дітей, не роблячи жодної кривди нікому і збирали їх на одному з арсенальських дворів... Багато з них жалувало свою вчинку»...

«Красивую» идею замочить всех на месте пришлось оставить из-за гуманизма Петлюры. Разгоряченних атакой гайдамак, уже направивших пулеметы на толпу, остановил лично атаман: «Коли хочете розстріляти їх, то розстріляйте перш мене! Це ж робітники... Між ними може є чимало несвідомих українців, і ви їх хочете розстріляти? Я того не дозволю, першу кулю в мене!»

Пленных построили по четыре и отконвоировали к казармам возле Лавры. Напрасно горсовет переименовал улицу Январского восстания в Мазепы. Именно ей и носить бы имя Петлюры! Это место, где он проявил как военные способности, так и подлинное благородство, редкое в гражданской войне.

Андреевский спуск

Во время уличных январских боев за Киев сражалось всего 1940 украинских бойцов и чуть больше 2 тысяч красных повстанцев. Значительную часть из них тоже составляли украинцы — поддавшиеся на пропаганду большевиков подразделения полков им. Шевченко и Сагайдачного. Понтонеры, располагавшиеся через дорогу от «Арсенала», остались в стороне от боя и с удовольствием продавали рабочим оружие и патроны. А полк Богдана Хмельницкого разделился. Часть его сражалась на стороне красных, а другая — штурмовала взбунтовавшийся завод.

Это были самые жестокие уличные бои за всю историю города со времен монгольского нашествия. Сторонники Центральной Рады оказались энергичнее, смелее, а их командиры — более грамотными, чем руководство большевистского ревкома. «Арсенал» — одна из немногих украинских побед.

Звездный час Петлюры — с белыми против красных

Именно в холодные январские дни 1918 года Украина получила своего первого вожда. Только что уволенный Центральной Радой с должности военного министра, официально он был никем. Но вскоре красные, наступавшие на Киев, уже знали, что воюют с Петлюрой и петлюровцами.

Как так получилось, что символом украинской контрреволюции стал именно Симон Петлюра? Не Грушевский, возглавлявший тогда Центральную Раду, не Винниченко — первый премьер-министр Украины, а именно этот бывший журналист, только что смещенный самими самостийниками с поста секретаря по военным делам (по современной терминологии, министра обороны) И находившийся, как говорится, не у дел?

Парад в Киеве. В центре Петлюра, Винниченко и Грушевский — их триумvirат еще не успел развалиться

А случилось это вот как! Октябрьский переворот в Петрограде оказался для Рады полной неожиданностью. Временное правительство масона Керенского заменили большевики. Верхушка Центральной Рады — сама по большей части из тех же масонов куда плыть, не знала. То ли в независимость. То ли в федерацию с новой большевистской Россией.

На фронте продолжалась война с немцами. Полуразложившиеся от революционной пропаганды всех мастей солдаты старой армии полками разбежались по домам. Большая часть из них поддерживала большевиков, пообещавших мир и землю. Так называемые «украинизированные» части, разбросанные от Балтики до Черного моря, как изюм в булке, на бумаге подчинялись Киеву, а на деле тоже расплзались по хатам. Донские казаки, сохраняя армейскую организацию и остатки дисциплины, эшелонами двигались в родные места через Украину. Туда же устремились самые убежденные из сторонников старого порядка и единой неделимой России — немногочисленные отряды офицеров и юнкеров — ядро будущей Добровольческой армии. Это было время всеобщего хаоса, когда у простого человека голова шла кругом. Кто за кого и против кого, окончательно еще никто не понимал.

По сути, только большевики в Смольном и генерал Корнилов на Дону знали, что будут драться друг с другом до последней капли крови. А Центральная Рада в Киеве металась, как небезызвестный предмет в проруби, не приставая ни к какому берегу и все еще надеясь прожить по старому хуторянскому принципу: моя хата с краю.

Разбираясь, почему так трагически и позорно закончился для нее первый период борьбы с большевиками, я вдруг поймал себя на мысли: да ведь ее официальные вожди попросту не соответствовали занимаемым должностям. Шабаш непрофессионалов. Председатель Рады Грушевский — историк по основной профессии — шлепает одну за другой брошюры и новые издания своей «Иллюстрированной истории Украины» (благо, должность позволяет) и радуется их тиражам, вместо того, чтобы заниматься формированием государственного аппарата. Очевидцы рассказывали, что на некоторых заседаниях парламента он в разгар прений продолжал дописывать очередной учебник.

Премьер-министр Винниченко — самый популярный на тот момент украинский литератор — явно тяготится своей высокой должностью. Его дневник за конец 1917-го и начало 1918-го годов полон смешных жалоб. Он сетует буквально на все: на то, что ему приходится покупать стулья для заседаний правительства, выдавать деньги представителям комитетов, рассматривать проекты различных организаций, которые, по его словам, «витворює “белетрист” Петлюра». «Кожний хапа мене, де попаде, і вимагає залагодження своїх справ, — ноєт он. — А серце болить і тужить за тишею степових днів, за працею улюбленою, незалежною й не менш корисною, ніж на фотелі “міністра”».

Владимир Винниченко

Спрашивается, зачем этот человек, так поэтично описывающий, как шуршал песочек под шинами его велосипеда в парке Фонтенбло под Парижем и мечтающий после войны снова вернуться в Европу (он особенно любил Италию, Францию и Швейцарию), занял чужое место? А ведь занял же! И даже не постеснялся записать в дневнике: «Маю бути

першим міністром України. І смішно, і дивно, і радісно».

Хороши и его соратники. 18 декабря 1917 года, когда красные уже движутся на Киев, Центральная Рада рассматривает вопрос «про негайну потребу організації власного гаражу». Директор хозяйственного отдела предлагает ассигновать для этого полезного деда 443 160 руб. Сумма выделяется тут же в полном объеме. Для сравнения: на следующий день «на охорону порядку» во всей Украине Рада выделяет только 50 тысяч рублей. Еще 100 тысяч ассигнуется «на пособіє біженцям». Гараж для новых правителей в три раза перевешивает затраты и на беженцев, и на внутреннюю безопасность в стране!

Порой заседания «першого українського парламенту» напоминают сборища патологических кретинов. 22 декабря 1917 г. рассматривают вопрос о Черноморском флоте. Решают, что для охраны побережья достаточно оставить два броненосца и флотилии миноносцев с командой в 10–12 тысяч матросов: «Решту кораблів демобілізувати і перетворити в державний торговельний флот, розвиток якого лежить в ближчих інтересах Української республіки». Мудрецы из Рады явно видели эти корабли только на картинках в журналах. На момент их соломонова решения броненосцев официально на Черном море нет вообще — шесть старых броненосцев давно перекавалифицированы в линкоры, а два новейших дредноута, на каждом из которых по двенадцать 305-миллиметровых орудий, никогда к классу броненосцев не относились. Они изначально линкорами и назывались. Интересно, как они собирались перековывать это наследство царского режима в торговые суда? По большому счету, линкоры состоят только из брони, пушек и мощных турбин, не отличающихся экономичностью. Превратить это предназначенное исключительно для убийства дорогостоящее чудо в какой-нибудь сухогруз технически невозможно. Даже если выбросить пороховые погреба и демонтировать орудийные башни, то возить на дредноуте зерно — все равно, что пахать на мерседесе! Что вообще хотела Рада сказать своим решением? Что новые дредноуты, введенные в строй в 1916–1917 гг., отправят на слом, а парочку изношенных старичков-броненосцев, только числящихся в линкорах, оставят дымить горизонт? Но ведь они к тому моменту проплавали уже по 20–30 лет и годились только на слом! Любой морской специалист только покрутил бы у виска, силясь понять логику Центральной Рады. Да и она сама, вряд ли, ее понимала!

И только Симон Петлюра несколько выделялся среди этой образцовой коллекции воинствующих дилетантов. До 18 декабря 1917 года он занимал должность генерального секретаря по военным делам. Наверное, Симон не был гением. Ни по темпераменту, ни по размаху он не ровня Ленину, Троцкому или Корнилову. Но от остальных коллег по первому украинскому правительству его отличала важная черта. Наверное, главная для политического деятеля — способность совершать решительные поступки. Официально вождями считались Грушевский и Винниченко, а неформальным лидером был Петлюра. Благодаря ему в конце октября Центральная Рада вышла победительницей в киевской междоусобице большевиков и сторонников Временного правительства. Те истощили друг друга в уличных боях. А Петлюра подтянул к городу украинизированные части и заставил белых и красных «драчунов» признать власть Рады. Киевских юнкеров бывший журналист, подавшийся в атаманы, свободно пропустил на Дон. Перед этим с них взяли смешное обещание, что там они будут только «учиться», а не воевать. Как будто юнкера — это какие-нибудь ученицы Института благородных девиц.

Красные в Петрограде не простили Петлюре этот поступок. Еще большее раздражение вызвало у них решение украинского военного министра свободно пропускать на тот же Дон эшелоны с казаками. Донцы считались оплотом реакции. Ленин и Троцкий прекрасно понимали, что без них белое движение невозможно. Но Петлюра резонно считал и открыто заявлял об этом на заседаниях генсекретариата, что «порвати зносини з козаками нам не вигідно». Он предвидел, что тогда Украине придется воевать со всеми — и с красными на севере, и с белыми на востоке.

Другого мнения придерживался Винниченко. Он все еще грезил возможностью договориться с петроградским Совнаркомом. Иногда его посещали попросту бредовые идеи. Так на заседании 26 декабря премьер-министр вдруг высказал опасение, что русская буржуазия в Петрограде может «з'єднатися з більшовиками», чтобы не допустить отделения Украины. Мысль — абсолютно утопическая, свидетельствующая только о том, что Винниченко ничего не знал о сущности программы коммунистов, не допускавшей никакого компромисса с «эксплуататорскими» классами.

Но больше всего и Грушевский, и Винниченко боялись намечавшейся популярности Петлюры в украинизированных частях киевского гарнизона. Гражданская война должна была выдвинуть на первые роли военных — главный аргумент в тот момент, когда обычные доводы силу утратили. Профессор и писатель никогда не служили в армии и поинтеллигентски боялись ее. Оказавшись только волею нахальства и революционной говорильни во главе зарождающегося государства, они словно предчувствовали свое скорое фиаско. Военный переворот был их самым страшным ночным кошмаром. Поэтому 18 декабря два завистника увольняют военного министра с должности.

В тот самый момент, когда по железной дороге на Лозовую и Бахмач уже движутся собранные наспех красными отряды под командованием подполковника Муравьева, украинская армия оказалась без командования. Впереди были Круты...

У австрийского писателя Стефана Цвейга есть цикл миниатюр «Звездные часы человечества» — о переломных моментах истории и людях, оказавшихся в эти мгновения на высоте. Или растерявшихся и сброшенных навсегда со сцены. Есть там рассказ о Руже де

Лиле — этот провинциальный офицер остался в памяти потомков только из-за одной знаменитой мелодии — «Марсельезы», которую написал за несколько часов. Рассказ называется «Гений одной ночи».

Симона Петлюру, отправленного в отставку завистниками из Центральной Рады, можно назвать гением одного месяца — января 1918 года. Он не только не растерялся, но и заслужил за эти четыре недели свою боевую репутацию. Грушевский или Винниченко, потеряв власть, тут же превращались в частных людей. Они начинали любоваться природой и строчить мемуары, сочащиеся обидами. Петлюра, получив отставку, воспоминаний писать не стал. Он бросился формировать личную гвардию — Гайдамацкий кош Слободской Украины.

Симон Петлюра

Над ним посмеивались. Его уверенность, что кудлатая шапка с красным шлыком делает украинца героем вызывала иронию. Но именно эта шапка и стала отличительным знаком петлюровских гайдамаков. Деньги на формирование своей «миниармии», как поговаривают, Петлюра нашел, благодаря старым масонским связям. Их якобы дали французские представители в Киеве, которым Симон пообещал, что, несмотря ни на что, Украина будет продолжать войну еще и с немцами.

Гайдамаки оказались самой боевой украинской частью январских сражений против большевиков. Именно они подавили восстание на киевском «Арсенале». Петлюра лично водит их в атаку. И, наконец, именно благодаря отставному министру на фронт в Дарницю выступила 2-я киевская военная школа. Петлюра раззадорил этих украинских юнкеров лично. Он явился в один из вечеров в здание школы на Подоле и буквально взял за душу своей речью: «Якщо більшовики увійдуть до Києва, вони розстріляють ваших офіцерів, як це було в Харкові, вб'ють ваших рідних... Ви будете боятися своєї тіні. На фронті зараз немає сил, щоб зупинити червону орду. Я вірю, що лише молоді леви з криком «Слава Україні!» можуть змінити хід всієї історії. Я не наказую, а закликаю вас стати добровольцями моєї армії! Якщо ви вірите мені, якщо відчуваєте відповідальність перед Україною, ви станете під мої знамена!»

Это было время, когда один толковый агитатор мог действительно изменить ход

истории. Репутация, заслуженная Петлюрой в январе, превратила его в бесспорного лидера среди украинских политиков. Благодаря ей, Петлюра трижды будет возвращаться в Киев — лучшего все равно не было.

По странной иронии истории, получилось, что вся деятельность Петлюры на посту военного министра в конце 1917 года фактически позволила белогвардейцам собрать силы на Дону для противодействия партии Ленина и Троцкого. Займи Петлюра другую позицию, той гражданской войны, которую мы знаем, с походом Деникина на Москву, скорее всего, просто бы не было.

Полк имени Тараса Шевченко предал Раду и перебежал к красным

В отличие от импровизированных, но проникнутых подлинным боевым духом подразделений, вроде Гайдамацкого коша Петлюры, так называемые «украинизированные части», с которыми, как с писаной торбой, еще с весны 1917-го носилась Рада, разбежались, куда глаза глядят. На бумаге у Грушевского с Винниченко было 300 тысяч войска. А на практике ситуация выглядела угрожающе. Сменивший Петлюру на должности военного министра Николай Порш констатировал на заседании генсекретариата Рады 29 декабря: «Настрій гарнізону в Києві різний: одні частини займають нейтральну позицію, інші — ворожу, як, приміром, полки Тараса Шевченко, Дорошенка. Деякі частини, на які можна було б опертися, як «Курінь смерті», Полуботківський полк, Богданівський, дуже стомились і до активної роботи зараз мало придатні».

Театр, а не армия

Через несколько дней, 3 января, тот же Порш заметил: «Фактично армія вступила в стадію стихійної демобілізації. Солдати розбігаються. Майно гине. Штаби, ради, комітети — безсилі боротись з цим. Люди тікають з фронту юрбами». Теоретически можно было бы снять несколько дивизий с немецкого фронта и двинуть их против большевиков. Но на практике снимать уже было некого. Фантастические проекты формирования новой украинской армии на наемной основе остались на бумаге — у Рады для этого уже не хватало ни времени, ни сил, впустую растроченных на болтовню.

Зато оригинальным идеям спасения Украины в новом парламенте не было конца. К примеру, 26 декабря 1917 года заместитель военного министра подполковник Жуковский — редкий балбес — высказал мысль объявить независимость и «вступити в федерацію з Румунією, Болгарією для виходу в Адріатику». Подумать только: красные наступают, а этот «наполеон» мечтает о выходе в теплое Адриатическое море! И ведь это запротоколенный факт, значащийся на 69-й странице сборника «Українська Центральна Рада. Документи і матеріали».

Полк имени Шевченко, направленный в Нежин, не выполнил ни одного приказа, а потом попросту перешел к красным. Как заметил в воспоминаниях советский командующий Антонов-Овсеенко: «Нежинский гарнизон, во главе с куренем Шевченко, решительно высказался против Центральной Рады, отказываясь выступить против большевиков».

Официально до 11 января 1918 года по старому стилю, когда был объявлен IV Универсал, Украина все еще считалась частью федеративной России. Но на практике по линиям железных дорог уже во всю шла гражданская война с красными.

Независимость объявили... ночью

До марта 1918 года Украина жила еще по старому стилю. Поэтому датированный 11 января IV Универсал Центральной Рады, который объявлял независимость, по новому летоисчислению, выпадает на 24 января.

Календарь этот ввели, как известно, большевики в Петрограде, Раду не жаловавшие и даже объявившие ей войну. Выходит, что Грушевский и компания отставали от своих врагов во всем — и в организации войск, и в государственном строительстве, и даже в календарных экспериментах. Просто плелись в хвосте у Ленина и Троцкого, как первоклашки за опытными школьными хулиганами.

Пропагандистский шедевр. Таким плакатом Грушевский и компания собирались победить красного дракона.

Сама же «велика подія» объявления независимости прошла так, что ее почти никто в Украине и не заметил. Дело происходило ночью, как на воровском сходняке. Заседание Центральной Рады открылось ровно в час по полуночи, когда все нормальные люди в Киеве спали. Тот, кто бывал в Доме учителя, где тусовался в революционные дни «перший парламент», знает, что зал заседаний там маленький, почти камерный. Здание строилось до Первой мировой войны и предназначалось для Педагогического музея. По замыслу архитектора, в лучшем случае там должны были праздновать различные бюрократические мероприятия преподаватели киевских гимназий.

Киевская городская Дума — теперь на ее месте Майдан Независимости

Дед Грушевский

Но теперь тут давал открытый урок «прохвесор» Грушевский. Он вылез на трибуну и, разинув рот, украшенный неопрятной, как дворницкий веник, бородой, начал зачитывать по бумажке: «Високі збори! Українські Установчі збори, призначені 3-м Універсалом нашим, не могли зібратись у призначений день 9 січня тому, що останніми днями виникли всякі заколоти... Народ наш прагне миру. І Українська Центральна Рада доложила всіх зусиль, щоб дати мир негайно. Але петроградське правительство, Совіт народних комісарів, оголошує нову священну війну... це правительство насилає військо своє, червоногвардійців та більшовиків, на Україну і веде з нами братовбивчу війну. Щоб дати нашому правительству змогу довести справу миру до кінця і захистити від усяких замахів нашу країну, Українська

Центральна Рада постановила не відкладати до Установчих зборів ті справи і в цій цілі Українська Центральна Рада вже з 9 січня відбувала перманентне, безперервне засідання аж до цього часу і постановила важну річ — видати оцей Універсал».

Речь Грушевского была застенографирована. Как легко заметить, «пан прохвесор» говорил на суржике — до конца жизни он так и не выучил толком украинский язык, хотя на протяжении трех десятилетий до этого важного исторического события снимал пенки с «української справи». Слушали председательствующего сорок девять членов Рады. Тридцать девять из них высказались за. Четверо — против. И еще шесть — воздержались. По партиям это выглядело так: три украинские фракции (социал-демократы, эсеры и социалисты-федералисты) Універсал поддержали, русские меньшевики и еврейская партия Бунд, тоже входившие в Раду, высказались против. Русские эсеры и еще одна еврейская фракция — Поалей Цион, несмотря на то, что среди них не было ни одного украинца, заявили, что их хата с краю. А депутат Неронович, узнав, что голосование будет поименным, на всякий случай сбежал из зала. Хитрый Неронович уже предчувствовал, что скоро из Питера приедут в лихих бескозырьках матросики на бронепоезде и надают всему честному собранию по шапкам.

Потом все разошлись спать. Так как было уже очень поздно и депутаты устали. Вся церемония вместе с чтением Універсала заняла всего полчаса. Как написала 13 января 1918 года киевская газета «Нова Рада»: «За пізнім часом о пів на другу засідання переривається до слідуєчого дня».

Коллективный труд плагиаторов из Центральной Рады

Сам же IV Универсал, как минимум, на половину состоял из обычной политической брехни. «Ми, Українська Центральна Рада, — гласил он, — обрана з'їздами селян, робітників і салдатів (так и написано в документе — через «а»!) України... НИКАКИЕ СЪЕЗДЫ НИКАКИХ КРЕСТЬЯН И РАБОЧИХ, а тем более, солдат РАДУ НЕ ИЗБИРАЛИ. Полсотни «депутатов», включая и сбежавшего «по нужде» Нероновича, были самозванцами. Они собрались еще весной 17-го года от различных общественных организаций и, если кого и представляли, так это себя. Многие в стране даже не догадывались, что в Киеве сидит такая контора.

Другая часть документа представляла собой просто плагиат с ленинских Декретов о земле и мире, провозглашенных двумя месяцами ранее в Петрограде сразу после Октябрьской революции. Но она не дотягивала до него по решительности. Ленин и большевики пообещали землю и мир по всей бывшей Российской империи, в том числе и в Украине, сейчас и сразу, без бюрократических проволочек. Мол, берите, сколько сможете, и тащите, куда хотите! И народ потащил! Солдаты толпами обсели вагоны и бросились с немецкого фронта по деревням делить помещичью землю. На немцев, наступавших с запада, никто не обращал внимания. Все стремились успеть на дележу — а вдруг без него поделят?

А Центральная Рада в IV Универсале только загребла себе на бумаге побольше территории, заявив, что «ліси, води і всі багатства підземні, як добро українського трудящого народу, переходять в порядкування Української Народної Республіки». Что же касается конкретных участков, то простой человек пока ничего не получал. Документ расплывчато гласил, что «в справі земельній комісія, вибрана на останній сесії нашій, уже виробила закон про передачу землі трудовому народові без викупу... Закон сей буде розглянено за кілька день в повній Центральній Раді».

Комиссия... Сессия... Закон, который разработали, но еще не приняли... Все это навело на простого человека, как всегда ждавшего всего и сразу, такую тоску, что и слушать

не хотелось. Ленинская короткая бумажка ложилась на душу куда лучше!

С миром, как явствовало из Универсала, тоже было ничего не ясно. Он только предписывал «Правительству Республіки нашої... від сього дня вести розпочаті переговори про мир з Центральними Державами цілком самостійно і довести їх до кінця»...

И, наконец, последняя ложь заключалась в том, что принятый 11 января документ Рада датировала двумя днями ранее — 9 января. Ей очень хотелось ускорить исторический процесс.

Премьер Винниченко поздравил Украину с катастрофой

Но никакой реальной силы эта бумага с любой из двух дат не имела. Репортер «Киевской мысли» — самой популярной газеты столицы новообразованной Украины С. Сумский описывал эту ситуацию в воспоминаниях, названных им «Одиннадцать переворотов. Гражданская война в Киеве»: «Январь 18-го года. Борьба большевиков за власть была не только угрозой, она уже начиналась. На последних выборах в совет коммунисты получили большинство. За исключением специальных украинских янычей, — а их было очень мало, — все войсковые части требовали захвата власти советами. Рада, лишенная опоры в широких слоях населения, настроившая против себя города — своей националистической политикой, деревню — боязнью разрешить земельный вопрос, солдат — продолжением войны, была уже властью призрачной. Министры произносили речи, требуя защиты республики, а по улицам, угрюмо поглядывая по сторонам, бродили, именно бродили, а не ходили серые шинели. Правительство Рады играло в солдатики, украинизировало армию, вводило в моду оселедцы и бритые головы, полковников переименовывало в старшин, а поручиков — в хорунжих. Плохие актеры играли роль запорожцев».

Другие очевидцы чувствовали примерно то же. Дмитрий Дорошенко — видный украинский деятель, впоследствии министр иностранных дел гетманского правительства, а в начале 1918-го один из комиссаров, назначенных Центральной Радой, оставит интересные мемуары о том, как в Киеве отметили новогодние праздники: «Наступал новый 1918 год. В старом помещении Украинского клуба на Большой Владимирской собралось около сотни представителей украинского и общественного, и литературного мира встретить Новый год. Явились и некоторые из генеральных секретарей (недавно переименованных в министры) с В. К. Винниченко во главе. Настроение у всех было подавленное — отовсюду приходили недобрые вести. Пробил 12-й час, и никто не решался поднять бокал и провозгласить традиционный тост. Все взоры устремились на главу украинского правительства — на Винниченко; дамы стали упрашивать его сказать хоть несколько слов. «Что я могу сказать вам? — начал он. — Разве то, что варвар с севера стоит у наших дверей и грозит смять, уничтожить все наши достижения, разрушить наше молодое государство, смести нашу культуру»...

Вся речь Винниченко была проникнута предчувствием надвигающейся катастрофы. А министр почты и телеграфа Н. Шаповал вообще каркнул, как ворона: «Morituri te salutant!» Этим возгласом в римские времена гладиаторы в Колизее обращались к императору перед поединком. В переводе она означала: «Идущие на смерть приветствуют тебя!»

По словам Дорошенко, «такое настроение членов правительства передалось всем присутствующим, и на другой день тревога распространилась по всему городу».

Даже Грушевскому становилось понятно, что такого премьер-министра пора менять. Винниченко как вконец разложившегося бездельника отправили в отставку. А вместо него 18 января главой кабинета назначили Всеволода Голубовича. Его правительство состояло в основном из украинских эсеров — членов той же партии к которой принадлежал Грушевский. Но кандидатура нового главы исполнительной власти вызывала искренне

недоумение у всех в Киеве. Кто такой Голубович, никто не знал. Дорошенко в воспоминаниях даже патетически восклицает: «Как вообще мог выдвинуться и занять пост премьера этот кретинообразный субъект, не умевший связно произнести даже коротенькой речи, вялый, без инициативы, тупой — остается загадкой, которую можно пояснить разве тем, что при общем уровне лидеров эсеровской партии, не подымавшемся выше студентов второго курса, человек с высшим образованием (Голубович был инженер) являлся такой ценной величиной, что уже в силу одного этого считался кандидатом на все высшие посты. Злые языки утверждали, что профессор Грушевский, истинный режиссер всех таких махинаций как «министерский кризис», «формирование кабинета» и т. д., умышленно выдвигал людей бездарных и безличных, чтобы ему легче было самому ими управлять».

Сталин: «Между русским и украинским народами нет конфликта»

А вот петроградские большевики не испытывали недостатка в сильных личностях. Уже 23 ноября (6 декабря) 1917 года в «Правде» появилось интервью с только что назначенным народным комиссаром по национальным делам товарищем Сталиным. Нарком заметил, что центральная власть, которую «избрал Всероссийский съезд советов», признает за всеми национальностями бывшей Российской империи право на полное самоопределение, вплоть до отделения и создания самостоятельного государства. Но воля нации должна определяться путем референдума. Власть же в Украине должна принадлежать не просто кучке людей, а «всей совокупности рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

«Мы все думаем, — заявил Сталин, — что абсолютно необходимым есть съезд представителей рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины. Нам непонятно то недоверие, с которым украинцы относятся к идее такого съезда.

Сталин: «Нет конфликта»

Мы все считаем, что вы — киевляне, одесситы, харьковчане, екатеринославцы и другие, должны немедленно взяться за созыв такого съезда, конечно, совместно с Радой. Если же она откажется сотрудничать с нами в этом деле, то созвать его без Рады».

В том же интервью нарком обвинил Центральную Раду в империализме и назвал ее недемократическим учреждением: «Это видно еще из того, что Рада сверху присоединяет к себе все новые и новые губернии, не спрашивая жителей этих губерний, хотят ли они войти в состав Украины. Мы все тут думаем, что в таких случаях вопрос должен и может быть развязан только самим населением путем референдума. Поскольку Рада этого не делает, а сверху аннексирует новые губернии, она сама разоблачает себя, как организацию недемократическую. Съезд советов Украины должен дать, между прочим, мысль о способе опроса населения в вопросе о принадлежности к той или иной области».

Война между Радой и Совнаркомом «за губернии» была неминуема. Через две недели в той же «Правде» появилась статья Сталина «Генеральный секретариат Рады и кадетско-калединская контрреволюция», в которой нарком совершенно справедливо напомнил, что Центральная Рада встала в Киеве на сторону белых, пропустив верные Временному правительству войска на Дон к генералу Каледину, а революционные войска против Каледина «не пропускает». «Только в этом дело, — писал Сталин. — Между народами России, между русским и украинским народами нет никакого конфликта. Вместе боролись они против царизма и керенщины, вместе же доведут они нынешнюю революцию до полной победы. Конфликт существует только между Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Генеральным секретариатом Рады».

Никто не хотел ехать под Круты

На одном из телевизионных ток-шоу меня настойчиво допытывали: то, что произошло 29 января 1918 года под Крутами — это героизм или трагедия? Я намеренно ушел от однозначных определений, сказав, что у нас найдется множество людей, готовых ринуться в словесный бой друг с другом по этому поводу. Одни будут доказывать, что студенты, павшие на этой железнодорожной станции, были героями. Другие назовут их жертвами. Но при этом сами спорщики в большинстве своем даже не представляют, что происходило накануне боя под Крутами, во время боя и после него.

Современная реконструкция Крут. А реальные участники были в арестантских шапках и рваных шинелях

Пиар на Крутах. В наши дни политики любят развернуть свои флаги на месте гибели студентов

По моему же мнению, Украине не хватает не хлестких ярлыков, а обычного анализа. Без лишних эмоций. Историю нужно рассказывать так, как она была. Невзирая на политические симпатии и личные пристрастия. Это касается в том числе и боя под Крутами. Хотя бы потому, что множество его участников уцелело и оставило воспоминания об этом событии. Профессиональные историки хорошо знают эти документы. Но, цитируя их, предпочитают умалчивать самые острые места, сбиваясь на привычные штампы, вроде: «Чорний вал червоного нашестя» и «День слави і печалі».

Круты стали поводом для создания политического мифа, потому что среди убитых там оказался племянник министра иностранных дел Центральной Рады Александра Шульгина — Владимир. Членам Центральной Рады, вернувшимся в Киев в хвосте немцев, было совестно перед своим коллегой. Все они были живы и здоровы. Все во главе с Грушевским и Винниченко благополучно бежали под защиту германского оружия. И только в одной из семей, волей революционных событий вознесенных в тогдашнюю украинскую «элику», случилась трагедия. Как же было не сделать «приятное» своему же брату-министру?

Но были и другие причины. Вместе с Владимиром Шульгиным погибло еще почти три десятка совсем молодых мальчишек — студентов и гимназистов. Привыкшее за время Мировой войны к жестокости общество было трудно чем-либо поразить. То, что взрослые гибнут на фронтах даже не тысячами, а миллионами, уже стало привычным. Газеты за 1914–1917 годы пестрели бесчисленными фотографиями погибших офицеров. Но эти лица мужчин в погонах, отмеченные похоронными крестиками, уже, простите, не трогали. Нервы публики огрубели. Общество нуждалось в чем-то особенно сентиментальном. Это понятно. В массе своей люди эгоистичны. Только сыграв на самых уязвимых точках их психики,

можно вызвать сочувствие. А что более поддается манипуляциям политтехнологов, чем родительский инстинкт?

Именно поэтому символом эпохи стала песня киевлянина Александра Вертинского «Я не знаю, зачем и кому это нужно...» — о юнкерах, погибших в ноябре 1917-го в московских боях с Красной гвардией, и стихотворение будущего советского классика Павла Тычины «На Аскольдовій могилі поховали їх» — о тридцати «мучнях», сложивших головы под Крутами.

Старый, хитрый, горячо любящий свою единственную дочь Катю, которую не нужно было посылать в армию, председатель Центральной Рады и большой специалист по сочинению различных «историй» Михаил Грушевский безошибочно выбрал тему для очередной народной «сказки». Перезахоронение «крутян» стало, извините за прямоту, первым «праздником» украинской власти, за которым и доньше «верхи» любят скрывать свою трусость и непрофессионализм. Культ официального государственного мазохизма начался с Крут. «Детьми» в гробах отвлекали внимание от своих лукавых лиц и вертлявых политических задниц. Хотя бой под Крутами был отнюдь не детским делом. Немногочисленные «дети» попали туда по своему почину. И никто из взрослых дядь в Центральной Раде даже не попытался их задержать.

Участник боя под Крутами Игорь Лоський — в 1918 г. ученик Киевской Кирилло-Мефодиевской гимназии — вспоминал: «Тодішній український уряд безнадійно прогавив момент національного підйому, який охопив маси українського вояцтва, коли можна було створити дійсну українську армію... Щоправда, було багато полків з більш чи менш голосними назвами, але ж на той час від них залишилися лише жменьки старшин. Ті ж з них, які залишилися в більш повному складі, були вже цілковито збільшовичені. І лише в останній момент, коли катастрофа була вже неминуча, дехто з державних українських мужів схаменувся і почали наспіх творити нові частини, але було вже запізно».

Гимназист Лоський: «Солдатські штани, зав'язані в долині мотузком, і згори шинеля, в якій бракувало поли»

Так среди прочих импровизированных частей буквально за три недели до боя под Крутами возник и Студенческий курень Сечевых стрельцов. Подразделение считалось добровольным. Но фактически в него зачисляли ДОБРОВОЛЬНО-ПРИНУДИТЕЛЬНО. По словам Лоського, решение о формировании куреня приняло студенческое вече Университета св. Владимира и только что образованного Украинского народного университета. На него собрались те учащиеся, которые считали себя украинцами. Но так как желающих вступить в курень было совсем немного, то «вече» постановило, что «дезертиры» будут подвергнуты бойкоту и исключены из «української студентської сім'ї».

Тем не менее, ушлый украинский студент в курень шел плохо. Третьего января 1918 г. газета «Нова рада», которую редактировал заместитель Грушевского Сергей Ефремов, опубликовала душераздирающее постановление студентов-галичан: «Всі товариші, які вклоняються з під дисципліни і не вступають в курінь, підлягають загальнотовариському бойкотові». В этом же номере было опубликовано еще и такое объявление: «Гусі копчені. Продаються 100 крб. ул. Хрещатик, 27 УКРІНБАНК, товарний відділ».

Как видим, «Нова рада» удачно совмещала украинский патриотизм с продажей гусятины. Такое совмещение несовместимого, возможно, послужило одной из причин, почему в студенческий курень записалось всего чуть больше сотни человек. Да и то, только потому, что помогла Кирилло-Мефодиевская гимназия. Ее директор согласился объявить официальный перерыв в учебе для двух старших классов — 7-го и 8-го — «на час перебування учнів у війську». По словам Лоського, директор только просил, «аби не спокушати до вступу до куреня учнів молодших класів. Правда, це допомогло мало, бо кілька учнів 6-го класу таки до куреня вступило».

Курень разместили в пустовавшем Константиновском пехотном училище на Печерске — его юнкера, сторонники Временного правительства, после киевских боев с большевиками осенью 1917 года почти в полном составе уехали на Дон. Здание училища сохранилось до сих пор. Сегодня тут Военный институт связи.

Хотя киевские склады ломились от снаряжения и обмундирования, оставшегося от царской армии, украинское правительство одело студентов, как бомжей. Видимо, Грушевский и Винниченко предчувствовали их скорую смерть.

Курень получил рваные шинели, солдатские штаны и... арестантские шапки вместо головного убора!

«Можна собі уявити, — пише Лоський, — як гротесково виглядала сотня. Пересічний вигляд був такий: власні черевики, солдатські штани, зав'язані в долині мотузком (обвивачів не було), гімназійна чи студентська куртка або цивільна камізелька і згори шинеля, в якій найменше бракувало однієї поли». Этот воинственный вид дополнили «старі поржавілі рушниці... І це все в той час, як місяць після того більшовики, захопивши помешкання школи, знайшли там повні склади новеньких чобіт, одягу, не кажучи вже про амуніцію і зброю».

Официально после отъезда юнкеров-константиновцев на Дон здание училища принадлежало I Украинской военной школе им. Богдана Хмельницкого, организованной Центральной Радой. Уже больше месяца ее учащиеся (по украинской терминологии, «юнаки») находились на фронте возле Бахмача, пытаясь остановить большевиков. Их было около 200 человек, и они послали в Киев за подмогой. Чтобы передохнуть, посланцы зашли в свою казарму в Константиновском училище и обнаружили там Студенческий курень. Это был единственный «резерв», которым располагало украинское правительство. «Юнаки» подбили студентов ехать под Круты. Те радостно согласились и отправились в путь.

Станция Круты располагается в 120 км от Киева по направлению к Бахмачу. Ее оборону возглавлял бывший кадровый офицер русской армии Аверклий Гончаренко, на момент расприаренного боя — командир куреня I военной школы. Свои силы он выдвинул на два километра впереди станции. «Юнаков» расположили справа от железнодорожной насыпи, студентов — слева. Насыпь была высокая. Поэтому правый и левый фланги не видели друг друга. Приказы передавали устно по цепи.

На самой станции расположился еще и штаб обороны района вместе с эшелонном боеприпасов. А впереди эшелона между флангами украинской позиции курсировала самодельная платформа с одним орудием, которую по своему почину пригнал офицер Богдановского полка сотник Семен Лощенко. Его яркую сине-желтую фуражку запомнили почти все участники боя. По-видимому, эта деталь особенно бросалась в глаза студентам в арестантских шапках.

Отрывок из воспоминаний шестиклассника Кирилло-Мефодиевской гимназии Льва Лукасевича: «Кожен з нас, учасників бою під Кругами, напевно, добре пам'ятає старшину-гарматчика Богданівського полку в синьо-жовтому кашкеті, який, ще з одним вояком на нашому панцеровому потязі, під сильним обстрілом ворога нищив картечню спроби більшовиків зіпсувати зв'язок поміж двома відтинками нашої лінії, обабіч високого залізничного насипу». Но чтобы стрелять, артиллеристу Лощенко пришлось взять в помощь одного из студентов — подавать снаряды.

В общей сложности, по свидетельству Аверклия Гончаренко, оборону Крут составляли при 18 пулеметах «500 молодых вояков і 20 старшин. Одні вояки місячними боями перемучені, інші — військово невивчені». В составе этих сил Студенческий курень насчитывал, как пишет тот же Гончаренко, 115–130 человек.

Им противостояли бронепоезд красных и несколько отрядов красногвардейцев и матросов в 3000 человек во главе с бывшим полковником царской армии Муравьевым. Как вспоминает Гончаренко: «В ніч з 26 на 27 січня я мав розмову по прямому дроту з Муравьевым. Його вимога у формі наказу звучала так: «Приготовитесь к встрече победоносной Красной Армии, приготовитесь обед. Заблуждения юнкеров прощаю, а офицеров все равно расстреляю». Я відповів, що до зустрічі все готове». В своих мемуарах Гончаренко расписывает свое умелое руководство боем — то, как замечательно косили красных расставленные им пулеметы.

Но автор первых мемуаров о Крутах, опубликованных еще в 1918 году, — студент Университета св. Владимира Иван Шарый нарисовал совсем другую картину. В статье «Січовики під Кругами» он писал: «Штаб, як тільки почали рватися ворожі шрапнелі, переполохався, переніс канцелярію з вокзалу у вагон і з усім ешелонном утік верстов на 6 від Крут, зоставивши керувати битвою офіцера Гончаренка, який весь час стояв у тилу і, певно, с переляку абсолютно не знав, що йому робити... Тікаючи, штаб захопив і вагони з патронами та набоями до гармат, що добило нашу справу під Кругами. З позиції раз за разом передають, щоб дали патронів, а тут огляділись — нема вагонів з патронами. Тоді офіцер Гончаренко кида битву і біжить сам з голими руками за патронами навздогінці штабові. Пробіг версти дві, побачив — далеко, і вернувся назад. Нарешті козаки з правого крила, примітивши недостачу патронів, а також те, що ешелони поїхали геть на другу станцію, почали одступати.

Власне, одступати звелів і командир, але цей наказ був пізно переданий січовикам (то есть, Студенческому куреню сечевых стрелков, который лежал слева от железнодорожной насыпи. — О. Б.) і вони бились до того часу, коли вже з правого крила станція була зайнята більшовиками... Битва була програна».

Учасник боя Иван Шаруй: «Штаб з усім ешеленом утік верстов на 6 від Крут»

Если отбросить патетику, то главной причиной проигранного боя стало банальное бегство штабного поезда вместе с патронами. На это намекает и Гончаренко: «Тут би дуже придався штаб сотника Тимченка, що мав тепер у себе активних бійців»... Увы, не «придався» — дал деру. Остальное довершила плохая организация связи украинских войск, которая не позволила им даже нормально выйти из боя. Кадровый офицер Гончаренко мог переговариваться по стационарному телефону со своим противником Муравьевым по другую линию фронта. Но никто в украинском отряде, растянутом по фронту на 3 км и разделенном насыпью, не позволявшей левому флангу видеть правый, не догадался прихватить полевые телефоны, которые обеспечили бы мгновенную передачу приказов.

К примеру, для связи со студенческой сотней, по словам Гончаренко, были назначены три студента. В результате приказ об отходе, переданный устно, перепутали. Левый фланг, где были студенты, вместо того чтобы отступать, перешел в атаку. Во время нее погиб командир студенческой сотни Омельченко. Это, по словам участника боя Игоря Лоського, только «збільшило загальне безладдя».

Между тем Гончаренко мог бы и позаботиться о телефонах. Еще по штату 1910 года в каждом русском полку полагалась команда связи, в которую входил 21 телефонист. Гончаренко служил офицером с 1912 года, два первых года Мировой войны провел на фронте, дослужился до командира батальона. Но приказы предпочитал посылать, как во времена Наполеона, — с помощью ординарцев. А его старшие товарищи, сбежавшие в поезде, увы, были не профессиональнее.

В результате беспорядочного отступления один студенческий взвод с перепугу забежал на станцию Круты уже занятую большевиками. Там его и перекололи штыками. Как раз в этом глупо погибшем взводе и служил племянник министра иностранных дел Шульгина.

Левко Лукасевич вспоминал, что пулеметы «майже не працювали із-за браку амуніції». «Амуніція», по украинской военной терминологии, это те самые боеприпасы, которые увез сбежавший штаб. Несколько километров отступления показались Лукасевичу «вечностью»: «Десь біля п'ятої години вечора купка відступивших і врятованих поранених, згідно з наказом старшин, сіла до потягу... Рештки нашого куреня вже не уявляли жодної сили з військового погляду».

Итак, по воспоминаниям участников боя под Крутами, их командование перепилось еще до битвы и дернуло со станции на поезде при первых же выстрелах, оставив бойцов без патронов. Поезд с командирами пришлось догонять по рыхлому снегу. Можете представить, какую скорость развили украинские юнкера, если этот штабной «потяг» они все-таки догнали! Причем с пулеметами, которые героически тащили на себе!

Недаром большинство этих воспоминаний не выходило с того же 1918 года, когда они были опубликованы по горячим следам. Особенно колоритно описал в киевском «Военно-научном вестнике» гениальное руководство сражением со стороны пьяного украинского командования пулеметчик Студенческой сотни, стыдливо укрывшийся под абривиатурой Б. С-ко. Вот как эта бравая история звучала в оригинале: «Настав день, котрий стоїв дуже багатом жовнірам надто дорого, це наступила середа. Надзвичайну варту з бойової лінії зняли, залишивши на кожному фланзі чоловік по 30. Поцїтали свої сили. Нас з юнкерами було чоловік 250. Вільних козаків з 100 чоловік та кавалери чоловік 60. Оце і вся сила відряда «действующаго на Слободской Україні», як голосно писали тоді газеті. З ранку послали кавалерію на розвідку, чоловік 50, а сами спокійненько гуляли собі по станції, по перону.

Довго розвідка не верталась, нарешті годині о 2 дня вернулося чоловік 2-оє, куди ж решта ділося — невідомо і сказали, що большевики наступають. Як я почув це, то чомусь мені майнуло в голові: «пропав обід! Та ще й з м'ясом». Знову спинився шарварок, знову безглуздя знову всі хлопці, більш як половина, пішли на лінію маючи по 1-й обоймі набоїв. Ніхто не звернув уваги на те, що штабний потяг дернув зі станції аж закурило!!! з штабних залишилося щось двоє офіцерів-артилерістів та наш сотник, на штабному потязі поїхало кілька і юнкерів, до штабу кинулися в середині бою за інструкціями, але його і слід простив...

Від одного кулемета до другого бігав наш кулеметний начальник п. Горошко, дивлячись чи всі на містах... З ліса виринають чорні точки. Ближче і ближче. Нарешті я не витерпів і надавив курок. Та-та-та-та!!! Закокотав кулемет. Випустив кілька патронів. Бачу «недольот». Беру кроків на 200 нижче і знову стріляю. Видно, що попадаю. Чорні точки тут зникли. Видно добре, що залегли. Перестав стріляти, знову почали бігти. Випустив кулеметну стрічку патронів в 200. Еге!!! Думаю, погано!!! Вистріляв ще ленту на большевиків; давай відступати! Большевикам, видко, не подобалось, що ми беремо з собою кулемет, бо вони почали усиленно цокати з вінтовок. Пробіг я з своїм помішников кроків 200–150, знову стали, випустили ще одну ленту. Ворог заліг, ховаючись від куль, ми, вистрілявши ленту, побігли далі, по напрямку до вагонів, тягнучи за собою кулемета, котрий танцюючи по шпалах, страшно боляче відбивав нам руки. Люде все біжать, як несамовиті. Кричу: допоможіть кулемета тягнуть! Куди там! Ніхто нічого і не чує. Так сяк добрели до вагонів... Нарешті, зібрали всіх людей, котрі вийшли з крутського бою так чи инак живими, і ми почали відступати, стріляючи з вікон вінтовками (бо як не треба, то патрони вже найшлися)».

Когда этот веселый поезд, стреляющий во все стороны, прибыл в Дарницу, командиры

отдали приказ студентам разойтись по домам малыми группами. Мост через Днепр контролировали части, сочувствовавшие красным. Как пишет Лукаевич: «Всі ми, що ще були в Дарниці, дістали наказ перейти невеликими групами через Дніпро, який у 1918 році був досить слабо замерзлий... Ще й тут невблаганна доля забрала з-поміж нас кількох товаришів, які трагічно загинули під непевним льодом Дніпра... Деміївка була захоплена прихильниками більшовиків — робітниками місцевих фабрик. Ми знищили свої військові документи і всі зовнішні відзнаки, відкинули зброю і кожен зосібна пішов далі, умовившись попередньо, що будемо удавати демобілізованих вояків російської армії»...

План боя. Составлен сотником Гончаренко, командовавшим украинцами

Аверклий Гончаренко после битвы под Крутами тоже не стремился воевать. В армии УНР в том же 1918 г. он устроился на теплое местечко казначея Главной школьной управы при Военном министерстве. Потом служил Летичевским уездным комендантом и штаб-

офицером для поручений при военном министре УНР. Последняя должность Гончаренко в украинской армии — курсовой офицер Каменец-Подольской военной школы. Никакого стремления к службе в строю его послужной список не обнаруживает — главный «герой Крут» всегда искал тихую тыловую должность. Даже в дивизии СС «Галичина», куда он поступил на службу в сентябре 1944 года, 54-летний Гончаренко устроился при штабе одного из полков.

И уж совсем никто не помнит, что присланный из Киева на подмогу украинским юнкерам и студентам под Круты Первый автоброневой дивизион подполковника Черного в составе 4-х броневых автомобилей просто отказался разгружаться с поезда, мотивируя это тем, что местность — не подходящая для атаки. По словам подполковника армии УНР Степана Самойленко, «вся обслуга автопанцерників (я стояв на платформі коло важкого автопанцерника «Хортиця») була бездіяльними свідками бою під Крутами».

Участник этого боя Игорь Лоський свои воспоминания, опубликованные во Львове в 1929 г., завершил так: «Спомин про крутську трагедію мусить лишити як грізне memento нашого українського невміння організувати ті моральні сили, які в українстві є».

Эта оценка особенно важна, если учесть, что ее дал один из уцелевших в том действе, которое он сам назвал «трагедией».

Капитан Гончаренко — «герой» Крут и СС

Судьбы военных порой складываются причудливо. Капитан Аверклий Гончаренко, непосредственно командовавший в поле под Крутами юнкерами и студентами, прожил долгую 90-летнюю жизнь. Он родился в селе Дощенки Полтавской губернии в 1890 году. Закончил Прилуцкую гимназию, Чугуевское военное училище и даже не подозревал, что станет офицером УНР. В 1912 году подпоручик Гончаренко служил в 76-м пехотном Кубанском полку, стоявшем в Тульчине. В нем же был помощником начальника учебной команды. Первую мировую встретил командиром роты 260-го Брацлавского полка. К 1916-му он уже штабс-капитан, командир его 4-го батальона. А с лета того же года — курсовой офицер 2-й Киевской школы прапорщиков.

А. Гончаренко, 1912. Еще подпоручик Русской императорской армии

Осенью 1917 года Гончаренко украинизировал свой курс и осуществил первый выпуск украинских офицеров — «старшин», как говорили тогда. Его профессионализму принадлежит организация обороны под Крутами. Его же педагогическим способностям можно приписать меткость пулеметной стрельбы, которую проявили юнкера. По украинской терминологии, их называли «юнаками».

По-видимому, после Крут и уличных боев в Киеве Гончаренко не особенно снова лез в мясорубку. Осенью 1918-го он — Летичевский уездный комендант. Потом — помощник губернского коменданта Подолья, штаб-офицер для поручений военного министра УНР и снова курсовой офицер Каменец-Подольской юнацкой школы. После гражданской войны Гончаренко поселился в Станиславове (ныне Ивано-Франковск) и работал в сельскохозяйственной кооперации. В 1943 году 53-летний отставник решил тряхнуть стариной и вступил в дивизию СС «Галичина», сформированную из западных украинцев. Окончил службу в ней штабным офицером. А потом эмигрировал в Великобританию и, наконец, в США, где и умер 12 апреля 1980 года, оставив короткие мемуары.

А у них не было дяди в Центральной Раде...

Кроме Крут, в январе 1918 года украинская армия дала множество боев. Она потерпела все поражения, какие только смогла. Потеряла кучу народу. Не так убитыми, как разбежавшимися от животного ужаса перед «москальскими варварами» с красными ленточками на шапках — ведь известных всем звездочек с серпом и молотом в начале гражданской войны еще не придумали. Но в историю вошла почему-то только одна перестрелка — Круты. Почему?

Да, в общем-то, благодаря только одному человеку, погибшему там, — студенту из очень известной киевской семьи — Владимиру Шульгину. Этот мальчик приходился племянником члену Центральной Рады и министру иностранных дел Украинской Народной Республики Александру Шульгину. Поэтому, когда уже в марте 1918 года Грушевский и его соратники с помощью немцев вернутся в Киев, официальная украинская пропаганда станет раскручивать именно Круты. Как говорится, болело. И председатель Рады, и прочие члены правительства чувствовали вину перед своим близким знакомым. Это была действительно «государственная» трагедия. Министры переживали за министра!

Тела двадцати семи расстрелянных на станции Круты студентов и гимназистов перенесли в Киев и торжественно в присутствии членов правительства и самого «батяка нации» Грушевского перезахоронят. А Павло Тычина — тогда еще не советский, а национальный поэт, напишет конъюнктурные стихи: «На Аскольдовій могилі поховали їх, тридцять мучнів українських, славних, молодих»... Что он при этом на самом деле чувствовал, сказать сложно. Может, был искренен. А, может, ловил момент и дешевую популярность, как и тогда, когда в 30-е будет писать «Партія веде» и «В полі трактор дир-дир-дир, ми за працю, ми за мир». Ловкий был человек!

А другие были позабыты. Кто теперь вспомнит январские бои за Чугуев, Екатеринослав, Одессу, Ромодан или Гребенку, предшествовавшие Крутам? Отчаянно-героическую (да, именно так!) попытку поручика Бондаревского организовать сопротивление красным в Сумах и расстрелянного большевиками? Или стоившее больше 50 убитых и 120 раненых трехдневное сражение за Бахмач, в котором украинскими частями руководил командир полка имени Дорошенко хорунжий Хмелевский, погибший годом позже? Не имел бедняга Хмелевский родственников в правительстве! Так что, спите спокойно, пан хорунжий! Никто о вас ни в секретариате Рады в 1918 году, ни в нынешнем президентском секретариате не вспомнит. Как написал другой поэт Александр Олесь:

*Державні місії,
Контроль, комісії.
Пілати, дипломати,
Вся Україна тут.
Клопочуться, збираються,
Прощаються, вітаються,
Стрівають, виряджають,
А ввечері — вино...
А там десь на позиції,
Без зброї, без муніци,*

*У полі босі й голі
Вмирають козаки...*

«Госсправедливість». Даже в «Киевской мысли» всем крутянам был только один некролог. А Шульгину сразу три, причем один из них по-русски

Александр Олесь, тоже современник тех событий, не преувеличивал. К примеру, в Екатеринославле во главе группы офицеров на телеграфном узле забаррикадировался подполковник Дмитрий Абриньба. Он отстреливался от наседавших красных до последнего патрона и слал отчаянные телеграммы в Киев. А там «державні діячі» никак не могли понять, началась уже война с большевиками или еще нет? И отвечали: мы ни с кем не воюем! Так и погиб геройский подполковник — георгиевский кавалер еще с Первой мировой. По одним данным — застрелился. По другим — был застрелен красными. И никто не оценил его подвиг.

Легенда про «українську флоту»

В начале было слово. И слово это было «флот». Я и увидел его, когда мне было лет двенадцать, то есть в начале 80-х, в толстой книжке, называвшейся «Українська загальна енциклопедія». Это трехтомное издание вышло во Львове в промежутке между двумя мировыми войнами. В третьем томе его есть обширная статья «Україна». А в ней раздел «Флот новітньої доби».

Немецкий снимок Севастополя 1918 г. Немцы взяли под контроль все, что осталось от Черноморского флота. Желто-синий флаг спустили и подняли свой кайзеровский

Меня, киевского мальчика, слово несказанно позабавило. Оно было какое-то мокрое, плаксивое, сразу же ассоциирующееся со словом «сльота» — «слякоть», «ненастье». То ли дело привычное мужское «флот»! От него так и веяло флагом, трепещущим на ветру, чеканным шагом матросов, корабельной броней и грозными жерлами башенных орудий. Сразу хотелось затянуть: «Наверх вы, товарищи, все по местам!». Да и английское fleet или немецкое flotte тоже веселые слова. А тут какая-то «флоту»...

Причем, если верить галицкой энциклопедии, напечатанной в тех местах, где ни кораблей, ни моря не было от сотворения мира, «флоту» у Украины в 1918 году была знатная. Я просто впился в текст: «Склад укр. держ. дієвої флоту тоді був такий: 8 лінійних кораблів, із них 2 велетні-дреднавти по 23. 400 т. кожний, 4 кружляки, 6 авіоматок (гідрокрейсерів), 27 ескадрених міноносців, із них 13 великих по 1100–1360 т., 17 підводних човнів, 5 канонірських човнів на чолі з канонірським човном «Запорожець», 6 мінових загородників, кілька дивізій сторожових катерів, травлерів, ціла транспортна флотилія й кораблі окремого призначення з лінійним кораблем «Св. Юрієм Побідоносцем» (11. 000 т.)

на чолі. В будові в Миколаєві були: лінійний корабель велетень-дреднавт «Соборна Україна» 27. 900 т., 4 кружляки на чолі з крейсером «Гетьман Богдан Хмельницький» (тепер «Червона Україна»), 12 вел. ескадрених міноносців, 8 підводних човнів, одна матка для підводних човнів «Дніпро» і величезний плавкий док на 30. 000 т.».

Из текста я догадался, что «кружляк» на языке этой энциклопедии — крейсер. И снова засмеялся. Крейсер — слово международное. Он и по-английски, и по-немецки «крейсер». От слова «крест» — «крестить», пересекать курс торговым судам противника на высокой скорости, догонять и топить их. А «кружляк» — что-то такое круглое, готовое перевернуться, в лучшем случае, беспомощно кружить, получив снаряд ниже ватерлинии. Юла, одним словом.

Господи, какая выдающаяся «флот», — подумалось мне! И когда же это они ее успели понастроить? К сожалению, продолжение статьи гласило, что судьба у непревзойденной «флоты» выдалась печальная: «30. IV. 1918 німці обсадили частину укр. держ. флоту; 18. VI. 1918 большевики затопили 1 лінійний корабель «Імператриця Катерина Велика» і 10 ескадрених міноносців під Новоросійськом; у X. 1918 німці остаточно повернули укр. держ. флоту Україні, після чого знищила її антанта, що частину її попусвала вибухами в машинах, частину затопила, частину її вивів ген. Врангель до Бізerti (півн. Африка), а частина належить тепер до більш. чорноморської червоної флоту».

Идею украинского морского флага при гетмане Скоропадском содрали у немцев

Этот текст прекрасно демонстрирует, как фабрикуются мифы. Несведущий человек действительно мог поверить, что у Украины был в 1918 году свой флот с культом Екатерины II! Ведь как иначе можно было назвать в честь нее целый линкор, если не испытывать искреннего преклонения перед этой императрицей? Правда, с этой версией плохо вязалось то, что Шевченко утверждал, будто она «розпинала Україну». Но, может, «флоту» построили ярые екатеринофилы и шевченконенавистники — например, любители Гоголя, у которого запорожцы называют Екатерину «мамой»? А дальше на «флоту» напали немцы, потом большевики, потом интервенты Антанты и, наконец, коварный генерал

Врангель, угнавший остатки армады в далекую Африку.

Чушь, правда? Особенно, если учесть, что Украина объявила самостоятельность 22 января 1918 года. Как всего за два месяца она успела соорудить столько «дреднавтов» и «кружляков»?

А что же было в действительности? Предлагаю вам отрывок из мемуаров морского офицера князя Туманова, бежавшего от большевиков из Петрограда и попавшего на ту самую канонерскую лодку «Запорожец», которая упомянута в энциклопедической статье. Дело было в Одессе в 1918 году: «Идучи в штаб Украинского флота, я приготовился увидеть что-нибудь специфически хохлацкое, вроде каких-нибудь чубов, жупанов и слышать на каждом шагу мудреные выражения, вроде — «ой, лыхо, не Петрусь» (мои познания в малороссийском языке были довольно слабы), или что-нибудь в этом стиле. Каково же было мое удивление и радость, когда я очутился в типичнейшем, какой только можно было себе представить, русском штабе: никакими Петрусями, Тарасами и Остапами там и не пахло. За столами сидели, щелкая на машинках, ожидая в приемной — самые обыкновенные Иваны Ивановичи и Михаилы Михайловичи, без всякого намека на чубы, и не в жупанах и шароварах шириной в Черное море, а в обычных флотских тужурках и кителях и в самых обыкновенных, черных, хорошо разглаженных брюках. Беседы велись и приказания отдавались также на чистейшем русском языке. Лишь приказы в письменной форме писались по-украински, для чего имелся при штабе специальный переводчик. «Ну, в таком украинском флоте служить можно», — было моей первою мыслью».

Вот тебе и фльота! Сидят русские офицеры и штампуют приказы через переводчика на «державну мову». Кстати, можете представить себе образец такого документа: «Віднині наказано морцям фльоти плавати на кружляках і штудювати навтику». «Навтика» — это навигация. А «морці» — моряки. Так для непонятности было велено называть военнотружачих новотворенних морских сил, что тоже вызывало смех. «Морці» очень уж похоже на слово «мерці» (мертвецы), что как бы намекало: фльота Украинской державы была полна «мертвых душ» бывших офицеров и матросов Российского императорского флота.

В действительности линейный корабль «Соборна Україна» — это переименованный на стапеле в короткое правление гетмана Скоропадского царский линкор «Император Николай I». Его так и не достроят. После гражданской войны корпус гиганта разберут на металлолом. Канонерская лодка «Запорожец» до революции называлась «Кубанец». А «Императрицу Екатерину Великую» деятели украинских «визвольних змагань» просто не могли переименовать. В реальности ее контролировали большевики, присвоившие кораблю имя «Свободная Россия». Потом они же его и торпедировали, чтобы линкор не достался немцам. Но у составителей галицкой «энциклопедии» просто рука не поднялась написать, что красные утопили «украинский» дредноут «Свободная Россия». Совсем уж бред получился бы! Даже карпатские вуйки под смереками в такую чушь не поверили бы. Поэтому в своем «научном» труде они оставили кораблю первое название — «Екатерина Великая» — в честь императрицы, которую так ненавидел Шевченко.

Еще в боевом строю. Орудия линкора «Императрица Екатерина Великая» — она же «Свободная Россия»

Выходцы из Малороссии с удовольствием служили на царском флоте. Уроженец Нежина капитан Лисянский вместе с Крузенштерном руководил первой русской кругосветной экспедицией в начале XIX века. Полтавчанин Василий Завойко был тем самым героическим адмиралом, который во время Крымской войны отстоял от англичан и французов Камчатку. Адмирал Григорович — еще один потомок полтавских казаков — являлся последним военным министром Российской империи. Вот под его-то руководством в действительности и была построена вся та «флот», которую упоминает украинская псевдоэнциклопедия. А еще четыре линкора и несколько десятков эсминцев — на Балтике. Ибо называлось это богатство Российским императорским флотом.

Черноморский же флот являлся неотъемлемой частью военно-морских сил империи. По странному совпадению (хотя, сколько их случается в истории!), командовали Черноморским флотом сначала немец, по происхождению, адмирал Эбергард, а после него — потомок турецкого паши адмирал Колчак — напомним, что Первая мировая война шла с немцами и турками. Командовали неплохо! Уже 5 ноября 1914 года старые броненосцы «Евстафий», «Иоанн Златоуст» и «Пантелеймон» (бывший «Потемкин») столкнулись у южной оконечности Крыма с новейшим немецким линейным крейсером «Гебен» и задали ему такого жару, что немец предпочел тут же скрыться в тумане. Впоследствии его командир утверждал, что «не смог» найти снова русские броненосцы из-за плохой видимости, хотя он превосходил их по скорости почти в два раза, а неподалеку находился Севастополь, куда должна была вернуться эскадра Эбергарда. Было бы желание, «Гебен» подловил бы черноморцев у их базы. Но желания не было — слишком уж точно стреляли русские моряки. 26 декабря немецкий линейный крейсер подорвался на русской мине прямо у входа в Босфор. «Таким образом, русские использовали Рождественские праздники с большим успехом для себя, — писал в книге «Операции германо-турецких сил в 1914–1918 гг.» немецкий адмирал Герман Лорей. — Имея особый опыт в минном деле, русские ставили мины на глубинах в 180 м, что до тех пор считалось невозможным».

После введения в строй новейших дредноутов «Императрица Мария», «Императрица

Екатерина Великая» и «Император Александр III» германо-турецкий флот и носа не высовывал из Константинополя. Господство на Черном море оставалось за русскими, несмотря даже на загадочную гибель «Императрицы Марии», подорвавшейся в 1916 году на рейде в Севастополе, по причине халатности или диверсии.

Судостроительная промышленность империи спускала на воду корабль за кораблем. Город Николаев на Южном Буге стал крупнейшим центром кораблестроения именно в эпоху Николая II. Тогда неподалеку от старого Николаевского Адмиралтейства, со стапелей которого сходили еще эскадры Ушакова, были заложены два суперсовременных предприятия — «Руссуд» — АО «Русское судостроительное общество» (в советское время Завод им. 61 коммунара) и завод «Наваль», который после гражданской войны переименуют в Черноморский судостроительный. Новым предприятием было и «Общество Николаевских Заводов и Верфей», основанное в 1895 г. бельгийскими предпринимателями. Первые русские серийные «новики», прототипом которых был знаменитый балтийский эсминец с таким названием, были построены на николаевских верфях. «Дерзкий», «Беспокойный», «Гневный» и «Пронзительный» оправдали свои названия лихой службой во время Первой мировой войны. Это они ходили в настоящие, а не выдуманные, как в фильме «Адмирал», ночные атаки на немецкий крейсер «Бреслау», обращая того в постыдное бегство.

Все изменил 1917 год. Революция, как эпидемия, вспыхнувшая в Петрограде, наконец, доползла и до Севастополя. Делегации матросиков с Балтики, зараженных бациллами большевизма, приезжали в Севастополь разлагать своими речами черноморцев. Поначалу агитация шла туго — в отличие от Балтийского флота, почти всю войну проторчавшего в Гельсингфорсе под защитой минных заграждений, черноморские линкоры и крейсера, еще не знавшие, что скоро их обзовут «дреднавтами» и «кружляками», действительно воевали. Закаленные команды верили своим офицерам, чья храбрость и профессионализм были проверены в многочисленных боях. Но ржавчина может съесть даже самую лучшую броню, если ее не соскрести без пощады. Постепенно «краснел» и Черноморский флот. На кораблях рядом с Андреевскими поднимали красные флаги. У офицеров потребовали сдать кортики. Именно тогда командующий флотом адмирал Колчак вышвырнул за борт свою золотую георгиевскую саблю, чтобы не отдавать ее взбесившимся «товарищам». Вместе с этой саблей из флота словно испарился боевой дух. А с запада наступали немцы. Им было плевать, что большевики и Центральная Рада воюют за Киев, а кто-то едет под Круты. Они темной стальной волной в касках смыли и тех, и других. В конце апреля 1918 года немцы были уже под Севастополем.

27 апреля 1918 года командующий Черноморским флотом адмирал Саблин, сменивший Колчака на этом посту, подал в отставку. Он устал от бесполезных митингов команд. И тут матросики одумались! Их делегация явилась к Саблину умолять, чтобы он не оставлял их и сделал все для спасения кораблей.

Адмирал Саблин признал юрисдикцию Украины над ЧФ всего на один день

Так как Центральная Рада была союзницей немцев, Саблин решил принять украинскую юрисдикцию, чтобы не допустить захвата кораблей германскими войсками. 29 апреля 1918 года в 16:00 флагманский корабль «Георгий Победоносец» передал сигнал адмирала: «Флоту поднять украинский флаг». Но дискуссии команд не утихли. На следующий день, как только немцы показались в городе, новейшие линейные корабли «Свободная Россия» (бывшая «Екатерина Великая») и «Воля» (переименованный «Император Александр III») в сопровождении эсминцев подняли красные флаги и ушли в Новороссийск. Вместе с ними направился на «Георгие Победоносце» и сам Саблин, которого теперь называют «першим українським адміралом». Желто-синий флаг продержался на мачтах Черноморского Флота всего сутки.

Позор сдачи. «Георгий Победоносец» под немецким флагом в 1918 г.

В Севастополе под украинскими знаменами остались только старые броненосцы и

подводные лодки под командой контр-адмирала Остроградского, объявившего себя «украинцем». Но мимикрия не спасла эту эскадру.

Немцы не собирались передавать Крым Украине. Они сразу же спустили желто-синие полотнища и подняли вместо них 1 мая свои кайзеровские морские флаги — остатки Черноморского флота России, притворившиеся «флотом», были объявлены собственностью Германской империи. Никто из «морців-мутантів» не протестовал. Таким образом, можно считать, что свою историю украинский флот начал... со сдачи в плен. В этом смысле он был воистину рекордсменом — трудно найти другой флот, который сдался бы через два дня после своего возникновения. Да еще и без боя. Никто до сих пор не превзошел этот уникальный «подвиг» самостийной «флоты».

Немцы оставили Украине только канонерскую лодку «Кубанец» в Одессе — ту самую, на которую прибыл капитан Туманов и обнаружил, что на ней можно «служить». От переименования в «Запорожец» на борту старой лохани, построенной еще в 1887 году, ничего не изменилось. Вскоре она присоединилась к белым и снова подняла Андреевский флаг. Это был воистину уникальный корабль с веселой судьбой. Белогвардейцы затопили «Кубанец» в 1920 году, чтобы он не достался красным. Красные подняли его и переименовали в «Красный кубанец». Потом корабль передали в Госрыбсиндикат, где он служил до победного 1945-го. Это, пожалуй, единственный случай, когда военный корабль был разжалован в рыболовные!

Несколько менее весело сложилась судьба адмирала Саблина. Храбрый офицер, награжденный Георгиевским оружием за участие в боях с немецким крейсером «Гебен», не смог простить себе минуту душевной слабости, когда поднял на день над своими кораблями чужой ему желто-синий флаг. Адмирал умер от рака в Севастополе в 1920 году. Последняя должность его была — командующий белым Черноморским флотом Вооруженных Сил Юга России. Ему было всего пятьдесят. Это факты А все остальное — легенда про «флоту».

Запрещенная Донецко-Криворожская республика

Можно ли вычеркнуть из памяти нации целую страну? Риторический вопрос. Если открыть современный украинский учебник истории, то про УНР там будет сорок страниц, про ЗУНР — четырнадцать, а о Донецко-Криворожской республике (первоначально она называлась просто Донецкой), объявившей в 1918 году войну Германской империи и лично кайзеру Вильгельму, обладавшей вооруженными силами большими, чем армии УНР и ЗУНР вместе взятые, героически сражавшейся с немцами несколько месяцев, имевшей собственное правительство, идеологию и проводившей политику, независимую как от Москвы, так и от Киева, не сказано ни слова! Как будто этой республики не было. Но ведь она была! Между прочим, со столицей в... Харькове, а потом — в Луганске, и такими харизматичными лидерами, как товарищ Артем и Клим Ворошилов — в будущем нарком обороны СССР! Этот факт из их биографии не вычеркнешь, как не снесешь гигантский памятник Артему в Святогорске, вознесшийся буквально над всем Донбассом.

Ворошилов на коне. Этот памятник одному из героев ДКР до сих пор стоит в Луганске

Донецко-Криворожская республика была самой табуированной темой в советской исторической науке. За последние полвека о ней была защищена всего одна кандидатская диссертация! В сталинской Большой Советской энциклопедии статья о ДКР полностью отсутствовала, несмотря на то, что сын погибшего в 1921 году при загадочных обстоятельствах Артема воспитывался в семье вождя СССР.

Несколько больше о ней можно было узнать из второго тома «Радянської енциклопедії історії України», изданной в 1970 году — уже при застое. Цитирую на языке оригинала: «Донецько-Криворізька Радянська Республіка — рад. республіка, проголошена на 4-му обласному з'їзді Рад робітн. депутатів Донецького и Криворізького басейнів, що відбувся 27–30.I (9-12.II) 1918 в Харкові. До її складу мали входити Харків, і Катериносл. губернії та прилегли до них пром. райони Облaсті Війська Донського»...

И действительно — именно Войска Донского. Ведь любому, кто приезжает в гости к друзьям в нынешний Донецк (бывшая Юзовка, а потом — Сталино), расположенный на

берегу реки Кальмиус, обязательно расскажут, что Макеевка, находящаяся на противоположном берегу и ныне практически слившаяся со столицей Донбасса, до революции входила в состав Войска Донского. Граница между Екатеринославской губернией и Войском проходила как раз по реке, а теперь все это каким-то загадочным образом оказалось в составе независимой Украины, о чем молчат школьные учебники. Обратите внимание: оказалось без всякого завоевания! При помощи одних только административных фокусов московских большевиков, победивших в Гражданской войне. Ведь если бы белые победили, они бы Макеевку никому не отдали! Была бы она и сегодня у донских казачков.

Та же «Енциклопедія» достаточно высоко оценивала успехи Донецко-Криворожской республики и, главное, указывала, что входила она не в Украину, а в Российскую Федерацию! Вот, полюбуйте: «Раднарком Д.-К. Р.р. за час свого існування провів велику роботу, спрямовану на встановлення й зміцнення влади Рад, на розвиток госп. й культ. будівництва, на поліпшення добробуту трудящих мас і на здійснення декретів Рад. влади. Коли почалася австро-німецька окупація України 1918, Раднарком протестував проти загарбання окупантами тер. Д.-К. Р. р., мотивуючи це тим, що Д.-К. Р. р. — це автономна республіка Рос. федерації, не підвладна укр. націоналістам, на запрошення яких іноземні імперіалісти захоплювали Україну».

Кстати, кроме энциклопедии, о ДКР можно было узнать разве что из редко переиздававшейся (как пронизанной идеями сталинизма, не модными после прихода к власти бывшего троцкиста Хрущева) повести Алексея Толстого «Хлеб», написанной в 1935 году: «Первый Луганский отряд, когда обнаружилось, что красные под Конотопом разгромлены, отступил от Ворожбы на юго-восток, на станцию Основа, под Харьковом.

В Харькове шла торопливая эвакуация рабочих отрядов, военного имущества, машин, заводских материалов. Уезжал и Совет народных комиссаров Донецко-Криворожской республики — большевистское правительство Донецкого бассейна.

Когда началось наступление немцев, председатель правительства Артем послал ультиматум императору Вильгельму, где предупреждал, что в случае нарушения границ Донецко-Криворожской республики, которая никакого отношения к Украине не имеет, республика будет считать себя в состоянии войны с Германией.

Этот документ на четвертушке бумаги со смазанным лиловым штампом был доставлен главнокомандующему наступающих германских войск генералу Эйхгорну. Три раза переводчик читал генералу удивительный документ. «Это шутка? — спросил генерал. — Господин товарищ Артем — черт возьми! — считает себя в состоянии войны с Германией». Секунду генерал колебался: лопнуть ли от возмущения или, схватясь за ручки кресел, захохотать до слез...

Товарищ Артем, погибший в 1921 году, был первым главой Донецко-Криворожской республики

Но, так или иначе, Донецко-Криворожская республика считала себя в состоянии войны с германскими оккупантами. Правительство переехало в Луганск и вместе с украинскими красными силами прилагало все усилия, чтобы не пустить немцев в районы заводов и шахт Донбасса.

Силы были неравны. Остатки пяти красных украинских армий, присоединившиеся к ним партизанские и спешно формируемые рабочие отряды не насчитывали и двадцати тысяч бойцов».

Тем не менее, это были весьма стойкие и, как сказали бы сегодня, «пассионарные» бойцы. Оборону Луганска возглавил Ворошилов — «луганский слесарь, сталинский нарком», как пелось в песне уже 30-х годов, когда Климент Ефремович вошел в состав официальных советских вождей, а Луганск стал Ворошиловградом. Но культ Ворошилова сложился не из пустоты и не на порожном месте. Этот человек в эпоху, когда не было ни мобильных телефонов, ни Интернета, без всяких денег мог собрать пол-Луганска на митинг за Советскую власть. Рабочие его боготворили и буквально носили на руках. Конный памятник Ворошилову в Луганске, как и замечательный, не похожий ни на один другой памятник Ленину там же, — сохранившиеся до наших дней символы огромной популярности большевиков в этом индустриальном районе бывшей Российской империи. В 1918 году, когда войска Донецко-Криворожской республики во главе с Ворошиловым защищали Луганск от немцев, жены рабочих передавали бойцам патроны на позиции, выстроившись живой цепочкой от патронного завода до окопов. Вот вам и «Схід та Захід разом»... Ведь за спиной немцев жалко скрывались жидкие цепи декоративных формирований Центральной Рады... И память об этом на той же Луганщине не угасла.

Реалии Гражданской войны. Левые идеи оказались самыми востребованными в 1917–1920 годах

Еще цитата из повести «Хлеб»: «По магистрали Харьков — Луганск (между расположением 5-й и Донецкой армии) происходила эвакуация Харькова. Здесь, не теряя ни одного дня, нужно было создать сильную и стойкую группу. Ядром для нее мог послужить Луганский отряд Ворошилова, стоящий на этой магистрали на станции Основа. В него был влит Харьковский коммунистический отряд под командой Лукаша. К нему было решено присоединить бывшую 5-ю армию Сиверса. В него должны были влиться по пути от Харькова до Луганска шахтерские и рабочие отряды. Эта новая группа войск получила название 5-й армии. Командармом ее, по решению Донецко-Криворожского правительства, назначался Ворошилов».

Тем не менее, несмотря на героическую оборону Луганска, «Радянська енциклопедія історії України» оценивала создание Донецко-Криворожской республики весьма негативно: «Створення Д.-К.Р.р. було помилкою, оскільки воно не викликалося серйозною необхідністю, роз'єднувало революційні сили трудящих України, ослабляло керівну роль індустріального пролетаріату Лівобережжя у боротьбі за перемогу Великого Жовтня, за Владу Рад на Україні».

Странная формулировка, не правда ли? Республика дерется против немцев, не щадя живота своего, а ее существование объявляется «ошибкой», словно авторы энциклопедии сочувствовали германским оккупантам, а не рабочему классу Донбасса. Как же так могло получиться? А дело в том, что и официальный глава ДКР Артем (Сергеев), вернувшийся из австралийской эмиграции в 1917 году, и никому еще не известный Ворошилов не принадлежали к ближайшему окружению Ленина, Троцкого и прочих членов ЦК — так называемой «старой гвардии». Дружба в ней была скреплена совместными пьянками в

Женева, Лондоне и Париже и партийными культпоходами (чуть ли не целыми съездами) по европейским публичным домам.

В этот интимный кружок верных ленинцев входил и один из самых гнусных деятелей той эпохи — будущий нарком просвещения УССР Николай Скрипник, числившийся тогда главой украинского советского правительства, в спешном порядке назначенного Москвой. Впоследствии он просто застрелится, доукраинизировавшись, что называется, до ручки нагана. Но весной 1918 года этот революционный маньяк, больше всего любивший расстреливать, еще был полон сил и бюрократических страстишек. Он очень боялся, что невеста откуда взявшийся Артем с его республикой обойдет его в битве за симпатии дорогого Владимира Ильича и оставит без работы и должности. Бездарно проиграв вместе с Евгенией Бош украинским националистам в Киеве, Скрипник искал теперь тепленького местечка и всячески капал вождю мирового пролетариата на руководство возникшей не по указке ленинского Совнаркома, а благодаря инициативе народных масс Донбасса красной республики, объявившей себя частью Советской России. И докапался-таки, демон!

Ужас наркома Скрипника. Его бесил русскоязычный Донбасс

Вдумайтесь, как нужно было дезинформировать никогда не бывавшего в Киеве Ленина, не способного отличить вареник от пельменя, о подлинном состоянии дел на Украине, чтобы Ильич в свойственной ему экспрессивной манере написал в письме к Орджоникидзе: «Что касается Донецкой республики, передайте товарищам..., что, как бы они ни ухитрились выделить из Украины свою область, она, судя из географии Винниченко, все равно будет включена в Украину, и немцы будут ее завоевывать».

«География» Винниченко, бывшего на самом деле не географом, а национально озабоченным литератором-порнографом (и, по совместительству, первым главой правительства Центральной Рады) оказалась Ленину, подпавшему под влияние полусумасшедшего Скрипника (согласитесь, не может быть самоубийца нормальным человеком!), ближе, чем реальная обстановка на Донбассе и волеизъявление тамошних рабочих, взявшихся за оружие! Парадокс, да и только! Но так оно и было, как часто случается

Плакат 1919 г. демонстрировал единение красных России и Украины

Донецко-Криворожская республика погибла, не получив помощи из Москвы. Естественно, она не могла в одиночку сражаться с полумиллионной оккупационной армией Германского Рейха. Тем более что другие революционные части, находившиеся по соседству, стремительно разлагались под предводительством аналогичных Скрипнику персонажей. Откройте ту же повесть «Хлеб». Она документальна и показывает, что в сталинские времена порой говорили куда больше правды о Гражданской войне, чем мы представляем: «В это время пришло известие, что бывшая 5-я армия Сиверса в Валуйках присоединиться к Ворошилову не может, так как в ней шло полное разложение...» «Вместо боевого расположения солдаты массами покидают свои участки и ловят рыбу в реке Осколе... Караулы на линии играют в карты и спят... Через фронт идут всякие шпионы... Происходит дикая ружейная стрельба, притупляющая возможность распознавания — где происходит хулиганская трата патронов, а где действительно идет бой...»

Алексей Толстой, обожавший всякие пикантные подробности, цитировал подлинные боевые донесения, показывавшие, как действительно сражались в это время на Украине другие красные войска — верные Москве, но выражавшие свою лояльность почему-то не борьбой с немцами, а игрой в карты и ловлей карасей! Одни умирали, другие — пьянствовали и разлагались. В общем, как всегда.

Отступив от Луганска, армия Ворошилова сыграла выдающуюся роль в обороне Царицына (будущего Сталинграда) от белых. Революционные отряды луганских рабочих стали душой обороны этого города. Там же — во время «Царицынского сидения» — завязалась дружба Ворошилова и Сталина. Царицын называли «красным Верденом». Но никто еще не догадывался, что в этом Вердене два друга потихоньку приходят к идее «мясорубки» для всей ленинской гвардии, бредившей мировой революцией, — для Троцкого, Зиновьева, Каменева и прочих Радеков, разложившихся на кремлевских пайках. Молодое,

здоровое поколение в партии прикончит старое и гнилое.

Уговорили. ДКР согласилась войти в СССР при сохранении языковых прав

А Донецко-Криворожскую республику еще при Ленине, ради увеличения процента пролетариата, присоединят к сельской Советской Украине, на радость Скрипнику, чтобы ему было, кого «украинизировать», и она станет легендой. Но вытесненная в подсознание, забытая и оболганная, эта республика не исчезнет! Она даст всходы в совершенно неожиданный момент. Донбасс, включенный в Украину, спутает все карты украинским националистам. Я помню, как еще совсем недавно один не самый глупый человек доказывал мне, что на президентских выборах в Украине всегда будет побеждать тот кандидат, что родился ближе к центру — где-нибудь в Днепропетровске, на Волыни или, по крайней мере, в Хоруживке. Но, оказалось, что Донбасс, расположенный не в географическом центре, а на самом востоке страны, в один прекрасный момент трансформирует свое экономическое преобладание в политическое. Экономика победила этнографию и стала формировать новую реальность многоязычной и полиэтничной украинской нации, органически вписанной в большой восточно-славянский Русский мир. Для многих это еще не очевидно. Но тайное уже на наших глазах становится явным. Жадность скрипников, действовавших по извечному принципу: «Що зможу — з'їм, все інше — понадкушую!», привела их к историческому поражению. Образно говоря, они... подавились Донецко-Криворожской республикой, ставшей им поперек горла и так и не переваренной до конца. Артем подмигнул им даже с того света.

Как Центральная Рада хотела украсть гетмана Скоропадского

29 апреля 1918 г. Центральную Раду сменил последний украинский гетман — генерал Павел Скоропадский. Но за кулисами этой театральной постановки скрывалась германская разведка. Еще в марте кайзеровская оккупационная армия заняла Киев. В своем обозе она привезла Центральную Раду, тут же усевшуюся в здании Педагогического музея на Владимирской улице и приступившую к привычному делу — партийным дебатам. Благо, партий и языков в первом украинском «парляменте» хватало. Точь-в-точь, как в нынешнем.

Фото 1918 года. В этом здании Педмузея с двуглавым орлом Центральная Рада прозаседала все время своего недолгого существования

Немцев же интересовало другое. Выиграв Первую мировую войну на востоке, они продолжили ее на западе — против Франции, Англии и США. К 1918 году экономический и человеческий потенциал германской империи находился на пределе. В армию призывали мальчишек. Продуктов не хватало. И населению, и вооруженным силам реально грозил голод.

Скоропадский. Чуть не стал жертвой похищения

В этом смысле оккупация Украины, внезапно вообразившей себя «самостийной», оказалась как нельзя кстати. Страна буквально лопалась от обилия продуктов. Как вспоминал министр земледелия Центральной Рады Николай Ковалевский: «Що німці були голодні, було видно ще й з того, що на вулицях Києва можна часто було бачити групи німецьких солдатів, що довго вистоявали перед склепами і милувались виглядами ковбас, сала й шинки, яких вони давно вже не бачили».

Политика оккупантов была проста. Они заключили с Центральной Радой договор на поставки продовольствия и сырья из Украины в Германию и взамен взялись оберегать Украину от вторжения с севера большевиков. Однако очень скоро оказалось, что Центральная Рада никудышняя марионетка. Она не только не умела обороняться от внешних сил, но и не обладала минимальными навыками внутреннего управления. Как иронически заметил по этому поводу будущий гетман Скоропадский:

«Все поколения нынешних украинских деятелей воспитаны на театре, откуда пошла любовь ко всякой театральности и увлечение не столько сущностью дела, сколько его внешней формой. Например, многие украинцы действительно считали, что с объявлением в Центральной Раде самостийной Украины, Украинское государство есть неопровержимый факт. Для них украинская вывеска была уже нечто, что они считали незыблемым».

Но для немцев, потративших столько сил, чтобы приколотить эту вывеску на карту южных губерний бывшей Российской империи, она оставалась вывеской и не более. Рада не может организовать поставок продовольствия в Берлин? Следовательно, Раду необходимо срочно заменить новым дееспособным правительством. Такова была логика немецкого мышления.

Кроме немцев, Украину занимали еще и австро-венгры, в зону оккупации которых входили Одесса и Екатеринослав (нынешний Днепропетровск). Поэтому существовало два взгляда на будущее только что нарисованной страны. Австрийцы, как вспоминает тот же Ковалевский, после полной победы в мировой войне видели Украину как монархическое

государство во главе с принцем из династии Габсбургов. Кандидатура уже давно была готова — 23-летний эрцгерцог Вильгельм, командовавший группой, в которую входили украинские сечевые стрельцы. Стремясь «сблизиться» с будущими подданными, Вильгельм носил вышиванку и учил украинский язык. Впоследствии он даже выпустил сборник стихов «Минають дні». За украинизованную внешность Вильгельма Габсбурга с иронией называли Василь Вышиваний.

Принц Габсбург. Он же неудавшийся украинский король Василь I

Но немцы, игравшие первую скрипку в дуэте союзников, придерживались иной модели развития Украины. Ее идеологом был молодой адмирал Канарис. Он хорошо известен широкой публике по истории Второй мировой войны как руководитель Абвера германской армейской разведки. Но и в Первую мировую был далеко не последней фигурой в рядах немецких спецслужб.

Вот как описывает его роль в гетманском перевороте Николай Ковалевский: «В ті часи прибув до Києва шеф німецької військової розвідки контрадмірал Канаріс. Його роля за кулісами німецької політики була досить значна. Він був властивим конспіратором квітневого перевороту в Україні. Адмірал Канаріс був походженням грек. Його батьки були грецькими поселенцями чи то на Північному Кавказі, чи на Криму. Потім вони виїхали до Німеччини і молодий Канаріс виховувався в німецькій школі. Він мав великі здібності, володів дуже добре російською мовою і спомини з дитинства витворили у нього певний культ до старої царської Росії... Він був прихильником реставрації монархії Романових. Створення самостійної української держави він уважав тимчасовим явищем, з яким треба було миритись до деякого часу, поки большевизм у властивій Росії не буде зліквідований. Після цього Україна мала б бути прилучена до нововідродженої російської держави в тій чи іншій формі. Ці свої погляди мотивував Канаріс тим, що в інтересах Німеччини є відновлення російської монархії прихильної німцям, — монархії, котра творила б єдиний великий господарчий простір, що доповнював би своїми сирівцями і торговельними можливостями високо розвинену індустрію Німеччини. Поділ Росії на самостійні національні держави був би значною перешкодою для економічної експансії Німеччини в східній Європі».

Канарис. Хоть и грек, но немецкий разведчик

Мемуары Ковалевского вышли только в 1960 году в австрийском Инсбруке уже после его смерти. А в 1918-м министру земледелия было всего лишь двадцать шесть лет. Он принадлежал к молодой клике, собравшейся вокруг Грушевского и фактически за старого профессора пытавшейся вершить дела в Украине. В нее входили премьер-министр Голубович, военный министр подполковник Жуковский и министр внутренних дел Ткаченко. Ни одному из них не было еще и сорока.

Эта группа амбициозных украинских политиков почувствовала опасность, грозящую их карьере, и решила предпринять предупредительные меры. Весьма наивные, как станет ясно из последующих событий. На роль нового правителя Украины адмирал Канарис и командующий оккупационной армией фельдмаршал Эйхгорн выбрали Павла Скоропадского — в прошлом генерал-адъютанта свиты Николая II и бывшего командующего одним из украинизированных корпусов, уволенного от должности Центральной Радой. Канарис, как уверяет Ковалевский, встретился с ним лично и разработал подробный план переворота в Киеве. Для придания этому акту видимости единодушной поддержки общественности в срочном порядке были созданы две организации — Протофис (эта аббревиатура означала объединение промышленников, торговцев и финансистов) и Союз хлеборобов.

Естественно, скрыть эту подготовку в небольшом городе, каким был Киев начала прошлого века, где все знали друг друга, было сложно. Скоро до молодой компании украинских министров дошли слухи, что непосредственной подготовкой общественности занимается видный киевский банкир Абрам Добрый — член финансовой комиссии Центральной Рады и директор киевского отделения Русского для внешней торговли банка. (Так он официально назывался). Банкир занимал множество общественных должностей, отличался коммуникабельностью и идеально подходил на роль координатора.

В окружении премьер-министра Голубовича родилась веселая идея: а что, если похитить Доброго, вывезти его из Киева и тем разрушить все планы заговорщиков? За дело взялся лично глава МВД Михаил Ткаченко. Директор политического департамента этого ведомства Гаевский с компанией подчиненных вытащил банкира-конспиратора прямо из

постели, арестовал и под охраной нескольких политических агентов отвез в Харьков, где держал в номере обычной гостиницы. От остальных членов кабинета эту акцию до поры до времени держали в тайне. Как пишет Ковалевский: «Я, як і інші члени уряду, нічого не знали про цю подію. Не знав також і голова Центральної Ради Михайло Грушевський. Вночі, коли Добрий був арештований, відбулося власне засідання кабінету під проводом Голубовича. Засідання відбувалося в приватному помешканні Голубовича у великій гарній віллі київського архітектора Воробйова на Липках. На цьому засіданні чомусь не було Ткаченка. Десь коло півночі Ткаченко нарешті з'явився, викликав Голубовича до іншої кімнати і щось йому стурбованим голосом оповідав. Після цього ми довідалися, що сталася ця подія з Добрим».

Всеволод Голубович. Предводитель налетчиков и украинского правительства

Но вышло совсем не так, как рассчитывали похитители. Кража Доброго только ускорила события, придав им видимость справедливого наказания зарвавшегося марионеточного режима. 28 апреля, как утверждал Ковалевский, он опоздал на заседание Центральной Рады — министр жил в Святошине и вынужден был долго добираться до работы. На Бибиковском бульваре возле Владимирского собора его якобы узнал какой-то украинский офицер. Остановив автомобиль министра, он взволнованно сказал: «Прошу не їхати до Центральної Ради, бо саме тепер сотня німецьких солдат оточила будинок і частина солдат увійшла до зали засідань, щоб арештувати членів уряду».

Крещатик начала века. По по просторным киевским улицам было удобно драпать

У Ковалевского уже была заготовлена конспиративная квартира на Нестеровской улице. Бросившись туда, он связался с командиром сечевых стрельцов полковником Коновальцем и попытался выяснить, что делать дальше. Вечером в казармах сечевиков собралось то, что осталось от Центральной Рады — Грушевский, Порш, Коновалец и Петлюра. Министры-похитители во главе с премьером были арестованы немцами. Сбежать удалось только самому шустрому из них — Ткаченко, который и руководил похищением Доброго.

Но, по-видимому, страсть к воровству была у предводителей Центральной Рады в крови. На секретном заседании в казарме они первым делом начали обсуждать, как бы теперь украсть еще и Скоропадского. «Відділ січових стрільців, — продолжает Ковалевський, — мав дістатися на Липки, опанувати німецьку сторожу і російську старшинську охорону Скоропадського, арештувати його і вивести з Києва на деякий час, позбавивши таким чином німецьке командування кандидата до гетьманської булави».

Но довольно быстро конспираторы поняли, что у них нет никаких шансов удержаться в Киеве даже в случае успеха этой авантюры. Немцы стянули в город три пехотные дивизии. А в распоряжении Рады был только батальон сечевых стрельцов, один полк синежупанной дивизии и два батальона Богдановского полка. К тому же, никто не хотел рисковать своей шкурой в героическом налете на ставку гетмана. Красть претендента на булаву, находившегося под охраной немецких штыков, казалось куда более рискованным предприятием, чем нападение на спящего банкира, которого «охраняла» только его супруга. Решили прекратить борьбу и перейти на нелегальное положение. А напоследок прихватить пять миллионов карбованцев из Госбанка, чтобы было, на что продолжать борьбу.

Эта акция удалась блестяще. Еще за две недели до выступления гетмана деньги были выделены на счет Министерства сельского хозяйства Ковалевского. В день переворота он послал кассира Матюху под охраной всего двух служащих в банк и там без проволочек получил чемодан с наличностью. Для осторожности саквояж с деньгами был тут же отправлен еще на одну конспиративную квартиру на Мариино-Благовещенской улице.

Это были средства на будущее «антигетьманське повстання».

Госбанк. В начале прошлого века он еще был 2-этажным.

В мемуарах Ковалевского есть одна странная неточность. Вспоминая задним числом всю эту историю, он приурочил арест немцами членов правительства на 11 утра 27 апреля. Но как явствует из киевских газет того времени, например, «Народной воли» (№ от 30 апреля) на самом деле, это событие произошло 28 апреля. И не утром, а во второй половине дня. Газета указала даже точное время — полчетвертого. Ковалевский мог забыть дату, но утро с вечером явно перепутал намеренно.

Как явствует из того же номера «Народной воли», в Раде удалось арестовать только директора департамента внутренних дел Гаевского. Никто из министров-похитителей на заседание не явился! Следовательно, и «опоздание» Ковалевского не было случайностью. Он никуда и не собирался ехать. Скорее всего, все члены правительства, чувствуя, что «рыльце в пушку», просто договорились не являться в этот день на заседание. Их и переловили 28 апреля по одному, начиная с премьера Голубовича. Что же касается Ковалевского, то он дал деру в провинцию и был пойман только летом.

А вот с налетом на Скоропадского авантюристы из Рады прогадали. В роковую для них ночь с 28 на 29 апреля никакие немцы гетмана не охраняли. А сам он с кучкой офицеров занял банк и военное министерство. Схватить Скоропадского можно было, чуть ли не голыми руками. Но у страха глаза велики. Получается, что «бесстрашные» сечевые стрельцы во главе с «героем» Коновальцем просто наложили в штаны.

Махно в гостях у Ленина

В июле 1918 года Нестор Махно находился накануне своей всеевропейской славы и переодетый в форму царского офицера пробирался из Москвы на свою родину в Гуляйполе.

Нестор Махно всегда пользовался популярностью у деятелей искусства. «А у батьки у Махна волосня густая», писал еще в 20-е годы советский поэт Эдуард Багрицкий. Он стал персонажем кино и литературы еще при жизни — героем романа Алексея Толстого «Хождение по мукам», выдержавшим две экранизации и главным «злодеем» в фильме «Александр Пархоменко».

Ильич и Махно. В бурном 1918-м встретились и интересно поспорили о теории и практике революции

«Батька», давно состригший космы, сидел в эмиграции в Париже, а в СССР шел о нем немой приключенческий фильм «Красные дьяволята» (предшественник «Неуловимых мстителей»), юные герои которого, в отличие от чекистов, с успехом поймали главного анархиста бывшей Российской империи. И даже в последние годы о нем пели группа «Любэ» («Батько Махно смотрит в окно, за окном темным-темно»...) и «лысый и босый» Иван Миколайчук («Нестор Иванович — батько наш!»...). Человек-легенда — лучше не скажешь!

Кремль. Через эти ворота Нестор вошел в логово большевиков

Изумляла анархистская республика в Гуляйполе и немногих очевидцев, оставивших о ней воспоминания. «То, что мы увидели в селе, нас несказанно поразило, — писал в вышедших в 1922 году в Берлине мемуарах некий Н. Герасименко. — Нам казалось, что мы присутствуем при нелепом маскараде. Возле опрятных хат толпились люди. Воистину это была современная Запорожская сечь, и нужна была мощная репинская кисть, чтобы изобразить на полотне эти ярко-красочные, нелепые, дикие фигуры. Большинство из махновцев было одето в белые цветные фуфайки, на ногах болтались необычайной ширины шаровары с красными поясами вокруг талии, концы которых спускались почти до земли. Вооружены все были «до зубов». Помимо шашек и револьверов, у многих за поясами торчали ручные гранаты, а пулеметные ленты, очевидно как щегольство, висели по поясам или висели через плечо. Как бы дополняя полноту картины тут же, у стен, валялись винтовки и кое-где понуро торчали пулеметы».

Фотографии подтверждают достоверность этого «исторического полотна». Правая рука Нестора Махно матрос Федор Щусь на снимках неизменно позирует в невообразимо прекрасном наряде, перед которым меркнет фантазия современных кутюрье — матросскую бескозырку с ленточками, оставшуюся от флотской службы, он носил вместе с гусарским доломаном, расшитым шнурами, щегольскими галифе и парадной кавалерийской саблей образца 1827 года в металлических ножнах. А на шее, вместо кулона, у этого модника болтался кавказский кинжал! Чтобы не испортить все это великолепие, в дождливую погоду Щусь дополнял свой туалет прорезиненным непромокаемым плащом. Простые, имевшие более скромные возможности махновцы, тоже запечатлены на снимках в самых невероятных комбинациях стиля «милитари». Рядом с папахами попадают персонажи в гвардейских дореволюционных киверах, трофейных австрийских кепи, двухручном офицерском снаряжении с узорчатыми запорожскими поясами поверх ремней — ни одна революционная армия, что красная, что белая, не могла соперничать с махновцами в дембельской «элегантности».

На этом снимке «сухопутный матрос» Щусь в бескозырке, с парадной саблей и матерчатым поясом

Тот, кто видел знаменитую махновскую тачанку, поймет, что в переводе на современную терминологию, эти молодцы рассекали по степи на мерседесах. По происхождению, тачанка — экипаж немецких колонистов. В гуляйпольском музее стоит такая — упругие рессоры, изящная откидная подножка, чтобы было удобнее заскакивать вовнутрь, и поворотная передняя ось, позволявшая закладывать лихие виражи. Это не крестьянская телега! Это почти что феррари!

Но в июле 1918 года ничего этого еще не было. Была гетманская Украина, австро-немецкая оккупация и кайзеровские отряды по деревням. А сам Махно, переодетый в форму царского офицера и еще не отпустивший свою знаменитую «волосню», пробирался из революционной Москвы на родину. По крайней мере, так он утверждал в своих мемуарах, вышедших в Париже. Многие исследователи отрицают достоверность этого маскарада. И напрасно. Оккупационная армия контролировала, прежде всего, железные дороги. Махно ехал домой на поезде. Офицерские погоны и поддельные документы идеально гарантировали его безопасность. Как следует из многочисленных воспоминаний, бывших царских офицеров немцы и австрийцы не только не преследовали, но наоборот поддерживали — те совершенно свободно разгуливали по Киеву и другим городам. Сойти за так называемого «офицера военного времени» (из «простых» — то есть, сыновей зажиточных крестьян) Махно вполне мог. Тем более, что разговаривал он преимущественно по-русски, а «родного» украинского языка, как признавался в воспоминаниях, почти не знал.

Вообще стоит почитать книжку Нестора Махно, чтобы лишний раз убедиться: никакой украинской нации тогда не существовало. Украина для большинства ее жителей была понятием географическим, а не политическим. Посудите сами, Гуляйполе находится на территории земель бывшей Запорожской сечи. И Махно, и его соратники носят типично

«украинские» фамилии — Каретник, Марченко, Гавриленко, Куриленко, Виктор Белаш (начальник штаба анархистской армии), Лепетченко, Щусь. Но украинцами они себя не считают. Наоборот, являются злейшими врагами Симона Петлюры! В начале 1919 года, сразу после антигетманского переворота, петлюровцы займут Екатеринославль. А махновцы их тут же выбьют из города! Дважды за гражданскую войну — в том же 1919-м и в конце 1920-го Махно будет поступать на службу к красным. Но на союз с Петлюрой не пойдет никогда!

Ни в одном из советских фильмов, где Махно представлен обычным бандитом, нет разговора Нестора Ивановича с Лениным. Зато в парижских воспоминаниях Махно такой эпизод есть. Оказавшись в июне 1918 года в Москве, он добился через Свердлова аудиенции у вождя российской революции. По его словам, тот набросился на него с вопросами: «Первое: из каких я местностей?.. Затем: как крестьяне этих местностей восприняли лозунг «Вся власть Советам на местах», и как реагировали на действия врагов этого лозунга вообще и Украинской Центральной Рады, в частности? И бунтовались ли крестьяне моих местностей против нашествия контрреволюционных немецких и австрийских армий?».

Восковая персона. Современная реконструкция облика «батяки»

Махно сказал, что лозунг «Вся власть Советам на местах» — «по-крестьянски значит, что вся власть и во всем должна отождествляться непосредственно с сознанием и волей самих трудящихся». И добавил, что он сам так считает. «В таком случае, крестьянство из ваших местностей заражено анархизмом», — заметил Ильич. «А разве это плохо?» — спросил Махно. «Я этого не хочу сказать, — ответил Ленин. — Наоборот, это было бы отраднo, так как это ускорило бы победу коммунизма над капитализмом и его властью».

Незадолго до этой встречи большевики разгромили московский центр анархистов. Терпеть бузу в своем тылу они не желали. Зато развести анархизм за спиной гетмана Скоропадского и немцев Ленину показалось очень своевременной идеей. Вот как описывает завершение этой беседы Махно: «Заметив, что я начал постепенно таять перед его красноречием, он вдруг, совершенно неожиданно для меня спросил: «Итак, вы хотите

перехватить?» Я ответил: «Да», «Желаете воспользоваться моим содействием?» «Очень даже», — ответил я. Тогда Ленин обратился к Свердлову со словами: «Кто у нас теперь непосредственно стоит в бюро по переправе людей на юг?» И, выяснив этот вопрос, подхватил: «Так вот, товарищ, зайдите завтра, послезавтра, или, когда найдете это нужным, к товарищу Карпенко и попросите у него все, что вам нужно для нелегальной поездки на Украину. Он вам укажет и надежный маршрут через границу. «Какую границу?» — спросил я его. «Разве вы не знаете? Теперь установлена между Россией и Украиной граница. Она охраняется немецкими войсками». «Да вы же считаете Украину югом России?»», — заметил я ему. «Считать — одно, товарищ, а в жизни видеть — другое», — ответил Ленин».

Так, с поддельными документами Махно оказался в поезде, следующем на юг. Можно только удивиться, как вождь оценил потенциал этого «ходока». «Зачем в Москве такой талантливый беспокойный человек? — по-видимому, подумал Ленин. — А на Украине он будет на своем месте — вредить нашим врагам».

Я далек от того, чтобы выставлять веселого кремлевского беса непогрешимым провидцем. Но это моментальное решение картавого лысого коротышки имело глобальные последствия. Махно фактически взбунтовал весь юг Украины. Он развалил тыл сначала Петлюре, а потом и белой армии в тот самый момент, когда осенью 1919 года она наступала на Москву. Удар махновцев в спину генералу Деникину белогвардейские историки будут называть главной причиной провала контрреволюции. Подсаженный в нужное время и в нужное место вирус анархизма уничтожил врагов большевизма на «юге России» и сам обессилел в этой борьбе. После этого кремлевским «докторам» оставалось только изгнать ослабленную «бактерию» из страны. До конца жизни Нестор Иванович так и не отдал себе отчет, что его страстность использовали в темную.

Несмотря на иностранное звучание, анархизм — чисто славянское, русское изобретение. У истоков его стояли два аристократа — Михаил Бакунин и князь Петр Кропоткин. Оба они были помещиками и офицерами, но от великосветской скуки подались в бунтари и большую часть жизни провели за рубежом. Бакунин дружил с Карлом Марксом. Кропоткин — прославился побегом из Царской тюрьмы. Однако по натуре они являлись полными противоположностями. Кропоткин муху не мог обидеть. Он испытывал отвращение к кровопролитию и настаивал только на мирных методах борьбы, грезя о всеобщем братстве трудящихся без убийств и насилия.

*Петр Кропоткин (слева). Выдающийся князь-анархист; Михаил Бакунин (справа).
Выглядят не хуже «карлы-марлы»*

В противовес ему Бакунин отличался принципиальной аморальностью. Он считал, что революционер имеет право на любой обман и жестокость, лишь бы восторжествовала справедливость. По мнению этого идеолога мирового переворота, гибель сотни невинных жертв ради уничтожения всего одного врага революции, вполне оправдана.

Бакунин был одним из основателей 1-го Интернационала. Но в 1868 году он создал тайный союз анархистов, с помощью которого попытался «подсидеть» Маркса и Энгельса и выжить их из руководства этого международного коммунистического шабаша. В 1872 году Гаагский конгресс исключил Бакунина из Интернационала за анархистскую деятельность и вскоре он умер.

Щусь в облике «моряка-гусара»

Петру Кропоткину, кроме царской тюрьмы, удалось отсидеть пять лет еще и во французской кутузке — за принадлежность к анархистской «Международной ассоциации рабочих». К слову сказать, никаких орудий труда, кроме карандаша и ручки, он в жизни не держал. В 1917 году князь-революционер вернулся в Россию, увидел победу Октябрьской революции и умер в Москве в 1921 году в преклонном 79-летнем возрасте. Серьезные революционные практики считали его чем-то вроде юродивого. Дед часто чудил. Во время Первой мировой войны, несмотря на свои «вегетарианские» воззрения, ни с того, ни с сего публично поддержал империалистическую Россию против такой же империалистической Германии, за что его критиковал Ленин, обвиняя в «социал-шовинизме».

Кроме России, бакунинско-кропоткинское учение особой популярностью пользовалось в горячей Испании, где любят все остренькое, вроде фламенко и боя быков. Испанцы придумали и знаменитое приветствие, которым настоящий анархист должен здороваться с другим анархистом: «Салют и бомба!». Во время гражданской войны в Испании возникла Каталонская анархистская республика. Там же был сформирован батальон имени Махно. Воевал он жестоко. В плен франкистов не брал. Те, естественно, отвечали такой же принципиальностью. В связи с физическим уничтожением большей части анархистов на земном шаре, ныне острых вспышек этого идеологического вируса не регистрируется. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись.

Памяти атаманщины

Имена этих людей не вспоминают с высоких трибун. Им не ставят памятников. В их честь не переименовывают улицы. (Хотя славно бы звучало — бульвар атамана Зеленого или проспект атаманши Маруси!) В лучшем случае, герои этой статьи становились прототипами для отрицательных персонажей советских комедий — таких, как «Неуловимые мстители» и «Свадьба в Малиновке».

Тем не менее, без них история гражданской войны была бы скучна, как суп без перца. Это почувствовал уже Аркадий Гайдар. В бурном 1919-м он служил красным курсантом в Киеве, окруженном атаманскими бандами. А в одной из самых ранних своих повестей «РВС», написанной по личным впечатлениям, вывел сразу двух таких колоритных народных «вождей» — атамана Головня и атамана Козолупа, ненавидевших одновременно красных, белых и петлюровцев, а больше всего — друг друга.

«Свадьба в Малиновке». Прототипом атамана Грициана Таврического был реальный атаман Григорьев

В атаманщине скрыта тайна украинского национального характера. Не галичанского, скупого, воспитанного в австрийской казарме палкой немецкого унтер-офицера, а настоящего украинского — идущего от запорожской вольницы. Того характера, что не признает над собой никакой власти, кроме своей собственной, и живет по принципу: хоть день, да мой! В дневнике гражданской жены батьки Махно есть воспоминание об одном из таких отложившихся от Нестора Ивановича «крутых пацанов». Даже веселое анархистское воинство с гармошками и тачанками не удовлетворяло его широких культурных запросов. Украв часть махновской казны, он пустился в пляс, потратив две недели на кутежи с девками и самогоном. Когда после расследования весельчака расстреляли, то уже лежа в пыли и дернув на прощание ногами, он в предсмертных конвульсиях повернул голову и прошептал

подбежавшим к нему хлопцам: «Зате погуляв!»

То же самое могли сказать и Ангел, и Божко, и Зеленый, и Струк, и Тютюнник, реализовавший себя не только как атаман, но еще и как один из первых национальных актеров и сценаристов. Во люди были! Восстань они из праха, мигом бы подняли упавшее украинское кинопроизводство. Уже вижу, как врывается в Министерство культуры Юрко Тютюнник с обнаженной шашкой и воплем: «Кто тут министр? А подать мне министра! Почему до сих пор наши фильмы не побеждают на Берлинском фестивале? Или вы только голодоморы свои унылые умеете экранизировать?». Ох, что бы сделал бравый атаман со всеми этими бесполезными чиновниками!

Сколько бы сала вытопил он из режиссеров! Он бы показал, что такое настоящий национализм!

Атаман — слово восточное, татарское, по происхождению. В переводе оно означает «вожак». «Словарь украинского языка» Гринченко, изданный в 1908 г., трактует понятие «атаман» так: «предводитель в войске, вообще старшее начальствующее лицо для группы людей, стоящих у одного дела, староста в артели; атаман у чумаков, косарей рыболовов, щетинников, пастухов, среди приказчиков — старший приказчик».

Это была очень понятная народу должность — демократически избранный только за личные качества лидер. Попробуй объяснить простому человеку, что такое «действительный статский советник»? А атаман — все ясно. Отсюда и обилие поговорок: «Отаманом артіль кріпка. Отаманити — не чарку в руці держати: треба в голові багато думок обертати. Добивсь до отаманства та й умер».

Но век атамана, как и кавалергарда, был недолог. Почти никто из атаманов гражданской войны не умер своей смертью. Разве что Махно в Париже от туберкулезной палочки.

Мне уже приходилось писать в книге «Революция на болоте» об исторических параллелях между нашей смутой и той. Кучма — гетман Скоропадский. Ющенко — Петлюра. Есть в этом зеркальном мире и тень Юлии Тимошенко. Даже две тени — атаманша Маруся и атаман Волох.

Атаманиша Маруся

Маруся — она же Мария Григорьевна Никифорова — приходится Юлии Владимировне

почти землячкой. Родилась в уездном городе Александровске, ныне переименованном в Запорожье. Это рядом с Юлиным Днепропетровском. На машине меньше часа езды.

Происхождения атаманша Маруся была темного. По одной версии — дочь штабс-капитана, героя русско-турецкой войны. По другой — генерала (обратите внимание, что позаимствованная от мужа фамилия Юлии Григян тоже военная — «маршальская»).

«Атаманша» Юля

Есть свидетельства, что Маруся была то ли гермафродитом, то ли трансвеститом, известным в подпольных кругах под партийным псевдонимом «Володя». Юлия Владимировна — однозначно не трансвестит и не гермафродит. Но на то они и параллели, а не копии, чтобы не повторяться буквально.

Зато «атаманшу» Юлю и атаманшу Марусю роднит другое, идеологическое совпадение. В разгар первой русской революции Никифорова оказалась втянутой в группу так называемых «анархистов-безмотивников». Врагами свободы они объявили всех, у кого есть сбережения в банках, хорошая одежда и возможность обедать в ресторанах. Вспомните, «народную», чисто популистскую политику Тимошенко. «Враги» — в виде нефтетрейдеров и отечественных капиталистов. И «друзья» — в облике всех сирых и убогих, с которыми нужно поделиться ресторанными обедами. Переключка с Марусей налицо!

Сразу же после падения царского режима Никифорова вернулась из эмиграции на Украину, где попыталась совершить революционный переворот в родном Александровске, а заодно познакомилась с Махно. Описывать все ее приключения подробно я не стану. Отмечу только одну характерную деталь. Подобно Юлии Владимировне атаманша обожала белые одежды. Только в тогдашнем модном варианте — белая черкеска с газырями и такого же цвета кубанка набекрень. Очень совпадают и портреты. Большевистский комиссар Киселев описывает Марусю образца 1919-го года: «Ей около 30-ти — худенькая, с изможденным, испытанным лицом, производит впечатление старой, засидевшейся курсистки».

«Старая курсистка» — это не возраст, а социальное положение. По-нашему переводится, как «студентка-второгодница», засидевшаяся в альма-матер. Всякий, кто видел Юлию Владимировну в критические моменты ее жизни, согласится, что больше всего она похожа именно на студентку, застигнутую внезапно очередным экзаменом.

Есть у Юли с Ма русей еще один общий штрих в биографии. Обе сидели в тюрьме. Тимошенко — за неподчинение Кучме и еще раз — за газовый договор. А атаманша — за бунт против советской власти. Член ЦК компартии Украины Пятаков, рассмотрев дело Никифоровой, признал ее виноватой по всем статьям. Даже назвал «бандиткой». Но Марусю (бывают же революционные чудеса!) выпустили! Причем, официально. Как нашу Юлю. За нее лично поручился в конце 1918-го знаменитый большевик Антонов-Овсеенко — командующий Украинским фронтом.

Не меньше похож на Тимошенко и знаменитый атаман Волох. Не внешностью (упаси Бог!), которая у него была от рябого извозчика-ломовика, а местом в исторической трагикомедии. Бывший офицер военного времени, он начинал как самый преданный друг Петлюры. Как Витя с Юлей на Майдане, так Петлюра с Волохом вместе водили гайдамаков в атаку на киевский Арсенал. Петлюра верил ему, как брату. Чуть ли не спал с ним на одной постели! А оказалось, что пригрел на груди змея. Втайне Волох все больше склонялся к «укапизму». Было такое политическое извращение. Укапизм — это украинский коммунизм. Проникнувшись его идеями, храбрый атаман задумал перебежать к красным. Но не сам, а, прихватив с собой еще и «головного атамана» — Петлюру. Правда, захватить ему удалось только казну. И тут же прогулять ее по дороге к красным. А те вместо благодарности отстранили его от командования бандой, перевели на хозяйственную работу, а потом осудили и расстреляли.

Искренне не хочу, чтобы Тимошенко повторила его судьбу. Но, когда бывший президент Ющенко в очередной раз попрекал Юлю «изменами», мне то и дело вспоминается «укапист» Волох, поднявший руку на Петлюру.

Как уверяют адепты укрупизма, из украинской земли произошло все. В большинстве случаев верить им не стоит. Но первые борцы за экологическую чистоту действительно родились на нашей земле. Завидев приближающегося комиссара или целый продотряд, они тут же бросались на него, чтобы очистить прекрасный украинский ландшафт от этих вредных существ, и уничтожали их до последнего человека.

Возглавлял эту народную партию Данило Терпило — мужчина в расцвете сил, взявший политический псевдоним атаман Зеленый. Он родился в знаменитом селе Триполье под Киевом, очень любил читать, но еще больше захватывать пароходы и стрелять из всех видов оружия. Видимо, любимым чтением будущего атамана в детстве были пиратские романы. Но так как проклятые большевики еще не успели в 1918 году напустить для него Киевское море, где бы он игрался в кораблики, то Даниле пришлось пиратствовать просто на Днепре. Почему-то особенно ему нравилось не просто убивать свои жертвы, но еще и скармливать их рыбам. Сказано же: эколог!

Атаман Зеленый (в центре). Снялся на память в родном Триполье

Зеленый ходил в походы на Киев то объединяясь, то враждуя с соседними атаманами, регулярно совершал набеги на Обухов и Кагарлик. Он первым в наших местах выдвинул лозунг: «За Советы без большевиков!» и даже попал в официальную советскую историю как организатор так называемой Трипольской трагедии — избиения красного карательного отряда, состоявшего из киевских комсомольцев, китайцев и караульного полка. Как настоящий мастер маневренной войны Терпилов впустил их в село, имитируя бегство. А когда те расслабились и перепились, тут же нанес контрудар. Из полуторатысячного отряда только в плен попало четыре сотни. Пленных красноармейцев из украинцев и русских Зеленый отпустил, взяв обещание больше не воевать. А чекистов, комиссаров и комсомольцев приказал расстрелять как неисправимых.

Данило Терпило

Сам же атаман хлеб у крестьян не отбирал. Однажды он даже роздал несколько барж с солью, захваченных на Днепре, крестьянам Киевщины. Когда Зеленый погиб в перестрелке, в его смерть долго не хотели верить. До сих пор кое-где в Триполье и Обухове о нем рассказывают легенды как о местном Робин Гуде, любившем изумлять пленных комиссаров фразой: «Ти дурний? Чи з города?» Но самым «кинематографичным» атаманом был бывший царский офицер Ефим Божко. До революции он прикидывался совершенно нормальным человеком, служил в инженерных войсках, рыл окопы и наводил переправы. Никто даже не догадывался, что под его мундиром с серебряными погонами скрывается редкий оригинал, заблудившийся во времени. Батька Божко — основоположник украинского униформистского движения. От него идут все современные военно-исторические клубы, члены которых любят переодеваться в одежду былых эпох.

Божко вбил себе в голову, что в него вселился дух Богдана Хмельницкого. Единственный среди украинских политиков XX века он задумал возродить Запорожскую Сечь в полном объеме — с куренями, валами и кошевыми. Свой лагерь он разбил на острове Хортица, где такие же, как и он, полусумасшедшие объявили его атаманом «Новой Запорожской Сечи». Знаки власти — бунчук и булаву — Божко истребовал официальным письмом у директора исторического музея в Екатеринославле — известного казаковеда Дмитрия Яворницкого. Тот чуть не упал в обморок, когда к нему явились воскресшие «запорожцы».

«Новая Запорожская Сечь». Так выглядел отряд атамана Юхима Божко, когда он числился дивизией УНР. На снимке Петлюра (в левом углу) лично инспектирует его

Ничто не нравилось новому кошевому в современности. Даже приказы он писал не стальным, а гусиным пером. Очевидцы вспоминали его владения, как настоящий дурдом — тут с утра до вечера танцевали гопак, стреляли из ружей, пели народные песни. В промежутках между этими интересными занятиями Божко успевал поучаствовать в восстании против гетмана Скоропадского, послужить в армии Петлюры, куда новую «Сечь» зачислили как одну из дивизий, а потом послать Петлюру на три буквы и снова отправиться в автономное плавание.

Как сказочного героя Божко не брала даже пуля. Во время очередных «переговоров» (разборок, по-нынешнему) петлюровский генерал Тютюнник выстрелил атаману из револьвера прямо в глаз. Но даже после это он уцелел, наводя ужас на публику папахой и черной повязкой, как у Кутузова.

Вскоре одноглазый помирился с Петлюрой, получив от него «универсал» на земли

Запорожской Сечи, а потом снова поднял восстание вместе с атаманом Волохом. Тут, однако, его ждала неудача. Новый «друг» — Волох — подкупил адъютанта одноглазого черта, и тот застрелил спящего Божко прямо в хате, где они ночевали. Убивать кошевого иначе адъютант не решался, боясь до ужаса его «магической силы».

Писатель Алексей Толстой в эмиграции в Берлине показывал своему другу Бунину фотографию еще одного знаменитого атамана — Ангела. Заливаясь от хохота, Толстой говорил: «Иван, смотри. Ты не поверишь, что такое возможно!» Поверить, действительно было трудно: похожий на орангутанга Ангел сидел на изящном венском стуле, обвешанный оружием, а рядом на блюде красовалась... отрезанная человеческая голова. Это и есть, так сказать, обобщающий портрет атаманщины.

Как сиделось в тюрьме министрам при гетмане Скоропадском

Гетманский режим навсегда вошел в историю как самое веселое время гражданской войны на Украине. Даже на нарах при гетманщине «парились» с физическим и душевным комфортом.

Строгая власть. Слева от гетмана начальник его конвоя Сахно Устимович

Уже после того, как Петлюра с компанией в декабре 1918-го возьмет Киев, победители попытаются навязать массовому сознанию образ Скоропадского-тирана. Гетмана предложат судить как представителя «злочинної влади» — точь-в-точь, как Кучму в недавние времена. Петлюровская пресса будет публиковать по этому поводу лихие кровожадные статьи. В них бывшего главу Украины обвинят в узурпации власти, в том, что при нем злодей сидел на злодее, в том, что гетман и его министры семь с половиной месяцев только то и делали, что «розпродавали народне добро» и «катівськими засобами» предотвращали любые попытки вывести их на чистую воду.

Памятник Владимиру. Безропотно нес свой крест все годы гражданской

Однако «гетман-кат» из Скоропадского так и не получился. Новому режиму трудно было убедить киевского обывателя, помнившего порядок и полные магазины при Павле Петровиче, что украинизированные вывески на столичных домах и трупы, валяющиеся прямо на тротуарах, и есть признаки демократии и свободы. Единственным преступлением, которое удалось «нарыть», да и то не на самого Скоропадского, а на «распоясавшихся» при нем офицеров-добровольцев, был... бьют Тараса Шевченко. Его в лютой злобе «на все українське» эти самые офицеры якобы расколотили прикладами в октябре в Украинском клубе. Справедливости ради, замечу, бьют Кобзаря был, видимо, невысокого качества. Добротнo отлитый монумент из бронзы прикладом не расколотишь. Разве что нос ему отобьешь. Разбили, скорее всего, какую-то халтурную гипсовую чушку с усами, не имевшую художественного значения. Может даже, и не Тараса вовсе. Или она сама впопыхах упала. Но больше, кроме этого «акта вандализма», о котором голосили потом все петлюровские мемуаристы, ничего «тирану» предъявить не удалось.

Зато сразу же возникал другой вопрос: если гетман такой кат, то почему он выпустил из тюрьмы Петлюру, тут же поднявшего против него восстание? Почему не посадил демагога Винниченко, все лето интриговавшего против гетмана по киевским подворотням? Почему не арестовал полковника Коновальца, а утвердил его командиром сечевых стрельцов, которых этот «командир» осенью и взбунтовал против «тирана»? На всех из них было достаточно компромата. У гетмана был весьма энергичный министр внутренних дел Игорь Кистяковский и вполне дееспособная полиция. Предотвратить так называемое «антигетманское восстание» можно было еще в зародыше, даже не перестреляв, а просто пересажав его будущих вожаков. Так бы сделал любой настоящий диктатор — представитель подлинно тиранической власти. Еще и несколько сотен «потенциальных противников режима» закрыл бы для спокойствия на Лукьяновке.

Экс-премьер Винниченко, отсидев месячишко, обозвал Скоропадского «дегенератом»

Но, разогнав Центральную Раду весной, Скоропадский даже не арестовал ее депутатов! Их только переписали и распустили по домам. «Репрессиям» подверглись лишь свергнутый премьер-министр Голубович и несколько его соратников, укравших в апреле киевского банкира Абрама Доброго с целью получения за него выкупа. Но их судили не за политику, а за уголовщину! И впаляли чисто символические сроки. Причем, в те времена, когда по всей России людей расстреливали без всякого суда и следствия. Да и то, сделал это не гетманский, а немецкий военно-полевой суд.

Те, кто «изучал» историю киевских событий 1918-го года только по роману Булгакова «Белая гвардия», могут подумать, что между Скоропадским и Петлюрой существовали непримиримые противоречия, что гетманская власть была герметически закупорена сама в себе. Но на протяжении всего правления Павел Петрович поддерживал тайные контакты с «оппозицией». 5 сентября это вылилось во встречу в гетманской резиденции с Владимиром Винниченко и Федором Швецом — двумя из пяти членов будущей Директории, которая всего через три месяца сменит Скоропадского в качестве «українського уряду».

Винниченко незадолго до этого выпустили после месячного ареста — гетманская полиция подозревала его в намерении организовать государственный переворот. Но на randevу с гетманом небезызвестный драматург и экс-премьер Украины при Грушевском явился уже в статусе председателя Украинского Национального Союза — полувиртуальной организации, претендовавшей на дележ министерских портфелей. Говорили долго. Но ни до чего путного так и не договорились. Винниченко ушел очень недовольным. Ему крайне не понравилось, что гетман принял его в том же кабинете и за тем же столом, «за яким я приймав делегації, послів від Антанти, комісарів, большевиків». В болезненном воображении недооцененного писателя французский генерал Табуи и мелкий британский чиновник Бегге, которые побывали у него в кабинете в декабре 17-го, выросли до ранга «послов»! Хотя ни Франция, ни Британская империя никогда не признавали УНР независимым государством и посольств в Киеве, следовательно, не имели.

Но что значит побывать несколько дней в ранге главы правительства! Того печального факта, что за этим же столом теперь сидел гетман, Винниченко не мог простить. Он снова хотел быть премьером и не меньше. А предложить ему этот стул Скоропадский считал явно завышенной ценой. Хотя бы потому, что драматург-политик выглядел, по словам гетмана, «демагогом, находящимся во власти элементов уже прямо-таки антигосударственных... Ясно было, что этот человек покатится все ниже и ниже, пока не докатится до полного большевизма».

А неуравновешенный Винниченко об этой встрече выразился совсем уж недипломатично, обозвав в дневнике Скоропадского «нешасним, тупим і слинявим кретином». Но этого ему показалось мало, и, вознаграждая себя за то, что во время встречи с гетманом приходилось сдерживаться и не плевать на пол, он еще добавил «характеристик»: «обмежений, неосвічений, мабуть, хворий офіцер руської армії». И, наконец, просто — «дегенерат», в «слинявій душі» которого «міцно загноздилося переконання в своїй особливій місії на Україні».

Все это доказывает, насколько политические ярлыки отличаются от фактов. «Кретин» и «дегенерат» Скоропадский, в отличие от Винниченко и Петлюры, своих политических противников из страны не изгонял. И даже в Лукьяновской тюрьме с них разве что пылинки не сдувал. Лишь бы не вышло международного скандала. Ведь Павел Петрович оставался по старорежимному интеллигентным «законником» — гетманом, а не атаманом.

Спецпоезд. Министр-казнокрад гордился, что его привезли в салон-вагоне

Среди министров Центральной Рады, ударившихся в апреле 1918-го от Скоропадского в бег, был некий Николай Ковалевский — «генеральный секретар продовольчих справ». Еще совсем молодой 26-летний человек украл из государственной казны крупную сумму денег — 5 млн. карбованцев. Правительство ассигновало их на развитие сельского хозяйства, а Ковалевский, по его словам, перебросил эти финансовые потоки на нужды партии украинских эсеров. Прилипло ли что-то по дороге к рукам самого «эсера-хозяйственника», он корректно умалчивает. Зато подробно описывает в мемуарах, вышедших в швейцарском Инсбруке аж в 1960-м году, свою одиссею по провинциальным украинским городкам.

Сначала Ковалевский решил спрятаться в Полтавской губернии на хуторе своих добрых знакомых — сестер Сулинич. Там еще в 1914–1915 годах он держал подпольную типографию, где печатал нелегальную газетку «Боротьба». «На цьому хуторі, що губився в безкраїх полтавських степах, — wspominal министр-казнокрад, — я постановив затриматись деякий час, не траючи зв'язку з нашими центральними установами». Вокруг царила сельская идиллия. Ни немцы, ни бродячие шайки еще не успели добраться до богоспасаемого

местечка. Глядя на старые портреты на стенах и деревянные колонны скромного дворянского дома, можно было подумать, что еще не кончились гоголевские времена.

Но вскоре из Киева было получено сообщение, что на Полтавщину направляется немецкий отряд. Пришлось менять лежбище. Далее Ковалевский описывает, как вместе с крестьянами-повстанцами он героически разбил человек шестьдесят германских солдат, после чего почему-то... вынужден был бежать дальше в Екатеринославль, а потом в уездный город Александровск — так тогда называлось Запорожье. Далее путь беглого министра лежал в Геничеськ — на побережье теплого Азовского моря. Тут, в местах, кишевших бычками и камбалой, наш «свідомий українець», похитивший 5 млн., собирался отсидеться до лучших времен.

И, однако, именно в Геничеське его арестовала гетманская полиция. Случилось это ночью в простой рыбацкой хате, в которой Ковалевский уже прятался однажды в самом начале 1918 года от большевиков. В значительной мере гетман унаследовал дореволюционные полицейские кадры, хорошо ориентировавшиеся в дислокации секретных «схованок» разномастных революционеров. Они проверили старые «норы» Ковалевского и в одной из них обнаружили беглеца. С гордостью Ковалевский рассказывает, как за ним был прислан специальный салон-вагон, как по дороге чины полиции заботились о его пропитании, покупали ему папиросы и развлекали ненавязчивыми, но занимательными беседами о политическом положении, а потом отвезли в Старокиевский участок, где поместили «у великій просторій кімнаті».

Лукьяновка. Место встречи лучших людей

Естественно, никаких пыток и поджаривания на медленном огне. В конце июля Ковалевского перевели в Лукьяновскую тюрьму: «Мене прийняв той самий помічник начальника в'язниці Мальований, який був у 1914 році під час мого першого арешту. Мені дали ту саму камеру. З цікавістю оглядав я своє прізвище, вирізьблене на стіні п'ять років тому назад».

Николай I. Монумент ему еще стоял в 1918-м напротив Университета

Неподалеку некоторое время сидел Симон Петлюра. Каждый день полагалась получасовая прогулка. Как рассказывает Ковалевский, «на дозвіллі тюремного життя було нам, українцям, дуже цікаво провадити дискусії на актуальні теми і робити оцінку минулих революційних подій та шукати шляхів на будуче. Часто вдавалось мені розмовляти з Симоном Петлюрою, який змінив шаблю на перо публіциста... Ми всі були переконані, що гетьманщина не зможе утриматись, що новий революційний вибух змете опереткову державу». Но вскоре гетман выпустил «публициста Петлюру» на волю, и Ковалевскому пришлось беседовать в основном с двумя соседями по камере — моряками-черноморцами. Те упорно склоняли его перейти на большевистские позиции. Но министр-казнокрад упорно держался «самостийнической» идеологии.

Изредка подследственного допрашивали. Но дело о пяти миллионах тут же увяло. Прокурор Зубилевич пытался выяснить судьбу пропавших ассигнований на сельское хозяйство. Но Ковалевский сразу же отрезал, что суда не боится и даже с большим нетерпением ждет его, так как сам собирается утрясти с гетманом «одно финансовое дельце». Услышав это, Зубилевич, если верить мемуаристу-жулику, даже подскочил: «Какое дело?»

Цепной мост. Придавал киевским берегам неповторимое очарование

Тогда Ковалевский, шантажируя гетманский режим, заявил, что еще в декабре 1917 года, когда гетман был не гетманом, а всего лишь простым украинским генералом, он получил от Ковалевского 350 000 рублей на свое военное формирование, но отчета о потраченной сумме не предоставил. Зато расписка Скоропадского у Ковалевского имеется и спрятана в надежном месте у партийных товарищей. После этого шантажиста оставили в покое, а однажды, уже в октябре, в Лукьяновскую тюрьму приехал адъютант гетмана Сахно-Устимович и передал, что суда не будет вообще и что гетман просил передать, что «ничего плохого» с Ковалевским не случится. Финансовые шалости деятелей украинской революции из «непримиримых» лагерей переплелись так тесно, что воевать друг с другом им следовало с предельной осторожностью. Чтобы не пораниться самим.

Скоропадский и Петлюра были связаны невидимыми нитями

Ковалевский спокойно досидел на Лукьяновке до самого прихода в Киев Петлюры 14 декабря 1918 года, жалуясь в основном на то, что персонал тюрьмы общается с ним по-русски (какой позор для независимой Украинской державы!), а охраняют его «офицеры-золотопагонники». Министр так и писал это слово через «А», чтобы подчеркнуть свое презрение к ненавистному антиукраинскому режиму. Но приключения его показывают, почему и сам гетман живым и здоровым улизнул из Киева. Петлюровцы побоялись его трогать, ограничившись собачьим лаем в прессе. Все произошло точь-в-точь, как в Киеве в декабре 2004-го. Компромат слился в хитрых объятиях с другим компроматом. Очень по-украински.

Бомба для лучшего друга Украины

В последний день июля 1918 года все киевские газеты вышли с устрашающими заголовками, сообщавшими об убийстве командующего германскими войсками в Украине. «Покушение на генерал-фельдмаршала Эйхгорна», — кричали «Последние новости», — «Сегодня, в половине второго дня было сделано покушение на генерал-фельдмаршала Эйхгорна, который возвращался со своим адъютантом пешком домой. Брошенной бомбой тяжело ранен адъютант и получил тяжелые ранения генерал-фельдмаршал. Преступники задержаны. На место покушения немедленно прибыл пан Гетман и в его присутствии генерал-фельдмаршал, который был в сознании, был перевезен в одну из киевских клиник. Врачи выражают надежду, что невзирая на тяжкие поранения, жизни генерал-фельдмаршала не угрожает опасность».

Генерал-фельдмаршал Эйхгорн по прибытии в Киев осматривает на вокзале почетный караул синежупанников (весна 1913-го)

Вслед за этим текстом шло сообщение германского пресс-бюро о том, что командующий и его адъютант в момент покушения возвращались «из офицерского собрания на квартиру» и заметка «Смерть ген. Эйхгорна». В газете так спешили, что даже не заметили ошибки в первом сообщении. «Сегодня» следовало заменить на «вчера». Ведь покушение произошло 30 июля, во вторник, а газета вышла 31-го, в среду. Но, видимо, потрясение газетчиков было таким сильным, что полученную из УТА (Украинского телеграфного агентства) рассылку поставили в номер без всяких правок.

Именем убийцы Эйхгорна, Бориса Донского, в 20-е годы в Киеве назывался Липский переулок

В претендующем на респектабельность «Русском голосе», в отличие от легковесных «Последних новостей», успели подумать. Тут та же фраза звучала правильно: «Официально. Вчера в половине второго дня было совершено покушение на генерал-фельдмаршала Эйхгорна»...

Военный оркестр одного из немецких пехотных полков на Думской площади (сейчас это Майдан Незалежности)

Дальше шли подробности: «Сотрудникам газеты удалось беседовать с врачом, который пользует генерала Эйхгорна и его адъютанта. По словам доктора, положение фельдмаршала очень тяжелое, но все же есть некоторая надежда на его выздоровление. Что же касается адъютанта, то его ранение очень серьезно, оторвана одна нога, а другую придется ампутировать. Надежды на выздоровление почти нет». И завершала подборку краткая

заметка «Кончина г.-ф. Эйхгорна»: «В 1 ч. ночи нашему сотруднику сообщили в германской комендатуре, что генерал Эйхгорн скончался около 10 ч. вечера. Незадолго перед тем скончался его адъютант».

«Голос Киева» перепечатал то же сообщение УТА, добавив только, что, по распоряжению германских властей, «ввиду покушения» были «отменены зрелища во всех театрах».

И только «Киевская мысль» — самая популярная и велеречивая газета города, не ограничившись пересказом официальных сообщений, прямо на первой полосе успела выдать даже пространную редакционную статью. «Убийство фельдмаршала фон Эйхгорна, — по-бабьи причитала она, — будет, несомненно, встречено населением Украины с негодованием и ужасом. Истомленное и измученное событиями этого года оно в безумном и бессмысленном акте террориста увидит основание для новых тревог. Кто послал этого бомбиста на его преступление, к тому времени, когда пишутся эти строки, еще неизвестно».

Немецкое, австрийское и украинское командование принимают парад Синезупанной дивизии на Софиевской площади

Германский патруль проверяет документы на Крещатике. Немцы 1918-го вели себя совсем не так, как их наследники в 1941 г.

Здесь на углу Липской улицы (в начале прошлого века — Екатерининской) и Липского переулка террорист Борис Донской бросил гранату под ноги фельдмаршалу фон Эйхгорну и его адъютанту Дресслеру; фото автора

Но памятливая «Мысль» тут же припомнила (и, нужно заметить, очень кстати!) недавнее убийство левыми эсерами в Москве германского посла Мирбаха и последовавшее за ним «бессмысленное восстание» (то есть, левоэсеровский мятеж), назвав его участников «кучкой фанатиков и искателей приключений». «Кем бы ни было совершено убийство фельдмаршала Эйхгорна, — негодовала газета, — ясно, во всяком случае, одно: это дикая авантюра тех, кто в общей массе населения является безответственными одиночками, не имеющими за собой никаких народных сил».

Эйхгорн жил на Екатерининской улице, 16 (ныне — Липской) в шикарном особняке графа Уварова, незадолго до революции перепроданном киевскому домовладельцу Попову. В советские времена в этом здании находилось управление КГБ по Киеву и области, а теперь — Украинский фонд культуры. Интерьеры сохранились до сих пор, хотя и в весьма изношенном виде дубовая лестница на второй этаж, парящие амурчики под потолком, массивный камин — 70-летний вояка предпочитал пошлую роскошь, как сказал бы Остап Бендер.

На параллельной улице (сейчас она называется Шелковичной, а тогда — Левашовской) располагалась резиденция гетмана Скоропадского. Поэтому гетман хорошо слышал взрыв, который описал в своих мемуарах: «Мы только что окончили завтрак в саду, и я с генералом Раухом хотел пройтись по саду, примыкающему к моему дому. Не отошли мы и нескольких шагов, как раздался сильный взрыв. Я по звуку понял, что разорвалось что-то вроде сильной ручной гранаты... Я и мой адъютант побежали туда. Мы застали действительно тяжелую картину, фельдмаршала перевязывали и укладывали на носилки, рядом с ним лежал на других носилках его адъютант Дресслер, с оторванными ногами, последний, не было сомнения, умирал. Я подошел к фельдмаршалу, он меня узнал, я пожал ему руку, мне было чрезвычайно жаль этого почтенного старика».

Эйхгорн со своими офицерами

«Русский голос» в номере от 1 августа добавил еще и чувствительную подробность в духе булгаковского Шервинского из «Дней Турбиных», обожавшего фразы вроде «и прослезился». «Пан гетман, — писал «Голос», — наклонился и поцеловал раненого. Фельдмаршал открыл глаза, улыбнулся, и пытался было заговорить, но силы оставили его».

Сенсация. Статьи в киевских газетах «Русское слово» и «Последние новости» от 31 июля 1918-го года, сообщавшие о покушении на фельдмаршала

Аж плакать хочется! Как бы то ни было, но на вокзал, когда тело фельдмаршала будут отправлять на родину, Скоропадский не поедет. Зато накануне по сообщению того же «Русского голоса», в Лютеранскую кирху, где отпевали убитого, был доставлен венок от гетманского МИДа с трогательной надписью: «Генералу-фельдмаршалу Эйхгорну, другу и защитнику Украинской державы»!

Вот ведь как получается! Целых три года Скоропадский и Эйхгорн сражались по разные стороны фронта в Первой мировой войне. Первый — как генерал-лейтенант русской армии. Второй — как генерал немецкий. Потом произошла революция. Пала монархия. Возникла Центральная Рада, пригласившая немцев «защищать Украину» от большевиков, и Эйхгорн явился во главе своей железноголовой армии в стальных касках в Киев, где, сбросив беспомощную Раду, посадил на украинский «престол» гетмана Скоропадского. А теперь он лежал в гробу, с венком от Украинской державы, несмотря на то, что именно ему принадлежала не без иронии сказанная историческая фраза: «Россия — понимаю, Украина — не понимаю!»

Да любой тут скажет: абсурд какой-то! Но именно абсурдом и является то, что профессиональные историки называют «закономерностями исторического процесса».

Абсурдом было все это бессмысленное покушение. Германский патруль догнал бомбиста, бросившегося бежать. Им оказался балтийский матрос Борис Донской — 24-летний уроженец села Гладкие Выселки Рязанской губернии. Ни своей личности, ни убеждений он не скрывал, заявив на допросе, что явился в Киев согласно решению партии левых эсеров, чтобы исполнить смертный приговор фельдмаршалу как душителю русской революции.

Добиться чего-то большего немецкие следователи от него не смогли, и Донской был повешен на Лукьяновской площади в Киеве 10 августа 1918 года. Теперь тут, словно по насмешке судьбы, находится базар, где продают свиные и телячьи туши. Само же место для казни было выбрано, наверное, лишь потому, что рядом Лукьяновская тюрьма, где держали террориста. Лукьяновская площадь — ближайшее к ней публичное место. И конвоировать недалеко. И соратники точно не отобьют.

Лютеринская кирха. Храм, где отпевали Эйхгорна, стоит в Киеве; фото автора

А тайные обстоятельства покушения приоткрылись только через несколько лет, когда в Берлине в сборнике «Пути революции» в 1923 году вышли воспоминания некой левоэсеровской деятельницы И. Каховской «Дело Эйхгорна». Каховская — очередное воплощение русской политической террористки, идущее еще от Софьи Перовской — вспоминала, что поначалу «сконструировалась» группа из трех человек, куда вошли «тов.

Смолянский, занимавший в то время ответственный советский пост; тов. Борис Донской, кронштадтский матрос, пользовавшийся доверием в глазах товарищей, большой любовью и уважением, и я».

После того как II съезд Партии левых эсеров в апреле 1918 г. постановил применить «интернациональный» террор против врагов революции, ЦК наметил «центральные фигуры» — графа Мирбаха в Москве и фельдмаршала Эйхгорна в Киеве, «которые приковали к себе внимание всех трудящихся России» и «становились естественными объектами нападения». По ее свидетельству, только «в силу случайного стечения обстоятельств» теракт против Мирбаха предшествовал теракту против Эйхгорна.

Герман фон Эйхорн (1848–1918)

Но при любом стечении обстоятельств, в это время он уже полностью потерял практический смысл. Большевики разгромили левоэсеровский мятеж в Москве, вспыхнувший после убийства Мирбаха 6 июля. Никаких надежд захватить власть во всей бывшей Российской империи у эсеров больше не оставалось. К тому же Эйхгорн, как пишет Скоропадский, «был как бы не у дел, а всеми вопросами ведал генерал Гренер». Семидесятилетний фельдмаршал являлся тем, кого называют «свадебным генералом». Не от него зависела судьба Украины, России и, тем более, мира. Она решалась в этот момент на Западном фронте, во Франции, где немецкие армии стали трещать под ударами французов и американцев. В какой-то мере бомба Донского избавила старика Эйхгорна от печальной возможности увидеть капитуляцию Германии, немецкую революцию, словно подражавшую русскому образцу, и крушение Рейха, которому он служил чуть ли не с детства.

Фельдмаршал Герман фон Эйхгорн по женской линии приходился внуком известному немецкому философу Шеллингу. Но философией не занимался, предпочитая ей армейскую службу. Гетман Скоропадский родился в Висбадене, на территории Германии, где отдыхала

на курорте его мать. А Эйхгорн появился на свет в 1848 г. в нынешней Польше — в ее западной части, которая тогда входила в состав Германской империи. Его родной город назывался Бреслау. Теперь это Вроцлав.

Карьеру офицера он начал, вступив в 1866 г. во 2-й гвардейский пехотный полк, и сразу же оказался на войне с Австрией. Так вышло, что тогда он сражался против будущего союзника Германии в Первой мировой. Судьба словно демонстрировала, что нет ни вечных друзей, ни вечных союзников.

Второй войной будущего командующего немецкой оккупационной армией в Украине стала франко-прусская 1870-71 гг., после которой рухнула Французская империя Наполеона Третьего.

Долгое время Эйхгорн служил в германском генеральном штабе — лучшей военной школе для полководца его эпохи. Потом командовал дивизией и корпусом. Накануне 1914 года он был уже военным пенсионером. Но вернулся на службу и успешно командовал частями на Восточном фронте. Его X армия разгромила русских в сражении в Августовских лесах зимой 1915 года, добившись красивого окружения XX корпуса. А вершиной военных успехов Эйхгорна стало взятие Риги в 1917 году.

В декабре этого же года он стал фельдмаршалом, а 31 марта 1918 г. — главнокомандующим группы армий «Киев».

Медаль в честь генерал-полковника Ейхгорна. 1915 год

Скоропадский называет его человеком, который «умел умиротворять все страсти». «Это был безусловно честный, неподкупный человек, — писал гетман. — Он явился на Украину с армией и в сущности мог сильно увеличить требования, которые немцы нам предъявляли, это многие на его месте сделали бы, так как мы были совершенно бессильны, в нем же, наоборот, я находил всегда полное сочувствие». Скоропадский вспоминал, как за несколько дней до убийства фельдмаршала «запросто» зашел к нему в гости: «Он сам варил кофе, и в разговоре я ему указал на целый ряд незаконностей, которые себе позволяли кое-кто из его многочисленных подчиненных, и он возмущался этим и обещал принять меры»...

Сразу же после убийства Эйхгорна гетман почувствовал, что «его уход может лишь осложнить еще больше положение на Украине». Однако Павел Петрович так и не осознал главного: задуманная как антирусский проект Украинская держава, державшаяся только на немецкой помощи, не имела ни малейших шансов на существование. Потом эту же ошибку

повторит Петлюра, который понадеялся в 1920 году на поляков. Ныне немцев и поляков в раскладах украинской «элиты» заменили американцы. Осталось совсем немного времени, чтобы проверить, на сколько хватит этой опоры.

В Берлин за смазкой

Павел Скоропадский любил зарубежные визиты. Правда, ездить ему было особенно некуда — в Европе полным ходом шла мировая война.

И все же один вояж международного уровня за время своего куцега семимесячного «царювання» гетман совершил — в Берлин за смазкой.

Берлин начала XX века. Сегодня в этот помпезный императорский город, разрушенный во Второй мировой войне до основания, можно попасть только на старинной открытке

Это был первый в истории независимой Украины государственный визит на высшем уровне. Грушевский в пору председательствования в Центральной Раде никуда не ездил. Почему? Просто потому, что не имел соответствующего статута, числясь всего лишь спикером парламента, а не главой государства. Эдаким Яценюком с бородой. (Миф о его «президентстве» придумает задним числом украинская эмиграция, а растиражирует совсем уж недавно наш известный «ученый» Леонид Кучма — «историк-ракетчик» и автор «капитальнейшего» труда «Украина — не Россия». До сих пор, кстати, спорят, сам ли написал?)

Большевистское правительство Украинской социалистической советской республики — «фирмы», конкурирующей с Украинцами националистическими, — в 1919 г. тоже никуда не поедет. Как по причине своей полной подчиненности красной Москве — Совдепии. Так и потому, что ее импровизированных вождей (главой УССР числился болгарский жулик Крестю Станчев, которому придумали звучный политический псевдоним Христиан Раковский) мигом изгнали из Харькова белогвардейцы генерала Деникина. А вот гетман съездил! И провел не без удовольствия на территории Германского рейха почти две недели. Даже в оперу ходил.

В новый центр

В своих мемуарах Скоропадский не скрывает, что отправиться в Берлин его вынудили трения с новым руководством немецкой оккупационной армии. 30 июля 1918 г. в Киеве был убит генерал-фельдмаршал Эйхгорн, с которым у гетмана сложились прекрасные отношения. Погибшего старика сменил на посту командующего группой армий «Киев» генерал граф Кирбах. Но в «мать городов русских», ставшую в одночасье столицей Украины, новый хозяин не поехал, засев в литовском Вильно.

Зато, как вспоминает гетман, он «привык распоряжаться, не считаясь ни с каким местным правительством». Немцы стали запускать руки туда, куда раньше не совались. Особенно Скоропадского раздражала бумага от Кирбаха, которая предлагала все проекты законов, «имеющих существенное значение», направлять предварительно ему на рассмотрение. «Это была вещь недопустимая, — пишет Скоропадский, — я решительно протестовал».

Навытяжку перед начальством. Сразу видно, кто тут главный

Немецкий посол барон Мумм, которого тоже раздражала дуболомная прямолинейность генералов собственной страны, поддержал Павла Петровича. Он считал, что с Украиной следует обращаться мягче, не унижая прогерманское украинское правительство.

Мы помним выражение советских времен «съездить в центр», означавшее на бюрократическом жаргоне путешествие по служебной надобности из Киева в Москву. Избавление от руки «центра», зажавшей власть в кулак, было одним из лозунгов эпохи провозглашения независимости в начале 90-х. Но понятие «центр», символизировавшее подчиненное положение Украины, существовало задолго до эпохи брежневского застоя. Рассказывая о своей поездке в Берлин, гетман пишет: «Мне казалось, что раз я побываю в центре, то это не повторится, со мной уже так свободно действовать не станут. Они будут считаться с тем, что в центре я могу всегда найти поддержку». В 1918 г. Скоропадский повторил тот же прием, который задолго до него применяли казацкие гетманы. Только те ездили на поклон в белокаменную, а для Павла Скоропадского «центром» стал Берлин.

Хлопоты по линии немецкого посольства завершились успешно. В конце августа Мумм шепнул гетману, что император Вильгельм II готов принять его 5 сентября. Правда, оставалось еще решить вопрос о форме управления, как пишет гетман, «в случае моей смерти, серьезной болезни или временного отъезда за пределы Украины».

Но и с этим легко разобрались. Так как Скоропадия была государством простым, беспарламентским, то соответствующий закон разработали прямо в гетманской канцелярии. И гетман его утвердил. Согласно ему, если бы главу Украинской державы шлепнули по дороге в Берлин или он подцепил бы инфекцию, полностью подрывавшую его дееспособность, власть до избрания нового гетмана переходила к Верховной Коллегии из трех лиц.

Имена этого триумvirата хранили в тайне, запечатав в особые конверты, дабы не смущать умы прежде времени. Один из них спрятал митрополит в Софиевском соборе, второй — держали в Сенате (высшем судебном органе), и третий — у председателя Совета министров. Гетман не без удовольствия повествует: «Я торжественно устроил передачу этих конвертов, пригласивши митрополита, Сенат и Совет министров к себе. Предварительно я обратился с речью к собравшимся, в которой указал идею, которую я этим хочу провести. Старая история Украины вся наполнена всевозможными осложнениями именно из-за того, что со смертью гетмана власти не было и начинались партийные раздоры из-за выбора нового гетмана, выборы которого обычно приводили к анархии».

Произнося эту речь, Павел Петрович, по-видимому, казался себе очень мудрым государственным деятелем, задумавшимся даже о том, что ждет Украину в случае его преждевременной кончины. А задуматься об этом следовало, ибо путь в Берлин пролегал через места дикие и опасные, где уже пошаливали местные повстанческие атаманы, плевавшие и на гетмана, и на немцев, но с первобытной жадностью взиравшие из своих лесных «схованок» на пронесившиеся мимо них в Германию эшелоны с украинским салом и хлебом.

В конце лета, когда Скоропадский подписал свой закон о престолонаследии, на Киевщине уже вовсю разгоралась партизанщина в самых колоритных и грубых ее проявлениях. Как докладывал еще в августе киевский губернский староста Чарторыйский, «до настоящего времени в Звенигородском, Таращанском, а также в частях Каневского и Уманского уездов Киевской губернии, прилегающих к Звенигородскому, не восстанавливаются порядок и нормальные условия жизни... Вся северная часть Звенигородского уезда и большая часть Таращанского находятся в руках повстанцев. Ведущаяся в настоящее время германскими военными властями с большим напряжением борьба с повстанцами, к сожалению, не достигает цели».

Повстанцы захватывали пароходы на Днестре и катались на них в свое удовольствие, перерезали телеграфные линии и нападали на отряды гетманской полиции. Гульня шла на всю губернию! Сводки киевского губернского старосты только успевали отмечать размах этого разгула: «По Уманському повіту. 15 липня загін партизанів в м. Буках заарештував надсмотрщика Іваньківської поштово-телеграфної контори, який виїхав для праці на лінію. Надсмотрщик з-під аресту втік, інструменти і телеграфний дріт партизани забрали з собою і заборонили всяку працю на лінії, загрожуючи всім службовцям пошт Буків і Іваньок розстрілом... По Радомишльському повіту. Настрій населення в Повіті спокійний, за винятком Коростишівської волості, де появилася озброєна банда в кілька сот чоловік і були випадки перестрілки з германськими солдатами і державною вартою». А сводка за 20–28 июля 1918 г. гласила, что антигетманские «отряды мають гармати, кулемети та обоз, строга дисципліна, є офіцери-отамани. Повстанці населення не граблять, кажуть, що йдуть проти німців та пана гетьмана».

И вот через эти бандитские дебри предстояло ехать в Берлин его ясновельможности! Однако поездка прошла не без пользы. В Украине любят дурить начальство хорошими новостями. Дескать, все в порядке — спите спокойно. Дурили ими и Скоропадского. У гетмана был министр путей сообщения — большой украинский патриот Бутенко. И гетман думал, что, кроме министра, он имеет еще и пути сообщения. Но только по дороге в Германию, ознакомившись на практике с состоянием своих железных дорог, гетман узнал, что они скоро станут. Кончалась смазка. До революции в Украине ее не производили — ввозили из других мест Российской империи. Но так как в тех местах теперь сидели большевики, смазка стала важным государственным вопросом. «Во время путешествия до Голоб, пишет гетман, — меня сопровождал Кирилович, начальник Юго-Западных железных дорог. Я довольно долго беседовал с ним и узнал от него многое, что до меня не доходило раньше. Я лично мог убедиться, проезжая по линии, что передвижение почты прекратилось

из-за недостатка смазочных веществ. Это было у меня записано как один из особенно важных вопросов, о которых нужно было особенно хлопотать в Германии».

Что же касается других вопросов, то гетмана предупредили, что с императором не стоит говорить о делах, так как никакого значения это иметь не будет. «Я это намотал себе на ус, — вспоминал Павел Петрович, — и совершенно не старался говорить о тех вопросах, которые меня в то время интересовали». Поэтому сначала главы государств поболтали о здоровье немецкой императрицы, некстати захворавшей, потом о службе гетмана во время войны с Германией в бытность генералом царской армии. Наконец, адъютант кайзера принес фуляр с орденом Красного Орла, и Вильгельм II «с большой серьезностью» сам нацепил его ленту на гетмана.

Награда нашла героя! Окрыленный гетман после вручения Красного Орла

Потом отправились завтракать. «Император очень много говорил о лошадях и охоте», — запомнил Скоропадский. А после завтрака вся компания вышла на террасу дворца, где «сейчас же появился кинематограф, и нас снимали во всех видах». Эти снимки обошли немецкие и украинские журналы. Каждая сторона преследовала свои пропагандистские цели. Гетман убеждал своих врагов в Украине, что он «круто стоит» в Берлине и трогать его не стоит. А Германия демонстрировала миру явные признаки своей победы на Восточном фронте, результатом которой стало возникновение нового вассального государства. В условиях продолжающейся войны с Антантой это тоже выглядело нелишним.

Самым интересным моментом из беседы с кайзером был разговор о расстрелянном большевиками Николае II. Это случилось 16 июня. В Киеве вскоре после этого были отслужены панихиды по царской семье. Но в смерть царя и царицы никто не хотел верить. Немецкому кайзеру о екатеринбургском расстреле было известно не больше, чем Павлу Петровичу. И тогда гетман сказал, что император, может быть, «рано отказался от власти, раз почти все войска были не тронуты». «Я считаю, — сказал гетман, — что царь может лишь

тогда отказаться от власти, когда все средства уж исчерпаны, а что до этого он не имеет права этого делать».

Скоропадский считал, что царь не имел права отречься

Фраза Скоропадского так врезалась кайзеру в память, что в ноябре, когда в Германии произойдет революция и отречения потребуют уже от Вильгельма, он упрямо будет повторять, что как император не имеет права отречься и что на этом также настаивал гетман.

Критики Скоропадского не раз упрекали его в предательстве России. Первым в череде этих ненавистников стал Василий Шульгин. До революции он издавал газету «Киевлянин». А в 1918 г. редактировал белогвардейскую газетку на подконтрольном Деникину юге России. После визита гетмана в Берлин он написал: «Скоропадский обещал повергнуть к ногам его величества Украину, мы знаем теперь, к ногам какого величества он поверг страну». Только Шульгин почему-то забыл, что это он лично как депутат Государственной думы был направлен в ставку царя, чтобы... принять его отречение! И в числе других уговаривал императора отречься. Как говорится, в чужом глазу видна и соринка, а в своем — не увидишь и бревна.

Ныне у Николая II много поклонников. Но если кто и был предателем, так это он. Царь предал сам себя и свою Россию. За что и поплатился смертью в екатеринбургском подвале. А мог бы победить, как его прадед Николай I декабристов, и спасти свою страну от кровавой бани. Или, по крайней мере, погибнуть с оружием в руках.

Два развала империи — в 1917-м и в 1991-м году — произошли в ее столицах — Петербурге и Москве. Оба раза империю прикончили русские. После этого у окраин возникало такое же законное право выбора на будущий путь, как и у погрязшего в междоусобице «центра». Упрекать после этого Украину «центр» не имеет права. Как гласит другая русская поговорка: «На зеркало нечего пенять, коли рожа крива».

Что же касается смазки, то ее из Берлина Павел Скоропадский так и не привез. К декабрю от несмазанного государственного механизма Украинской державы остались одни руины. Потому что центр для Украины (да и для всего восточного славянства) должен быть в

Киеве.

Война, которую проиграли все

11 ноября 1918 года в Компьенском лесу на востоке Франции Германия заключила перемирие со странами Антанты, признав поражение в Первой мировой. Это сразу же отразилось на положении гетманской Украины, державшейся только на немецких штыках. Дни опереточной квазимонархии теперь были сочтены.

Удивительно, но в этот момент немецкие солдаты еще находились на французской земле!

Евросервис. Так выглядел типичный вход в блиндаж

Странное дипломатическое соглашение породит впоследствии миф о «предательском ударе в спину», который в 20-е годы будет проповедовать Адольф Гитлер. В момент заключения перемирия будущий фюрер лежал после отравления газами в тыловом госпитале. Ему, как и множеству других простых немцев, все случившееся казалось чудовищным бредом. Всего за год до этого после победоносного наступления германской армии на востоке и Октябрьской революции из войны вышла Россия. На протяжении всего лета 1918-го немцы продолжали наступать на Западном фронте, почти дойдя до Парижа. Стойко сражались их союзники австро-венгры на итальянском фронте. Германские газеты до последнего момента продолжали поддерживать у нации уверенность в ее непобедимости, прославляя таких воздушных асов, как барон Рихтгофен и его сослуживец Герман Геринг. Железных крестов было выдано столько, что даже сейчас любой из них стоит не дороже 100 долларов. Немцы чувствовали себя героями. Казалось, еще усилие и желанная победа будет вырвана из рук врага. И вдруг, как гром среди ясного неба, прозвучало страшное слово — Компьен!

У нас, и в Украине, и в России, любят бить себя в грудь, по-мазохистски упиваясь позором былых поражений. Но то, что случилось тогда с Германией, было во сто крат позорнее любой Цусимы. Германия обязывалась вывести войска из захваченной Бельгии,

Люксембурга, Эльзас-Лотарингии и тех французских территорий, которые еще продолжала контролировать, сдать союзникам две с половиной тысячи тяжелых пушек, 25 тысяч пулеметов, практически всю авиацию, подводный флот и транспорт, включая 150 тысяч вагонов и 5 тысяч грузовых автомобилей. Огромный немецкий военно-морской флот подлежал разоружению и интернированию на британской базе в Скапа-Флоу.

Трагедия русского Черноморского флота, оказавшегося весной 1918 года под угрозой захвата немцами и потопившего часть своих кораблей, включая один линкор, хорошо известна. Но то, что случилось всего через несколько месяцев с германским флотом Открытого моря, у нас знают куда хуже. Точнее, вообще не знают. 21 октября 1918 года его командующий адмирал Шеер приказал привести корабли в боевую готовность. В тайне даже от кайзера он запланировал выманить английский флот из базы, выслав в устье Темзы, то есть буквально под Лондон, стаю эсминцев. По изящному замыслу адмирала, она должна была навести британские корабли на основные силы немцев у голландского побережья. Там на увлекшиеся погоней силы «владычицы морей» должны были наброситься 25 подводных лодок, притаившихся в засаде, а потом ошеломленного противника должен был добить немецкий линейный флот.

Французский солдат. Охраняет угольные брикеты, которыми немцы платили контрибуцию союзникам за проигранную войну

Если бы этот смелый план удался, Первая мировая война могла бы закончиться совершенно иначе. Но через неделю, вечером 29 октября, взбунтовались команды трех немецких линкоров — «Крон принца Вильгельма», «Маркграфа» и «Кенига». Это произошло ровно за два часа до назначенного выхода в море. В полночь отказались выполнять приказы матросы еще трех дредноутов. Кочегары угрожали погасить топки, если командование прикажет сниматься с якоря. Вместо того, чтобы отправиться на охоту за англичанами, немецкие моряки ударились в настоящий саботаж. Правда, до избиения офицеров, как и

русском Кронштадте, во время февральской революции, дело не дошло.

Команды линкоров «Тюринген» и «Гельголанд» ограничились тем, что сломали брашпиль (приспособление для подъема якоря) и залили уголь водой. Бунт пришлось усмирить высадкой на корабли морской пехоты, сохранившей верность присяге, и выдвижением на дистанцию торпедного залпа эсминцев и подводной лодки. Был момент, когда разделившиеся в политических симпатиях корабли немецкого флота были готовы перестрелять друг друга. Больше полутысячи человек из экипажей пришлось арестовать, а линкоры рассредоточить по различным базам.

Но и это не спасло положение! 3 ноября взбунтовалась дивизия линкоров, которую направили в порт Киль. Двадцать тысяч матросов под красными флагами бросились в город и после короткой перестрелки захватили его. Через несколько дней восстание охватило другие базы Гамбург, Любек, Росток, Вильгельмстафен... Кайзер Вильгельм II впал в отчаяние, узнав о предательстве своих матросов. Он был инициатором создания германского океанского флота. Он вел войну за господство на морях. И теперь именно с флота начался развал его империи! 9 ноября император отрекся от престола, подобно своему русскому коллеге Николаю II, и тайно направился к границе нейтральной Голландии, чтобы прожить еще 23 года «на пенсии» и умереть буквально накануне вторжения Гитлера в СССР.

Всех этих закулисных нюансов большинство немцев еще не понимало. Они жили в до телевизионную, доинтернетовскую эпоху. Военная цензура контролировала все газеты. Информацию заменяли слухи. У обывателя голова шла кругом от того, что кайзер исчез, а какой-то малоизвестный генерал Винтерфельд заключил в Компьенском лесу предательское перемирие, несмотря на то, что германская армия продолжала находиться на французской земле. Откуда было этому среднему немцу знать, что еще с 1916 года в Германии фактически существовала военная диктатура во главе с начальником генерального штаба фельдмаршалом Гинденбургом, что кайзер — не более, чем «перо» для подписи документов в руках военных специалистов, и что теперь эти профессионалы пришли к выводу: война проиграна и ее пора кончать?

Немецкая матросня. Бунт на кайзеровском военном флоте

Оставшись за кулисами, Гинденбург и его заместитель генерал Людендорф, сумели сохранить незапятнанную репутацию полководцев и поддержать у своих соотечественников иллюзию непобедимости немецкой армии. Немцы продолжали верить, что их победили не в честном бою, а выпустив из недр Рейхстага продажных «демократических» политиков, сдавшихся Западу.

Но и англичане с французами испытывали чувство разочарования. Это была какая-то победа без победы. Враг сдавал оружие, но не сдавался. Не было толп пленных. По условиям перемирия, нельзя было оккупировать немецкие земли. Британские офицеры флота искренне сожалели, что судьба не позволила устроить им «новый Трафальгар» — на сей раз над немцами. Психологи еще не придумали для этого состояния название. Оно появится чуть позже — в 20-е годы и будет называться «незавершенный гештальт» — то есть психический процесс, который не дошел до логического конца. Убив и искалечив около 10 млн. человек, европейцы спрашивали себя: так за что ж мы воевали?

Благодаря фильмам, у большинства из нас до сих пор сидит образ немца как некоего лишнего эмоций, глубоко рационального существа. Но это миф. Под маской строгого германского офицера и бравого пруссака-солдата скрывался такой же человек, как француз или русский. Немцы скрывали свои эмоции под нарочитой грубоватостью и армейской брутальностью. Но это не означало, что они были их лишены. Первая мировая война была проиграна Германией именно из-за эмоциональности ее высшего армейского руководства. Причем, даже не в 1918-м, а четырьмя годами раньше — в первый же месяц боевых действий.

Немецкий генеральный штаб изначально осознавал, что будет вынужден вести войну на два фронта — против Франции на западе и России на востоке. Из-за менее развитой железнодорожной сети Россия заканчивала мобилизацию войск позже, чем немцы. Поэтому выдающийся германский генштабист генерал Шлиффен еще в 1905 году разработал план ведения войны против двух противников сразу. Согласно ему, основной удар немцы наносили на Париж через нейтральную Бельгию. То, что таким образом нарушалось международное право, не смущало кайзеровских военных. Международные нормы приносились в жертву военной целесообразности. Зато достигалась полная внезапность. Главное было выдержать темп наступления по дням до тех пор, пока на восточную границу Рейха не надвинется медлительный русский «паровой каток».

Но в августе 1914 года Россия так быстро бросилась в наступление в Восточной Пруссии силами двух армий (1-я генерала Ренненкампа и 2-я генерала Самсонова) и так лихо потрепала немцев во встречном сражении под Гумбиненом, что нервы немецких генштабистов не выдержали. Большинство высших военных Германии происходили родом из Восточной Пруссии. Когда они представили, что сделают с их поместьями и уютными домиками «дикие казаки», блестящий план Шлиффена был подвергнут корректировке. С Западного фронта срочно сняли два корпуса и начали перебрасывать их на восток. Это оказалось совершенно излишним. Принявший командование в Восточной Пруссии генерал Гинденбург сумел окружить 2-ю русскую армию до прибытия двух корпусов из Франции. Но их не оказалось и под Парижем. Темп наступления на западе дал сбой. Война из рассчитанной всего на полгода красивой штабной игры превратилась в затяжную вялотекущую бойню. Прусские офицеры не сумели «пожертвовать» своими поместьями и в результате проиграли войну.

За четыре года войны ее участники поставили под ружье по всему миру 72 млн. человек.

Больше всех мобилизовала Россия. По разным оценкам — от 12 до 13 миллионов. Но в процентном отношении самые высокие потери понесли французы. Первая мировая навсегда подорвала их боевой дух. На фронте погибли самые храбрые и склонные к самопожертвованию носители генов. Если вы спросите меня, почему в Париже сегодня так много негритянских лиц, я отвечу: потому что прадедушки этих цветных «новых парижан» тогда еще охотились друг на друга с копьями, а не ходили на пулеметы целыми дивизиями. На Первую мировую французская конница выехала в парадной форме и в кирасах, как во времена Наполеона. Но против немецкой тяжелой артиллерии эти панцири оказались слабой защитой. «На германской войне только пушки в цене», — споет уже в 70-е московский бард Булат Окуджава. Это касалось и русской армии. В августе 1914-го в Восточной Пруссии эскадрон лейб-гвардии Конного полка под командованием барона Врангеля — будущего белого вождя — сходил в лобовую атаку на немецкую батарею, выполняя приказ командира бригады — будущего гетмана Украины Павла Скоропадского. Положили полэскадрона. Но пушки взяли. Сохранилась фотография Врангеля после этой атаки — глаза безумные, как будто черта увидел. Вскоре в такие атаки русская кавалерия уже не ходила — просто подходящих людей не осталось. Выбили. А остальные научились воевать иначе.

Инфляция. Немецкая карикатура на реалии жизни после проигранной войны

На западе Первая мировая война породила литературу так называемого «потерянного поколения» Ричарда Олдингтона в Англии, Хемингуэя в США, Эриха Ремарка и Эрнста Юнгера — в Германии. России повезло меньше. Подробно Первую мировую станет описывать в романах только Александр Солженицын в начале 70-х. Самый известный его роман на эту тему — «Август 14-го».

Уинстон Черчилль — в пору Первой мировой британский морской министр — заметил, что наиболее несправедливо судьба обошлась с Россией: «Она пошла на дно, как корабль, уже почти добравшийся до гавани». Революция и Брестский мир вывели страну из войны всего за полгода до того, как сами немцы ее проиграют. Все надежды, с которыми империя вступала в войну в 1914 году, остались неосуществленными. Николай II мечтал получить

Константинополь после расчленения Турции. Но так как за всю войну русские так и не решились на десантную операцию в районе турецкой столицы, то вряд ли они получили бы ее по результатам мира. Первой этому воспротивилась бы Великобритания, не желавшая, чтобы на Средиземном море вместо слабосильной Турции появилась еще одна крупная морская держава. Единственное, что могла получить Россия, это Галичину со Львовом от разделенной Австро-Венгрии. Приобретение небольшое, если учесть миллион убитых и 3–4 миллиона раненых русских солдат в Первой мировой.

Письмо домой. Никто не знает, дожил ли этот француз до мира

По сути, Россия вела войну за чужие интересы. Взяв кредиты у французов для возрождения армии после русско-японской войны, пришлось их отрабатывать кровью в Восточной Пруссии и Галиции. Впрочем, и Германия, и Австро-Венгрия вели себя не менее глупо. Результатом столкновения трех империй стало их крушение и гибель дворянской цивилизации XIX века. На смену им пришли националистические и тоталитарные режимы.

Гетман Скоропадский: «Мы все русские люди!»

11 ноября 1918 года Германия признала свое поражение в Первой мировой войне. А всего через три дня ее украинский союзник гетман Скоропадский провозгласил... очередное воссоединение Украины с Россией.

Соображал гетман очень оперативно. Грамота к украинскому народу, в которой он объяснял крутой разворот во внешней политике, появилась в киевской прессе 14 ноября. Но подписал ее Павел Петрович еще 13-го.

1918 год. Гетман Скоропадский с офицерами своего штаба тревожно всматривается в неизвестное будущее Украины

Всего двух дней хватило бывшему генерал-лейтенанту русской императорской армии, а ныне правителю «самостийной державы», чтобы понять: немцам — каюк, союзу с ними — тоже, значит, нужно выкручиваться собственными силами, надеясь только на Бога и политическую сноровку.

Но главная пикантность ситуации состояла в том, что гетманская грамота провозглашала федерацию с Россией, которой, по сути... не существовало. Как некий духовный идеал она, конечно же, была. Однако по факту на конец 1918 года по соседству со «Скоропадией», как часто в шутку называли государство гетмана, имелось сразу две России, находившиеся друг с другом в состоянии непримиримой войны. Красная — со столицей в московском Кремле. И белая, состоявшая из самостийного Всевеликого Войска Донского во главе с атаманом Красновым и Добровольческой армии генерала Деникина, дислоцировавшейся на Кубани.

Эта вторая белая Россия, с которой решил объединяться Скоропадский, тоже не отличалась единством. Деникин стойко держался ориентации на страны Антанты. А атаман Краснов, напротив, придерживался во внешней политике прогерманской линии. Но оба они воевали с красными, хоть и неодобрительно поглядывали друг на друга. Донской атаман даже с согласия немцев, закрывавших на это глаза, поставлял боеприпасы деникинцам. Поэтому, когда те упрекали донцов за измену идеалам верности союзникам и даже называли

донских правителей «проституткой, зарабатывающей на немецкой постели», те не без ехидства отвечали: «Если правительство Дона — проститутка, то Добровольческая армия — кот, живущий на средства этой проститутки».

1917 год. Русский генерал Скоропадский

Естественно, Скоропадскому было проще договориться с гибким Красновым, чем с твердолобым Деникиным. Не стоит думать, что грамота от 14 ноября появилась спонтанно. Съездив в Берлин и предчувствуя скорое падение «большого германского друга», гетман на протяжении всей осени перебирал различные варианты своего выживания в будущей политике. С одной стороны, он вел тайные консультации с киевскими националистами во главе с бывшим премьер-министром Центральной Рады Владимиром Винниченко. С другой — еще 1 ноября (почти за две недели до краха немцев на западном фронте) лично встретился с атаманом Красновым. Естественно, тоже секретно.

Рандеву двух «самостийных» правителей произошло на станции Скороходово между Полтавой и Харьковом. Краснов в мемуарах изысканно называет это событие «политическим свиданием». Действительно, как его иначе определишь? Это не был официальный государственный визит, о котором с подобающей этикетной помпой трубят в газетах. Просто два генерала тайком от всех решили повидаться в тихом уютном местечке. Гетман прибыл на личном поезде. Его сопровождали военный министр полковник Сливинский, многочисленная свита, караул из бывших царских офицеров и, на всякий случай, германский конвой. Так как время было беспокойное, а вокруг железной дороги пошаливали банды, то немецкая подмога не была лишней.

Тоже на поезде явился и генерал Краснов в сопровождении немецкого представителя майора Кокенхаузена, адъютантов и своего конвоя, одетого, как не без гордости отметил донской атаман, «в прежнюю, 1914 года казачью форму». Краснов считал себя более серьезным правителем, чем Скоропадский. Разодетая по новой украинской моде в кафтаны с гусарскими шнурами свита гетмана даже вызвала у него легкую иронию.

Но аппетиту договаривающихся сторон эти мелкие декоративные детали ничуть не мешали. Сначала гетман и атаман позавтракали в салоне поезда Скоропадского как «принимающей стороны», а потом остались наедине. Тут гетман разоткровенничался. «Вы, конечно, понимаете, — сказал он, — что я, флигель-адъютант и генерал свиты Его Величества, не могу быть щирым украинцем и говорить о свободной Украине, но в то же время именно я благодаря своей близости к государю должен сказать, что он сам погубил дело империи и сам виноват в своем падении».

Этот экскурс в недавнюю историю вызвал полное понимание у Краснова. А Скоропадский продолжал, перейдя к насущным проблемам: «Не может быть и речи о возвращении к империи и восстановлении императорской власти. Здесь, на Украине, мне пришлось выбирать — или самостийность, или большевизм, и я выбрал самостийность. И право, в этой самостийности ничего худого нет. Предоставьте народу жить так, как он хочет. Я не понимаю Деникина. Давить, давить все — это невозможно... Какую надо иметь силу для этого? Этой силы никто не имеет теперь».

Практическим результатом этой встречи «в подполье» на высшем уровне стало решение, что Краснов договорится с генералом Деникиным о совместных переговорах с гетманцами. «Я прошу вас быть посредником между мною, Деникиным, кубанцами, Грузией и Крымом, — произнес Скоропадский историческую фразу, — чтобы составить общий союз против большевиков. Мы все русские люди, и нам надо спасти Россию, и спасти ее мы можем только сами».

Гетман жаловался Краснову на деникинскую прессу, травившую его. Особенно возмущали Скоропадского статьи бывшего редактора газеты «Киевлянин» Василия Шульгина, выпускавшего теперь ежедневный белогвардейский листок в Екатеринодаре. Видно, Шульгин здорово-таки достал гетмана, бичуя его за берлинский визит к кайзеру Вильгельму: «Пишет Бог знает какие статьи про меня. Называет меня изменником. И к нему пристала вся интеллигенция, все те общественные деятели, которых я спас от большевистской петли!»

Гетман никогда не сердился на карикатуры на себя в большевистских газетах. Красные психологически были для него врагами. То, что они травили его, Павел Петрович считал само собой разумеющимся. Но выпады из среды «друзей» вызывали у него детскую обиду. Ведь и Шульгин, и другие «общественные деятели» попали к Деникину из красной России через гетманский Киев. Именно Павел Петрович создал тот режим, который позволил им свободно просочиться на Дон и Кубань. Официально тысячи Шульгиных ехали к родственникам в Украину, но все знали, что гетман их покрывает и свободно пропускает на территорию, подконтрольную белогвардейцам.

Атаман Краснов расстался со Скоропадским 1 ноября около 6-ти вечера. На следующий день он уже был в своей столице Новочеркасске, что доказывает: не все поезда ходили в революционные времена, как черепахи. Сразу же после возвращения Краснов отправил письмо генералу Лукомскому, отвечавшему в окружении Деникина за политические вопросы. «Я вчера виделся с гетманом Скоропадским, — писал донской атаман. — Цель нашего свидания — установление более дружеских отношений, слияние отдельных частей раздробившейся России, объединение для общей борьбы с большевизмом... Вы отлично понимаете, что гетман не может громко говорить о борьбе с большевиками, потому что он не имеет для этого армии и вынужден «играть в мир» с Советской республикой. Но тайно и он, и те русские люди, которые его окружают, хотят и готовы помогать и Войску Донскому, и

Добровольческой армии, и Кубани в этом общем нашем деле... Гетман готов делиться со всеми нами имуществом складов, патронами, снарядами и т.п., готов помогать и денежно, потому что Украина все-таки богаче Дона и Добровольческой армии».

Краснов писал, что не стоит надеяться на союзников, что эти иллюзии только расслабляют белые войска, что две трети донских казаков «не имеют сносных сапог», а одна треть вообще их не имеют: «обуты в лапти, даже офицеры». Отказываться в такой ситуации от материальной помощи, предложенной гетманом, глупо. Склады в Украине действительно ломились от шинелей, обуви, боеприпасов и даже касок, оставшихся от бывшей императорской армии. Все это имущество, заготовленное еще в пору Мировой войны, можно было теперь бросить против красных. И если гетман предлагает собрать общий съезд представителей Добровольческой армии, Крыма, где существовало отдельное правительство, Кубани и Дона, то нужно пойти ему навстречу и создать общий политический союз. «Нельзя делить шкуру медведя, не убивши самого медведя, — взывал к Деникину Краснов. — Убить этого медведя каждому из нас порознь трудно, почти невозможно. Надо соединиться».

Генерал Краснов. Любил и умел писать, но Деникина так и не убедил.

Но Деникин считал, что только он имеет право на истину. Ему, бывшему выпускнику Киевского пехотного училища, к тому же наполовину поляку по матери, хотелось быть в глазах своего окружения вдвойне русским. Да и психологически бывшему киевскому юнкеру казалась оскорбительной сама мысль о какой-то отдельной, даже полунезависимой Украине в составе белой Российской Федерации. «Протянутые гетманом и атаманом руки, — печально констатировал Краснов, — остались не принятыми».

Донетлюровский Киев. Хранил облик царского столярного града

У гетмана был еще один шанс сохраниться во власти хоть и, как он вспоминал, в «общипанном» виде. Для этого он должен был согласиться на созыв 17 ноября Украинского национального союза, что предлагали «Винниченко и компания». Но Скоропадскому справедливо казалось, что этот «собор» различных националистических партий — просто закамуфлированная попытка отобрать у него власть.

Гетман решился на импровизацию. Хотя Деникин и не поддерживал его, а Краснов сам нуждался в помощи, Павел Петрович сочинил грамоту к украинскому народу и провозгласил федерацию с «виртуальной» Россией, которая сама его не признавала. Это был пропагандистский шаг, который должен был дать гетману добровольцев из числа демобилизованных после Первой мировой Русских офицеров, которые переполнили Киев. По некоторым данным, в столице Украины их насчитывалось до 15 тысяч человек.

В газетах опубликовали призывы вступать в добровольческие дружины полковника Святополк-Мирского и генерала Кирпичева. Их члены тут же украсили левый рукав своих шинелей трехцветным бело-сине-красным шевроном — точь-в-точь, как в деникинской армии. Это и был самый боеспособный контингент в войсках неожиданно «побелевшего» гетмана.

«УСС на варті». Сечевые стрельцы стали основной силой антигетманского переворота в конце 1918 года

Зато мало кто знает, что часть армии Петлюры, двинувшейся против гетмана сразу же после объявления «федерации» с Россией, шла на Киев не под желто-синими, а под красными флагами. Эти петлюровцы дрались не так за независимость Украины, как против буржуев и «ахвицеров». Решение об антигетманском восстании было принято еще вечером 13 ноября — буквально за несколько часов до появления в газетах грамоты. Те историки, которые утверждали, что петлюровское восстание было спонтанным и вызванным только «предательством» Скоропадского интересов Украины, говорят неправду. Оно готовилось задолго до пророссийского маневра последнего гетмана. И даже если бы Павел Петрович остался «самостийником», а не федералистом, Винниченко и Петлюра все равно бросились бы свергать его. Им хотелось власти. Верность же идее Украины была для всех участников этого противостояния прежде всего ритуальной формулой. Ведь очень скоро после победы над гетманом Винниченко займет позицию федералиста по отношению к красной России, а Петлюра легко расплатится с Западной Украиной за неравноправный союз с Польшей.

Да и о подготовке антигетманского восстания большевики не только знали. Они прямо содействовали ему. Ведь было очень выгодно повалить Украину украинскими руками. В Киеве осенью 1918 года совершенно открыто действовала дипломатическая миссия красной России во главе с украинским коммунистом Мануильским. Он вел переговоры с будущими петлюровцами и даже обещал денежную поддержку из Москвы в обмен на разрешение в победившей петлюровской Украине коммунистической партии. Украинские источники не отрицают факт таких переговоров, хотя и утверждают, что все ограничилось устными договоренностями и без финансовых вливаний. Тем не менее, Совнарком в Москве знал, что Петлюра собирается «валить» Скоропадского. Это позволило красным подготовиться к свержению самого Петлюры, использовав месяц очередной внутриукраинской борьбы за власть.

Как галичане сдали полякам Львов

Нынешние политпропагандисты любят вспоминать Круты. Но совершенно забыли о том, как в конце 1918 года была потеряна столица ЗУНР — Западно-Украинской Народной Республики.

Под занавес 1918 года почти одновременно произошло два трагических события. Симон Петлюра, подняв восстание против Павла Скоропадского, захватил Киев и разрушил гетманскую Украинскую державу, открыв дорогу большевикам из Москвы. А меньше, чем за месяц до этого — 21 ноября — военные формирования Западно-Украинской народной республики после беспорядочных уличных боев с польскими отрядами очистили столицу Галичины — Львов.

Как ни странно, между этими событиями существовала теснейшая связь. Гетман Скоропадский собирался напрямую помочь галицким украинцам отстоять независимость. Но неожиданное выступление петлюровских национал-радикалов и начатая ими украинская гражданская война связали ему руки. И, кроме того, самые боеспособные из галицких армейских частей — сечевые стрельцы, вместо того, чтобы защищать от поляков родной Львов, двинулись отвоевывать у гетмана Киев. В очередной раз ситуацию в украинской истории можно было описать словами Ивана Мазепы: «Самі себе звоювали».

Львов часто называют столицей «украинского Пьемонта», сравнивая Галичину с тем королевством, которое в XIX веке сыграло решающую роль в объединении Италии. Но не так было всего сто лет назад. Назвать Львов украинским в то время невозможно было даже с большой натяжкой. Это был типичный польский город, входивший в Австро-Венгерскую империю. По переписи 1900 года, в нем проживало 84 тыс. поляков, 45 тыс. евреев, 5 тыс. немцев и 34 тыс. украинцев, которых, впрочем, официально называли не украинцами, а русинами.

Площадь-рынок. С 1915 года, когда был сделан этот снимок, дома в центре Львова практически не изменились, в отличие от горожан

Как видно из этих цифр, украинцы составляли только третью по численности

народность среди львовян. По политическим взглядам, они делились на две части. Одних, втайне симпатизировавших России, называли «москвофилами». Они считали себя частью единого русского народа, оторванной от единого целого. Их политическим идеалом было возвращение в состав Руси, под которой они подразумевали Российскую империю.

Другая часть украиноязычных галичан наоборот признавали себя патриотами Австро-Венгрии. Втайне они, конечно, мечтали о великой и самостийной Украине «од Сяну до Дону» как некоем далеком идеале, но как люди практичные не забывали делать официальную карьеру в империи Габсбургов. По крайней мере, ту, что эта династия им позволяла.

Австрийцы считали выгодным поддерживать эту этническую группу, так как местная власть в Галичине по сути принадлежала полякам. Не будучи самыми многочисленными среди сельского населения провинции, они преобладали среди помещиков, горожан и деятелей культуры, претендуя на особую миссию «цивилизаторского» элемента. К примеру, даже классик украинской литературы Иван Франко вынужден был работать корректором в одной из польских газет во Львове. И именно из аристократов-поляков венское правительство по традиции назначало очередного наместника Галичины. Но как противовес им — чтобы не зазнавались подкармливало и «украинофильское» направление, выдавая субсидии местному Научному обществу им. Шевченко.

В 1914 году австрийские власти существенно «почистили» среди львовян группировку москвофилов — около двух тысяч из них сразу же после начала Первой мировой войны были арестованы и отправлены в концентрационный лагерь — не за то, что успели что-то совершить против Австрии, а за одну только любовь к России.

Мировая война заставила австрийцев начать формирование национальных полков в своей армии. Украинцам позволили создать легион сечевых стрельцов. Еще больше подобных частей дали Австро-Венгрии поляки, рассчитывавшие, что после войны будет восстановлена, если не независимость, то хотя бы широкая автономия Польши, разделенной еще в XVIII веке между Германией, Австрией и Россией.

Пулеметчик легиона сечевых стрельцов тренируется сбивать воздушные цели

В тяжелый для Вены 1916 год, памятный Брусиловским наступлением, старый кайзер Франц Иосиф даже подписал специальную грамоту, в которой пообещал создать после войны Польское королевство в составе своей обновленной империи и присоединить к нему Восточную Галичину со Львовом.

Но в марте 1918 года при заключении Брестского мира с украинской Центральной Радой особым секретным пунктом оговаривалось совершенно противоположное обещание. Австрийцы брали на себя обязательство создать к осени на той же территории уже... западно-украинскую автономию. В такой ситуации, имея на руках два совершенно взаимоисключающих и еще не выданных политических кредита, империя вступила в последнюю фазу своего существования. А осенью она просто посыпалась, как Российская империя за год до этого, не выдержав боев на итальянском фронте и нарастающего с каждым днем экономического кризиса.

Поляки и украинцы Галичины оказались наедине друг с другом без отеческого внимания Вены и тут же начали выяснять отношения. Первыми подсуетились украинцы. Ранним утром на 1 ноября на стенах львовских домов появились обращения некой Украинской Национальной Рады. В них говорилось: «До населення міста Львова! Волею українського народу утворилася на українських землях Австро-Угорської монархії Українська держава. Найвищою властю Української держави є Українська Національна Рада. З нинішнім днем Українська Національна Рада обняла владу в столичному місті Львові і на цій території Української держави... Закликається населення до спокою і послуху».

Но так как «населення» Львова состояло в основном из поляков, то этот документ оно восприняло примерно так же, как декларацию вторгшихся инопланетян. Какая-то Национальная рада? Да кто слышал о ней и кто ее собирался слушаться?

Правда, в число сторонников Нацрады можно было зачислить львовский гарнизон. Среди его солдат насчитывалось две тысячи четыреста украинцев. Однако это были тыловые части. Почти половину их личного состава заполняли люди, как сказали бы мы, предпенсионного возраста — в районе пятидесяти лет. Особого рвения воевать за украинскую независимость эти простые сельские вуйки не проявляли. Поэтому почти сразу же после захвата власти Национальная Рада издала приказ двинуться во Львов легиону сечевых стрельцов — самой знаменитой и идеологически подкованной украинской части, насчитывавшей чуть больше тысячи солдат и офицеров и расположенному в Черновцах.

Но вместо того, чтобы немедленно грузиться по вагонам и двигаться на Львов, до которого было всего несколько часов езды, стрельцы не торопились. Как писал один из участников львовских событий доктор Цегельский: «Коли хто завинив у тому, що українці втратили Львів, то це були саме січові стрільці. Оцей промах галицьких СС-ів був першим проявом отаманщини і політиканства, чим вони заразились у час свого перебування на Великій Україні. Замість того, що виконати наказ Укради та зайняти без бою Львів 1 листопада, вони політукували на Буковині. В результаті втрачено Львів».

Магазины. В начале XX века Львов был городом польских вывесок

Иными словами, сами сечевики решали: признавать ли им Национальную Раду и что они смогут у нее выторговать?

А во Львове уже на следующий день началось антиукраинское восстание. В городе действовало несколько польских военных организаций. Сразу же после появления воззваний Нацрады поляки сформировали собственный Польский народный комитет, куда собрались представители всех их политических партий, и поставили во главе боевых групп двух инициативных энергичных офицеров — сотников Татар-Тшесловского и Мончинского.

Главной силой их импровизированной армии стали польские гимназисты и студенты. Ведь участвовать в уличных боях куда интереснее, чем учиться. В отличие от пожилых украинских солдат, им хотелось повоевать с молодым задором. Среди поляков были даже совсем мальчишки — например, самый юный в истории Польши кавалер ордена Виртути Милитари («Военные Заслуги») Антошь Петрикевич, которому едва исполнилось тринадцать, или двенадцатилетний Янек Дуфрат. Оба они погибли в уличных боях и похоронены во Львове на так называемом Мемориале Орлят.

Всего же во время львовского противостояния, по польским данным, было убито около двух сотен польских подростков, сражавшихся за свой Львов. Впрочем, некоторые историки считают эту цифру сильно преувеличенной. Кто прав, трудно разобраться. Но для Польши эти молодые люди стали таким же национальным мифом, как для Украины студенты, погибшие под Крутами.

Польский легион в австрийской армии по численности в несколько раз превосходил украинский

Поляки сразу же грамотно выбрали направление главного удара — вокзал. Захватив его, они могли бы беспрепятственно получать подмогу из Польши через Перемышль по единственной в этих местах железнодорожной ветке. Кроме того, там находились главные в городе склады военного имущества. Штурм вокзала удалось осуществить без особых проблем — по безопасности его почти не охраняли.

Когда же легион сечевых стрельцов, наконец-то, прибыл из Черновцов, украинское командование распорядилось им крайне неудачно. Сечевиков использовали, раздробив на мелкие отряды, вместо того, чтобы собрать в мощный кулак. Разуверившись в победе, Национальная Рада решила просить подмоги у гетмана Скоропадского. Для этой цели в Киев командировали двух делегатов — инженера Шухевича и доктора Назарука. В Белой Церкви, на территории, подконтрольной гетману, в это время находился еще один отряд сечевых стрельцов, в составе двух батальонов, конной разведки и одной артиллерийской батареи. Его сформировал из числа бывших военнопленных-галичан Евгений Коновалец — в прошлом офицер австрийской армии, тоже оказавшийся в русском плену во время Первой мировой. Именно этих храбрых хлопцев должны были упросить прийти на помощь украинцам во Львове посланцы Нацрады.

Скоропадский с радостью был готов их отпустить. Заодно он пообещал правительству Галичины авиаэскадрилью, батарею гаубиц, два броневика, несколько вагонов с боеприпасами и сколько угодно сапог и шинелей со складов, оставшихся от царской армии.

Проблема была в одном — сечевики Коновальца не хотели ехать в родную Галичину. Им очень понравилось на Восточной Украине, где почти не было поляков. Кроме того, они впутались в местные политические интриги и уже договорились с Петлюрой и Владимиром Винниченко, что поднимут восстание против гетмана и двинутся на Киев. В Белой Церкви состоялась стрелецкая рада, где было принято решение: «Київ важливіший за Львів».

Львовские делегаты тоже оказались довольно странными людьми. Осип Назарук, вместо того, чтобы проводить в жизнь решение правительства, пославшего его, согласился с мнением стрелецкого «схода» и остался участвовать в антигетманском восстании (видимо, очень хотел прокатиться туристом в Киев), а Шухевич вернулся домой ни с чем.

Награда от кайзера. Последний австрийский император Карл инспектирует легион сечевых стрельцов

В результате Киев взяли, но только для того, чтобы через пять недель отдать его красным. А Львов пришлось поспешно очистить еще раньше — 21 ноября, оставив Западно-Украинскую Народную Республику без столицы, а только с гербом в виде золотого льва на синем щите.

Лучше всего по этому поводу высказался украинский историк-эмигрант доктор Исидор Нагаевский, заметивший, что без участия сечевых стрельцов Петлюра не решился бы начинать антигетманский бунт, а это дало бы «можливість порозуміння між партіями і гетьманом в останні хвилини, коли більшовики посунулися на Україну. Дуже часто буває, що від однієї малозначної події залежить довгий ланцюг трагічних подій. Такою подією можна було б вважати відмову СС-ів їхати під Львів».

Мне же остается только присоединиться к этому хоть и коряво выраженному, но, по сути, верному выводу убежденного националиста. Что тут еще добавит?

Вымышленный дивизион

Гетманский Киев пал 14 декабря 1918 года. В «мать городов русских» вступили полчища Петлюры со шлыками на головах. Словно новые берендеи и половцы, растекалась эта рать по улицам древнего града. Не Бог весть, какое великое событие. Но именно оно породило самый известный роман о гражданской войне.

Отчетливо помню день, когда впервые прочитал «Белую гвардию». Это был 1983 год. Зима. Наверное, январь или февраль. Книгу мне дали на несколько дней. По большому благу. В андроповском СССР она была жутким дефицитом. За киевским окном шел снег. По улице медленно пробирался трамвай. А я стоял у окна, и в голове моей еще крутились петлюровцы, гетман, «гусарский зигзаг» на плече полковника Най-Турса, потемневшая от холода кокарда на фуражке Мышлаевского и бессмертная фраза на печке: «Бей Петлюру!»

Мне было четырнадцать. И я жалел об одном: что не родился в те времена и не могу, следовательно, быть юнкером или звенящим шпорами поручиком в кавалерийской шинели до пят. История, казалось, прошла мимо. Потом, уже в безалаберно-свободные перестроечные времена, я написал по «Белой гвардии» дипломную работу в университете и пришел к выводу, что, на самом деле, это приключенческий роман. Хотя и очень талантливый. Исторической правды в нем не больше, чем в любой подобной книге — например, у Дюма. Я понимаю, как будут расстроены те читатели, которые привыкли воспринимать «Белую гвардию» как библию, на которую нужно только молиться. Но, подходя строго к националистическим выдумкам, я не могу быть необъективным и к тем мифам, которые мне духовно близки. Белогвардейцы — симпатичнейшие ребята. Булгаков описал многое. Но не все. И часто совсем не так, как это происходило в действительности. Он не участвовал в почти месячных боях за Киев между гетманцами и петлюровцами. Никогда не служил в выдуманном им «студенческом» артиллерийском дивизионе. И ничего не знал о закулисных интригах при гетманском дворе, хотя и сделал одного из персонажей своего романа — Шервинского — адъютантом Скоропадского.

Более того, Михаил Афанасьевич даже толком не представлял, как эти адъютанты выглядели. Киевские газеты начала XX века не печатали фотографий гетманского конвоя. Поэтому белая черкеска Шервинского из пьесы «Дни Турбиных» по мотивам романа — чистая выдумка Булгакова. Его можно понять — зрителя нужно ослеплять элегантно. На самом же деле, в декабре 1918-го гетманская свита щеголяла в украинизированных жупанчиках, в которых не героев-любовников играть, а малороссийскую комедию.

Военный быт. Фуражка с той самой потемневшей кокардой, погоны ротмистра, георгиевский крест. Фото автора

Увы, не уличные бои, которых, кстати, почти не было, решили судьбу гетманского Киева, а забытый ныне бой под станцией Мотовиловка 18 ноября. Это была первая неделя антигетманского восстания, когда у Петлюры еще почти не было сил — только отряд сечевых стрельцов, первыми перебежавших на его сторону. Бунт можно было задушить в зародыше. Скоропадский направил против сечевиков сердюцкий полк (своих гвардейцев) и офицерскую дружину князя Святополк-Мирского, сформированную из добровольцев.

Описание этого боя со стороны гетманцев отсутствует. Петлюровцы хвастливо утверждали, что офицеры наступали несколькими цепями, но не смогли пробить вражескую оборону. А сердюки вообще отказались атаковать и залегли. Результат поединка решила техника единственный — петлюровский броневик, который выполз в поле, и «вогнем скорострілів сіяв смерть в ворожих лавах». По утверждению победителей, на месте боя осталось 600 трупов в кожаных куртках и золотых погонах. Цифра эта, скорее всего, хвастливо преувеличена. Вся дружина насчитывала, по самым оптимистическим подсчетам, всего восемьсот человек. Но Святополк-Мирскому пришлось оттянуться к Киеву, а Петлюра занял городок Васильков. Первая неудача подняла дух повстанцев. На их сторону стали переходить украинские части гетманской армии.

На следующий день после мотовиловского конфуза Скоропадский назначил главнокомандующим Федора Келлера — прославленного кавалерийского генерала Первой мировой, по случайности находившегося в Киеве. Он стал прототипом булгаковского полковника Най-Турса. Писатель придал ему даже внешние черты генерала — плохо поворачивающуюся после ранения голову и легкую картавость.

Это был очень удачный выбор. Гетманская армия состояла из двух частей — украинской, не хотевшей воевать, и русской, которую составляли офицерские отряды, недолюбливающие гетмана, но еще больше ненавидевшие Петлюру. Популярный среди офицеров генерал сразу же остановил петлюровцев на подступах к столице. Он даже лично подгонял атаку гетманских сердюков, на вербованных из хулиганов в киевских предместьях.

В дни Турбиных Гетман больше переживал за семью, чем за державу

Офицерские дружины Келлера при поддержке артиллерии остановили наступление. Тут бы гетману держаться за генерала, как утопающему за соломинку. Но он боялся, что Келлер сбросит его с трона, и... отправил в отставку. Теперь толком не хотели воевать не только сердюки, но и офицеры-белогвардейцы, лишившиеся популярного лидера и не понимавшие, затем им спасать какого-то Скоропадского, пусть и объявившего себя в федерации с белой Россией?

Федор Келлер до конца остался верным своим убеждениям

Но описанный в романе эпизод, когда Най-Турс приказывает юнкерам разойтись («Слушай мою команду: срывай погоны, кокарды, подсумки, бросай оружие! По Фонарному переулку сквозными дворами на Подол!») действительно имел место. Только произошел он все с тем же генералом Келлером. Получив отставку, Федор Артурович остался в Киеве. В день взятия города офицеры, преданные гетману, предложили ему снова принять командование. Келлер тут же отозвался и прибыл к штабу на Псковскую улицу, где находилась рота Киевского кадетского корпуса. Оттуда он на автомобиле пробился на Александровскую улицу, где, как ему сказали, собралось около тысячи офицеров, готовых ехать на Дон. По дороге генералу пришлось отстреливаться от петлюровцев. Но на Александровской осталось к тому времени не больше трех сотен офицеров. «При таких условиях мысль графа Келлера о движении на соединение с армией генерала Деникина оказалась неосуществимой, — вспоминал его бывший сослуживец по гвардии и бывший киевский губернатор Федор Безак. И ему пришлось распустить последних оставшихся офицеров. Сам же он вместе со своим ординарцем направился в Михайловский монастырь». Через день петлюровцы арестовали Келлера и расстреляли возле памятника Богдану Хмельницкому. По стечению обстоятельств тогда на этом монументе еще красовались слова: «Единая неделимая Россия» — тот самый лозунг, которому искренне служил граф. Характерно, что он был одним из тех двух генералов, которые отказались в 1917 году признать отречение Николая II. Удивительно, но виновные в его гибели Петлюра и командир сечевых стрельцов Коновалец оба погибли насильственной смертью от рук киллеров. Не хочешь, а поверишь в закон возмездия.

Михаил Булгаков был щеголем, тщательно следившим за модой. Один из мемуаристов вспоминает, как в 20-е годы, разбогатевав после постановки «Дней Турбиных» во МХАТе и заказав себе новый костюм, писатель отворачивал штанину и хвастался ему шелковой подкладкой на брюках. Конечно, это моветон, очень напоминающий хвастовство модными лейблами некоторых современных персонажей.

Форситься в эпоху Первой мировой и гражданской войн у Булгакова возможности не было. На пике моды в это время была офицерская форма. Но Михаил Афанасьевич был всего лишь армейским лекарем. Ему полагались не широкие офицерские, а узкие медицинские погоны и круглая, а не овальная кокарда, сразу выдававшая в нем так называемого «военного чиновника». Впрочем, многие представители этой категории старались нарушать форму одежды и первым делом меняли «неполноценные» круглые кокарды на офицерские. Начальство обычно смотрело на это сквозь пальцы.

Детали разновидностей офицерских униформ описаны Булгаковым с той подчеркнутой внимательностью, которая свойственна тем, кто хотел бы, но не мог их носить. К примеру, в самом начале романа писатель дважды отмечает так называемые сапоги «с пряжками» — на Николке и на Мышлаевском, ввалившемся прямо из окопов под Киевом в уютную квартиру Турбиных. «Турбин и Николка, — пишет автор, — стягивали с Мышлаевского узкие щегольские сапоги с пряжками на икрах».

Такие сапоги вошли в моду с 1915 года. Именно в это время они появляются на фотографиях. Их любили носить и офицеры, и нижние чины, которые могли пошить себе обувь на заказ. Маленькая пряжка в самом верху голенища позволяла регулировать его ширину и удобно фиксировать на ноге.

А почему кокарда Мышлаевского, по словам Булгакова, «потемневшая»? Кокарды той эпохи были двух типов: дорогие из белого фарфора, которые обычно носили только на парадных фуражках, и штампованные из металла для обычного употребления. Эти последние, естественно, слегка окислялись и приобретали темный «боевой» оттенок. Булгаков хочет подчеркнуть боевитость Мышлаевского — то, что он не в тылу зад протирал.

А что такое «гусарский зигзаг», который видит юнкер Турбин на плече у полковника Най-Турса в момент, когда того сражает петлюровская пуля? Булгаковским современникам эта деталь была понятна и не нуждалась в комментариях. А для нас требует объяснений.

Круче, чем от кутюр. Так выглядел полковничий гусарский погон в начале XX века

Офицерские погоны гусар в Российской империи были не просто из золотого или серебряного галуна, как обычные, но еще и декорировались зигзагообразной вышивкой из таких же нитей.

Булгаков придумал Най-Турсу службу в никогда не существовавшем Белградском гусарском полку, как выдумал для Киева Алексеевский спуск вместо Андреевского. Среди двадцати гусарских полков, существовавших в империи на момент ее развала (восемнадцать армейских и двух гвардейских), Белградского не было и не могло быть. В России полки никогда не называли по именам заграничных городов. Но числился полк с похожим названием — правда, уланский, а не гусарский — 12-й Белгородский.

Булгаков. Студент-медик

Его отличала, кстати, очень «националистическая» по расцветке сине-желтая парадная форма и такая же фуражка. Как видим, никто желто-синее цветосочетание в царской России не запрещал, как иногда утверждают. Более того! В составе императорской армии кубанские казачьи части носили названия бывших куреней Запорожской Сечи, а один из гусарских полков вообще назывался 15-м Украинским! Это специально для тех, кто утверждает, будто само слово «Украина» якобы находилось под запретом. Учите историю, господа!

О боях под Киевом Михаил Булгаков знал только со слов своих друзей-офицеров. Не служил он и в «студенческом» артиллерийском дивизионе, якобы располагавшемся в здании Первой киевской гимназии на Бибикивском бульваре. Как профессиональный врач Михаил Афанасьевич хорошо понимал, чем может закончиться встреча с шальной пулей, и всегда отличался разумной осторожностью.

По адресу, указанному в романе, квартировало совсем другое киевское формирование — дружина бойскаутов (аналог более поздних советских пионеров) — Она состояла из мальчишек и предназначалась для поддержания порядка внутри города. На фронт ее никто даже не собирался отправлять! Именно в это героическое подразделение поступил добровольцем бесстрашный доктор Булгаков. Впоследствии ему было стыдно признаваться, что он воевал в «пионерском отряде». Поэтому киевские подростки превратились под его

пером в юнкеров и студентов.

А как же тогда у писателя так реалистично получились сцены уличных боев, в которых он тоже не участвовал? А что вы удивляетесь? В «Мастере и Маргарите» Булгаков тоже не присутствовал при распятии Христа, а как убедительно описал! На то он и талант!

Из гимназии на Подол. Маршрут Булгакова и доктора Турбина

Зато маршрут бегства доктора Турбина из гимназии описан явно по личным впечатлениям. С перекрестка у Золотых ворот на улице Прорезной доктор видит фигурки поднимающихся петлюровцев. Булгакову тут пришлось поддать ходу на Подол. Жена вспоминала, что домой на Андреевский спуск, 13, он вернулся крепко испуганным. В романе доктора Турбина пришлось спасать приемом, позаимствованным у Дюма. Перед ним внезапно открывается спасительная дверца в домике прекрасной женщины Юлии Рейс. Точно так же в «Графине де Монсоро» спасается от преследователей Бюсси. Домик Юлии булгаковеды ищут до сих пор. Моя версия — Булгаков просто вспомнил о квартире своей любовницы, у которой прятался от жены. Но точный адрес он, как человек благородный, естественно, не указал.

«Злука» и разлука УНР с ЗУНР

Не меньше, чем Переяславскую Раду, пытаются сегодня мифологизировать и так называемый день «злуки» УНР с ЗУНР — 22 января 1919 г. До этой даты существовало сразу две Украины — Украинская Народная Республика головного атамана Симона Петлюры и Западно-Украинская Народная Республика, которую возглавлял диктатор Евгений Петрушевич — бывший депутат австрийского парламента. Но так как две Украины — это слишком много, то их решили объединить. Благо, к этому все располагало. Чуть больше месяца назад Петлюра с помощью галичан захватил Киев, уничтожив третью Украину — «Украинскую державу» гетмана Скоропадского. Тут он предложил Петрушевичу слиться в желто-голубых националистических объятиях в одно государство, пообещав Галичине широкую автономию.

Правительство ЗУНР в Каменце-Подольском, осень 1919 года

Галичане воевали с поляками, захватившими Львов и продолжавшими наступать. Они очень рассчитывали на помощь петлюровцев и согласились почти без торга. Акт «злуки» был торжественно провозглашен в Киеве на Софиевской площади. Отныне ЗУНР провозглашалась автономной Западной областью в составе УНР.

Правда, радость верхов омрачило то, что киевляне, наблюдавшие за этим, не испытывали особенного восторга. Большинство из них симпатизировало или белым, или красным, а Петлюру и его хлопцев считали обычными разбойниками, явившимися в Киев пограбить. Даже автор выпущенной в эмиграции «Історії Української Держави ХХ століття» Исидор Нагаевский вынужден был признать, что за актом «злуки» Петрушевича с Петлюрой на Софиевской площади «багато глядачів приглядалися збоку без ентузіазму».

Евгений Петрушевич

Еще меньше толку получилось от последствий объединения. Оно осталось только на бумаге. Ни армии, ни правительства так и не объединились на практике. Оказалось, что схидняки и галичане, с XVII века жившие в разных государствах, имеют мало общего.

Петлюра воевал с красными и белыми и не хотел воевать с поляками. А Петрушевич больше всего ненавидел поляков, а с красными и белыми, наоборот, предпочел бы замирился. Результатом таких разногласий стало то, что головной атаман завел тайные переговоры с лидером Польши Пилсудским, а Украинская Галицкая Армия 6 ноября 1919 г. перешла на сторону белого генерала Деникина. Это был один из самых комичных эпизодов гражданской войны. Особенно, если учесть, что по соглашению с «белыми москалями» местом пребывания Галицкого правительства определялась... Одесса. Но и это еще не все! Сразу после провала деникинцев УГА превратилась в ЧУГА — «Червону Українську Галицьку Армію». Об этом позорном факте теперь стараются вообще не вспоминать. Но он был и его не вычеркнешь!

Через два дня после того, как УГА побелела, Петлюра заключил соглашение с Польшей. Он полностью отказывался от претензий на Западную область УНР, признавал Львов польским городом, а взамен за это получал помощь поляков для очередного наступления на Киев, в котором уже были красные.

1-й курень 6-й бригады Галицкой армии в тылу Добровольческой армии, 17 ноября 1919 года

По сути это было наступление поляков, а не петлюровцев. Ведь вся армия головного атамана на тот момент насчитывала не больше 30 тысяч человек, у которых голова шла кругом от крутых поворотов во внешней политике своего вождя. «Злука» закончилась разлукой. Петрушевич уехал в эмиграцию в Вену и оттуда поносил Симона Васильевича за предательство. А петлюровцы в ответ считали предателями солдат Галицкой Армии, которые сначала стали белыми, а потом красными.

В истории любого государства, кроме нашего, такие кульбиты были бы невозможны. Но мы можем гордиться, что во время «визвольних змагань» 1919–1920 гг. все самые «свідомі українці» продали друг друга. Вождей с незапятнанными репутациями после этого просто не осталось. Даже знаменитый соратник Петлюры атаман Юрко Тютюнник вскоре выплыл в красном Харькове, где издал покаянные мемуары «З поляками проти України». Как говорил Мазепа: «Чрез незгоду всі пропали, самі себе звоювали».

Украинские белогвардейцы

Нынешняя власть предпочитает не вспоминать, что в белых армиях украинцев было больше, чем у Петлюры. Да и какие фамилии у этих «беляков» — Гордиенко, Дроздовский, Шевченко!

Мне посчастливилось один раз в жизни видеть и слышать настоящего живого белогвардейца. Это было в начале 80-х, когда такую встречу можно было считать настоящим чудом. Тем более, в обычном украинском селе, куда я, десятилетний, приехал погостить к родственникам. Все называли его «дед Шакин». Мальчишкой-кадетом он служил у Врангеля. Меньше всего этот маленький беспомощный старик походил на белогвардейца из кино. Он стоял на веранде в стеганой фуфайке и валенках. Это были чьи-то похороны, на которые сходится вся деревня. Опираясь на палку, Шакин раз за разом повторял одно и то же, как это делают старики, разговаривая сами с собой: «В 1920 году я был в Крыму в армии генерала Врангеля. Там были русские генералы, офицеры, а я был солдатом».

Танк «Генерал Дроздовский». В Вооруженных силах Юга России существовал культ этого генерала-украинца

Мне рассказали его историю. После поражения белых Шакин, родившийся в Сибири и там же учившийся в кадетском корпусе, каким-то чудом выбрался из Крыма не в эмиграцию, а на Украину. Я понимаю, почему он не уехал в Сибирь. В родных местах его, наверняка бы, репрессировали. А тут, далеко от дома, можно было скрывать свое прошлое от ЧК и советской власти. Но то, что это необычный человек, крестьяне догадывались. В конце 30-х, уже после голода, когда в деревнях стали создаваться крепкие колхозы (благодаря тому, что в них пошли работать чудом уцелевшие кулаки) бывший врангелевец стал бухгалтером. Пригодились его знания арифметики, полученные еще в кадетском корпусе. И еще одним он удивлял простых, незнакомых со словом «спорт» черниговских крестьян — мог заскочить на ветку дерева, как на турник, и сделать подъем-переворот или выход на обе руки. В кадетских корпусах хорошо преподавали гимнастику, чтобы сделать будущего офицера готовым к

физическим нагрузкам службы. Постепенно Шакин все больше становился похож на людей, среди которых жил, отличаясь от них только этой склонностью к «барским» физическим упражнениям и тем, что до смерти продолжал разговаривать только по-русски.

Но кроме «москаля» Шакина, в деревне были и чисто украинские следы белогвардейщины. Когда я подрос мне рассказали, что царским офицером был мой прадед по материнской линии, отсидевший за свои звездочки на погонах на Беломорканале. Как ни странно, утробной злобы в его душе это не оставило. Красные победили, дважды его арестовывали, до нитки разорили. Но когда в 41-м пришедшие в деревню немцы предложили ему как «бывшему» стать старостой, прадед отказался. Видимо, он хорошо понимал, что такое честь — немцы были для него куда большими врагами, чем вчерашние противники по гражданской войне.

В крестьянских хатах тогда еще висели фотографии начала XX века, запечатлевшие дедов и прадедов в гимнастерках с погонами и царскими кокардами. Слушая рассказы односельчан моей бабушки, я узнавал, что никто из них почему-то не служил у красных или петлюровцев — или уклонялись от всех мобилизаций в гражданскую, или уходили к белым. Это была другая история — не похожая на ту, которую преподавали в советских школах, и ту, которую преподают сейчас в украинских.

Генерал Шевченко. Еще в чине полковника

Постепенно фактов становилось все больше. То в мемуарах офицера Изюмского гусарского полка белых Анатолия Гольца я наталкивался на описание того, как его солдаты в строю пели родные малороссийские песни. То на страницах исторических трудов всплывали белогвардейцы с чисто «хохлацкими» фамилиями — Кириенко, Гордиенко (командир 1-го Корниловского полка), Шевченко (между прочим, дальний родственник поэта — белый генерал, на фото с супругой еще в звании полковника) и даже такая звучная, как подполковник Макогон. Этот последний с необычным юмором дал характеристику членам

петлюровского правительства по личным впечатлениям.

Оказалось, что множество украинцев в гражданской войне сражались за империю — единую и неделимую Россию. К примеру, мой друг историк Ярослав Тинченко как-то подсчитал, что почти каждый второй военнослужащий той же врангелевской армии был украинцем. Кстати, Врангель — один из самых умных белых вождей. В 1920 году он даже подготовил документ о предоставлении Украине автономии. Генерал понимал, что множество украинцев чувствуют себя частью триединого русского народа, но особой частью, как и белорусы.

Воплотить эту идею в жизнь не дало военное поражение от красных. А победившие большевики возьмут на вооружение другую идеологию — чтобы не допустить объединения симпатизирующих белому делу великороссов, малороссов и белорусов, они придумают концепцию о «трех братских народах, вышедших из единой колыбели — Киевской Руси». Но меня, например, всегда забавлял один вопрос: если во времена этой самой Руси население Киева называлось русскими, то почему в так называемой «незалежной» Украине не могут называться русскими его прямые потомки — украинцы? Не все же мы от печенегов и половцев произошли!

Самым ярким белогвардейским идеологом был Василий Шульгин — киевлянин и по нынешней терминологии тоже украинец, хотя сам он не выносил этого слова. Его история показывает, как происходила «этническая мутация». Из того же рода, что и Василий Витальевич, вышел видный деятель Центральной Рады Александр Шульгин. А еще один их родственник с такой же фамилией был убит под Крутами и лежит теперь на Лукьяновском кладбище.

До революции Василий Шульгин был депутатом Государственной думы. И редактором самой известной тогдашней газеты нашего города, которая так и называлась — «Киевлянин». Он принципиально сразу же закрыл ее, как только в город вошли немцы, приглашенные Центральной Радой. А открыл снова только после освобождения «матери городов русских» Добровольческой армией от красных и петлюровцев в августе 1919-го.

Василий Шульгин

Шульгин опубликовал в своей газете имена членов Клуба русских националистов, которых расстреляло в Киеве ЧК. Такие типично русские, на нынешний взгляд, фамилии: Слинко, Гомоляка, Приступа, Бобырь... Они стоят рядом с Коноплиным, Страховым, Никифоровым, Башиным, Дворжицким, Армашевским. Эти киевляне считали себя русскими, не зависимо от своего этнического происхождения — украинского или польского.

И родным их языком был русский.

В современной Украине белогвардейцам пытаются навязать имидж гонителей украинской культуры. Это ложь. Вот вам «Обращение главнокомандующего вооруженными силами Юга России генерала А. Деникина к населению Малороссии». Оно было опубликовано в шульгинском «Киевлянине» 21 августа 1919 г.: «Оставляя государственным языком на всем пространстве России язык русский, считаю совершенно не допустимым и запрещаю преследование малорусского народного языка. Каждый может говорить в местных учреждениях, земских, присутственных местах — по-малорусски. Частные школы, содержимые на частные средства, могут вести преподавание на каком угодно языке... Равным образом не будет никаких ограничений в отношении малорусского языка в печати».

Среди четырех самых знаменитых белых военачальников, воевавших на юге, один украинец — генерал-майор Михаил Гордеевич Дроздовский. Когда он погиб, ему было всего тридцать семь. Происходил из рода полтавских дворян. Родился в Киеве. Окончил Киевский кадетский корпус — в его здании на Воздухофлотском проспекте теперь Министерство обороны Украины. Дальше в биографии Дроздовского были самое привилегированное в России пехотное училище — Павловское в Петербурге — и академия Генерального штаба. (Это специально для тех, кто утверждает, будто бы империя угнетала украинцев.) Служил в лейб-гвардии Волынском полку, стоявшем в Варшаве. Участник трех войн — русско-японской, Первой мировой и гражданской.

Михаил Дроздовский

Развал старой армии застал его в декабре 1917 года на румынском фронте в городе Яссы. Солдаты разбежались по домам, развращенные двумя революциями.

У офицеров опускались руки. Но вместо того, чтобы уехать на родную и не такую уж

далекую Полтавщину, молодой генерал начал формировать отряд добровольцев. Он хотел прорваться с ними на Дон, где бывший начальник генштаба генерал Алексеев уже формировал Добровольческую армию.

В это время добавилась еще одна беда. Румыния тоже вышла из войны, заключив мир с немцами, и потребовала от дроздовцев сдать оружие. Но сделать это силой «потомки римлян» не могли. Послав бывших союзников на три буквы, Дроздовский и его офицеры погрузились на эшелон и двинулись на Дон. По дороге они, где могли, усмиряли толпы грабителей и дезертиров.

Дроздовский полковой знак

Особенно веселый бой произошел на станции Гуляйполе, где уже хозяйничал батька Махно. Он останавливал проходившие поезда и вытряхивал из пассажиров часы, драгоценности и деньги, не забывая избавить «буржуев» даже от одежды. Случалось, что после махновских «контролеров» пассажиры, несмотря на холодное время, добирались к месту прибытия в одном нижнем белье. Это называлось наводить революционный порядок.

Попробовали махновцы проверить и эшелон Дроздовского. Но вместо пальцев с кольцами из вагонных окон под нос им высунулись пулеметы. «Ахфицерье» всыпало анархистам жару и спокойно двинулось дальше. Махно получил психологическую травму. После неприятной встречи с дроздовцами батька больше никогда не брал офицеров в плен. Даже раненых. Те отвечали ему той же монетой. Это была гражданская война — самая беспощадная, какую только можно вообразить.

В своем дневнике Дроздовский признавался: «Подлость масс, еще вчера буйных и издевавшихся, сейчас ползающих на коленях при одной угрозе; снимают шапки, кланяются, козыряют — вызывают в душе сплошное презрение». Но от его внимания не ускользали и забавные эпизоды. В одном из боев у большевиков был захвачен флаг с надписью «Смерть буржуям». «Хорошее красное сукно, — отметил в дневнике генерал, — пошло на чакчиры одному из офицеров». Чакчиры — это такие красные гусарские штаны. Не без юмора были белогвардейцы!

Колодка наград Дроздовского. Среди них два ордена — Анны и Станислава с мечами

Поход Яссы — Дон стал легендой Добровольческой армии. Он продолжался с 26 февраля до 21 апреля 1918 года. Немногие выжившие в гражданской войне участники его носили потом специально учрежденную медаль на бело-сине-красной ленточке. После соединения со своими дроздовцы стали называться 3-й пехотной дивизией. Но генерал недолго ею командовал. Ранение в ногу стало для него роковым. Поначалу никто даже не обратил на эту царапину внимания. Но это была эпоха без антибиотиков. Заражение... Гангрена... Михаил Дроздовский умер 1 января 1919-го в госпитале в Ростове, промучившись почти два месяца.

Осенью после неудачного наступления на Москву отступающие однополчане погибшего генерала выкопали его тело из могилы, чтобы над ним не глумились красные, и как реликвию перевезли в Крым. Там, в Севастополе, была его тайная могила.

Боевое столкновение в 1919 г. белых и Петлюры на Украине закончилось для последнего сокрушительным поражением.

Петлюровцы драпали из Киева так что пятки сверкали. Да иначе и быть не могло, учитывая моральное разложение среди руководства УНР.

Форма дроздовцев

Вот отрывки из донесения белого разведчика подполковника Макогона, работавшего в штабе Петлюры, русскому военному атташе в Польше, в котором он характеризует этих людей: «Командующий корпусом Сечевых стрельцов атаман Коновалец — совершенно бездарный человек, заслуживший чин атамана и любовь Петлюры только за жестокие расстрелы офицеров в Киеве после взятия его у гетмана... Главный атаман Симон Васильевич Петлюра сын приказчика... На военной службе никогда не был, ничего в ней не понимает, однако любит принимать парады, почетные караулы и т. д. Отнявши Киев у гетмана, немедленно отправил в Швейцарию, Францию, Португалию, Канаду (к канадским украинцам) несколько чемоданов с золотом для покупки дач, домов, вообще убежищ для главных украинских деятелей правительственных партий эсеров и эсдеков, в случае краха своей авантюры на Украине... Член Директории Винниченко, уехавший в Швейцарию в марте этого года, так же повез большие деньги для этой же цели... Член Директории приват-доцент Швец называет себя профессором, пьяница, мот, играет на бирже с казенными деньгами, не в ладах с Петлюрой».

Разве сегодня мы не видим в украинской власти точно таких же людей? Чем отличается от Швеца тот соратник Ющенко, который, приехав из США, выдавал себя за профессора, пока его не разоблачили? Или тот директор Нацбанка, которого открыто обвиняли в парламенте в махинациях с курсами валют? Разве не духовные наследники Петлюры и Коновальца покупают теперь недвижимость за границей, чтобы смыться туда, «в случае краха своей авантюры на Украине»?

Вот вам и ответ, почему так много украинцев в годы гражданской войны считали своим долгом бороться с такой властью в рядах белогвардейцев.

Белое лето 1919-го

2 июля 1919 года командующий Вооруженными силами юга России Деникин подписал знаменитую «Московскую директиву», согласно которой белые двинулись в наступление на столицу. «Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, — гласила она, приказываю...». Дальше шел перечень целей, которых следовало достичь. Кавказской армии генерала Врангеля, только что вышедшей на Волгу и после жесточайших боев захватившей Царицын («Красный Верден», как его именовали в газетах большевики), приказывалось развивать наступление на Нижний Новгород и Владимир. Донская армия генерала Сидорина должна была устремиться к столице через Воронеж и Рязань. А Добровольческая армия генерала Май-Маевского — через Курск, Орел и Тулу. Черноморскому флоту предписывалось «блокировать порт Одессу».

Природа берет свое. Для настоящего офицера Гражданская война не помеха завязать знакомство с приличными (или не очень) барышнями...

Это был пик успехов деникинцев. Их правый фланг упирался в Волгу, а левый — в Днепр. После блестящего окружения красных на Кавказе боевой дух армии был необыкновенно высок. Ошибки, допущенные большевиками, политика «расказачивания» и массовых расстрелов вызвала зимой знаменитое Верхнедонское восстание в тылу красных, описанное в романе Шолохова. Оно дало белым новое пополнение. Донцы, разозленные смертью родственников, были готовы мстить врагу.

В воспоминаниях генерала Врангеля есть красочное описание того разгрома, который пережила Красная Армия на Кавказе зимой 1919-го: «От станции Каргалинской до Кизляра на протяжении 25 верст железнодорожный путь был забит сплошной лентой брошенных составов. Здесь были оставлены запасы неисчислимой стоимости: оружие, громадное количество медикаментов, обувь, одежда вперемешку с автомобилями, мебелью, галантереей и хрусталем... На одном из разъездов нам показали поезд мертвецов. Длинный ряд вагонов санитарного поезда был сплошь наполнен умершими. В одном из вагонов лежало несколько мертвых врачей и сестер. Особые отряды производили очистку железнодорожных зданий от

больных и трупов. Я наблюдал, как на одной из станций пленные откатывали ручные вагонетки со сложенными, подобно дровам, окоченевшими, в разнообразных позах, мертвецами. Их тут же за станцией сваливали в песчаные карьеры в общую могилу».

Это были остатки 11-й Красной Армии, разгромленной в жестоких зимних боях. Если пути были забиты поездами на 25 верст, то брошенная артиллерия и обозы вперемешку с конскими и человеческими трупами тянулись вдоль той же железной дороги, начиная от Моздока до станицы Наурской на 65 верст. «Огромные толпы пленных, — вспоминает Врангель, — тянулись на запад по обочинам дороги. В изодранных шинелях, босые, с изможденными землистого цвета лицами, медленно брели тысячные толпы людей. Пленных почти не охраняли, два казака гнали две-три тысячи. Выбившись из сил, больные люди падали тут же на грязной дороге и оставались лежать, безропотно ожидая смерти... Двое таких несчастных, перейдя предел человеческих страданий, бросились под колеса нашего поезда».

Красные пали жертвами своей самоуверенности и разложения. Слабая «революционная» дисциплина, грабежи, пьянство, раздоры между политическим и военным руководством вместе с основанными на нахальстве успехами начала Гражданской войны сделали их легкой добычей белых, как только те окрепли. Общее руководство силами большевиков на Кавказе осуществлял улыбочивый жизнерадостный грузин Серго Орджоникидзе — стратег уровня, примерно, нынешнего Саакашвили. Но стоило белым перерезать железную дорогу, как все его воинство превратилось в панически удирающую толпу.

В советские времена об этой катастрофе старались не распространяться. Карьера Орджоникидзе из-за них не пострадала — спасли личные связи в кремлевском руководстве. И в 1920-е годы, и при Хрущеве он числился среди «популярных» коммунистических вождей. Поэтому картины полного разгрома доверенных ему войск стали доступны только в недавние годы, когда стали выходить мемуары Врангеля и других белых генералов.

Но и у белых кавказский успех и последовавшее за ним наступление вызвало преждевременную эйфорию. Казалось, что общая обстановка складывается очень удачно. Весной из Сибири вылез со своими армиями адмирал Колчак, тоже двинувшийся на Москву. На северо-западе, в Прибалтике, при помощи немцев и англичан, удалось сколотить небольшую армию генералу Юденичу, которая тут же повела наступление на красный Петроград. Казалось, вокруг «Совдепии», как именовали белогвардейцы государство Ленина и Троцкого, затягивается надежная петля, в которой скоро будет болтаться весь этот козлобородый Совнарком в пенсне и кожаных куртках.

Белая и красная Россия различались даже календарями. Первая жила по дореволюционному юлианскому. А вторая — по более точному григорианскому, который принят и сейчас. Поэтому «Московская директива» Деникина имеет две даты, как и Великая Октябрьская революция: 2 июля, по новому стилю, и 20 июня — по старому. Размышляя о причинах, разделивших Россию в Гражданскую войну, можно увидеть, что они были прежде всего эмоциональными. Страна переживала пик пассионарного напряжения. В ней было столько вождей, идей и амбиций, что всем им вместе было просто не ужиться. Настоящих буйных было слишком много.

Взять того же Махно. Именно его живописная банда, имевшая в начале лета статус дивизии в Красной Армии, оказалась слабым звеном. Она бросилась наутек при первом же признаке наступления белых после директивы 20 июня. Рядом обнаружилось еще одно

слабое звено — дивизия бывшего штабс-капитана Григорьева. Она тоже подалась в бега. Но между Григорьевым и Махно тут же обнаружались непреодолимые идеологические противоречия. Махно вернулся к платформе анархизма.

А Григорьев хотел податься в белые, почувствовав тягу к единой и неделимой России.

Съехавшись на переговоры, два бывших красных атамана побеседовали под водочку, и в разгар дискуссии Нестор Иванович пристрелил своего визави — точь-в-точь, как в 1990-е будут «мочить» друг друга новорусские и новоукраинские бандиты на «стрелках». А остатки григорьевской банды присоединил к своей. Но пока они дискутировали и мочили друг друга, белые смогли захватить всю Восточную Украину и выйти к Днепру.

Белые наступали так легко, что сами удивились. Первоначально деникинцы даже не собирались форсировать Днепр. Но он форсировался как бы сам собой. К левому берегу напротив Екатеринослава вышел конный кубанский корпус генерала Шкуро. Разговаривал корпус по-украински, пел старинные запорожские песни, но ни петлюровцев, ни махновцев, разговаривавших тоже по-украински, на дух не переносили. Потому что кубанцы были потомками запорожских казаков, а махновцы и петлюровцы — непонятно кто. Не оставлять же им замечательный город, к которому вел удобный, целиком сохранившийся мост? Вот Шкуро и перешел через него...

Примерно таким образом деникинцы взяли Киев. С запада в «мать городов русских» вошли петлюровцы во главе с бывшим австрийским генералом фон Кравсом, а с востока — белые под командованием генерала фон Бредова. Две армии встретились на Крещатике, где ныне Майдан Незалежносте, а тогда была Думская площадь, и их командующие (по стечению обстоятельств, оба немцы) стали мирно переговариваться, за кем останется город.

Пока шли переговоры, белые повесили на Думе трехцветный русский флаг. Какой-то петлюровец его сорвал. Возникла потасовка. С одной стороны дрались галичане. С другой — уроженцы Восточной Украины, составлявшие основной костяк группы Бредова. Галичанам надавали по морде, и они кинулись наутек. Так при комических обстоятельствах Киев из петлюровского стал деникинским.

Из Москвы удобнее. Но быстрые успехи развращали и белогвардейцев. С военной точки зрения, их наступление превратилось в бессмысленное расхождение веером. Нельзя было прийти в Москву, одновременно двигаясь на Киев, Орел и Нижний Новгород. Для этого просто не хватало сил. Силы белых на юге выросли за счет пополнений на Украине с 80 тысяч в июле до 110 тысяч в августе. Городское население — гимназисты, студенты и бывшие офицеры — записывались в армию охотно. Но их все равно не хватало, так как красные призывали новые контингенты из центральных губерний. Против 110 тысяч белых они все равно имели на юге в два-два с половиной раза больше бойцов.

Сказался и грамотный перенос столицы из Петрограда в Москву. Петроград находился на самом краю России. Его связывали с остальной страной всего несколько веток. А Москва была крупнейшим железнодорожным узлом — рельсы расходились из нее лучиками во все стороны. Такое расположение «большевистского логова» позволяло сторонникам учения Карла Маркса быстро маневрировать резервами. Колчак двинулся на Москву в марте-апреле. Значит, даешь лозунг: «Все на борьбу с Колчаком!» Деникин выступил в июне. К этому времени колчаковцев уже отогнали за Урал, дивизии красных срочно перебрасывались с восточного фронта на южный, а на повестку дня поднимался новый клич: «Все на борьбу с Деникиным!» Так «все» и ездили с фронта на фронт в ускоренном темпе, успевая к главной драке в нужный момент. Уже в октябре красные нанесли контрудар по белогвардейцам,

дошедшим до Тулы (до Белокаменной от нее было рукой подать!), и армия Деникина начала медленно отступать назад — к Дону.

Патриарх обвинил во всем красных, но отказался благословить и белых

К тому же особое положение заняла православная церковь. В советские времена было принято утверждать что попы и церковники якобы поголовно поддерживали «наймитов» буржуазного запада — Колчака и Деникина. А ведь это было не совсем так! 6 мая в Ставрополе состоялся Южно-Русский Церковный Собор и образовалось Временное Высшее Церковное Управление на юго-востоке России. Оно объединило все епархии на территории, подконтрольной армии Деникина. Дело было за малым — благословением от патриарха Тихона, находившегося в Москве. Хотя бы о тайном, непубличном благословении. Но патриарх, несмотря на просьбы некоторых белых вождей, отказался его давать. А в своем послании от 8 октября 1919 года увещевал священников не вмешиваться в политическую борьбу и не становиться ни на чью сторону.

«Благослови, отче!» Простые священники все же сочувствовали белым

Правда, патриарх направил Совету народных комиссаров свое послание, в котором обвинил их в разжигании Гражданской войны. «Отечество вы подменили бездушным интернационалом, — писал он. — Вы разделили весь народ на враждующие между собою станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и вместо мира искусственно разожгли классовую борьбу. И не предвидится конца порожденной вами войне... Соблазнив темный и невежественный народ возможностью безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть, заглушили в нем сознание греха; но какими бы названиями не прикрывались злодеяния, — убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к небу об отмщении грехами...».

Однако, написав эти строки, патриарх Тихон не встал на сторону белых, так как и те совершали немало преступлений. Генерал Деникин честно признавался в них, приводя слова председателя Терского круга (областного парламента) Губарева: «Возвращается казак с похода нагруженный так, что ни его, ни лошади не видать. А на другой день идет в поход опять в одной рваной черкеске...». «А о войсках, сформированных из горцев Кавказа, —

пишет Деникин, — не хочется и говорить. Десятки лет культурной работы нужны еще для того, чтобы изменить их бытовые навыки».

Гуляй, народ! «Здоровое» зверство с обеих сторон

Жестокости совершали и белые, и красные. Генерал Врангель пишет, что, заняв Ставрополь, он поместился во дворе губернаторского дома, где «мы нашли несколько десятков трупов жертв, расстрелянных по приговору помещавшегося в доме комиссарского суда. Некоторые трупы были с отрубленными пальцами, у других оказались выколоты глаза».

Но он же вспоминает, как сформировал полк из красных пленных: «Выделив из их среды весь начальствующий элемент, вплоть до отделенных командиров, в числе 370 человек, я приказал их тут же расстрелять. Затем, объявив остальным, что и они достойны были бы этой участи, но что ответственность я возлагаю на тех, кто вел их против своей родины, я сказал, что хочу дать им возможность загладить свой грех». Сформированный таким образом 1-й стрелковый полк, по словам Врангеля, воевал отлично и «приобрел себе громкую славу». И все-таки главной причиной будущего поражения белых можно считать пропасть между крестьянством и интеллигенцией, поддерживавшей Деникина и Колчака. Вожди белого дела слишком поздно поняли, что нельзя выиграть войну без реальной политической платформы. Они шли на Москву, рассчитывая, что будущее России решит учредительное собрание. А народ требовал пряник уже сейчас. И пряником он считал землю. То, что ее нужно давать крестьянину немедленно, в 1919 году среди белых понимал только киевский публицист Василий Шульгин, издававший газету «Россия». Он писал: «Я думаю, что без решения аграрного вопроса ничего не будет. Наш мужик при всем своем варварстве здоров душой и телом, невероятно настойчив в своих основных требованиях. Наши помещики дряблы и телом, и духом... Но если землю все равно надо отдать, то возникает вопрос, правильно ли мы идем, откладывая этот вопрос до воссоздания России? Ведь главное препятствие этого воссоздания и есть эта проклятая земля».

Но, как часто бывает, победным белым летом 1919-го Шульгина никто не услышал.

За красную звезду и двуглавого орла!

А потом осенью в боях под Орлом и Курском произошел перелом в Гражданской войне. И за белых, и за красных сражались целые полки из украинцев.

Перелом в Гражданской войне произошел там же, что и впоследствии в Великой Отечественной — под Орлом и Курском. Но о Курской дуге все знают, а о битве за Курск между белыми и красными осенью 1919 года известно только узким специалистам да любителям военно-исторических реконструкций.

Наступление на Москву. Осенью 1919-го даже «Нью-Йорк Таймс» была уверена, что белые возьмут ее

А ведь в тех позабытых ныне боях определилась наша история на долгие-долгие годы. Могла же она повернуть совсем иначе — маятник качался, чашечки весов поднимались и опускались. Это задним числом легко рассуждать о железных «закономерностях» исторического развития. А в реальности одна удачно брошенная песчинка могла оказаться решающей — той самой, благодаря которой на башнях Кремля утвердятся красные звезды вместо двуглавых орлов, а в Харьков, откуда началось белое наступление на Москву, придет новый правитель СССР — Лазарь Моисеевич Каганович, чтобы парадоксально продолжить дело не раз битого большевиками Петлюры и провести в Малой Руси тотальную украинизацию.

Разве могли рядовые красные, белые и петлюровцы догадываться, что на самом деле «мочат» они друг друга в братоубийственной войне ради... успешной партийной карьеры совершенно неизвестного им пока Лазаря Моисеевича? Да, возможно, и сам Лазарь Моисеевич еще не догадывался о подлинном смысле Гражданской войны, по молодости, думая, что она ради мировой революции затеяна. А, может, и догадывался — кто его, хитреца, из деревни Кабаны Киевской губернии знает?

«В смутные годы российского лихолетья на Украине обозначились три силы, — вспоминал в эмиграции в мемуарах, озаглавленных «На Украине в 1919 году», бывший

белогвардейский офицер Василий Матасов, — общероссийские белые, общероссийские красные и марксистско-самостийнические. Украина и голосами, и действием предпочла идею общероссийскую».

Большинство жителей Украины ориентировались на общероссийские ценности — революционные или контрреволюционные. В боях под Орлом и Курском с обеих сторон сражались друг против друга люди с украинскими фамилиями. У красных — бригада Червоного казачества. У белых — целые полки, сформированные из жителей Украины и даже пленных махновцев. Не говоря о многочисленных офицерах-украинцах, считавших себя малороссами, частью триединого русского народа, который нужно вытаскивать из всероссийской смуты.

Не падайте духом, поручик Стаценко! Раскрываю наугад воспоминания о боях осени 1919-го за Курск. Прославленная Марковская дивизия — одна из самых героических в Добровольческой армии — лобовой атакой берет сильно укрепленные позиции красных. Те не выдерживают, выскакивают из траншей и пускаются наутек. И сразу же на страницах вспыхивают украинские фамилии: «Нагонять противника поскакали командир батальона капитан Перебейнос, начальник пулеметной команды поручик Стаценко с верховыми» (Цит. по сборнику мемуаров «Марков и Марковцы»), Впоследствии тот же пулеметчик поручик Стаценко вспоминал о взятой ими «красной крепости» Курск: «Окопы были полной профили, с проволочными заграждениями в три кола, с ходами сообщения, с артиллерийскими щелями, со скрытой под землей телефонной связью по фронту и в глубину с землянками и убежищами. Почти каждый стрелок в окопах имел стальной щит. Неимоверное количество гранат валялось повсюду. Взяв такие окопы, мы ахнули. Просто не верилось, что с нашими силами и к тому же почти без потерь мы взяли так хорошо оборудованную позицию». Да, что там говорить, если даже автором знаменитой песни «Не падайте духом, поручик Голицын» был генерал-поэт Георгий Гончаренко! И сколько еще их, таких капитанов Перебейносов и генералов Гончаренко сражались под трехцветным флагом за общую белую Русь! А другие — за Русь красную. К примеру, прославленный командарм-танкист Великой Отечественной Рыбалко и сын известного украинского прозаика Михаила Коцюбинского — Юрий, воевавшие в бригаде Червоного казачества.

14 октября, по новому стилю, наступление белых достигло пика. В этот день Корниловская дивизия захватила город Орел. Американская газета «Нью-Йорк Таймс» написала: «Крушение большевизма — дело ближайших дней». Русские газеты, сочувствовавшие белогвардейцам, запестрели призывами: «Орел — орлам!» Даже командующий Добровольческой армией генерал Май-Маевский полагал, что возьмет Москву к декабрю.

Несмотря на успех наступления, большевики не были окончательно сломлены. В распоряжении Реввоенсовета оставались силы, которые можно было перебросить с других направлений. На Западном фронте было заключено перемирие с поляками и петлюровцами, боявшимися, что белые восстановят дореволюционную империю. На юг срочно перебрасывалась дивизия красных Латышских стрелков и бригада Червоного казачества — национальная часть, сражавшаяся за социалистическую Украину в союзе с красной Россией.

Из них создали ударную группу, которая должна была подрезать левый фланг наступающих белых в районе городка Кромы. Латыши считались одной из лучших частей Красной армии. Теперь, когда в Латвии любят говорить о советской оккупации 1940-го, им бы следовало вспомнить, что советская власть никогда бы не победила в России без

героической помощи горячих латышских парней. Именно латыши спасли кровавый режим Ленина-Троцкого. Ирония истории заключается в том, что «доброе» дело никогда не остается безнаказанным. Кто же мог предположить, что установленная латышским штыком тоталитарная власть вернется в Латвию уже на русских штыках? И чего, спрашивается, искали латыши в России под Курском? Ловили бы себе шпроты на Рижском взморье и горя не знали!

15 октября Ударная группа красных заняла Кромы. Над белыми нависла угроза обхода с тыла. К сожалению, их командование слишком поздно оценило эту опасность. Вместо того, чтобы одним махом отрезать латышскую голову красной гидры, кинув на нее, как минимум дивизию, ограничились ударом одного 2-го Корниловского полка. Но и он дрался отменно. По свидетельству советской «Истории латышских стрелков», «Латышская дивизия в Орловско-Кромских сражениях потеряла более 50 % командного и до 40 % рядового состава... Бригада червонных казаков потеряла около 33 % конников и отдельная бригада П. А. Павлова — до 30 % бойцов». Эти цифры показывают, каков был накал сражения — 2-й Корниловский полк, в котором служили в основном уроженцы Украины, дрался отлично. Но и его силы были на исходе.

Противоречивость гражданской войны, которая не укладывается ни в старые советские, ни в новые националистические схемы, доказывают факты, буквально взрывающие идеологизированные «теории». К примеру, 2-й полк Корниловской дивизии Вооруженных сил юга России был сформирован из (сложно представить!) пленных махновцев. Как же так, корниловцы — «контрреволюционное офицерье», элита белой армии, названная по ее первому командующему генералу Корнилову, и какие-то махновцы? А вот, поди ж ты! Против фактов не попрешь!

«После успехов на фронте, — вспоминал офицер-корниловец Михаил Левитов, — большое количество пленных махновцев и красноармейцев направляются на формирование полка. Капитан Пашкевич не сторонится офицеров, перешедших к нам от красных, и усиленно собирает их... Полтора месяца усиленной работы — и Ростов-на-Дону с изумлением отмечает появление вновь созданного полка, которому волей главнокомандующего суждено было стать 2-м Корниловским Ударным полком».

Обратите внимание: пленных из разных мест белые не расстреливают, а транспортируют в Ростов, где из них же формируют новую часть. «Полк сразу был поставлен на должную высоту, — продолжает Левитов, — старые корниловцы постоянно вели беседы с солдатами о России, о ее былом величии и теперешнем унижении, о целях и смысле борьбы, начатой генералом Корниловым. Махновцы вели себя примерно. Не было случая, чтобы кто-либо продал выданную пару белья или другую принадлежность обмундирования, они были всегда трезвы, исполнительны и добросовестно несли службу. По вечерам они собирались и пели песни».

Махновцы. Неужели из таких хлопцев получались белогвардейцы?

Сегодня из махновцев задним числом тоже лепят «украинских патриотов». Но приведенный отрывок убедительно свидетельствует: хлопцы волосатого батьки легко становились белогвардейцами. «Махновскому» 2-му Корниловскому полку пришлось сыграть выдающуюся роль в наступлении на Москву. Именно Корниловская дивизия захватила Орел, продвинувшись дальше всех белых к столице красной России.

Белым удалось задержать Ударную группу красных под Кромами. Но в затяжных боях они исчерпали свой потенциал. Для дальнейшего наступления на Москву уже не хватало сил. Через несколько дней белогвардейские части стали медленно откатываться на юг, оставив сначала Орел, а потом Курск. Отступление их закончилось только в Новороссийске, откуда остатки армии Деникина эвакуировались в Крым, где над ними принял командование генерал Врангель.

Почему так случилось? Потому что в руках красных находился центральный промышленный район с Москвой и хорошо развитой сетью железных дорог, по которым было удобно перебрасывать войска. У красных не было недостатка ни в вооружении, ни в боеприпасах, ни в обмундировании. Официальные советские источники никогда не скрывали огромный численный перевес армии большевиков. Войска Южного фронта красных насчитывали осенью 1919-го 75 тыс. штыков и сабель, 278 орудий и 1119 пулеметов. А противостоящая им Добровольческая армия деникинцев — всего 45 тыс. штыков и сабель, 93 орудия и 403 пулемета. По пушкам и пулеметам красные превосходили белых в три раза, по людям — в 1,7 раза. Но и при этом соотношении белые несколько месяцев успешно наступали! Но бесконечно так продолжаться не могло. Энтузиасты-добровольцы гибли в боях, белые дивизии теряли качество личного состава. А заменить их равноценным человеческим материалом уже было не из кого.

Украинцы: «Натерпілись од червоних і сіцилістів-петлюровців!»

Говоря об участии украинцев в белом движении, хотелось бы привести отрывок из малодоступных широкому читателю воспоминаний офицера Корниловской дивизии Матасова: «Предать забвению некоторые факты добровольного включения в Белую борьбу молодых крестьян-украинцев было бы преступно. Нельзя забыть их порыв, не оценить их чистое, неиспорченное понятие Правды и Справедливости.

В нашем движении вперед, в одном из хуторов, к нам в батарею явились пять крепких, здоровых «парубков», лет по 18–20, все краснокутские, все близкие родственники между собой. Пожилой крестьянин, гоголевский Фома Григорьевич, их сопровождавший, объяснил, что «хлопци» близкие родственники («уси спороднени»), что вся большая семья уже натерпелась от «червоних» и «сицилиств» петлюровцев. «Бо вони, поганы нехристи, и Бога образливо лають. Яка поміж них ризниця? Хиба не все одно?»

Просил взять их в батарею «воевать червоних». «Возмечь к себе парубков, вони дюже гарни хлопци, умеют улещувати коней и с молоди вихованни працювати».

Хлопци, действительно, оказались хорошими солдатами и превосходными ездовыми к орудиям. Лошади у них были заботливо присмотрены, хомуты и упряжь в идеальном порядке. Прошли все невзгоды и тяжести войны, перейдя на мирную жизнь уже в Югославии».

Обратите внимание: офицер с явно «москальской» фамилией воспринимает украинских крестьян-добровольцев как «своих», прекрасно понимает их речь и даже записывает ее по памяти. В деникинской армии служил даже дальний родственник Тараса Шевченко — генерал Шевченко, демонстрируя этим фактом, как «угнетали» украинцев в «единой и неделимой» России, за которую сражались белогвардейцы.

Селяне зустрічають білих

К сожалению, в нынешней официальной версии нашей истории об этом ни слова. А ведь кроме того же генерала Шевченко, у белых служили и другие офицеры с громкими украинскими фамилиями, даже гетманскими — например, полковник Петр Сагайдачный, командовавший батальоном в том самом 2-м Корниловском полку, который создали из пленных махновцев.

Давно пора увековечить участие украинцев в белом движении памятниками и мемориальными досками. И начать следовало бы с здания Первой киевской гимназии, где происходило действие романа Булгакова «Белая гвардия».

Киевская катастрофа Петлюры

31 августа 1919 года произошло одно из самых смешных событий гражданской войны — две потрепанные дивизии белых выгнали из Киева целую армейскую группу петлюровцев. Комизм ситуации заключался в том, что сделали они это... чуть ли не одними кулаками.

Накануне вечером «мать городов русских» поспешно оставили последние красные. Драпали они в основном на пароходах вверх по Днепру, так как с левого берега к Киеву подходили белогвардейские войска под командованием генерала Бредова, а с правого — со стороны Жулян — в город втягивались передовые части петлюровцев.

Кстати, среди этих беглецов находились две будущие знаменитости — юный красный курсант-маньяк Аркаша Голиков (более известный как советский детский писатель Аркадий Гайдар, которого вскоре выгонят из армии «по состоянию здоровья», а на самом деле за склонность к беспричинным расстрелам, от чего у него слегка «поехала крыша») и знаменитый журналист 30-х Михаил Кольцов (тоже псевдоним — настоящая фамилия Фридлянд). В отличие от малолетнего Голикова, драпавшего налегке с одной винтовкой, Кольцов успел прихватить с собой еще и любовницу — актрису киевского театра Веру Юреневу. Ее он пристроил вместе с собой на пароход, в котором удирало Политуправление красной 12-й армии, зато впопыхах «забыл» на берегу другого талантливого человека — родного брата Борю. Тот тихо пересидит в Киеве деникинцев, делая их зарисовки с натуры, уедет в Москву, проживет 108 лет и прославится как лучший советский карикатурист Борис Ефимов.

Белые в Киеве. Рисунок по личным впечатлениям Бориса Ефимова

В общем, деньки стояли бесшабашные. Петлюровцы радостно маршировали на Киев, удивляясь, почему им почти никто не оказывает сопротивления, и даже не подозревали, что красные уходят потому, что с левого берега их гонит победоносная белая армия. Зато белые о движении «орд» головного атамана хорошо знали. В отличие от петлюровцев, предпочитавших картинно гарцевать на конях в шапках со шлыками, у них хорошо работал передовой технический род войск — воздушная разведка. Маршевые колонны воинства

«головного атамана» неоднократно облетали самолеты деникинцев и у командующего Киевской группы белых в составе двух дивизий — Сводно-гвардейской и 7-й пехотной — генерал-лейтенанта Николая Бредова сложилась вполне ясная оценка оперативной обстановки.

Утром 31 августа, по новому стилю, две армии встретились на Крещатике возле городской Думы (сейчас это Майдан Незалежности, а тогда Думская площадь). Поначалу ни те, ни другие воевать не собирались, ведь еще вчера у них был общий враг — красные. Некоторое время на здании Думы (оно сторит в Великую Отечественную войну) даже мирно развевались рядышком два флага — желто-синий петлюровский и бело-сине-красный русский триколор. Командование двух встретившихся сторон вело переговоры. Ждали Симона Петлюру, который должен был, по сценарию, въехать в Киев как победитель на белом коне.

Белогвардеец петлюровцу: «Тикай! Киев — мать городов русских!»

И тут на площадь вылез курень петлюровского полка Черных запорожцев во главе с сотником Божко. Возможно, brave сотник был слегка пьян, возможно, наоборот, крепко выпивши, или с ним внезапно приключился приступ пещерной русофобии, но, только завидев на Думе трехцветный флаг, он тут же приказал его сорвать. Полотнище полетело под ноги лошадям. По нему проехался копытами командир Запорожского корпуса полковник Сальский, и вся дипломатическая работа одним махом пошла насмарку.

Скандал с флагом страшно не понравился собравшимся киевлянам, для которых «своей» была не петлюровская, а белая русская армия. Раздались возмущенные крики. Кто-то выстрелил, и готовившиеся к параду, а не к войне петлюровцы, в том числе и brave запорожцы во главе со скандалистом Божко, кинулись наутек. Как свидетельствует боевой дневник («денник» в оригинале) Галицкой армии, «почалася стрілянина, причім з дахів і балконів стріляло також на наші частини цивільне населення. Там ми втратили 10 убитих козаків, убито також 7 коней». Паника была такая, что Запорожская группа «лишила в місті навіть свої гармати».

Белые бросились разоружать петлюровцев-галичан. Те, по свидетельству «Денника», «по більшій часті стояли ще під впливом щойно минушої паніки» и почти не оказывали сопротивления. В плен к белым тут же попал в полном составе штаб III корпуса Галицкой армии и его одиннадцать сотен. Штаб I корпуса едва успел выбраться («вицофатися», как пишет «Денник») из киевских улиц за пределы негостеприимного города — «опір з причини згаданої паніки був неможливий».

Вечером в здании 5-й гимназии, где расположился штаб белых, встретились командующие противоборствующих сторон — генерал Бредов и срочно прибывший в Киев на поезде командующий петлюровцами генерал Кравс. Бредов, чувствующий себя хозяином ситуации, сразу же заявил: «Киев — мать городов русских!» и предложил противнику согласиться с этим безоговорочно и убраться из города за предложенную демаркационную линию возле Василькова. Кравс без лишних раздумий согласился и во главе своих разбитых без боя пришельцев двинулся, откуда явился — на запад.

Все случившееся получило у украинских историков громкое, но малопонятное определение — Киевская катастрофа Петлюры. Но эти застенчивые скромные историки не объясняют, почему же петлюровцы ушли из Киева так легко, если это действительно была «их» столица? И почему в заключительный документ, которым завершились переговоры

петлюровцев и белых, было отдельной статьей зафиксировано специальное заявление Кравса, что «Галицкая армия действует независимо от войск Петлюры, под собственным галицким командованием, без какой-либо политической программы, с одной только целью борьбы с большевизмом»? В оригинале этот текст был написан по-русски, и Кравс перевел его на украинский язык только в своих вышедших после гражданской войны во Львове в 1937 году воспоминаниях «За українську справу».

Генерал Кравс бывший полковник австрийской армии

Возникает вопрос: откуда вообще в августе 1919 года под Киевом появились части Галицкой армии? Да еще в таком странном статусе: то ли подчиняющиеся Петлюре, то ли нет? Что вообще означает странное понятие «группа генерала Кравса», упоминаемая в истории Киевской катастрофы?

Кравс не свалился с неба. Он пришел из-за реки Збруч — из Прикарпатья, откуда его выгнала польская армия. До середины июля на территории Галичины функционировала Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР) во главе с диктатором Петрушевичем. У этого государственного формирования были свои вооруженные силы — Галицкая армия, созданная на основе бывших частей австро-венгерской армии, в которых служили, по нынешней терминологии, западные украинцы.

Мирон Тарнавский в австрийской униформе

Так как среди них было очень мало старших офицеров, то командовал этой армией бывший полковник австрийской службы Мирон Тарнавский — чуть ли не единственный украинец в этой компании. Начальником его штаба был австрийский немец, полковник Альфред Шаманек. Командующим группы Кравса был, естественно, бывший австрийский полковник, дослужившийся у галичан до генерала, Антон Кравс (называть военные соединения по именам их командующих — старая австрийская традиция). Львовской бригадой Галицкой армии командовал тоже австриец — полковник Альфред Бизанц. Армейской группой Вольфа — австриец, полковник Арнольд Вольф.

Во время службы в австрийских вооруженных силах галичане привыкли, что ими командовали немцы. Поэтому для них было совершенно естественным, что Галицкую армию тоже возглавляют Вольфы, Бизанцы, Шаманеки и Кравсы.

В июне эта армия две недели наступала на поляков — так называемая «Чортківська офензива» (странное слово по-немецки означает наступление). Но это для нас оно странное, а для галицкого командования, разговаривавшего когда по-немецки, а когда — на германо-украинском суржике, было вполне обычным. В июле началась «Чортківська дефензива» — попросту говоря драп.

Поляки поднажали, и галичане бесстрашно бросились к своей восточной государственной границе — речке Збруч, которую успешно форсировали 17 июля.

Офицеры Галицкой армии. С первого взгляда украинец-схидняк видел, что у них очень «оккупантский» вид

Так, Галицкая армия в количестве 25 тысяч человек оказалась на территории соседнего «братского» государства — УНР головного атамана Симона Петлюры. Свалившимся из-за реки разбитым галичанам Симон Иванович очень обрадовался. Его собственная армия, потрепанная красными и удравшая из Киева в Каменец-Подольский еще в феврале, насчитывала и того меньше — всего 15 тысяч. Но у Петлюры была территория, а у галичан только армия во главе с немцами и диктатор Петрушевич. Поэтому оба вождя быстро договорились, что Галицкая армия поступает под начало головного атамана Петлюры. Правда, сам бывший бухгалтер в военных вопросах не сек, поэтому реальное командование осуществлял бывший капитан царской армии Василий Тютюнник.

В теории и галичане, и схидняки Петлюры были украинцами. Но на практике оказалось иначе. Впервые встретившись на территории распавшейся Российской империи, и те, и другие — в прошлом на протяжении нескольких веков подданные разных государств — обнаружили между собой существенную разницу. А простые украинские крестьяне за Збручем, увидев обмундированных на австрийский манер галичан, отнеслись к ним как к обычным оккупантам. «Денник Галицкой армии» пестрит упоминаниями о жителях того или иного села, которые оказывали сопротивление галичанам. Уже на следующий день после перехода через Збруч в нем появилась запись: «В II-гiм i III-тiм Корпусах трапилось, що населення стрiляло на поодиноких стрiльцiв, збираючи на полi пашу для коней». После того как в селе Малаивцы местное население напало на целый курень 7-й бригады и перестреляло одного офицера и нескольких рядовых, оно было «покарано», а войскам отдана специальная директива, как вести себя в подобных случаях. Вели просто — обстреливали села из артиллерии, после чего забирали фураж и продукты.

Этих скандальных моментов о первом этническом контакте востока и запада будущей соборной Украины в «Деннике Галицкой армии» так много, что его не решались издавать более полувека после окончания гражданской войны! Впервые его напечатало только в 1974 г. украинское эмигрантское издательство «Червона калина» в Нью-Йорке. Да и то с пространном извиняющимся предисловием, что этот дневник нужно печатать, несмотря на многочисленные «сумніви», ибо правда важнее. Но можно представить себе, какое возмущение в среде узколобой националистической эмиграции вызывали некоторые записи

в этом официальном документе. Например, такие, ярко рисующие коррупцию в верхних эшелонах украинской власти: «Місто Відень є збірнею всіх українських дезертирів старшин, як також всіх гешефтьярів-злодіїв українського державного майна».

Кстати, современные официальные историки упорно именуют Галицкую армию не так, как она называлась летом 1919 года, а так, как им хочется после очередного «улучшения» прошлого — Украинской Галицкой армией (УГА). Это грубая ложь. Так галичане стали называться только в ноябре, после того как, окончательно рассорившись с Петлюрой, перешли в подчинение белого генерала Деникина, пообещавшего их в этом случае не трогать.

Но это будет потом. А в августе 1919-го Петлюра так обрадовался галичанам, что сразу же отдал приказ наступать на Киев. Проблема была только в том, что Киев не хотел Петлюры.

Да и само командование галичан, растерявшись на чужой территории, не верило в успех борьбы. Командующий ГА генерал Тарнавский прямо спросил Петлюру, а что будет с Деникиным? Тот ответил, что Деникина не нужно бояться, так как большая часть его армии состоит из украинцев и перейдет «на нашу сторону». Но эти мечты, достойные гоголевского Манилова, не подтвердились.

Осень 1919-го. Киевляне записываются в белую Добровольческую армию

Непосредственно командовавший операцией по захвату Киева генерал Кравс ничего не мог противопоставить белогвардейцам Бредова. Вся жизнь он прослужил Австрии, чувствовал себя в нашем городе чужаком и понимал, что так же относится к нему и его солдатам население реальной, а не придуманной Украины. Кравс недавно понес тяжелое поражение в Галичине от поляков, а 7-ю дивизию Бредова только что перебросили с фронта под Царицыным, где она разбила большевиков, сыграв одну из главных ролей во взятии «красного Вердена». К тому же Бредов хорошо знал Киев. Он формировал тут добровольческие отряды белых еще при гетмане Скоропадском в конце 1918-го, когда город впервые брал Петлюра. Генерал видел тогда беспомощность гетманской армии и знал подлинную цену петлюровскому воинству. Тогда у него не было возможности повлиять на ход

событий. Но теперь власть была в его руках, и он — энергичный и агрессивный ветеран царской гвардии — был готов применить ее в полной мере.

Парад белых в Киеве. За генералом Май-Маевским — генерал Бредов

Возвращаясь к киевским событиям, командующий Галицкой армии Мирон Тарнавский вспоминал: «Київ зістав втрачений, не через зраду одного або другого, а тільки тому, що Добровольці були сильніші і в місті зорієнтувалися краще та скорше, як ми; крім того населення було за Добровольцями».

Это признание ставит однозначную точку в объяснении причин Киевской катастрофы. Киев не хотел ни Петлюру, ни галичан. Его сердце принадлежало тем, кто видел в нем «мать городов русских», — Добровольческой армии генерала Деникина. Это правда. И ее никто не зачеркнет. А второй причиной победы белых были железные нервы генерал-лейтенанта Николая Эмильевича Бредова. Если уж быть совсем точным, то фон Бредова — русского немца по происхождению и настоящего русского генерала.

Великая галицкая зрада Украины — 1919

Но на «Киевской катастрофе» злоключения галичан на Украине не закончились. Буквально через два месяца целая Галицкая армия генерала Тарнавского предала Украину и перешла на сторону сначала белых, а потом... красных. С независимостью было покончено.

В официальной нынешней версии украинской истории это позорное событие закамouflировано под ничего не говорящим названием «Листопадовий зрив». У кого сорвало? Что сорвало? Человек непосвященный даже не догадается, что под этим гнилым фиговым листком скрывается преступление перед нацией целой Галицкой армией, которая, бросив Петлюру, неожиданно подалась служить белогвардейцам генерала Деникина.

Но и этого политическим проституткам показалось мало, чтобы вывалить себя навеки в грязь! Единожды предавший, уже не может остановиться. Он катится по наклонной прямо в ад. Всего через два месяца галичане предадут еще и Деникина, перебежав к большевикам и объявив себя воинским формированием с удивительно благозвучной вывеской — ЧУГА — Червона Українська Галицька армія. (К тому времени стало ясно, что Деникин проиграл гражданскую войну, и галичане снова перешли на сторону победителя.) Гнусный поступок имел далеко идущие последствия — именно он покончил с идеей украинской независимости больше чем на полвека, открыв дорогу Голодомору, репрессиям и сталинскому террору. «Украинский Пьемонт» в очередной раз проявил себя во всей своей «дальновидности».

Сечевые стрельцы за обедом. Вопрос о переходе галичан к белым был тоже решен под выпивку с закуской

Предательство Галицкой армии является блестящим примером, как можно спрятать от общественности целое историческое событие. В школьном учебнике для 10-го класса о нем сказано буквально несколько строчек: «Першою припинила збройний опір УГА. Її командування запропонувало денікінцям сепаратні переговори. Білогвардійці прагнули до роз'єднання українських сил і охоче прийняли пропозицію. Переговори закінчились 5 листопада переходом УГА на бік А. Денікіна».

Но даже в этом огрызке информации — вопиющая неточность! Галицкая армия названа

в нем УГА — Украинской Галицкой армией. Но так она себя не именovala! Это националистическая эмигрантская выдумка, которую некритично воспринимают до сих пор историки в Украине. Все документы показывают, что на момент перехода к Деникину формирование галичан называлось просто Галицкой армией. Так оно будет именоваться и когда перебежит к красным. Только после этого второго предательства в феврале 1920-го возникнет понятие ЧУГА. На нем настояли именно большевики, так как претендовали не только на Украину, но и на Галичину, занятую тогда поляками.

Впоследствии ветеранам ЧУГА станет стыдно за период сотрудничества с режимом красных кремлевских палачей. Им, а еще больше их детям и внукам, захочется остаться в истории не подручными Ленина — Троцкого и потомками этих приспешников, а «свідомими українцями». В результате (невиданный факт в истории!) было подделано название целой армии! В «научных» трудах, изданных эмигрантскими издательствами в Нью-Йорке и Мюнхене уже после Второй мировой войны, когда дело с двойным предательством подзабылось, появилась еще одна фальшивка — УГА — термин, которого в действительности никогда не существовало. Он должен был убедить галичан в том, как велик их вклад в «українську справу».

Между тем бегство ГА к белым и красным показывает, почему историк не имеет права лгать. Оно наглядно демонстрирует всю сложность отношений между Галичиной и остальной Украиной. А также доказывает, что украинская национальная идея — очень поздний политический проект. Только в XIX веке в Малороссии появились первые политические украинцы, считающие, что она должна обладать автономией в составе Российской империи. И только в 1900 году харьковский адвокат Николай Михновский в брошюре «Самостійна Україна» впервые высказал идею украинской независимости.

Михновский утверждал, что новая страна должна протянуться от Карпат «аж по Кавказ». И галичан, и надднепрянцев он считал одним народом. Но, столкнувшись с действительностью, его концепция полностью провалилась. Сам Михновский не смог найти себя в вихре революции и гражданской войны, оставшись маргиналом для всех украинских политических течений. А вместо его «нераздельной» Украины на карте появилось сразу две — УНР и ЗУНР — Украинская Народная республика со столицей в Киеве и Западно-Украинская Народная республика в Галичине.

В последние два десятилетия широко рекламируется так называемый «акт злуки» этих двух Украин, провозглашенный 22 января 1919 года в Киеве, когда Петлюра захватил город у гетмана Скоропадского. Но этот документ так и остался «декларацией о намерениях». Никаких реальных последствий он не имел. Украин после него так и осталось две. Никто даже не снял между ними пограничных постов по официальной границе — речке Збруч! После «злуки» главой ЗУНР, как и раньше, был диктатор Петрушевич, а фактическим правителем УНР — Симон Петлюра, несколько замаскированный коллегиальностью Директории. А главное, у двух стран по-прежнему были разные, абсолютно независимые друг от друга, вооруженные силы — «Дієва армія УНР» и Галицкая армия.

Первая из них вела войну с красными под Киевом, а вторая — с поляками в Галичине, которые считали, что это неотъемлемая территория Польши. Некоторое сближение двух режимов началось только после того, как ЗУНР стала страной без территории — летом 1919 г. Польша выперла Галицкую армию во главе с ее командующим генералом Тарнавским и диктатором Петрушевичем за Збруч на территорию УНР. Тут волей-неволей галичане были вынуждены признать авторитет Симона Петлюры и даже отправиться в поход на Киев,

завершившийся, правда, мгновенной сдачей столицы, как только ГА вошла в соприкосновение с белогвардейцами Деникина.

Фиаско галичан в Киеве объяснялось прежде всего тем, что они чувствовали себя в чужом городе и чужой стране. Их идеологи убеждали их, что Украина единая, а действительность показывала, что Киев — русский город, подавляющее большинство населения которого симпатизировало деникинцам, а большинство восточных Украинцев вели себя совсем не так, как им положено по пропагандистским брошюрам. К Петлюре из них тянулись только немногие, а основная масса стремилась или в Белую гвардию, или к красным, или в Повстанческую армию Нестора Махно. Украинская иллюзия развеялась при виде этой картины, не предусмотренной довоенным «Науковим товариством ім. Шевченка» во Львове, и австрийской властью, предоставлявшей широкие субсидии грантоедам из этого «НИИ украиноведения».

Командующий Галицкой армии генерал Мирон Тарнавский был опытным офицером австрийской службы. Бардак, с которым он столкнулся на Украине, привел его в полное изумление. Он не верил «головному атаману» Симону Петлюре. Его поражало, что украинские крестьяне начали партизанскую войну против галичан. А больше всего раздражал низкий боевой дух самих петлюровцев. Впоследствии, уже на суде, Тарнавский вспоминал: «На мій запит, що буде з Денікіном, сказав мені пан Головний Отаман, що він Денікіна не боїться, та що 60 % його армії перейде на нашу сторону. Тимчасом бої ішли даліше. Ми взяли Київ, а в Києві стрінулися з Денікіном. Замість, щоби 60 % його армії перейшло до нас, виявилось це, що багато людей Придніпрянської Армії перейшло до него». (Все особенности правописания оригинала сохранены.)

Тарнавский называет петлюровскую армию не официально «Дієвою армією УНР», а просто Придніпрянской. Он постоянно жалуется на нее: «В боях, в яких брала участь Бригада УСС перейшла майже ціла Придніпрянська дивізія до денікінців, через що Бригада УСС потеряла більше як 1000 людей». Потерю Киева он объясняет просто: «Населення було за добровольцями», то есть за Добровольческой армией генерала Деникина.

В этой ситуации единственное, чего хотел Тарнавский, уклониться от любых боев и уйти назад в родное Прикарпатье. Кто был для него своим, показывает следующая фраза генерала: «Я стрільцям в Галичині сказав, що так, як я їх завів через Збруч сюди, так заведу їх через Збруч назад до Галичини».

О том, что галичане и украинцы-петлюровцы говорили на разных языках, свидетельствует следующая фраза Тарнавского: «Податися тепер до демісії і покинути тих самих стрільців: «тоді я був-би шубравцем». Чтобы перевести эту фразу, я был вынужден прибегнуть к помощи политолога и историка Константина Бондаренко, выросшего во Львове. Он объяснил, что «демісія» — это «отставка», а «шубравець» — «негодяй». Как видим, понять немецко-польско-галицкий суржик Тарнавского украинцу непросто и сегодня.

Генералу пришлось выбирать между предательством идеи умозрительной единой Украины и собственной Галицкой армией, которую он любил и жалел.

Галицкой армии противостояла всего одна 4-я дивизия белых! Но это была одна из лучших частей деникинцев. Ею командовал 33-летний генерал Яков Слащев — самый талантливый из полководцев Белого движения. 1919-й год стал его звездным часом. В белом гусарском ментике, с попугаем в клетке, любовницей, переодетой ординарцем, и кокаином в ноздрях, он носился в штабном поезде по всему югу Украины. Разделавшись с галичанами, Слащев успеет разбить еще Нестора Махно, изгнав его из Екатеринославля, и отразить

первое наступление красных на Крым, за что получит почетную добавку к фамилии — Крымский.

Но это будет впереди. А пока войска Слащева казались Тарнавскому вездесущими. Белый генерал развил такую активность, что командующий галичан переоценивал его силы раз в пять! Белые мерещились ему везде. А так хотелось домой — под смереку!

И тут Слащев предложил переговоры. Суть его предложений сводилась к тому, что петлюровцы — негодяи («шубравцы»), а галичане — хорошие. Петлюровцев, мол, как предателей общерусского дела, щемили и будем щемить, а вас, галичан, как бывших подданных Австро-Венгрии, трогать не станем, если перейдете на нашу сторону. Недолго думая, Тарнавский сразу же согласился с этой нехитрой логикой, позволявшей ему не воевать.

Штаб Слащева. Генерал — в центре. Рядом — любовница с костылем

Его представители славно выпили и закусили в штабном вагоне Слащева, послушали «пение» попугая, может, и кокаинчику нюхнули (на шару кто же устоит против русского гостеприимства?), и 6 ноября в 12 часов 15 минут (запомните это время!) Галицкая армия влилась как отдельная единица в Вооруженные силы юга России — так официально называлась Белая армия.

Узнав о предательстве галичан, Петлюра воскликнул, что Тарнавского нужно расстрелять. Чтобы обелить своего командующего, 13 и 14 ноября 1919 года галичане устроили в Виннице комедию «суда над генералом Тарнавским». Естественно, генерала они тут же оправдали, а свою армию признали сплошь больной тифом и прочими ужасными болезнями и совершенно неспособной к боевым действиям. Единственное, на что не ссылались галицкие витязи в свое оправдание, это на массовое плоскостопие, мешающее совершать победные марши по украинским равнинам. Все остальные аргументы, вплоть до «браку набоїв» и нашествия вшей, пошли в дело. Особенно отстаивал своего полководца

главврач галичан полковник-медик Андрей Бурачинский, заявивший на суде, что «наша армія потребує тільки для асенізації найменше три до чотиримісячного відпочинку».

Обратите внимание: тиф косил в гражданскую войну и белых, и красных, и махновцев, и петлюровцев, но только галичане сдались в плен тифозной вши, отказавшись воевать за Украину по причине ее нашествия! Перебежали к белым и тут же себя обелили, найдя «виноватую».

Вши берут в плен сечевых стрельцов

А что же бесстрашные сечевые стрельцы — отборная бригада ГА? Они признали победу вшей над собой вместе со всеми!

Взбешенный Петлюра подарил Львов Польше

Симон Петлюра понял, что расстрелять Тарнавского и навести дисциплину ему не дадут. Галичане прикрылись «справками» от своего главврача и воевать за Украину отказались. А ведь они составляли основную часть петлюровской армии — примерно две трети! Это привело к полному развалу фронта и нервному срыву у главнокомандующего. Тогда Головной Атаман плюнул на них и в расстроенных чувствах уехал в Варшаву — заключать союз с Польшей, чтобы драться с красными и белыми дальше. Условием этой новой политической комбинации польский лидер Пилсудский поставил признание Петлюрой того, что Галичина — это часть Польши. Намучившись с галичанами, украинский вождь скопом «подарил» их полякам. Делал он это тем легче, что «дарил» ему не принадлежащее. Отныне он тоже сомневался в галичанах. По крайней мере, вели себя они как-то неправильно — на словах Украину любили, а подтверждать пламенные речи делом не спешили.

Петлюра Польше: «Я так намучался с этой Галичиной... Берите ее даром!»

Историки часто упрекают Петлюру, что он предал Галичину Польше. Но забывают, что перед этим Галицкая армия предала взлелеянную в мечтах Соборную Украину. Что же касается генерала Тарнавского, то он мирно умер во Львове в 1938 году, окруженный почетом ветеранов своей армии — единственной в истории, которая дезертировала в полном составе дважды — от украинцев к белым и от белых к красным. Уверен, этот рекорд не скоро будет побит.

Как Петлюра с Польшей подружился

Расплатившись с воскресшей Речью Посполитой предателями-галичанами, головной атаман предпринял еще одну попытку захватить Киев. 21 апреля 1920 г. Петлюра и Пилсудский подписали так называемый Варшавский договор. По этому соглашению, Галичина, Лемковщина, Надсянье, Холмщина и Западная Волынь признавались польскими территориями. На вечные времена. Словно не было никогда Богдана Хмельницкого и Российской империи. Река истории потекла вспять.

Особенно жалко было Надсянье — без него возлеенная некогда Михновским самостийная Украина «от Сяна до Дона» никак не получалась. Оставался какой-то огрызок. Да и тот, по сути, в виде польского протектората — проигравший все и вся Петлюра гарантировал Пилсудскому сохранение имущественных прав польских помещиков даже на «украинских» территориях будущей Петлюрии.

По варшавскому договору, обглоданное поляками с запада Правобережье все-таки признавалось за Украинской Народной Республикой. Но так как польская аристократия до революции была тут самым крупным землевладельцем, получалось, что распаеванные поместья после победы над большевиками снова нужно будет отобрать у мужиков и вернуть тем, кто владел ими со времен польской экспансии в Украину в XVII веке.

Сложно сказать, как Петлюра собирался выполнить этот пункт. Все благоприобретенное селяне уже считали своим. Разве что польские войска заставили бы их сделать это силой. Ведь у самого Петлюры в начале 1920 года вся армия вместе с обозами и госпиталями насчитывала 7 тысяч человек и 10 пушек!

Но, заключая Варшавский договор, Петлюра был счастлив — впервые его принимали в другом государстве как лидера целой страны! С почетным караулом и всеми положенными по протоколу почестями. Это был его первый и последний заграничный визит.

Поделив Украину «по справедливости», союзники двинулись на Киев, занятый красными. Точнее, двинулись поляки. А Петлюра, у которого почти не осталось войск, поковылял вслед за ними, делая вид, что «использует» гордую, но глупую Польшу в своих «национальных» интересах, которые не отделял от личных.

Петлюровцы воевали вместе с поляками против галичан

Галичину Петлюра полякам просто не мог не «завещать». Галицкая армия в этот момент после очередного предательства стала ЧУГА — Червонной Украинской Галицкой Армией. Петлюровцам даже приходилось сражаться с галичанами. Об этом факте официозные украинские историки молчат — в очередной раз делают вид, что такого не было.

А вот как описывает этот эпизод в мемуарах, вышедших в США, командир полка Черных запорожцев Петро Дяченко — в 1920-м петлюровский полковник: «5 березня... Від комісара та галичан довідались, що місто Бершадь зайняте 3-м галицьким корпусом... Перед світанком полк підійшов до с. Усте, що віддалене два кілометри від Бершаді. Галичани чекали ворога, бо застави були виставлені, але не дочекавшись — поснули сном праведників... Всього полк узяв: 4 гармати, 4 гарматні ящі з набоями, 2 тяжких кулемети, 15 возів і понад 120 коней. Наказав вистроїтись галичанам і запропонував їм перейти до нас. До 50 стрільців погодились... По дорозі командир галицької батареї кинувся тікати. Декілька козаків пустили своїх коней за ним услід. Уже в селі загнали в суточки, але він зіскочив з коня і почав тікати городами. Влучним стрілом поклали його на місці».

Впоследствии несколько бригад ЧУГА, когда красные станут отступать, перебегут на сторону поляков. А другие — останутся у красных. Такая вот реальность той войны.

Крещатик, май 1920 г. Польська армія вступає в Київ, організовано обходя трамвай

Особенной радости от того, что воевать приходится вместе с поляками, в армии Петлюры не было. Традиционный исторический враг вдруг стал «другом». Как писал впоследствии в книге «З поляками проти України» генерал-хорунжий армии УНР Юрий Тютюнник: «Ще більшою несподіванкою для широких кол українського громадянства було

те, що провід українським полонофільством захопив не хто інший, а той самий Симон Петлюра, що з початку 1919 року декламував «кари ляхам, кари!» з гайдамаків Шевченка».

На практике этот холодок в отношениях братьев по оружию вылился в то, что петлюровцы все время норовили что-то украсть у союзников. Тот же Дяченко вспоминал о подвигах своих черных запорожцев: «Весь час по шляху проходили обози польської армії... В польському обозі повно гусей, курей і свиней. Видно, що усе це не купувалось... Козачата за своїм звичаєм почали полювати на все, що погано лежало на польських возах. Тільки і чути: «Пся крев», та сміх козаків, коли вдалось щось стягнути».

Чудо на Днепре

Последняя польско-петлюровская — оккупация запомнилась киевлянам концертами, спекуляцией на базаре и... взорванным на прощанье мостом.

Оказалось, что принцип «что смогу съем, остальное — понадкусываю» не чужд и польским «рыщарям». Потомки Скшетусских и Володыевских, как бобры, перегрызли коммуникационную линию западным и восточным берегам Днепра. Строго по Киплингу: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись»...

Союзники. Юзеф Пилсудский и Симон Петлюра в окружении польских и украинских офицеров, которых называли «пилсудчиками» и «петлюровцами»

Польская армия вступила в Киев днем 6 мая 1920 года. Она вошла без боя и без помпы, которую можно было бы ожидать от национального характера этого шепутного славянского племени. Аккуратные европеизированные солдаты. Подтянутые элегантные офицеры. Никаких грабежей, расстрелов и контрибуций. Это последнее нашествие иноплеменников на Киев за годы гражданской войны своим размеренным порядком до боли напоминало самое первое вторжение немцев в 1918 году. Как и немцы, поляки не безобразничали. Разве что, в отличие от них, не стали мобилизовать баб на мытье вокзала. (Никто, кстати, кроме немцев, за все те бурные годы не удосужился помыть вокзал ни петлюровцы, ни сменившие их красные, ни белые, выгнавшие петлюровцев, ни снова красные, вытеснившие белых.) Поляков он тоже устраивал в своем естественном антисанитарном виде — может быть, они подсознательно чувствовали, что долго тут не задержатся. В остальном, жизнь как-то сразу наладилась.

Киевский мемуарист Григорий Григорьев, пересидевший в городе все перевороты, о воинстве маршала Пилсудского писал так: «Внешний порядок в городе был возобновлен. Стрельбы по ночам не замечалось, о грабежах ничего не было слышно. Даже ходить по вечерам стало свободно, без всяких ограничений, совсем не так, как это всегда делалось раньше в условиях гражданской войны».

Книга Григорьева «В старом Киеве» вышла крошечным тиражом в 1961 году. Этот абзац ее особенно ценен — чудом проскочивший через советскую цензуру, он намекал, что остальные власти, захватывавшие город, несколько безобразничали. Теперь об этом можно писать открыто: первое вторжение красных в январе 1918 года обернулось публичными расстрелами прямо в Царском саду (ныне парк Ватутина возле Верховной Рады). Там выкопали гигантскую яму и партиями валили «буржуев» — всех, кто имел приличную одежду и интеллигентное лицо. Тысячи две настреляли за несколько недель.

Взявшие Киев в декабре 1918-го петлюровцы запомнились самочинными расстрелами на улицах поддерживавших гетмана Скоропадского офицеров. Самое нашумевшее убийство — генерала Келлера — произошло прямо возле памятника Богдану Хмельницкому.

«Вторые» красные — те, что в начале 1919-го выбили Петлюру и войска УНР, в саду публично уже не расстреливали. Их ЧК теперь стыдливо валило жертвы прямо за Институтом благородных девиц (Октябрьский дворец). Расстреливали в основном русских националистов — профессоров, предпринимателей и общественных деятелей — коренных киевлян. Но были среди них и 4 тысячи рабочих, а также не меньше 1500 крестьян, свезенных из окрестных деревень. Расследование комиссии белого генерала Рерберга после изгнания красных «установило 4800 убийств в Киеве лиц, имена которых удалось установить. Из могил кладбищ вырыто 2500 трупов. Могил старше 4-х недель не открывали. Общее число перебитых достигает 12 тысяч человек». (Цитирую по книге «Красный террор глазами очевидцев», Москва, 2009 г.)

Белые, в последний день августа 1919-го занявшие город, устроили вскоре еврейский погром, оправдывая свое поведение тем, что среди киевских чекистов преобладали евреи. По ночам «выли от ужаса» целые дома в еврейских кварталах. Эта ситуация ярко описана в статье Василия Шульгина, вышедшей тогда же в Киеве в газете «Киевлянин». Но поведение белых я тоже не одобряю — логичнее было бы взять Москву, переловить сбежавших из Киева чекистов, ну а дальше с соблюдением всех правовых норм, с чувством, толком и расстановкой, поступить с ними согласно дореволюционным законам. Правовая база для этого имелаась — например, расстрел, предусмотренный военно-полевым судом.

«Третьи» красные, снова вернувшиеся после белых, особенно набезобразничать не успели. Да и не было у них такой возможности — всех, кого хотели, пустили в расход еще при «вторых». И только поляки никого не расстреливали, запомнившись только тем, что отменили все ходившие до этого в городе деньги — и деникинские, и советские, и уэнэровские, введя вместо них только свои. Бабы на базаре сразу стали хвалить белогвардейцев, которые через несколько дней после своего прихода организованно обменяли жителям советские рубли на деникинские.

Юзеф Пилсудский в молодости, как и Петлюра, был социалистом, но сумел стать настоящим вождем нации

Польское финансовое нововведение совершенно развалило товарообмен. Народ переходил на бартер, меняя одежду на картошку. И только через несколько дней Городская дума исходатайствовала у новых оккупантов разрешение пустить в оборот дореволюционные царские деньги. Но их было мало. Поэтому польские солдаты тут же оказались киевскими нуворишами, покупая за бесценок на свое армейское жалованье дорогие вещи на толкучках.

Вместе с войсками 3-й польской армии, которой командовал молодой 36-летний генерал Рыдз-Смиглы, в Киев вошли и их союзники — немногочисленные петлюровцы. Это была 6-я сечевая дивизия полковника Марка Безручко — бывшего царского капитана, уроженца Бердянского уезда, еще в 1908 году окончившего Одесское пехотное училище. Впрочем, дивизия — это громко сказано. Вся она насчитывала не больше тысячи человек. Да и держались союзники отчужденно, искоса поглядывая друг на друга. Сердечности в отношениях между поляками и украинцами не было. Зато через две недели в Киев прибыл Петлюра и, по своему обыкновению, принял парад сечевиков. Парады он просто обожал — как всякий гражданский человек, никогда не служивший рядовым.

А за Днепром, прямо под Киевом, уже проходил фронт. Главным развлечением киевлян было ходить по вечерам на днепровские склоны и смотреть, как в сумерках в районе Броваров вспыхивали артиллерийские выстрелы. Весь Левый берег еще не был застроен. Панорама открывалась куда более грандиозная, чем сегодня. До Киева снаряды полевых пушек не долетали — дальняя пальба казалась чем-то вроде фейерверка. В Купеческом саду (возле нынешней филармонии, в которой тогда было Купеческое собрание) даже постоянно играла музыка. Так и запомнилась польская оккупация — в основном вечерними концертами под аккомпанемент далекой орудийной перестрелки да работающими театрами. А еще зенитками, расставленными прямо на днепровской круче.

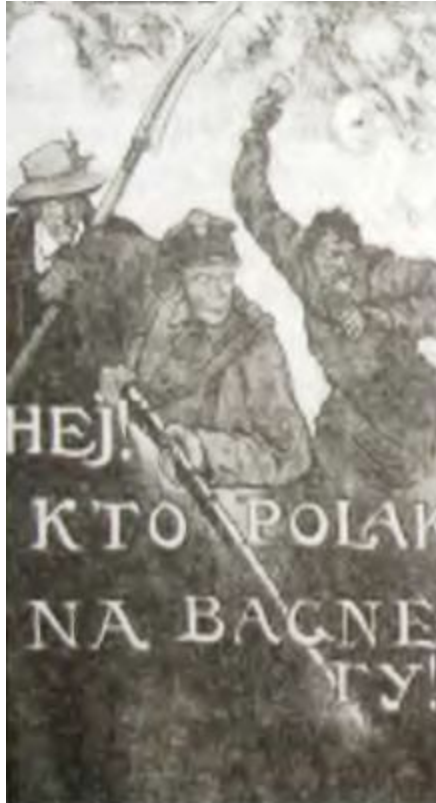
Есть такая глава в польской истории: «Чудо на Висле». Оно произойдет позднее, когда красные погонят из Киева поляков и остановятся только под Варшавой. А это было «чудо на

Днепре» — странная война, не очень похожая на войну, и оккупация, напоминающая весенний показ мод в виде новой польской формы.

И вдруг чудо кончилось. Красная армия перешла в контрнаступление, и поляки тоже без боя, как и заняли, сдали Киев, подпортив напоследок романтическую легенду о себе. Они взорвали дом губернатора и самый старый в городе Цепной мост, построенный еще при Николае I. Еще два моста повредили, чтобы задержать красных, после чего 10 июня отбыли на историческую родину, прихватив с собой и Симона Петлюру.

Воскресшая Польша против новой России

В отличие от Грушевского, Петлюры и других «профессиональных» украинцев, поляки в 1918–1920 гг. проявили бесспорный профессионализм в «розбудові держави». Польша воскресла после Первой мировой войны буквально из небытия — из трех частей, принадлежавших Российской, Германской и Австро-Венгерской империям. Почти полтора века поляки жили без своего государства. Даже железнодорожные пути в новой стране были разные. В бывшей «русской Польше» — широкие. В остальных частях — европейские, поуже. Пришлось и их перешивать под один стандарт. Но память о славе старого Польского государства, энергичный вождь Юзеф Пилсудский и множество граждан, готовых воевать за идею великой Польши, вернули Варшаву на геополитическую карту Европы.

Патриотический польский плакат 1920 г. «Эй! Кто поляк — в штыки!!»

После ухода в конце 1918 года из России немцев конфликт новой Польши с красной Россией был неизбежен. Поляки хотели восстановить Речь Посполитую в максимальных исторических границах — с Литвой, Галичиной, Волынью и Белоруссией. А большевики мечтали о мировой революции под лозунгом: «Даешь Варшаву!» Именно его учили кричать красноармейцев перед атакой.

Созданная из ветеранов Первой мировой войны, воевавших в армиях трех империй, польская армия представляла грозную силу. У нее было много оружия, боеприпасов, аэропланов и западных инструкторов — преимущественно французов. Характерно, что первую в истории бомбардировку Киева с воздуха, по советским данным, провели именно поляки 19 апреля 1920 года. Правда, выглядело это достаточно смешно: прилетело несколько «этажерок», покидало легкие бомбы, но ничего не разрушило — только напугало.

Сатирический советский плакат на ту же польскую тему

Красная Армия в 1920 году, наоборот, была сильно истощена двухлетней гражданской войной. Она потеряла много наиболее активных бойцов и командиров, устала, пережила эпидемию тифа. Дефицит личного состава был настолько остр, что в состав красных частей, перебрасываемых на польский фронт, включили даже бывших белогвардейцев из армии Деникина, сдавшихся под Новороссийском. Тем не менее, это воинство нашло в себе силы перейти в контрнаступление. Сдачу Киева поляками предопределил прорыв 1-й Конной армии Буденного, переправившейся через Днепр в районе Екатеринославля, где ее никто не ждал. Опасаясь обхода с юга, польские войска очистили Правобережье. А из Белоруссии двинулся в наступление на Варшаву Западный фронт Михаила Тухачевского. Однако взять столицу Польши не удалось. Война закончилась ничьей и Рижским договором 18 марта 1921 года, по которому Галичина и Волынь остались за Польшей.

А теперь самое интересное. В качестве субъекта международного права Рижский договор подписала не только РСФСР, но и УССР — Украинская Социалистическая Советская Республика (именно в таком порядке стояли тогда слова в ее названии). Напомню, что Советский Союз возник только годом позднее. Красная Украина при помощи красной России победила Украину желто-синюю, которую поддерживала Польша. В осадке оказался Петлюра. Его УНР исчезла с карты, а сам он превратился в эмигранта. Как написал примерно в это время украинский поэт и дипломат Александр Олесь:

*Чи не мати для нас і для всіх УНР?
Монархіст ти чи лівий есер,
Друг ни ворог ти — міра одна...
І стоїть УНР, як корова дурна.*

Однако УНР еще раз попыталась воскреснуть в том же году.

«Герои базара» как вершина трусости вождей УНР

Эта последняя попытка «діячів УНР» оседлать Украину закончилась 17 ноября 1921 г. позором под Базаром. В школьные учебники по истории очередной провал маловменяемых людей в бараньих шапках, вообразивших, что Украина — это они, вошел под названием «Другий зимовий похід».

Портрет победителя. Второй зимний поход армии УНР разогнала всего одна кавбригада Котовского

Вообще-то воевать зимой в нашем климате приятно, если это слово вообще применимо к такому мерзкому занятию, как убивание себе подобных. Проблема бездорожья отсутствует. Речки легко переходятся по льду. Темнеет рано, что позволяет более слабой стороне (а украинцы, как известно, всегда воевали в меньшинстве против многомиллионных вражеских орд) в полной мере применить свое коварство и резать «донесхочу» в кромешной тьме сонного противника. Желто-синие знамена элегантно полощутся над стройными конными рядами. Песни про Галю, которую казаки «повісили вниз головою», как бы сами собой взмывают к небу. А трупы врагов (да и свои собственные) не разлагаются на морозе, как в жарком июле, отравляя поля исторических сражений смрадом тухлятины, а аккуратно лежат на свежем воздухе, словно в холодильнике. Почему бы и не повоевать в таких «тепличных» условиях?

Самые отчаянные головы в окружении Петлюры носились с идеей пресловутого «Зимнего похода» еще с весны. В марте 1921 года Польша заключила мирный договор с советскими Россией и Украиной. По отношению к Петлюре и его УНР это был «кидок». Варшавское соглашение между Петлюрой и Пилсудским, подписанное в апреле предыдущего года накануне совместного броска на восток, запрещало какие-либо сепаратные «угоды» двух

союзников с большевистскими «демонами». Но Польша в очередной раз обманула доверчивых украинских энтузиастов и, с трудом отбив нашествие полчищ Тухачевского на Варшаву, поспешила закончить дело миром, в последний раз в своей истории объявив себя единоличным победителем в войне — в будущем поляки будут воевать только на подхвате, размахивая не так саблями, как перьями своих темпераментных историков.

В результате коварного советско-польского договора на территории Речи Посполитой в лагерях для интернированных скопилось большое количество безработных петлюровцев. Пилсудский еще не стал диктатором. Польша считалась глубоко демократичной страной с древними традициями шляхетского парламентаризма. В польском руководстве боролись различные группы влияния, и у всех у них были собственные взгляды на так называемый «украинский вопрос».

Самые большие любители украинской независимости на тот момент сконцентрировались во Втором отделе Генерального Штаба Войска Польского — то есть, в военной разведке (в просторечии — «двуйке»). Любить Украину им полагалось по службе, так как это означало одновременно вредить России — к тому же красной, с сильным еврейским элементом во главе в лице коммунистической партии Ленина и Троцкого. Делать пакости одновременно «жидам» и «москалям» (извините за терминологию, но именно так это называлось по-польски) было для настоящего польского разведчика высшей патриотической радостью.

Где-то в недрах «двуйки» созрела идея отправить наиболее воинственно настроенных петлюровцев, даром жрущих лагерные пайки и еще не утративших боевого Духа, в «освободительный поход» на Советскую Украину. По крайней мере, глава вышеупомянутого Второго отдела Генштаба подполковник Игнаций Матушевский ее поддержал и распорядился предоставить срочно организованному Партизанско-Повстанческому штабу во главе с генерал-хорунжим Юрком Тютюнником всестороннюю помощь вооружением, обмундированием и харчами.

Генерал-хорунжий Юрко Тютюнник мечтал стать украинским «Наполеоном», а

На место руководителя освободительного похода можно было бы подыскать кандидатуру и более серьезную, ибо вышеупомянутый генерал-хорунжий являлся таковым только по названию. В реальности он никогда не руководил самостоятельно ни одной военной операцией. Первым и последним званием Юрка в регулярной армии был чин прапорщика военного времени. Одну звездочку на погоны воткнули ему еще в Русской императорской армии в 1915 году после ускоренного курса обучения, и так она и просияла сиротливо до самого конца военных действий, ибо в Первую мировую прапорщик Тютюнник воевал, в основном, с тыловой скукой — в 32-м пехотном запасном полку в Симферополе. Революцию он встретил все тем же прапорщиком, о которых в русской армии ходила шутка: «Курица — не птица, прапорщик — не офицер». Означало это только одно — Тютюнник предпочитал ошиваться в глубоком тылу.

Подлинным призванием Тютюнника было ремесло актера. Оно в полной мере проявило себя после 1917 года, когда настало время играть роли «народолюбцев» и «профессиональных украинцев». Юрко совместил оба эти амплуа. По манере поведения он напоминал хорошо известных нам «полевых командиров Майдана». Юрко произносил зажигательные речи, умел пачками производить тексты для листовок, украинизировал свой 32-й запасной полк, превратив его в Первый Украинский имени гетмана Петра Дорошенко, но никаких подвигов так и не совершил. Высшей точкой его карьеры в этот период стала должность коменданта гауптвахты Киевского гарнизона, откуда он перескочил в члены Политсовета при Военном Секретариате Центральной Рады. В первую очередь, Тютюнник был не офицером, а политическим функционером с наклонностями к тому, что сегодня называется «самопиаром».

Из воспоминаний участника Второго зимнего похода: «Я побачив, що напередимі голови колони чвалом скаче московська кіннота»

В 1918 году будущий генерал-хорунжий неожиданно оказался... у большевиков в качестве комиссара у атамана Григорьева, признавшего советскую власть и называвшегося командиром 1-й бригады 1-й Заднепровской дивизии Рабоче-Крестьянской Красной армии. Когда Григорьев решил податься к белым и Махно прикончил его на сходке, бывший комиссар Тютюнник дал деру во главе полусотни разбойников, в которых неожиданно проснулось национальное сознание. Хлопцы признали бывшего прапорщика своим атаманом. По дороге к Петлюре на этот импровизированный отряд налипло еще несколько подобных «банд». В результате Юрко явился к «головному атаману» не с пустыми руками, а во главе воинства из двух тысяч человек, которое он торжественно именовал двумя

дивизиями. После соединения 14 июля 1919 года с петлюровцами этот отряд переименовали в Киевскую группу армии УНР, а во главе ее поставили все того же Тютюнника.

Особых успехов Киевская группа не достигла. В основном, она виртуозно уворачивалась от любых столкновений как с красными, так и с белыми, что впоследствии назовут Первым зимним походом армии УНР. В это время армией командовал великий мастер отступлений и лучший заградный ученик Кутузова в украинском войске генерал Омелянович-Павленко. Бывший полковник Русской гвардии, он еще с военного училища затвердил завет победителя Наполеона: «Главное — сохранить армию!» У этого выдающегося «отступателя» Тютюнник некоторое время числился заместителем, ни на что в реальности не влияя — как при Чапаеве, при нем всегда находились перешедшие на службу УНР бывшие штабные офицеры дореволюционной! русской армии, не давая прапорщику-политику наделать каких-нибудь особо выдающихся глупостей.

Но все это вместе с саморекламой создало Тютюннику репутацию выдающегося специалиста по партизанской войне. В мае 1920 года Петлюра присвоил ему звание генерал-хорунжего — по нынешней терминологии — генерал-майора. Если понимать партизанскую войну как уклонение от столкновений с противником, в чем Юрко преуспел еще со времен службы в царской армии, то это был действительно непобедимый партизан он всегда удирал от врага еще до начала боя.

Пилсудский. Надул Петлюру, а петлюровцев вытолкнул в Украину

Тем не менее, себя Тютюнник, как и многие его современники, сравнивал с Наполеоном. Юрко всегда возил с собой почтовую открытку с изображением французского императора. Бреясь по утрам, он, по уверениям очевидцев, принимал перед зеркалом наполеоновские позы, хмурил брови, оттопыривал нижнюю губу — словом, всеми способами «мавпував видатну людину».

Когда весной 1921 года польский генштаб задумал для безработных ветеранов разбитой армии УНР Второй зимний поход, то наполеонистый Юрко сразу был выбран в качестве его предводителя. Петлюра этому делу сочувствовал. Но в детали не вмешивался. Симон Васильевич, отдадим ему должное, был самым умным из украинских деятелей той эпохи. Он

считал, что вторжение на Украину, уставшую от гражданской войны, закончится полным провалом. Но так как ему доложили, что Тютюнник спит и видит себя на месте Петлюры, то, как прозорливый политик, возражать идиотской идее не стал — очень хорошо, если большевики откроют потенциальному сопернику дурную голову! Себе больше кассы останется...

Впервые поставленный во главе самостоятельно действующего крупного подразделения и лишенный талантливых советников (никто из толковых военных присоединиться к идиоту не пожелал, наперед зная, чем дурацкое дело закончится), «генерал-хорунжий» оказался отвратительным организатором. В отличие от Наполеона, он должен был по собственному опыту знать, что зимой на Украине бывают сильные морозы, но почему-то не позаботился о теплом обмундировании для своей армии. Тютюнниковцы выступили в поход прямо в том, в чем их выпустили из лагерей — то есть, в старом изношенном обмундировании.

Юрко мог бы послать соответствующий запрос в польское интендантство, готовившее эту пакость большевикам, на профессиональном языке именуемую «диверсией». Тем более, что поляки делали гадость от всей Души и имели к тому соответствующие ресурсы. Воинство Тютюнника они снабдили 45 пулеметами, выдали всем винтовки, патроны, а кавалерии не только сабли, но и пики — как своим уланам. К 1921 году саблями уже мало кто умел из-за больших потерь профессионально махать — лучшие рубаки давно вырубали друг друга на полях бесконечных сражений. А пика позволяла даже неопытному коннику наколоть врага, как кусок шашлыка на шампур — конечно, если у противника ее не было. Спрашивается: какого же лешего Тютюнник не попросил у щедрой Польши еще и шинелей, теплых кальсон и кожухов? Ответ: потому что, даже числясь генерал-хорунжим, он все равно оставался прапорщиком — младшим офицером, в обязанности которого входило всего лишь поднять полуроту в атаку. Мозг прапорщика не должен быть перегружен хозяйственными проблемами, иначе, чего доброго, он станет слишком умным и откажется героически умирать. Но, счастливо избегнув благодаря службе в тылу смерти в Первую мировую войну и явно не соответствуя новой высокой должности «главнокомандующего», Тютюнник представлял собой опасность, прежде всего, для подчиненных. Среди них было достаточно храбрых людей. Но командовал ими, скажем прямо, выдающийся баран.

Конвой командующего армии УНР. Шинели — польские, шапки — свои

Четвертого ноября 1921 года боевая группа Тютюнника, насчитывавшая 1200 штыков и

сабель и именованная себя Украинской Повстанческой Армией, вторглась из Польши на советскую территорию. Волынь, по Рижскому мирному договору, находилась в руках поляков. До Киева было рукой подать. Группа Тютюнника шла вдоль железной дороги по направлению к Коростеню.

В основном, подвиги тютюнниковцев не стоили и понюшки табаку. Они свелись к расстрелам большевистских активистов, захваченных по селам. «З'їли обід, зібрали десь 20 підвід харчів від селян, — вспоминал участник похода поручик Зоренко, — прибули до села Лісовод, де на вулиці спіткали 5 озброєних (місцева команда міліції). Довідавшись від них, що в селі є комісар із своїми посіпаками, ідемо туди. Незабаром розстріляли комісара та його прибічників, а решту, відібравши від них зброю, випустили».

Котовский. Окончил Гражданскую войну на Украине разгромом Тютюнника

Еще из его мемуаров: «Звалили кілька телеграфних стовпів та порозбирали залізничну колію... В'їзджаючи до села Бебехів, пробували наздогнати 8 московських кіннотників, але вони, очевидно, передчуваючи лихо, втекли, відстрілюючись... У цукроварні... сподівався захопити москалів. Москалів не було, захопили 12 кепських коней та 6 рушниць із набоями. Між тим по шосе біля заводу проходив відділ московської піхоти силою в 40–50 людей... Намагались ми під'їхати до них близько, але вони до себе не підпустили й утекли, відкривши по нас вогонь».

Поручик Зоренко был, по-видимому, тоже полудурок, как и его генерал-хорунжий. Но честный полудурок. Читаешь его откровения и сразу веришь. Сразу видно, что так оно и было. Безуспешные назойливые попытки захватить «москалей» показывают, что боевой дух УПА Тютюнника был близок нулю. А может, опускался даже до отрицательных величин, как температура на улице. Красные москали убегают, но никто их не преследует, так как они отстреливаются. Однако, бесконечно долго москали убежать не собирались. Вскоре они перешли в контрнаступление, и убежать начала уже УПА Тютюнника. Со всей возможной скоростью.

В мемуарах разбитых участников Второго зимнего похода, естественно, фигурируют

неисчислимые орды москалей. Просто целая Красная Армия! В действительности командование красных выдвинуло на перехват Тютюннику всего одну кавбригаду — знаменитого Котовского. В ночь с 16 на 17 ноября накануне решающего сражения под Базаром у села Малые Меньки котовцы совершили изнурительный марш, догоняя неуловимых повстанцев. Кони их были истощены. Артиллерии при бригаде не было. Как и пулеметов. Однако имелось то, что называется боевым духом. Завидев растянувшийся по дороге обоз Тютюнника, командовавший бригадой бывший вахмистр 12-го Белгородского уланского полка царской армии Криворучко повел бригаду в сабельную атаку. (Котовский в решающей битве не участвовал.) Но подчиненные у него были что надо. Причем, в основном, не «москаля», а бессарабцы (там сегодня Приднестровская республика) и украинцы — бывшие петлюровцы, перешедшие к красным, и те, что были красными с самого начала Гражданской войны. Криворучко же был самым настоящим украинцем — только советским, что не дает нам права забывать его воинские подвиги. Он родился 1887 году в селе Березняки Черкасского уезда на Киевщине — более украинскую Украину трудно придумать! Организовал партизанский отряд в 1918 году, воевал против гетмана Скоропадского, в бригаде Котовского командовал полком.

Это Криворучко возглавил прорыв бригады из окружения в июле 1920-го под Кременцом, разбросав во все стороны удиравших поляков. Это он же разгромил группу Тютюнника под Проскуровым осенью того же года. Теперь у лихого рубаки не было никаких комплексов перед старыми врагами. Он бил их в прошлом. И собирался бить снова. И нервы у Тютюнника не выдержали. Завидев несущуюся по снегу лаву красных кавалеристов с обнаженными шашками, генерал-хорунжий бросил свою «армию» и кинулся удирать в ближайший лес. За ним понеслась, побросав польские пики, его «кавалерия» — штаб и конная разведка

Бывший вахмистр Криворучко, он же — советский комкор

Из воспоминаний участника Зимнего похода подполковника Ремболовича: «Доходила година 12. Головна колона рушила. В цю хвилину від хвоста колони залунали крики: «Кіннота, кіннота!» Повернувши голову праворуч, я побачив, що навперейми голови колони чвалом скаче московська кіннота... Очі всіх повернулися до генерала Тютюнника. Він також

повернув голову в бік ворожої кінноти і... кар'єром поскакав до голови колони, а за ним слідом — полковник Янченко, обидва командири бригад (полковник Сушко й підполковник Шраменко) і кінна сотня сотника Хмари. Пізніше до них приєдналося ще кілька старшин і козаків, яких було вмотано вперед як розвідку. Все це понеслося щосили в бік польсько-совітського кордону».

Тютюнник поступил, как последний подонок. Он бросил свою армию и удрал. А армия, увидев бегство своего «наполеона» и его «маршалов», сдалась. Вот это и есть правда о Втором зимнем походе. Самая важная и до сих пор самая скрываемая от Украины.

Впоследствии Тютюнник выпросит у красных персональную амнистию и разрешение вернуться в Украину. Он будет работать на киностудии сценаристом (между прочим, был соавтором у Довженко в раннем фильме «Звенигора») и даже сыграет самого себя в фильме «ПКП». А потом его расстреляют. Как тех 359 его подчиненных, которых он бросил под Базаром 17 ноября 1921 года, став триста шестидесятым расстрелянным — для круглого счета. И если их мне жалко, как и лихого рубаку Криворучко, который станет комбригом и погибнет во время репрессий в 1938 году, то Тютюнника — ни капельки! Собаке — собачья смерть!

Московская миссия «архиплохиша» Винниченко

Сегодня Владимир Винниченко — в украинском Пантеоне. Забыто, как этот шельмец и по совместительству первый глава правительства самостийной Украины пытался продать «неньку» большевикам за должность члена Политбюро и портфель министра!

Есть известные кадры: Петлюра и Винниченко принимают парад в Киеве. Декабрь 1918 года. Город только что взят у гетмана Скоропадского. Идет легкий снежок. Петлюра — в башлыке и папахе. Винниченко по-интеллигентски — в шляпе и пальто. Герои Украины. Вожди! Один военный вождь — головной атаман. Другой штатский — глава Директории. Винниченко в этот исторический момент даже главнее Петлюры. Ведь тот только командующий армии. А Винниченко возглавляет ВСЮ украинскую власть. Он самый главный! Самый-самый! И будет им еще целых полтора месяца — до 10 февраля 1919 года, когда Петлюра проведет тихий верхушечный переворот и заставит своего соперника уйти в отставку — примерно, как Ющенко уволил Тимошенко в 2005-м с поста премьера, несмотря на совместное дружное стояние на Майдане.

Винниченко и Петлюра. Один в шляпе, другой — в папахе. До разрыва полтора месяца. Киев, декабрь 1918 г.

Кстати, и Винниченко с Петлюрой на фотографии стоят буквально в двух шагах от Майдана — на Софийской площади. И в истории они теперь вместе. Монеты отчеканены в честь и того, и другого. Улицы названы. Учебники заполнены соответствующими пафосными строчками о заклятых друзьях. Вот только в реальности после 10 февраля пути их разошлись в диаметральных направлениях. Симон Васильевич на двух должностях сразу удалится из Киева под настойчивым нажимом Красной армии и будет руководить своим правительством на колесах, о котором остряки тут же сложат поговорку: «У вагоні — Директорія, під вагоном — територія». А свергнутый Владимир Кириллович сбежит еще дальше — в буржуазную Австрию, хотя как убежденному социалисту ему бы туда драпать не следовало — да еще в разгар великой национальной революции, буквально ждавшей, что он положит на алтарь ее все силы.

«Архиплохиш» Винниченко: «Без участи в Політбюрі в партію не вступаю и з уряду виходжу»...

Там, в Австрии, Винниченко займеться совсем уж гнусными для бывшего первого лица государства делами засядет писать трехтомный пасквиль на украинскую освободительную борьбу под названием «Відродження нації». В нем он высмеет и страну, которой руководил, обзывая ее «хуторянкой», и Петлюру, припечатав его непечатными словами. Книга чуть ли не наполовину состоит из политической ругани в адрес бывших товарищей. Причем во время ее написания Винниченко так понесло, что он перевыполнил первоначальный план в целых семь раз — как признается в дневнике, думал всего десять авторских листов накатать. А неожиданно получилось семьдесят!

В том же дневнике Винниченко страшно распереживался за судьбу красной России, со всех сторон осажденной контрреволюционными армиями. Запись от 24 октября 1919 года: «Реакція з усіх боків все тісніше і тісніше стягає петлю на шиї Советської Росії. З Сибіру Колчак; з Дону й України — Денікін; з Заходу — Юденіч. Збоку, як маленький, забитий всіма цуцик, і собі хапа її за ногу Петлюра». В той же записи правительство украинское, его сменившее, Винниченко обзовет «хамом європейського Капіталу». А через неделю 3 ноября с брезгливостью отзовется о бывших коллегах: «Петлюрівщина» вистрибнула й у Відні. Нещасна, засмоктана галицька Національна Рада, дізнавшись, мабуть, що в Кам'янці «влада» робить паради на державні теми, рішила й собі попарадувати: учинила свято роковин Самостійної Західної Української Республіки. Тої республіки, якої вже немає, яку вони віддали ляхам за честь служити... сторожами Антантського Капіталу»...

Заметьте, это пишет не штатный пропагандист большевистской газетенки, а бывший «второй президент» Украинской Народной Республики! Да-да! Именно «второй президент». Так его до сих пор именуют в некоторых западных источниках, плохо понимая, что означает Должность «глава Директории». Что за «фирма» такая? Совет каких директоров? Даже в Википедии имеется фотография Винниченко в брыле и с отвисшими усами, подписанная «Second President of Ukraine (1918–1919) Volodymyr Vinnichenko», что лишний раз заставляет посмеяться над достоверностью этого «источника».

Розалия Винниченко учила мужа есть ножом и вилкой: готовила к высокому посту

Конечно, никаким президентом он не был. Ни первым. Ни вторым. Но «директором» Украины все-таки некоторое время являлся. А значит, читать его скандальные откровения о «петлюровщине, выскакивающей в Вене», для каждого истинного патриота вдвойне обидно. И пусть эти «патриоты» не пеняют на меня. Я ведь о вас забочусь, чтобы очередные «директора» не затащили вас в новую безответственную авантюру, сбежав потом с прикарманенным барахлом в Париж или прикупив тихий хуторок под Каннами, как сделал это предприимчивый «вечный революционер» Винниченко.

Но, отписавшись по поводу своего более удачливого соперника в книге и дневнике, Владимир Кириллович решил не останавливаться в своей моральной деградации. Падать так падать! Он прибегнул к известному трюку многих профессиональных украинцев, проигравших в борьбе с себе подобными — вознамерился перекинуться на сторону идеологических врагов. В данном случае — большевиков. С этой благородной целью Винниченко вышел из Украинской социал-демократической рабочей партии, объявил себя «украинским коммунистом» и открыл в Вене филиал Украинской компартии. Как-то сразу нашлись и денежки на партийный печатный орган под бодрым названием «Нова доба», в котором перекусившийся «второй президент» призвал несознательную украинскую интеллигенцию срочно переходить на марксистскую платформу. А дальше Винниченко засылает эмиссара к Литвинову — своему давнему знакомому и полпреду советской России в Эстонии, и 3 Февраля 1920 г. записывает в дневнике: «З Москви має в цих днях приїхати Стокіз. Послано його було до Літвінова, а той послав його аж у Москву. Цікаво, що за відомості привезе».

Троцкий, Ленин, Каменев. «А не пригласить ли нам Винниченко в Москву?»

В Москве добровольную инициативу изгнанника заметили. Только-только начинался 1920 год. Колчака удалось к этому времени отбить. Юденича — отодвинуть, Деникина — сбросить в Черное море. Но обстановка оставалась крайне нестабильной. Мировая революция могла буквально задохнуться в своей колыбельке. Петлюра снюхался с поляками. А те перешли в наступление. Из Крыма готовился выбраться Врангель. На юге Украины буянил Махно. Тут каждое доброе слово было на счету. Тем более, слово Винниченко — известного до революции писателя, которого не только знал, но и ругал за аморальность произведений сам великий Ленин! Один из романов Владимира Кирилловича — «Заветы отцов» — подсунула Ильичу еще в эмиграции в 1914 году его любовница Инесса Арманд. Ильич долго плевался, обзвав винниченковское творение «архиплохим подражанием архиплохого Достоевского».

Но в 1920 году Ленин, чья голова была забита кучей революционных проблем и буквально устала строчить Дзержинскому записочки с санкциями на расстрелы, отчего вскоре и взорвалась в инсульте, вспоминал эмигрантский период с некоторой ностальгией. «Архиплохой» Винниченко навевал приятные воспоминания о той эпохе, когда можно было дискутировать в женеvских и краковских кафе с товарищами о теории революции и спорить с любовницей о литературе. Председатель Совнаркома распорядился пригласить «архиплохиша» в Москву на Третий всемирный конгресс Интернационала. А заодно прозондировать его — не желает ли отставное литературно-политическое светило поискать свое место в советской партийной номенклатуре. Светило однозначно желало.

И ведь не скажешь, что Владимир Кириллович был полной бездарностью или патентованным душегубом. На фоне Дзержинских, Кунов, Розалий Землячек или петлюровских атаманов-беспредельщиков он — сущий ангел. Даже мухи не обидел! Правда, ни одной мухи и не спас. К тому же самокритичный. Он хорошо осознавал, что не обладает сильной волей, необходимой для государственного деятеля, любит бросаться в крайности, шархаться со стороны в сторону и лучше всего чувствует себя вдали от революционных масс

и административных проблем — за письменным столом. Еще до старта своей публичной политической карьеры в 1914 году Винниченко записал в дневнике о будущем гегемоне: «Робочий клас увесь п'яний». И о себе: «В мені є багато поганих і шкідливих якостей моєї природи, характеру і ще гірші звички. Я сам себе руйную... Я мушу внести якусь організацію, систему... А для цього насамперед потрібна воля, яка в мене зовсім не вихована, дика, як бур'ян. Вона може кинутись на перепону диким кабаном і зараз же зламатись, як суха билинка».

Всю жизнь Владимир Кириллович был убежденным дезертиром. Он бегал от службы в царской армии. Избегал родительских обязанностей, рассматривая женщину только как источник сексуального удовольствия. И всегда в критический момент ломался и прятался от ответственности. Власть невероятно легко далась ему. В 1917 году, унюхав сластолюбивым носом дух времени, он вскочил в Центральную Раду и даже умудрился (буквально из ничего — нигде никогда не служив!) стать первым премьером Украины.

Примечательно, что в своем правительстве Винниченко назначил морским министром Дмитрия Антоновича — своего приятеля по дореволюционным вояжам в Италию. Сын известного историка и автор книги «Естетичне виховання Шевченка», носивший в УСДРП партийную кличку Муха, тот видел море в основном на пляже. Можете представить, что за «адмирал» получился из этой Мухи! Такой же, как и «второй президент»! С подобными кадрами «українські визвольні змагання» просто не могли не прийти к своему логическому концу — полному краху. И если однажды Винниченко заметил, что украинскую историю невозможно читать без брома, то это в полной мере относится и к тому разделу, где фигурируют его скандальные деяния.

Лучше всего у Владимира Кирилловича получалась не практическая политика, а описания природы. Разве не замечательно звучат эти строки: «Свята пустельність дніпрових жовтих пісків з ріденькими кущиками, це широченне небо над нами, — в них страшенні чари! Я плачу й дивлюсь на синувато-зелений обшир по тім боці, що тягнеться в неосяжну далечінь на обрії... Вода в Дніпрі жовта, як перестояний чай, любовно хлюпочеться маленькими короткими хвилями об чистий ніжний пісок берега. Широчінь води поширює душу»...

Чувствуется, что существо, написавшее это, действительно любило поваляться на песке, наслаждаясь блаженным бездельем. Ну, зачем ему было желать еще и должности члена Политбюро Украинской компартии, за которую оно соглашалось продать Ленину и его компании идею независимости? А ведь возжелало!

В мае 1920 года вместе с супругой Розалией Лифшиц Владимир Винниченко по поддельным паспортам, где сладкая парочка значилась как Йозеф и Натали Симон отбывает на самолете в Москву. Да, именно на самолете — весьма экзотичном тогда виде транспорта. Скоростная транспортировка по воздуху сына крестьянина из-под Елисаветграда, совсем недавно научившегося пользоваться ножом и вилкой, демонстрирует, какой вес придавали в Кремле разложению украинского национального движения. (О ноже и вилке — не преувеличение. В дневнике Винниченко есть запись, где он рассказывает, как Розалия обучает его пользоваться столовым прибором. Кстати, в Елисаветградской гимназии соученики дразнили его за «дикость»).

Ксива. «Чешский» паспорт Винниченко на имя Йозефа Симона

В Москве путешественнику не очень понравилось: «Промисловість не росте, а падає, розвалюється. Пролетаріат іде частиною в село годуватись, частиною в спекуляцію»... В июле начинается конгресс III Интернационала: «По Москві чути гру музики, на урядових будинках мають червоні прапори і висять плякати з написами і портретами Маркса та Леніна. А вулиці обідрані, брудні, неохайні. Будинки з полупленими стінами, як у лишях і корості, постріляні й рябі, немов од віспи».

Но нужно устраиваться. Кремль предлагает Винниченко место в украинском советском правительстве. Тот сразу же требует сместить главу этого правительства — Христиана Раковского — как неукраинца по происхождению. «Замість нього має прийти хтось новий», — пишет Винниченко, явно намекая на себя. Троцкий предлагает ему должность поскромнее — военного министра Украины. После разговора с ним 19 июля «второй президент» записывает: «Тільки що мав розмову з Троцьким... Отже, мої портфелі мені забезпечуються: я буду військовим наркомом і членом воєнревсовета».

Троцкий. Обещал Винниченко пост военного наркома Украины

Винниченко соглашается командовать революционной армией Украины, хотя, напоминая, сам он ни дня не служил ни в какой армии, сбежав от призыва. Но в Политбюро есть и другое мнение. Лев Борисович Каменев буквально через три дня называет при встрече с Владимиром Кирилловичем разговор с Троцким «недоразумением». Каменев недолюбливает Троцкого. Он — видный член Политбюро, председатель Моссовета, будущий временный союзник Сталина. О командовании войсками не может быть и речи. Если Винниченко хочет работать на мировую революцию, он должен согласиться на пост заместителя Совнаркома УССР и наркома иностранных дел республики — по-нынешнему, вице-премьера и министра одновременно. Кроме того, его обещают выдвинуть в члены ЦК. Владимир Кириллович соглашается и выезжает в Харьков. Но портфельей ему все равно мало. Он требует ввести себя еще и в состав Политбюро Компартии Украины. Но места в Политбюро нет. Оно — не резиновый мешок для бывших петлюровцев.

И тогда Винниченко снова впадает в свое обычное «поэтическое» настроение. Новый Наркомзаксправ (так переводится на срочно создаваемый бюрократический украинский слово «Наркоминдел») грустит и исповедуется перед собой, записывая в дневнике: «Конфлікт стався... мене не допущено в Політбюро. Себто, єдиного, де хоч трохи можна було б брати участь в дійсній відповідальній роботі, мене позбавлено... Я категорично, рішуче й твердо заявив, що без участі в Політбюрі в партію не вступаю й з уряду виходжу... Бідні українці всяких політичних напрямів: вони так багато надій покладали на мій вступ в уряд».

15 сентября Винниченко пишет письмо Наркоминделу РСФСР Чичерину с просьбой выпустить себя за границу. Он очень боится, что его не пустят и навсегда замаринуют в стране победивших рабочих и крестьян. Но никаких проволочек! Никто не собирается мучить великого человека дальше. Московская бюрократическая машина работает, как часы. Меньше чем через неделю несостоявшегося члена Политбюро буквально пинком выбрасывают обратно в Европу к презираемой им буржуазии и мещанскому уюту. Жену под

мышку — и на поезд! На прощание 21 сентября Винниченко сливает свою депрессию в дневничок: «Речі знову упаковані. Через півгодини виїжджаємо на вокзал, на Петроград, Ревель, Берлін і т.д... Ні жалю, ні туги. Чуття втоми й порожнечі... Аж не віриться, що так і не вдалось жити й працювати на Україні для революції»...

Чичерин. Легко выдал Винниченко разрешение вернуться в Европу

Незадачливый революционер умер на своем хуторе во Франции в Мужене возле Канн в 1951 году, пережив и Петлюру, и Ленина, и Чичерина, и Каменева, и даже Троцкого. Он пописывал книги и картины, наслаждался тишиной и уютом, и больше не лез в большую политику. Разве что время от времени нахально доставал сильных мира сего скандальными заголовками своих произведений, вроде «Слово за тобою, Сталине!». Но вес его был так мал, что никому даже в голову не приходило гоняться за ним с ледорубом. Жизнь ушла в звонкие фразы.

Сеятель «бактерии» украинства

Зная критичную направленность моего творчества, читатель вправе спросить: а были ли, на мой взгляд, в украинской истории положительные персонажи? Да и я сам часто задаю себе этот вопрос. Жадный и хитрый Грушевский, пославший мальчишек под Круты, а сам сбежавший из Киева, а потом, когда все улеглось, упросивший большевиков пустить его назад на родину? Да еще и написавший советскому правительству, что он готов переступить через трупы убитых красными украинских героев! Какой же это положительный персонаж? Обычный негодяй и мошенник. Первый глава украинского правительства Винниченко, торговавшийся в 1920 году с теми же красными за пост уже в правительстве Советской Украины? Прощельга и больше ничего. Его ясновельможность Павло Скоропадский, почувствовавший себя украинцем только в тот момент, когда ему предложили стать гетманом и бросивший на произвол белых офицеров, защищавших его от Петлюры! Пусть гетман был умен, образован, остроумен, но на героя он никак не тянет. Симон Васильевич Петлюра? Но, как же быть с тем, что он докатился до должности цепного пса при Пилсудском и, не моргнув глазом, отдал Польше не только все наследие Даниила Галицкого, но еще и пообещал сохранить власть польских помещиков на той урезанной, куцей, марионеточной Украине, которую ему пообещали в 1920 году с польского панского плеча? Только мученическая смерть от пули наемного убийцы примиряет меня с Петлюрой.

Роешься в памяти, роешься, а из темноты вылезает только чья-то хитро улыбающаяся рожа со словами: «Маємо те, що маємо»... И, вдруг, в тот самый момент, когда меня уже готово было охватить отчаяние, я вспомнил: ЧИКАЛЕНКО! Евгений Харлампиевич Чикаленко — херсонский помещик и меценат, без которого, уверяю вас, никакой Украины не было бы. Имя его сегодня подавляющему большинству наших сограждан ничего не говорит. Но это он — человек, богатство которого мало чем уступало создателю Аскании-Новой барону Фальц-Фейну, профинансировал практически все украинские идеологические проекты начала XX столетия. Украинские газеты и журналы выходили за его счет. Студенты получали от него стипендии. Писатели — то, что сегодня называется грантами. А политические партии — финансовые инъекции, запускавшие их готовые остановиться в любой момент сердца.

Чикаленко знал всех в тесном украинском движении. И Грушевского, и Винниченко, и Михновского, и Сергея Ефремова. В Центральной Раде сложно найти хоть кого-то, кто не был бы его приятелем. Точнее, его «утенком», которого Евгений Харлампиевич, по собственному шутливому выражению, «высидел».

После Фальц-Фейна, промышлявшего, примерно, в тех же местах, что и мой герой, остались страусы и лошади Пржевальского, а после Чикаленко — весь тот зоопарк, который мы называем «национальным возрождением».

Добряк. Сразу виден отеческий характер Евгения Харлампиевича

Евгений Чикаленко, родившийся в 1861 г., был прямым потомком запорожских казаков. Часть из них после ликвидации Сечи была переведена на Кубань. Из другой части составили Бугское казачье войско. Вот в нем-то и нашел свое место дед Чикаленко, Иван Михайлович. Он дослужился только до урядника — казачьего унтер-офицера, а его двоюродный брат (кузен, как называл своего пращура по боковой линии Евгений Харлампиевич) погиб в войне 1812 года. «В храмі Спасителя в Москві, — писал в мемуарах Чикаленко, — де на стінах вирізані імена убитих в Наполеонівську війну офіцерів, стоїть і ім'я прапорщика Годорожія-Чикаленка, кузена мого діда».

Земля в Новороссии, как называли тогда нынешний юг Украины, отвоеванный при Екатерине II у Крымского ханства, стоила копейки. Экспорт хлеба давал баснословные прибыли. Если дед Евгения Чикаленко еще был простым урядником, то его отец стал одним из богатейших херсонских помещиков и выслужил на гражданской службе дворянство. Поэтому маленького Евгения (обратите внимание — модное дворянское имя сыну папа дал явно с оглядкой на героя пушкинского романа!) отдали на учебу во французский пансион в Одессе. Но там ему в руки попался том Гоголя: «Тарас Бульба зробив на мене таке вражіння, що я цілими днями не міг ні про що думати, як тільки про запорожців у червоних жупанах з оселедцями на голові: вечорами я довго не міг заснути і все мріяв про те, як би його, як Колумб, найти нову землю і там заснувати Запорізьку Січ; або величезною китайською стіною обнести давнє Запоріжжя, про яке раніше я читав у нашому підручнику, але не звертав уваги».

Наша Родина 100 лет назад. Кто скажет, что в ней тогда уже перевелись амазонки?

Приехав на каникулы в родные Перешоры, Евгений поделился своими фантазиями с братом. Тот выругал его и сказал, что примет меры, «щоб мене вилікували від тих фантазій». Но всю последующую долгую жизнь Чикаленко будет пытаться вернуть выдуманного гением Гоголя Тараса Бульбу на землю Украины. А получатся будут только Грушевские, Винниченки и прочие «гадкие утятя».

Отец Евгения Чикаленко рано умер. С матерью он разошелся еще до смерти, и детей воспитывал дядя — жесткий и ехидный реалист. Учеба в Одесском пансионе, где вольного сына степей заставляли разговаривать по-французски, быстро надоела. Мальчишку, грезившего идеями воскрешения запорожцев, перевели в Елисаветградское реальное училище. Там он жил в семье Тобилевичей — создателей первого украинского профессионального театра. Три брата Тобилевича — это те самые Панас Саксаганский, Николай Садовский и Иван Карпенко-Карый, известные школьникам по сценическим и литературным псевдонимам. А их отец, Карп Тобилевич, — прототип главного героя одной из самых смешных украинских комедий, написанных его сыном, — «Мартына Борули».

Как вспоминал Чикаленко, «крім революційної літератури, ми захоплювались Добролюбовим, Писарєвим, а особливо Чернишевським... «Что делать?» Чернишевського зробило на мене таке вражіння, що я, захопившись Рахметовим, зняв матрац з свого ліжка і довгий час спав на голих дошках, як і той герой Чернишевського. Багато з нас захоплювались так званім нігілізмом і відкидали поезію, музику, а деякі доходили до негування звичайних правил пристойності: наприклад, скидали на головній вулиці чоботи і сушили на тумбочках умисне найбрудніші онучі»...

Мог бы Чикаленко не вспоминать эти портянки, которые его однокашники по реальному училищу в Елисаветграде сушили прямо на тротуаре? Наверное. Но он обожал писать только непричесанную правду со всеми смачными подробностями. Поэтому и деятели украинского освободительного движения встают со страниц его мемуаров, как живые. Иногда кажется, что они даже пахнут — кто портянками, кто супом, кто деньгами.

Настроєння у подростка Чикаленко були самі ідеалістическіє. Типична дурь дворянського недоросля епохи Александра II Освободителя: «Я, як і багато моїх товаришів, мріяв про те, що, як буду дорослим, то роздам свій маєток селянам, а сам припишуся до селянської громади, провадитиму життя простого селянина і буду таким способом проливати світ в народну масу».

На каникулах будущий меценат став читати сільським хлопцям Тараса Шевченко и Марко Вовчок. Дядя, узнав об этом, высмеял его: «Ти мужикам читаєш, а вони бздять тобі під ніс».

Не в пример нынешним шароварным патриотам, Чикаленко не стеснялся признаться, что Украина возникла благодаря... Российской империи. «До Хмельниччини Україна, — писал он, — кінчалася Чернігівщиною, Прилуччиною та Лубенщиною за Дніпром, одрізана від Чорного моря татарами, а тепер вона займає вдвоє більші простори на лівім березі Дніпра, ніж на правім, і колонії свої розкидала, як аванпости, далеко за Волгою, за Каспієм, по всьому Сибіру аж до Зеленого чи Сірого Клину над Великим океаном. Це компенсація за Віслоччину та Засяння, що поляки забрали у нас силою на заході, певне, навіки. А український народ завоював оцю величезну територію не мечем та гарматами, а плугом».

Чикаленко с друзьями. Простые и доступные «новые украинцы» начала XX в.

Описывая дни своей молодости, Чикаленко совершенно честно указывает причины слабости украинского движения. Император Александр II, по его словам, «був дуже популярний серед усіх верств людности за визволення селян з неволі, за новий суд, земство та інші реформи». Убийство этого царя террористами-народовольцами «обурило тоді проти революціонерів як більшість інтелігенції, так і все селянство, яке казало, що пани вбили царя за те, що він відібрав від них кріпаків». Он признает, что «про самостійність України, суверенність її державного життя тоді ще, чи вже, й мови не було. Відсутність якого б не було протесту проти указу 1876 року, яким заборонено було українське слово, доводила повне безсилля української інтелігенції і повну темноту народу».

Все надежды первых «будителей» Украины 80-х годов XIX века были, как и у героев

Ильфа и Петрова, на то, что за граница нам поможет: «Німці не потерплять дальшого зміцнення Росії і колись зорганізують коаліцію проти неї і розіб'ють цю величезну державу на її природні складові частини: Фінляндію, Прибалтику, Польщу, Україну і т. д. А до того часу нам треба сидіти смирно, тихо і в межах дозволеного»...

Но мудрая политика Александра III не оставляла никаких шансов на немецкое вторжение. Первым делом этот царь открыл Крестьянский банк, раздававший дешевые кредиты бывшим крепостным на покупку панской земли. Дворянские поместья потихоньку стали переходить в руки кулаков. Крестьяне так увлеклись идеей личного обогащения, что им было не до самостийной Украины. Как вам читать у Чикаленко такое: «Олександр III, вступивши на престол, повів рішучу боротьбу з революціонерами; винищивши майже зовсім народовольців, він заходився коло реформ на користь селян, аби відібрати ґрунт у революціонерів. Він заснував Селянський земельний банк, за поміччю якого багато панських земель перейшло в руки селян, тим більше, що жидам було тоді заборонено купувати та орендувати землю, чим відкинуто було одного з діяльних конкурентів, охочих до купівлі землі».

Чикаленко. Меценат-мемуарист

Тем не менее, поместье самого Евгения Харлампиевича было образцовым. Он вел дела на заграничный манер, улучшая породы скота, методы обработки земли и импортируя американскую технику: «Бажаючи облегшити працю робітників, я позаводив у себе в господарстві американське знаряддя. Американський фермер сяде собі на плуг з сідалом і, не втомлюючись, виоре скільки йому треба... Але виявилось, що для нашого некультурного робітника це знаряддя не підходить: як тільки господар чи економ скривуються з очей, він починає дрімати, сидячи на вигідному пружинистому сідалі, і врешті засне, а коні теж, не чуючи принуки, йдуть повільніше, поки не постають та, гризучи траву, не позаплутуються. Бачачи це, селяни, бувало, кажуть мені: «Нашому чоловікові треба такого плуга, щоб видивався йому з рук, щоб він упрів... Так само, як торгувати нашому чоловікові можна тільки дьогтем та білою глиною, чи вапном, щоб не міг з'їсти свого краму». Справді, довелося більшість американського знаряддя скласти до сільськогосподарського музею».

Несмотря на яростный саботаж трудолюбивых крестьян Херсонщины, засыпавших верхом на американских плугах и сноповязалках, передовику капиталистического производства Евгению Чикаленко удалось добиться того, что даже комиссия имперского Министерства земледелия и государственных имуществ признала, что хозяйство помещика Чикаленко ведется «чрезвычайно правильно и искусно», и присудила ему за это золотой нагрудный знак.

К сожалению, новатор был вынужден констатировать, что его прогрессивные начинания не оказывают никакого влияния на хозяйства его односельчан: «Я упевнився в тім, що селяни вважають недоступними для себе всякі поліпшення, які можна легко їм перейняти, тільки через те, що вони заведені у великому господарстві... Мені стало очевидним, що тільки маленькі зразкові поля, розміром не більші за середнє селянське, можуть впливати на селянське господарство».

После этого Чикаленко стал уменьшать свою собственную запашку и отдавать землю крестьянам в аренду за четвертую часть урожая. Наделы он отдавал только с тем условием, чтобы на них поддерживался обязательный севооборот, а земля обрабатывалась теми же методами и инструментами, что и при пане. Передовой помещик даже выдавал арендаторам лучшие сорта семян. Поначалу крестьяне, привыкшие работать по найму, неохотно расширяли свое хозяйство. Их приходилось даже уговаривать брать землю в аренду! Но постепенно мужики втянулись, почувствовали вкус к самостоятельному хозяйствованию и перестали дремать на удобных сидениях американских плугов.

Большую часть прибыли от своего поместья Чикаленко вкладывал в свое хобби — создание Украины. Но дело продвигалось крайне туго. Пришло, скажем, однажды в голову меценату пожертвовать 1000 рублей (гигантскую по тем временам сумму — 20 месячных жалований младшего офицера!) на написание популярной истории Украины в одном томе. Редакция журнала «Киевская старина» охотно приняла эти деньги и объявила конкурс. Но никто в назначенный срок не написал книжку, и даже не сел за нее! Только краем уха Чикаленко услышал, что историю Украины в одном томе пишет «кацапка» из-под Мурманска Александра Ставровская — супруга украинского историка Ефименко. Добрый Чикаленко распорядился выплатить ей аванс. Но когда госпожа Ефименко закончила свое произведение, завистники из «Киевской старины» во главе с профессорами Грушевским и Антоновичем заявили, что оно написано «не с тех» позиций, и отказались книгу публиковать. Так жаба задавила первую популярную историю Украины для детей.

Если бы вы знали, сколько еще раз Евгению Чикаленко приходилось попадать в подобные ситуации! Даст деньги потенциальным Тарасам Бульбам на «українську справу», а те их украдут или прогуляют.

До революции 1905 года на территории Малороссии, как официально называли в Российской империи Украину, не было газет, печатавшихся на украинском языке. Деятелям «украинства» казалось, что как только цензурные преграды падут, украиноязычная пресса сразу же завоюет бешеную популярность. Искренне надеялся на это и Евгений Чикаленко. Тем более, что он стал спонсором первой такой газеты — «Громадська думка». Фактически она выходила за счет «вливаний» Евгения Харлампиевича и еще одного мецената — сахарозаводчика Василия Симиренко.

Симиренко. Финансировал все

«Громадська думка» появилась на газетном рынке в самом конце 1905 года. Ключнув на новинку, поначалу на нее подписались целых 4093 человека. Сила! А через полгода их количество упало до... 1509-ти. В редакции начались склоки. Кто виноват?

Весьма амбициозный и неуживчивый составитель первого словаря украинского языка Борис Гринченко утверждал, что газета не имеет успеха, потому что она «зовсім не українська, а російська, тільки писана українською мовою», и потребовал сменить редактора Матушевского. Редактор отвечал, что узкими украинскими вопросами интересуется не больше тысячи человек, а остальные требуют от газеты информации, которой живет вся Россия. Другие поддержали его и высказали мысль, что «Громадська думка» провалилась, потому что печатает запоздавшую информацию и не может конкурировать с русскоязычной «Киевской мыслью», буквально забитой телеграммами от собственных корреспондентов со всего мира.

Чикаленко ухватился за голову. В конце концов, это он давал денежки на сумасшедшее предприятие, и он же нес главные убытки. Как бизнесмен Евгений Харлампиевич попытался разобраться в подлинной причине бегства читателей. И пришел к парадоксальному выводу. «Украинский» язык «Громадської думки» был НЕ ПОНЯТЕН самим украинцам. Редакция, по примеру галицких газет, забивала статьи польскими и немецкими словечками — лишь бы они были не похожи на русские. А простой украинец эту дурь не понимал, как не понимает сегодня «летовища» и «етери», которыми морочит головы зрителям наше скудоумное телевидение.

Повторяю, Чикаленко был честным человеком. Поэтому в мемуарах, описывая провал первой украиноязычной газеты, он признал: «МОВА НАШОЇ ГАЗЕТИ ДЛЯ НИХ ЗОВСІМ ЧУЖА, нею обурюються й люди, які щиро хотіли б, щоб розвинулася наша преса».

Никакого выработанного литературного языка, понятного большинству «украинцев», не существовало! Вот вам отрывок из воспоминаний Евгения Чикаленко: «Один селянин-полтавець, П. Оправхата, великий націоналіст, з жалем казав мені, що ми самі відвертаємо

читачів від нашої газети якимисьь видуманими словами, виразами, що їх ніхто не розуміє, і для прикладу привів навіть таку фразу з газети: «Не варто було в'язневі тікати, бо на брамі стояла варта». Виявилось, що на Полтавщині не розуміють слів: не варто, в'язень, брама і варта. Окрім того, багато шкодив і правопис: всі звикли до російського і зразу не розбирають нашої газети і з обуренням кидають її і не хочуть читати».

Но и люди образованные, например, полтавский помещик Бобир-Бохановский, по словам Чикаленко, жаловался ему на выдуманный язык «Громадської думки»: «Хіба це по-нашому? Це по-хорватськи або по-словацьки, тільки не по-нашому: ну, прочитайте самі хоч оцю передову статтю: «Суспільний рух з протягом часу набрав такої сили і прибрав таку форму, що уряд наш і т. д. Ну, хто розбере цю фразу? Що таке «суспільний», що таке «рух»?

Після моїх пояснень він і каже:

— От і треба було так і сказати: «С теченієм времені наше движеніє приняло такіі розміри і форму, що правительство наше» і т. д.».

Размышляя о причине конфуза, Чикаленко пришел к выводу, что читатели исчезли не только из-за того, что «мова нашої газети для них зовсім чужа», но и по той причине, что, как он выразился, «народня мова на Україні не однакова: полтавці не розуміють і обурюються словами подільськими, навіть київськими». По сути, еще в начале XX века Украину заселял не единый народ, а несколько племен, говоривших на сходных диалектах: воляняне, подоляне, полтавчане, черниговцы... Они плохо понимали даже друг друга — тем более, срочно изобретенную оторванными от народа интеллектуалами украинскую «мову».

Ни простая народная, ни образованная интеллигентная Украина не воспринимала того искусственного «украинского» языка, который выдумывала назло всем крошечная группка полупомещаных на своих идеях националистов!

Не знали будущие «украинцы», и кто такой Тарас. Тот же Чикаленко (украинизатор из украинизаторов — десятки тысяч царских рублей выбросил на свою панскую затею, чтобы не скучать!) не без юмора вспоминал, как до революции он разъезжал в целях пропаганды своих идей по железным дорогам в вагоне третьего класса — вместе с народом — и специально держал развернутым «Кобзарь»: «На правобережных залізних дорогах ніхто з селян не поцікавився, яку я книжку читаю, хоч я навмисне лишав розгорнутого «Кобзаря» на лавці: на лівобережных дорогах раз-у-раз селяни питали мене про книжку, яку я держав в руках, або просили почитати»... Пытаясь найти объяснение этому феномену, Чикаленко пришел к выводу, что Шевченко часто бывал и долго проживал на Полтавщине. Там о нем хоть что-то слышали. А для так называемой Правобережной Украины он оставался совершенно неизвестным — чужим.

Мемуары и дневники Евгения Чикаленко, изданные крошечным тиражем всего в одну тысячу экземпляров, сегодня замалчивают именно по этой причине. Они, красноречиво свидетельствуют, что никакого всеукраинского народного культа «Великого Кобзаря» не существовало (его насадят сверху через школу только большевики-украинизаторы в 20-е годы! а то, что мы сегодня называем «державной мовой», не понимали даже украинские крестьяне, во имя которых якобы трудились деятели «відродження»!

Кроме того, содержание «Громадської думки» противоречило взглядам потенциальных подписчиков. Чикаленко признал, что она «взяла тон занадто ворожий до всіх заможних клас та до духовенства і ставилася прихильно тільки до робітників та до селянства, а вони нічого не знали про газету, бо або неграмотні, або так малограмотні, що не вчитують газети».

Сразу же после возникновения украинского движения в нем резко обозначился раскол

між українцями та галичанами. Їх розділяли границя двох імперій, віра, психологія та фінансові можливості. «Український П'ємонт» — тоді, як і сьогодні, був дотаційним регіоном. Він нічого не заробляв — тільки проїдав. Фактично меценати з такої званої російської України мали культурологічні товариства на території Галиції — перше з них, НТШ («Наукове товариство ім. Шевченка»), за їхні гроші будувалися і Академічний дім у Львові. Василь Смирєнко тільки в 1912 році видав голові НТШ Михайлу Грушевському на ці цілі 100 тисяч золотих рублів. Цей цукрозаводчик платив українським організаціям добровільний 10-відсотковий податок з усіх своїх доходів!

Євгеній Чикаленко теж не скупився: «Коли проф. М. Грушевський закликав у часописах українське громадянство до збору грошей на будівлю Академічного діму у Львові, в якому б мали дешево помешкати студенти університету та політехніки, я послав йому на цю ціль, здається, 25 тисяч карбованців, з умовою, щоб студентам з Наддніпрянської України давалися кімнати в першу чергу і таким чином вони були б забезпечені хоч недорогою квартирою».

Але, познакомившись ближче з ситуацією на Галичині, Євгеній Харлампієвич испытал жестоке розчарування: «Кар'єризм, матеріалізм, бездіяльність та кав'ярне виховання, як сліпе наслідування поляків, які я тоді помітив у галицьких студентів, і у наших, що там виховувалися, одвернули мене від думки спроваджувати нашу молодь до Галичини в такій мірі, що коли моя дочка намірилася вступити разом з панною Грінчинківною до Львівського університету, то я настояв, щоб вона їхала до Швейцарії, в справжню Європу, а не на «європейський смітник», як тоді називали на Великій Україні Галичину, куди австрійський уряд викидав своїх найгірших урядовців».

Багатий поміщик Євгеній Чикаленко був економічно абсолютно незалежним. Він міг скільки угодно фронтити проти Російської імперії, але царське правління свято блюло його економічні інтереси як російського дворянина. Владілець Перешор не турбувався про кар'єру, не заискивав перед сильними світу сього і не гнув ні перед ким спину. І таких українців, як він, в Росії було багато: Терещенки, Тарновські, Скоропадські, сотні родів малоросійського дворянства, крістьяне, багатіючі від тучної землі колишньої Гетьманщини і Новоросії.

Зовсім інша ситуація була в Галиції. Земля тут належала польським дворянам, торгівля — єврейським фінансистам, а влада — австрійським чиновникам. Уже тоді Галичина в мініатюрі переживала те, що сьогодні, як рак, їсть всю Україну — її управляла Європа напряму, при цьому сотні тисяч галичан убігали в еміграцію, не знаючи, чим прокормити сім'ю. Драпали влітку до Канади і США. Це і передвизначило ті риси галичанства, які зорко помітив Чикаленко: «Тодішня галицька молодь вражала мене своїм поверховим лоском та розвитком, відсутністю солідної освіти, бо вона не працювала поза обов'язковою університетською наукою, не читала книжок, а жила тільки газетками по кав'ярнях, плітками про старших політичних діячів та боротьбою з поляками за посади, зв'язані з матеріальними інтересами. Їх найбільше цікавило те, хто як «стоїть» матеріально, хто як «ситуований», яка в його «реальність», тобто власність, маєток».

Самому Чикаленко його меценатство приносило тільки втрати. Нова газета — «Рада», яку він взявся фінансувати на паях з Васи́лем Смирєнко, оказалась бездонною прорвою, поглинавшою щороку десятки тисяч рублів. І 20 августа 1910 року Чикаленко записує в щоденнику: «Мені вже самому перед собою соромно, що я раз у раз усім і на

словах, і в листах скаржусь, що не маю чим тягнути далі «Раду», але, здається, мені не вірять, що я вже другий рік позичаю гроші, щоб оплатити дефіцити по виданню газети... Я просив добути мені десь на льотних умовах 10 тисяч руб. до 1913 року».

Газета «Рада». И ее, и «Громадську думку» не понимали украинцы

Приходилось искать спонсоров и сеять, как выражался Чикаленко, «бактерию украинства» среди соседей. Некоторые проявляли интерес, но не слишком активный. Распропагандировал богатого таращанского помещика Ивана Яневского, отец которого стал миллионером из простых крестьян на торговле скотом, Чикаленко записывает в дневнике 27 августа 1909 года: «Рух наш держиться майже виключно тільки поповичами, а матеріально підтримується двома-трьома капіталістами, що вийшли з низів... Не знаю, чи вийде що реальне з нашої розмови, але прощаючись, Яневський обіцяв бувати у мене. Очевидно, бактерія українства оселилась в ньому і починає потроху реагувати... Яневський висловлювався, що й він почуває за обов'язок допомагати українському національному відродженню. Побачим.

Але в розмові з ним я й словом не натякнув, що сподіваюся від нього заповоги на «Раду», щоб не залякати і не відштовхнути його з першого ж знайомства. Нехай пізніше, коли познайомимося ближче».

«Бактерия украинства», несмотря на все финансовые вливания в нее, пошла в рост только в годы Первой мировой войны. Чудовищная ошибка трех империй — Австро-Венгерской, Российской и Германской — положила конец экономическому росту и процветанию. Фронты и миллионы человеческих жертв вызвали разочарование в традиционной монархической власти. Только на этой почве трупного разложения (что делать, если это так!) взошли цветы различных национализмов — чешского, польского и, естественно, украинского. Но мечты, ставшие реальностью, не очень радовали мецената. В первый же день 1919 года, когда петлюровская Директория радостно встречает в захваченном у гетмана Скоропадского Киеве Новый год, в дневнике Чикаленко появляется такая запись: «Сьогодні один студент, що служить в вартовому відділі, оповідав про

«контрасти» Винниченка в житті. На варті в палаці вони голодні, холодні бачать, як Директорії готуються всякі розкішні страви, подаються вина в такій кількості, що член Директорії Андріївський щодня такий п'яний, що ледве на ногах держиться, очевидно, такі «контрасти» не піднімають авторитету власті. Не дурно один жид казав в редакції «Нової Ради»: «Недавно за Петлюрою шел весь народ, а тепер и десяток душ гимназистов не пойдет!».

Уже в емиграции в 1921 году в Бадене Чикаленко грустно констатировал: «Я теж гадаю, що Петлюрі не пощастить збудувати держави, коли він схоче і після визволення України стояти на її чолі. Українці ніколи не помиряться на тому, щоб на чолі держави як автократ був їхній чоловік, як це вже бувало на протязі нашої історії... Нашу державу, як і колись, може збудувати тільки якийсь Варяг. Я гадаю, що у Петлюри стане й розуму, й патріотизму на те, щоб, довівши Україну до Установчих Зборів, запропонувати їм запросити якогось англійського чи шведського, чи, може, й німецького королевича, який прийшов би з своєю гвардією міністрами... і збудував би нам державу. Без королевича якогось хоч «віда дурацького» ми держави не збудуємо, — це для мене тепер ясно».

Таков был печальный итог великого сеятеля «бактерии украинства» — Евгения Харлампиевича Чикаленко. Он умер в Праге в 1929 году. В крайней бедности. Полностью разорившись на азартном увлечении своей жизни. Но я не стал бы бросать в него камень. Точно так же и даже еще хуже кончили тысячи других помещиков, не имевших никаких хобби, кроме псовой охоты. Революция отобрала у них все. А после Чикаленко все-таки остались мемуары и два тома талантливейших дневников с честным свидетельством плодов его селекционной деятельности: «Бачив масу українців, і багато між ними «гадких утьонков», що я висидів в «Раді» і за діяння яких тепер доводиться червоніти».

Увы, проглотив в детстве залпом гоголевскую повесть, Чикаленко не понял главной мысли ее автора — Тарас Бульба и его соратники были, прежде всего, русскими людьми. Недаром ведь Гоголь вложил в уста своего старого казацкого полковника великую фразу: «У последнего подлюки, каков он ни есть, есть и у того, братцы, крупица русского чувства».

Не те яйца высиживал Чикаленко. Не ту «бактерию» сеял. Да и нужно ли сеять бактерию, когда есть зерна?

Как Лазарь Моисеевич с Израилем Юделевичем Украину украинизировали

У нас обожают говорить о «русификации», насаждавшейся царской Россией и СССР. Но очень не любят вспоминать о насильственной украинизации 20-х годов, проведенной советской властью. Историки хорошо знают о ней все. Но на официальном уровне в нашей «свободной» стране их не слышат.

Специально возьму для примера очень известную книгу «Украина: история» канадского профессора Ореста Субтельного. В начале 90-х она была бестселлером. Выдержала несколько изданий огромными тиражами. Так что, найти ее и проверить мои слова — проще простого. Достаточно заглянуть в любую библиотеку или на книжный рынок «Петровка».

Сталин и Каганович — великие украинизаторы

«У 1923 р. на XII з'їзді партії, — пише Субтельный, — її керівництво покляло початок політиці коренізації. Воно заклиало спільними зусиллями добитися, щоб у партію та державний апарат йшли не росіяни, щоб службовці вивчали і користувалися місцевими мовами, щоб держава підтримувала культурний і соціальний розвиток інших народів. Український різновид цієї політики називався українізацією.

Перш ніж братися за українізацію, належало провести зміни в партійному керівництві України. Це керівництво переважно складалося з присланих із Москви радянських урядовців чи місцевих євреїв. В основній масі вони не виявляли великого розуміння необхідності українізації й ще менше були схильні втілювати її».

Субтельный не особливо розпространяється о причинах такого непонимання в українських партійних кругах. Но она заключалась в следующем. До революции украинцы считались частью единого русского народа, состоявшего официально из трех ветвей — великорусской, малорусской и белорусской. Жители городов разговаривали на русском языке. И даже крестьяне предпочитали читать написанные по-русски книги.

Революция показала, что подавляющая масса населения Украины не поддержала курс Центральной Рады на отделение. Большинство украинцев сражались или в красной, или в белой армиях, или у батьки Махно и других атаманов. На Грушевского, а потом Петлюру ориентировалось меньшинство.

Победив в гражданской войне, красные создали Украинскую социалистическую советскую республику, включив в нее, кроме традиционных «малороссийских» областей (бывшей Гетманщины Богдана Хмельницкого), еще и три новороссийские губернии — Таврическую, Екатеринославскую и Херсонскую, завоеванные в XVIII веке у татар Екатериной II, а также Донбасс, относившийся до этого времени к Области войска Донского.

Сделано это было, чтобы наказать донских казаков, поддержавших в гражданской войне белых, и разбавить крестьянскую массу украинского народа рабочим классом востока и юга. Но разговаривал этот рабочий класс, естественно, по-русски. На это справедливо указывали московскому руководству некоторые местные коммунисты, например, видный деятель компартии Дмитрий Лебедь, который говорил, что русская культура связана в Украине с прогрессивным пролетариатом и городом, а украинская — с отсталым крестьянством.

«Хоч ідеї цього діяча поділялися багатьма його зверхниками у Москві, їх вважали передчасними, — продолжает Субтельный, — тому його та ряд інших визначних партійних чиновників-неукраїнців відкликали. На їхні посади призначили таких лояльних і дисциплінованих представників Москви, як Лазар Каганович (український єврей, котрий очолив партапарат України й був готовий проводити лінію партії на українізацію), або українців, які щиро зичили успіху українізації».

Сегодня у Лазаря Моисеевича в Украине плохая репутация. Ультранационалисты регулярно называют его «катом українського народу». А ведь какая несправедливость! Именно этот «кат» и взялся со всей свойственной ему энергией за воплощение в жизнь политики украинизации — то есть переучивание горожан, независимо от их происхождения, на украинский язык села.

Дело это было в высшей степени непростое. Ведь никакого выработанного литературного языка, понятного большинству «украинцев», которых срочно в массовом порядке создавали по приказу из Москвы, не существовало! Помните, как тужил по этому поводу Евгений Чикаленко?

Но то, что приводило в ступор просвещенного украинца Чикаленко, совершенно не смущало еврея Кагановича. Если эти так называемые украинцы не желают говорить на этом никому не понятном, новоизобретенном украинском языке, мы их заставим! Заставим со всей большевистской энергией и энтузиазмом! И горе тем, кто нам не подчинится — партия ему покажет кузькину мать!

Лазарь Моисеевич Каганович

Кагановичу деятельно помогал бывший комиссар юстиции Николай Скрыпник, переквалифицировавшийся в наркома просвещения. В 1923 году партийным и государственным чиновникам приказали пройти спецкурс украинского языка. Через два года его ввели в государственную переписку. А в 1927-м Каганович постановил, что все партийное делопроизводство будет вестись только по-украински.

«Працюючи з майже одержимою заповзятістю», по словам Субтельного, Скрыпник добился того, что более 80 % общеобразовательных школ преподавали на украинском языке. Пик украинизации совпал, как ни странно, с голодомором 33-го года, когда кулачество стали уничтожать как класс. Именно в этом году из 426 газет республики 373 выходили на украинском языке. А если мы посмотрим на снимки этого периода, то обнаружим, что все лозунги, призывающие уничтожать кулаков, написаны на украинском языке.

В городах, где традиционно разговаривали по-русски, а также в Новороссии, в которой разговорным исконно был только русский язык, политику Кагановича и Скрыпника воспринимали когда с иронией, а когда и с откровенным раздражением. Профессор Толстой из Одессы даже высказался с полной откровенностью: «Я считаю всех товарищей, которые перешли на чтение лекции на украинском языке, ренегатами».

Постепенно и в Москве начали понимать, что перегнули палку, заставив украинизироваться, словно стричься под горшок. Официально считается, что с середины 30-х курс на украинизацию стали сворачивать. На самом деле, это не так. Его просто смягчили, добавив в школы вторым языком русский. Но большинство книг, газет, а в 50—70-е годы и телепередач продолжали выпускать только на украинском языке.

Сложилась удивительная ситуация. Народ хотел читать по-русски, а Спілка письменників впаривала ему свою продукцию на украинском по принципу — лопай, что дают. Партия и правительство поддерживали эту политику. Хорошо помню, как в середине 80-х я ходил в литстудию при Киевском доме ученых. Почти все участники ее — городские молодые люди — писали по-русски. Но публиковаться было негде! В УССР выходил только

один русскоязычный литературный журнал — «Радуга». Самодовольные члены Союза писателей, иногда заглядывавшие к нам, важно надувались в ответ на наши претензии: «От напишете щось путне, тоді й опублікують!» Нас они не слышали — ведь их защищала советская государственная монополия.

У нас любят рассказывать о жестокости советского режима по отношению к сознательным украинцам в 20-е годы. На самом деле это не так. Разбив Петлюру, большевики сразу же стали переманивать бывших петлюровцев на свою сторону. В Украину из эмиграции приехал Юрко Тютюнник — бывший генерал УНР. На родине он занялся литературной деятельностью. Советское государственное издательство в Харькове уже в 1924 году выпустило его мемуары «С поляками против Украины».

Его судьбу повторили и многие другие известные по школьным хрестоматиям «письменники». Например, популярный юморист Остап Вишня. При царском режиме он окончил военно-фельдшерскую школу в Киеве. Но медициной занимался недолго. Во время «визвольних змагань» гражданской войны пописывал юморески для петлюровских газет. А потом занялся тем же в газетах советских. Между прочим, откликнулся в свойственном ему сатирическом стиле и на убийство Петлюры в Париже. Не сдержался! А мог бы! Ведь служил когда-то главному атаману!

Бывший офицер русской армии Петро Панченко оказался сначала в петлюровской артиллерии, а потом... в советском союзе писателей Украины. Петлюровскую молодость он вспомнил в повести «Голубые эшелоны», описав режим УНР как республику на колесах. А потом сочинял для детей — о хороших красных и плохих петлюровцах и белых. Как он так перестроился — уму непостижимо! Я б не смог!

Но самым знаменитым экс-петлюровцем на службе советской литературе был Владимир Сосюра. Совсем молодым мальчишкой он дослужился до бунчужного — по-нынешнему, сержанта. Потом вместе со своим командиром — атаманом Волохом перешел к красным. Как утверждал впоследствии, по убеждению. А дальше пошло-поехало — поэмы про Мазепу в перемешку с поэмами, восхваляющими советскую власть. От перенапряжения и внутренней раздвоенности чуть не сошел с ума. Даже сидел в харьковской «дурке». Несмотря ни на что, оставил очень талантливую книгу «Третья рота» — о своих приключениях в 1918-1920-м годах. Советую почитать — замечательно описано, как петлюровцы расстреливали пленных. Вышла книжка уже при независимости. В советские времена цензура не пропускала ее из-за натуралистических сцен.

Служил в молодости у Петлюры и автор фильма «Щорс» кинорежиссер Довженко. Попал в плен к красным. Но те его не съели и не порезали его кожу на кобуры для наганов, а выучили на «кіномитця». Выучился так славно, что в разгар голодомора снял классический фильм «Земля» — о сытых наглых кулаках, убивающих на селе коммунистов. В действительности все было наоборот. Но Довженко предпочитал этого не замечать — жить же надо было! Числился он и по Союзу писателей — как автор сценариев.

Всеми этими бывшими головорезами из петлюровских банд, неожиданно превратившимися в деятелей культуры, надо было кому-то руководить. В 1934 году образовали Союз писателей Украины.

Его главой назначили Израиля Юделевича Кулика — уроженца города Шпола на Черкащине. В независимой Украине ему не повезло из-за национального происхождения. Очень уж не любят вспоминать у нас, что первым председателем украинского Союза писателей был еврей. Тем не менее, это факт, против которого, как говорится, не попрешь.

Израиль Юделевич Кулик

Большинство уроженцев Украины, до революции окончивших гимназию и занимавшихся литературой, бежали от политики украинизации в Москву. Так поступили Валентин Катаев, Ильф и Петров, Бабель, Булгаков, Нарбут. А согласившимся украинизироваться литераторами рулил из Харькова Кулик. Это было его «болото».

Человек этот имел необычную биографию. Родившись в 1897 году, он поступил в Одесское художественное училище, а потом в 17 лет эмигрировал в США. Работал там на шахтах Пенсильвании и пописывал на русском языке в социал-демократическую газету «Новый мир». Узнав о революции, бросился в Россию и уже в октябре 1917-го руководил в Киеве ревкомом. А в декабре того же года стал самым молодым членом Советского правительства Украины — наркомом иностранных дел. В 20-е годы работал консулом в Канаде. И только потом наставлял на путь истинный писателей. Кончил плохо — расстрелян в 1937-м году. Между прочим, как украинский националист. В книге «Писатели Украины — жертвы сталинских репрессий» цитируется его признание на следствии: «Я настільки зрісся з українськими націоналістами, що коли... запропонували мені — єврею — вступити до української націоналістичної контрреволюційної організації, я розцінив це як висунення мене на роль «рятувальника» українського народу».

Жаль, что этот человек, так много сделавший для «украинизации», теперь несправедливо забыт.

Насаждение шевченкомании

Одним из проявлений политики украинизации стал государственный культ Тараса Шевченко, который внедряли в массы коммунисты. Перед Первой мировой войной попытки установить в Киеве памятник Шевченко вызвали недовольство общественности. Против монумента этому «религиозному и политическому анархисту» протестовал в своем письме министру внутренних дел в 1914 году киевский священник Алабовский.

Тарас Григорьевич Шевченко

Большевики эту проблему мигом решили! Памятники Шевченко установили и в Киеве, и в Харькове, и в Каневе, и везде, где можно. Так спешили, что киевское и каневское изваяния Кобзаря отлили из одной формы, как оловянных солдатиков. Именно советская власть стала печатать произведения Тараса многотысячными тиражами и забивать ими школьную программу.

С утверждением культа Шевченко так спешили, что даже выгнали из домика, где когда-то он снимал квартиру, жильцов. Вот как описывает эту ситуацию академик Сергей Ефремов в своем дневнике 1927 года: «Знайдено на Козиному болоті дімок, де жив колись Шевченко. Академія прибила там дошку з відповідним написом. А київський виконком заходився реставрувати той будиночок... Вигнали пожилців, розруйнували будівлю, обставили риштованням та й... покинули напризволяще. Дві зими стоїть будинок у такому стані».

Дальше Ефремов описывает, как народ стал разносить эту хату на дрова. Но, видимо, до конца не разнес. Так как сейчас именно в этом домишке в двух шагах от Майдана Незалежности находится филиал музея Шевченко. Довела все-таки советская власть его ремонт до конца!

Сосюра — классик из дурдома

Его биография составила бы честь любому литератору — скандалист, бабник, завсегдатай психиатрических клиник, «истинно пролетарский» мастер пера и... бывший петлюровец.

Признаюсь, я всегда питал к нему некоторую слабость. На фоне скучных литературных рыл из «Спілки письменників» этот элегантный тип выделялся лица необщим выраженьем. Он тоже приспособливался, тоже сочинял «нужные» и «правильные» поэмы. Но до конца его так и не обломали.

Богоспасаемое место. Храм Благоверного Александра Невского на Сабуровой даче, где лечили Сосюру

В пору полуголовой литературной молодости 20-х годов, когда его коллеги по цеху старались не выйти из образа социалистического писателя от сохи и станка, Сосюра умудрился сфотографироваться в буржуазной бабочке. Что он этим хотел сказать, ясно. Запечатлев себя в таком контрреволюционном имидже, молодой Сосюра, словно подмигнул нам: со мной не все так просто.

Не просто и с его стихами. В школе в советские времена изучали балладу Сосюры «Комсомолец»:

*Бій одлунав, жовто-сині знамена
Затріпотіли на станції знов,
І до юрби полонених
Сам курінний підійшов.
Аж до кісток пропікає очима...
Хлопці стоять перед ним, як мерці...
П'яно хитається смерть перед ними,
Холодно блима наган у руці...
— Є комсомольці між вами, я знаю.
Кожного кулі чекає печать.
...Стиснуто губи в останнім відчаї.
Всі полонені мовчать.*

Но в литературных кругах гуляла легенда, что первоначально это стихотворение, заканчивающееся проникновенными строками: «*Вийшов один і сказав курінному: «Я — комсомолец, стріляй!»*» называлось совсем иначе: «Гайдамака». И написал его Сосюра якобы во времена своей петлюровской юности, когда служил в 3-м Гайдамацком полку батьки Волоха. Вместо садиста-куренного в нем действовал не менее жестокий комиссар, а вместо желто-синих знамен — красные. И звучало оно несколько иначе:

*Бій одлунав, і червоні знамена
Затріпотіли на станції знов,
І до юрби полонених
Сам комісар підійшов...
— Є гайдамаки між вами, я знаю.
Кожного кулі чекає печать.
...Стиснуто губи в останнім відчаї.
Всі полонені мовчать.*

Как вы уже догадались, ответ комиссару заканчивался истинно по-петлюровски: «*Я — гайдамака, стріляй!»*»

Возможно, это всего лишь слух. Рукопись националистического варианта «Комсомольца» не сохранилась. Что не доказывает, будто ее не существовало вообще. Известно, что первый поэтический сборник Сосюры напечатал в разгар гражданской войны атаман Волох, не чуждый, несмотря на свою зверообразную внешность, чувства прекрасного. Свои же приключения в армии Украинской Народной Республики Сосюра никогда не скрывал. Ни в красном Харькове 20-х, ни даже в более поздние времена. У него даже есть по этому поводу совершенно определенная, самооправдательная строчка: «*І тоді побіг я до*

Петлюри, бо у мене штанів не було» Дескать, что с меня взять — молодой, неопытный...

Официальная советская биография утверждала, что Сосюра родился в 1898 году на Донбассе в семье шахтера. Но все было немного сложнее. Среди его предков — украинцы, русские, карачаевцы, сербы и даже евреи. Дед по линии отца владел кабаком и торговал, как вспоминал поэт, водкой «на пользу русской императорской армии».

Из украинских советских писателей 20-х гг. только Сосюра сфотографировался в контрреволюционном имидже

Другой дед — по матери — Дмитрий Локотош был мещанином города Луганска и имел водяную мельницу, «которую пропил». Склонный, как и все поэты, к мифологизации прошлого, Сосюра утверждал, что его предки якобы происходили из Франции, где носили дворянскую фамилию де Соссюр, а потом попали на Запорожскую Сечь. Версия эта никакими документами, естественно, не подтверждается. Сосюра всегда любил чудить. И даже в куда более острых формах. В партийных кругах его считали неопасным чудаком, склонным к демонстративному поведению. Как истинный художник слова он позволял себе всяческие излишества, чуть-чуть отклоняясь от генеральной линии партии, но не настолько, чтобы попасть во «враги народа». Например, в годы НЭПа, когда с буржуазией было заключено временное перемирие, а частная собственность стала считаться такой же полноправной, как и государственная, Сосюра настроил антинэпмановское стихотворение в духе военного коммунизма:

*Я не знаю, хто кого морочить,
Але я б нагана в руки взяв,
І стріляв би в кожні жирні очі,
В кожну шляпку і манто стріляв...*

Его пожурили, да и только. Естественно, отстреливать на тротуарах дам в дорогих меховых шубах поэт не собирался. Он предпочитал употреблять их по прямому назначению. А особенно любил балерин, игравших тогда ту же роль, которую в нынешнем бомонде представляют модели. Тем более, что тут же поэт был готов проявить неуместный гуманизм, пролив слезу и над красными, и над белыми:

*Шумлять і клени, і тополі,
Лиш не шумить один перон:
Лежить зарубаний за волю,
Лежить зарубаний за трон...*

Но мало того! Официально «работая» украинским советским поэтом, в быту классик предпочитал разговаривать по-русски, как об этом вспоминали его соседи по киевскому писательскому дому уже в послевоенные времена. А в молодые годы он даже печатался на этом языке в одном из донбасских поэтических альманахов. Юрий Смолыч в мемуарах вспоминал начало этой поэмы, вышедшей в разгар украинизации 20-х: «Разве я не могу творить и писать стихи по-русски?..» и застрявшее в его памяти лирическое четверостишие молодого Сосюры:

*Синий снег и вокруг ни души —
В тихом городе нас только двое...
Отчего ж, отчего же, скажи,
Мне так грустно теперь с тобою?..*

Все это, однако, не помешало Сосюре примерно в те же годы настроичить «националистическую» поэму «Мазепа» и «анархистскую» — «Махно», читать которую публично ему запретили. Но этим дело и ограничилось. Ибо в высших сферах поэта считали не политическим противником, а человеком с неуравновешенной психикой. Попросту говоря, немножко не в себе. Глухие упоминания об этом публиковались даже в советские времена. Тот же Смолыч в вышедших ограниченным тиражом в 1972 году воспоминаниях писал: «Сосюра був тяжко хворий — це також відомо всім... Час од часу, не так, на щастя, часто, нервова недуга загострювалась, і Володі доводилося навіть лягати до клінік».

В молодые годы его туда запирали насильно. В 1934 году в столице Советской Украины Харькове популярный поэт выскочил на балкон кооперативного писательского дома, где жил, и на всю улицу стал орать: «Я чорний демон — дух вигнання». Выглядел он при этом настолько возбужденным, что прямо с «концерта» его увезли в главную «дурку» республики — на Сабурову дачу. Для этой цели был даже выделен дефицитный в те времена автомобиль. Его специально дал нарком образования УССР Владимир Затонский.

В лечебнице Сосюра сразу же устроил скандал, обозвав ассистентку зав. психиатрическим отделением «б...», и попытался рубануть ее ребром ладони по горлу. Как вспоминал впоследствии об этом приключении сам «демон»: «В ту мить, коли я на півдорозі спинив руку, вона очима дала знак, і на мене моторошним градом кинулися ззаду і з боків санітари... Того, що кинувся на мене спереду, я одкинув ударом ноги між ноги нижче живота, але це йому не дуже зашкодило, бо він був у шкіряному фартуці. Як розп'ятому, руки мені витягли в сторони і зробили укол, я став весь, як холодець, безвольний і покірний, і чомусь в мені воскресло дитяче... я плакав і просився: “Дядя, я больше не буду!”»

Драчуна притащили в отделение для буйных и голого бросили на железную кровать. Вокруг был настоящий дурдом! Один больной кричал, что горит и тонет. Другой — просил закурить и щипал обессиленного после укола поэта ногтями за лицо. А третий бегал в одном

белье вокруг кровати и цитировал самого Сосюру: «Цвіте червона Україна!» Это неожиданно воодушевило валявшегося, как труп, автора: «Я подумав, що раз мене і божевільні знають, чого ж я буду боятися?»»

Харьковская больница. Из этого уютного места Сосюра сбежал, обманув свою поклонницу-санитарку

Из Сабуровой дачи будущий классик украинской литературы сбежал, соблазнив одну из санитарок — студентку-медичку. Она оказалась поклонницей его поэтического таланта и разрешила прогуляться во дворе без присмотра. Санитар настиг его уже дома. Тогда беглец взял чугунную подставку для утюга и заявил, что расколется «тупую голову», если тот сделает еще хоть шаг. Так они и сидели, по рассказу Сосюры, в полутьме друг против друга — «волохатий гігант, більше схожий на троглодита», и поэт, с трудом сдерживавший себя, чтобы не ударить его чугунной чушкой так, «щоб угрузла в його ненависний череп».

Социалистический Харьков. В 30-е годы столица УССР приобрела ультрамодерный вид

Побег Сосюры вызвал настоящий переполох в партийной верхушке украинской столицы. Поэт упорно отказывался признать себя сумасшедшим, указывая на то, что псих не мог только что написать поэму «ГПУ», прославляющую советские органы госбезопасности. Он требовал отправить себя на обследование в Москву. И украинские партийцы сдались. Вскоре в поношенном пиджаке и комнатных тапках вместо туфель поезд увез «многомного больного» прямо в сердце страны строящегося социализма.

В таком виде Сосюра появился и в Московском доме литераторов. Через много лет, став лауреатом Сталинской премии и дважды кавалером ордена Ленина, Сосюра так будет вспоминать о своих приключениях в столице СССР: «У Москві мене влаштували в санаторій

для невротиків на Покровському-Стрешнево. Мені дозволяли, як я просив, бувати в місті».

Московский литературный бомонд шарахался от необычного гостя. Он подружился только с таджикским поэтом Абулькасимом Лахути, стихи которого как-то перевел на украинский. «Він не цурався мене, як божевільного, — писал Сосюра в мемуарах, — і при всіх ходив зі мною в приміщенні Спілки письменників, пригощав мене обідом у письменницькім клубі, давав мені гроші».

По-видимому, встречал необычного земляка с Украины в писательском ресторане и Михаил Булгаков, как раз писавший роман «Мастер и Маргарита». Не исключено, что Сосюра в тапках, которого принимали за сумасшедшего, подсказал ему образ Ивана Бездомного, пугавшего советских писателей речами о дьяволе: «Он был бос, в разодранной беловатой толстовке, к коей на груди английской булавкой была приколота бумажная иконка с изображением неизвестного святого, и в полосатых белых кальсонах. В руке Иван Николаевич нес зажженную венчальную свечу. Правая щека Ивана Николаевича была свежее изодрана... Послышались два голоса. Бас сказал безжалостно: «Готово дело. Белая горячка». А второй, женский, испуганный произнес слова: «Как же милиция-то пропустила его по улицам в таком виде?»

Но самое удивительное, что в творчестве Сосюры, как и у Булгакова в «Мастере и Маргарите», тоже есть образ отрезанной головы! «Мені хочеться ходити з одрізаною головою Данте на руках», — писал он в юношеском стихотворении «Маки», навеянном воспоминаниями о гражданской войне. Как знать, может быть, и Булгаков слышал от него эти строки, которые вдохновят его чикнуть трамваем по шее Берлиоза?

На психике Сосюры навсегда сказалося участие в расстрелах пленных, когда он служил в армии Петлюры.

В воспоминаниях «Третья рота» поэт утверждал, что сам лично ни с кем не расправлялся — просто был очевидцем. Возможно, так и было. Но страшные сцены намертво врезались в его память. Иногда они вырывались стихотворными строчками:

*Я пам'ятаю дзвін церковний
біля огради край села,
команди крик і жах безмовний,
де кров розстріляних текла.
Я одного забудь не смію,
як умирав він в ту зиму...
Йому штиком пробили шию,
і з рота вийшов штик йому.*

Это стало навязчивым видением. Ту же сцену Сосюра описывал и в мемуарах, рассказывая, как они расстреливали махновцев: «Нашій сотні було призначено їх розстрілювати... Це були звичайні селянські хлопці. Такі, як і я... Підвели їх до церкви і вистроїли в один шерег біля церковної огради... З хат повиходили баби, дівчата... дивляться... а махновців, по два, підводили призначені до огради, ставили навколішки спиною до нас і по команді: «По зрадниках... огонь!..» — били їх огнями, і ті, як папірці, прибиті до дороги насподіваним вітром, мовчки, без крику падали... Потім по команді їх кололи штиками... Я стояв і дивився... Мені було солодко, і я не знаю, чи плакати, чи

сміятися хотілося мені... Старшини ходили й добивали в голову».

После подобных сцен психика Сосюры и пошатнулась. Он тоже боялся, что его расстреляют, если возьмут в плен с выстриженным гайдамацким «оселедцем» на голове. Вспоминая, как удирал от красных, поэт писал:

«Шлика я зірвав... але оселедця зірвати не можна. А коли попадають в полон з оселедцями, то з ними не церемоняться... Смерть... А який я старий гайдамака? Червоні думають, що як з оселедцем, значить, і старий гайдамака».

1923 год. Сосюра с друзьями-литераторами

Впрочем, Сосюре повезло тем, что в плен он попал не к красным, а к белым. Те не стали его расстреливать, хоть и отобрали гимнастерку и сапоги, выдав взамен старые английские ботинки. По-видимому, некоторое время он поболтался еще и в деникинской армии. И только от белых достался «по наследству» Красной Армии в Одессе, где валялся в госпитале, выздоравливая от тифа.

В мемуарах, опубликованных уже после смерти, свои приключения в петлюровском воинстве Сосюра назвал «жовто-блакитним пеклом, з якого я ледве вирвався».

Трансвестит в вышиванке

Из этого человека, как и из многих других шароварных патриотов, сегодня лепят миф. Эрцгерцог Вильгельм Габсбург — он же Василь Вышиваный. Австрийский офицер и... украинский поэт. Ротмистр 13-го уланского полка армии Франца Иосифа. И последний командир Легиона сечевых стрельцов. Человек, который мог стать украинским королем, а стал героем шумного финансово-сексуального скандала в Париже. Принц из рода Габсбургов, родившийся в Хорватии на одном из прекраснейших островов Адриатического моря, где у его отца был дворец, а умершим в тесной камере Лукьяновской тюрьмы в Киеве.

Австрийская карикатура на будни кавалерии. В жизни Василя Вышиваного тоже хватало свинства

Он путался в своей национальности и сексуальной ориентации. Под австрийским мундиром носил вышитую украинскую сорочку. Напоказ — чтобы все видели. Большую часть жизни провел в Вене и Париже. Имел родного брата Альбрехта — тоже Габсбурга, но считавшего себя... поляком. С одинаковым успехом говорил на немецком, французском, польском и украинском языках. Какой из них был его родным, ответить так же сложно, как и на вопрос, кем же был сам Вильгельм Габсбург? Героем? Авантюристом? Или просто эксцентричным обывателем, которым никто не заинтересовался бы, не родился он в одной из влиятельнейших европейских семей?

Улан и барышня. Однако Вильгельм Габсбург предпочитал мужчин

Украинские апологеты Вильгельма Габсбурга называют его «непересічною постаттю» національно-освободительного движения и пишут о нем, как о святом: «Заради України він пішов із батьківської домівки, розірвав зв'язки з родиною, аристократичними колами Європи, віддав свої молоді роки, високе становище, титули, кошти і, зрештою, заплатив життям»... Они уверены, что «искренняя» любовь и преданность Вильгельма Габсбурга украинскому народу «мають стати його духовним надбанням і слугувати для розбудови України».

Я же не уверен ни в чем и не исключаю, что скоро, благодаря «европейскому» пути, на который столкнули Украину, Вильгельм Габсбург станет для части нашего общества... гей-иконой. Как Леся Украинка с ее любовью к Ольге Кобылянской и Иван Франко, заявлявший, что он больше «мужчин любил в своей жизни, чем женщин знал». Кто знает, как повернется? Ведь и сам Вильгельм Габсбург, пуская пузыри в колыбельке маленького австрийского принца, не подозревал, что из него вырастет «щирий українець», хоть и нетрадиционной ориентации!

Впрочем, в выводке последних Габсбургов наш Вильгельм, пожелавший стать Василем, не был исключительным явлением. В конце XIX века эксцентриков среди членов этой древней династии хватало с избытком. Сын императора Франца Иосифа наследный принц Рудольф заразил венерической болезнью свою супругу бельгийскую принцессу Стефанию, а потом покончил самоубийством всего в тридцать лет. В предпоследний день января 1889 года тела Рудольфа и его любовницы, 17-летней баронессы Марии Вечеры, были обнаружены в охотничьем домике под Веной. Августейший любовник застрелил ее, а потом застрелился сам.

Племянник императора Франца Иосифа эрцгерцог Отто Габсбург как-то перескочил верхом через похоронную процессию в Вене, демонстрируя отличную кавалерийскую подготовку. В другой раз Отто после веселой попойки появился в холле модного венского отеля в совершенно голом виде, но при сабле и с орденом Золотого руна на шее. Этот эрцгерцог буквально не просыхал. Как-то, допившись до зеленых чертиков, он потащил в спальню своей жены компанию друзей с криком: «Пойдемте, я покажу вам монашку!»

«Монашка» — она же добропорядочная саксонская принцесса Мария Йозефа — бесила Отто своей скучной нравственностью. Только камердинер, грудью закрывший вход в спальню, спас бедную эрцгерцогиню от возможности продемонстрировать пьяным австрийским офицерам нижнее белье. Отто умер в 1906 году от сифилиса, что не помешало ему стать отцом последнего австро-венгерского императора Карла.

Отто Габсбург в кругу семьи. Умер от сифилиса на руках у любовницы

Эрцгерцог Леопольд Фердинанд Сальватор Габсбург (1868–1935) с юных лет не интересовался ничем, кроме выпивки и женщин легкого поведения. Участвуя в кругосветном путешествии в качестве флотского офицера, Леопольд провел на борт корабля шлюху, переодетую матросом, чтобы скрасить служебные будни. Так как этот Габсбург в буквальном смысле не просыхал даже в полный штиль и устраивал пьяные дебоши, его высадили на берег в австралийском Сиднее, откуда он вернулся в родную Австрию на обычном пароходе.

К 1902 году Леопольд допился до такого состояния, что пожелал вступить в законный брак с бывшей проституткой Вильгельминой Адамович и подал императору прошение об отказе от титула и исключении себя из августейшей фамилии. Франц Иосиф удовлетворил просьбу Леопольда, выдав ему единовременно 200 тысяч крон «подъемных», но запретив появляться на территории Австрии. Бывший эрцгерцог взял фамилию Вольфлинг и принял швейцарское гражданство.

Его брак по любви продержался недолго. Леопольд женился еще дважды. Причем одна из его новых жен снова принадлежала к той же почтенной профессии, что и первая — даже в супружеской постели разжалованного принца тянуло к проституткам. После падения монархии в 1918 году бывший эрцгерцог вернулся в Вену и открыл колбасную лавку. Но прогорел. И в утешение написал мемуары, ставшие бестселлером. В своих воспоминаниях Леопольд Габсбург-Вольфлинг описал своих родственников клиническими идиотами.

Так что Вильгельм Габсбург, родившийся в 1895 году и пожелавший стать «украинцем» Василем Вышиваным, не был в этой семье «ужасным ребенком». Скорее, наоборот. В его превращении скрывалось рациональное зерно. Юный Вильгельм Габсбург шестым чувством

почуял, что с такими родственничками империи скоро конец. Нужно приобретать еще одну резервную «национальную идентичность». На случай краха империи.

Вильгельм Габсбург: на Украине любил наряжаться в вышиванку, а в Париже — в женское платье

Точнее, осознал этот прискорбный факт еще папа принца Васи — проницательный эрцгерцог Стефан. Поэтому одного сына — Альбрехта — он решил воспитывать поляком, а другой — как-то уж сам собой, глядя на братика, стал стремительно украинизироваться. Хотя первоначально будущий Василий Вышиваный хотел быть не украинцем, а... (никогда не догадаетесь!) евреем. Об этом наши почитатели «эрцгерцога в вышивание» почему-то не пишут.

Но шила в мешке не утаишь. Недавно в США появилась книга профессора Йельского университета Тимоти Снайдера «Красный князь. Тайная жизнь эрцгерцога Габсбурга», посвященная судьбе нашего «неординарного» персонажа. Как утверждает американский профессор: «Вильгельм сначала идентифицировал себя с евреями, и только со временем с украинцами... Вилли начертил проект Израильской Державы, с которым обратился в Мировую Организацию Сионистов в Берлине, предлагая свои услуги. Можно представить себе, как он дошел до такой идеи. Сионизм, идея возвращения евреев в Палестину и основания еврейского государства, именно в это время набирал сторонников. В 1913 году в Вене, где тогда проживал Вилли, прошел Третий конгресс сионистов. По такому сценарию, переезд Вили в Вену должен был бы стать завершающим моментом в его собственном открытии нации».

По-видимому, Вильгельм Габсбург мечтал стать царем Израиля. Как он представлял практическое воплощение этой комбинации, сказать трудно. Габсбурги не были евреями. Тем более, потомками царя Соломона. А сама Палестина в это время принадлежала Турецкой империи. Но этот эпизод показывает авантюристичность натуры юного Вильгельма. Ради короны 18-летний вундеркинд готов был надеть хоть кипу, хоть вышиванку.

Лишь бы не остаться безработным принцем.

Сионисты отвергли предложение честолюбивого мальчишки, о чем я искренне жалею. Представьте, какая фантастическая картина могла бы стать реальностью — германский принц на троне Израильского королевства! Просто голова идет кругом. Особенно, если знаешь, в какую сторону повернула история немецко-еврейские отношения всего через двадцать лет после попытки эрцгерцога Вилли стать царем всех евреев. Только после этого фиаско с водворением себя на гипотетический израильский трон предприимчивый Габсбург решил мутировать в простого украинского принца Василя Вышиваного.

В империи ряженных и не такое было возможно. Его отец Стефан был адмиралом австро-венгерского флота. Человек с большим политическим воображением, он предчувствовал, что не за горами большая война между Германией, Австро-Венгрией и Россией, результатом которой станет восстановление Польши. «В девятнадцатом столетии старые польские земли все еще были разделены между Габсбургской монархией, Германией и Российской империей, — пишет Тимоти Снайдер. — Как осознал Стефан, такая договоренность не отличалась стабильностью... Ответ Стефана гласил: если Польше суждено объединиться, пусть это произойдет под правлением Габсбургов, пусть Польша станет коронной землей Габсбургской империи, и пусть ее регент происходит из моей семьи. Все дети Стефана учили польский язык, но только Вильгельм изучал его с рождения».

Вильгельм был самым младшеньким, шестым, ребенком в семье — несчастным плодом кровосмесительного брака. Его мать происходила из рода тосканских Габсбургов, потерявших свое герцогство в результате итальянского Рисорджименто. Проигрыш гордой Австрией войны Франции и Пьемонту в 1860 году привел к маленькой семейной катастрофе. Великое герцогство Тоскана после битвы при Сольферино приказало долго жить, превратившись в исторический призрак. «Лишних» принцесс стало просто некуда девать. Бесхозную девочку с пышным именем Мария Терезия Австрийская-Тосканская пришлось выдать за родственника — эрцгерцога Стефана из Тешинской линии Габсбургов.

Получается, геополитические фантазии Стефана о создании новых национальных государств на Востоке на самом деле были вызваны утратой Габсбургами земель на Западе. Эти земли были потеряны в результате другого нациосозидательного процесса — итальянского. С точки зрения австрийских принцев, неправильного. Но если в одном месте убыло, пусть в другом прибавится! И даже с прибылью. Чем Польша, если ей суждено воскреснуть под скипетром габсбургского рода, будет хуже маленькой Тосканы? По крайней мере, для Габсбургов, чей старинный родовой девиз гласил: «Целого мира мало!»

«В расовом отношении мой род сильно смешан, — вспоминал принц-мутант в мемуарах. — В нем есть кровь германская, французская (от герцогов бургундских), испанская (испанская линия рода Бурбонов), славянская и литовская... До 12 лет я жил в Поле на острове Люсин, около Пола, так что мой родной язык собственно итальянский, и переписку с матерью я веду всегда по-итальянски да и дома все разговаривали на этом языке. Отец переписывается с нами по-немецки».

Первоначально никто не планировал делать из Вильгельма «украинского» принца. Дай Бог, Польшу восстановить и посадить на ее престол старшего сына Альбрехта! Во исполнение этого плана эрцгерцог Стефан крепил связи с польской аристократией и даже выдал свою дочь за князя Иеронима Радзивилла. Церемония прошла в истинно польском духе. Гости съехались на венчание в костюмах времен Речи Посполитой — кудлатых шапках с перьями и кунтушах. Точь-в-точь, как герои Сенкевича.

Исторический маскарад был привычным делом в этой семье. Но нацепить на всех одинаковые личины не получилось. Укратинофильство Вильгельма родилось из зависти к старшему брату. Если ему уготована блестящая судьба польского короля — я буду казаком: нацеплю вышиванку и стану королем Украины. Или герцогом, на худой конец. Как это будет называться в реальности, еще не ясно. Главное — предъявить свои права на будущую страну. Украинский язык очень похож на польский. Вильгельм стал изучать его на всякий случай. В нагрузку к польскому. Вдруг пригодится в большой политической игре.

Амбициозным планам претендента на корону помогла вспыхнувшая мировая война. Через полгода после ее начала в феврале 1915 года Вильгельм Габсбург окончил военное училище и получил назначение в Императорский и Королевский Галицийский 13-й уланский полк. Эта часть с витиеватым названием на 55 процентов состояла из галичан-русинов, на 42 процента — из Галицких поляков и на три процента — из солдат других национальностей (евреев, цыган и т. д.).

Из коллекции автора. Австрийские уланы. С такими служил Вильгельм.

Лейтенант Вильгельм Габсбург решил слиться с большинством личного состава полка. Он нацепил вышиванку и провел этническую «чистку» в своем эскадроне — всех поляков, евреев и цыган перевели в другие подразделения, заменив их русинами. Вильгельм терпеливо объяснял им, что теперь они — украинцы, пересказывал байки из «Малой истории Украины» Грушевского и всеми силами демонстрировал близость народу. Народ этот, впрочем, не отличался большой национальной сознательностью. А многие из «украинских» солдат нашего принца просто боялись признаться в том, что они украинцы! И это совершенно опровергает миф о процветании украинцев-галичан под скипетром «добрého» Франца Иосифа. В кратких воспоминаниях, написанных осенью 1919 года, эрцгерцог в вышиванке констатировал следующее: «Моя сотня зложена тільки з українців, безумовно мала національну українську свідомість, але боялася виявляти її, бо тоді кожного українця уважали політично підозрілим... Старшини в сотні були самі німці (був оден поляк, але я усунув його). Страх українців перед переслідуванням ходив до того, що деякі признавалися до польської народності. За це я лаяв страшенно і казав їм, що коли я

признаюся до українського народу, то й вони можуть те сміло робити».

Личный состав эскадрона 13-го полка был первыми подданными будущего королевства Вильгельма, который для понятности просил своих уланов называть его просто Василем. Новое имя принц выбрал с подтекстом, непонятным простым галичанам. В переводе с греческого Василий — царь.

Год, в котором Вильгельм поступил на службу, выдался очень удачным для австро-венгерской армии. Русские войска, переживавшие снарядный голод, были вынуждены отойти от Карпат, очистив Галицию. План восстановления Польши под австрийским скипетром становился реальностью. Вена предложила Берлину создать новое Польское королевство из так называемой «русской Польши», захваченной немцами и австрийцами летом 1915 года, и посадить на ее трон принца из рода Габсбургов. Польская шляхта съехалась, чтобы по старинной традиции избрать эрцгерцога Стефана своим королем. Но престарелый император Франц Иосиф, недолголюбивавший отца Вильгельма, заколебался и пожелал подобрать другую кандидатуру. Реальный шанс утонул в старческом маразме и бюрократической переписке.

В следующем году 86-летний добряк Франц Иосиф, наконец-то, умер. На трон вступил Карл — сын сифилитика Отто, прыгавшего на коне через похороны. Это было дурным предзнаменованием. Удастся ли Австро-Венгрии перепрыгнуть через похоронную процессию Мировой войны? Но пока все вроде бы складывалось, как нельзя лучше. Брусиловское наступление русских удалось отразить. В 1917 году в Петрограде произошла революция. Разложившаяся русская армия стала стремительно разбегаться по домам — делить помещичью землю.

С новым императором у Вильгельма завязались прекрасные отношения. Они оба были молодыми людьми — почти мальчишками. И оба рисовали радужные планы будущего. Во время аудиенции 2 февраля 1917 года Вильгельм-Василий изложил Карлу свой «украинский проект». Он считал, что из Восточной Галиции после победоносного окончания войны следует создать особое украинское княжество. Карл обещал подумать.

Принц Вильгельм имел возможность часто уезжать из полка в Вену. Там он лечился и даже слушал лекции доктора Фрейда, утверждавшего, что все проблемы мира идут от сексуальности. По-видимому, Вильгельма несколько беспокоило его либидо. Иногда он смотрел на своих храбрых уланов, одетых в красные штаны, не только как на солдат и будущих верноподданных.

Как бы то ни было, в 1918 году Вильгельм оказался начальником оккупационного гарнизона уездного города Александровск (нынешнее Запорожье). В группу эрцгерцога Вильгельма входил и немногочисленный Легион сечевых стрельцов, набранный из галичан. Отвечая почти через тридцать лет на вопрос следователя МГБ об этом периоде своей деятельности, принц описал его так: «Австро-венгерским командованием была сформирована отдельная группа, называвшаяся впоследствии моим именем — группой Габсбурга Вильгельма. В ее состав входили украинский легион «сичевых стрельцов», легион так называемых «ландштурмистов», эскадрон кавалеристов-улан, саперная рота и легкая батарея с общим количеством до 1200 человек». В основном, подчиненные Вильгельма, по его словам, несли гарнизонную службу, а в свободное время ставили любительские спектакли на украинском языке.

Однажды все допились до такого состояния, что притащили откуда-то трон (по-видимому, просто кресло) и в экстазе под крики «Слава!» посадили на него Вильгельма в

казацкой шапке и меховой шубе. По соседству находилось Гуляй Поле, где царствовал батька Махно. Вильгельм хотел с ним встретиться. Когда принца отговаривали, убеждая, что это простой бандит, он не без остроумия ответил, приведя в пример основателя династии: «Мой предок Рудольф Габсбург тоже был простым бандитом, грабившим проезжих на альпийских дорогах». Но встреча двух оригиналов так и не состоялась.

В форме петлюровского полковника. Еще одна роль Вильгельма

Официально правил Украиной в это время Его Ясновельможность гетман Скоропадский — ставленник немцев. Полковник гетманской армии Болбочан предлагал Вильгельму устроить маленький путч и провозгласить себя гетманом Всея Украины.

Вильгельм колебался. Наконец, все эти художества в австрийской зоне оккупации Украины надоели Скоропадскому, и он упросил своих германских друзей надавить на Вену, чтобы ряженого Габсбурга, внушавшего всем такие соблазны, убрали из Александровска. Эрцгерцога в вышиванке отозвали в Австрию.

Когда в том же 1918 году в Австро-Венгрии произошла революция, уничтожившая монархию, Вильгельм попытался поступить на службу Западно-Украинской Народной Республике. Но ее диктатор Петрушевич ответил, что в услугах принца не нуждается. Бедный дурачок, внезапно оставшийся без средств к существованию, подал такое же прошение Петлюре. В отличие от галичан, ради которых Вильгельм переодевался в маскарадный костюм, схижняки оказались добрее. На тыловых должностях в петлюровской армии Вильгельм-Вася дослужился до полковника. А потом и эта оперетка прогорела. Некоронованный король уехал в Париж. И там (о, ужас!) оказалось, что принц может переодеваться не только в вышиванку, но и в куда более смелые наряды. Рапорты французской полиции гласили, что бывший командир сечевых стрельцов время от времени выходит из гомосексуальных борделей в... женском платье!

Подвиги армии Австро-Венгрии на Украине в 1915 г. Заняв Галичину, солдаты европейской империи покрыли ее виселицами заподозренных в шпионаже крестьян-русинов

Меня особенно умилила характеристика, данная Вильгельму Габсбургу одним из его нынешних почитателей, — «легендарный полковник». Действительно, другого такого «полковника» было поискать! Оказавшись в 1925 году в Париже, он провел там десять лет, предаваясь утехам дневной и ночной жизни. В основном сексуальным и нетрадиционным. Не известно, отдавал ли себе отчет тридцатилетний эрцгерцог, примазавшийся к украинской «справе», что за ним следят. Ведь большинство людей, знавших Вильгельма, утверждали, что он был человеком крайне легкомысленным. Но не следить за полным сил господином, связанным одновременно с украинской эмиграцией и Габсбургами, которые рассчитывали вернуться на австрийский престол, не могли. Нет, не вездесущее ГПУ, как кто-то подумал! Другая организация — демократичнейшая французская полиция. Естественно, ее интересовало, чем занимается бывший австрийский капитан и полковник армии УНР.

Отчеты о поведении Вильгельма и сегодня хранятся во французских архивах. Ссылаясь на них, биограф нашего псевдо-Василя Тимоти Снайдер пишет в книге «Красный князь. Тайная жизнь эрцгерцога Габсбурга»: «Вильгельм всегда любил мужчин — возможно, еще в училище, вероятно, в окопах и без сомнения — в случае со своим секретарем и камердинером. Но в Париже он рисковал выдать себя за того, кем был на самом деле. В некоторых его сексуальных эскападах были задействованы другие аристократы, с которыми его видели, когда вечером он выходил с *ru des Acacias* одетым в дамское платье (по крайней мере, так сообщала пресса).

Полиция отметила, что частым соратником в ночных похождениях Вильгельма был член королевского дома Испании, который называл себя Фернандо Дукалем — и почти с уверенностью был доном Фернандо де Борбоном и де Маданом, графом Дуркальским. Хотя гомосексуальные связи во Франции не были запрещены законом, в отношении дона Фернандо все-таки удалось добиться выдворения из страны. Но чаще всего Вильгельм любил отправляться в походы по городским трущобам. Похоже, он не частил в лучшие гомосексуальные клубы Парижа, такие, как *Carrousel* или *Madame Arthurs* на Монмартре. Вместо этого, по сообщениям парижской полиции, он был «*habitu*» в «*maisons spciales*»

(вежливый французский термин для обозначения гомосексуальных борделей).

Франц Иосиф словно предчувствовал позор своего юного родственника, любившего парижских мальчиков

В переводе «*habitu*» — завсегдатай, постоянный посетитель. У нас нет оснований не верить французским полицейским и почтенному американскому историку, выпустившему целый труд о приключениях Василя Вышиваного. Если бы бравый полковник зашел в «специальный домик» разок-другой, можно было бы предположить, что его влекло туда обычное любопытство. Но так как Вильгельм стал в подобных заведениях гей-культуры не просто туристом, а постоянным посетителем, все сомнения отпадают. Бывший претендент на украинскую корону и отставной сотрудник военного министерства Симона Петлюры просто предпочитал женскому обществу мужское. Как в официальной, так и в интимной обстановке.

Как продолжает Тимоти Снайдер, «Вильгельма влекла простонародная манера, причем, восточная. Заведения, которые он, по сообщениям полиции, «тщательно» посещал, имели арабские имена, наподобие, «Халифа»... В этих заведениях Вильгельм был известен как Робер. В «Халифе» он познакомился с сыном рабочего, с которым не прекращал встречаться. Кроме того, он нанял себе нового слугу-алжирца. Полиция считала этого Мориса Нешади «педерастом, который имеет большое влияние на своего хозяина».

Разгульная жизнь требовала больших трат. Капиталовложения в арабских мальчиков и французских пролетариев разоряли Василя Вышиваного. Правда, принцу охотно давали в долг. Особенно, когда он намекал, что скоро Габсбурги вернут себе корону империи, а ему достанется трон Украины — чудесной страны на Востоке с молочными реками и кисельными берегами. К апрелю 1934 года долги непутевого эрцгерцога достигли 94 тысяч долларов и 2 тысяч 100 фунтов. Дотошный Тимоти Снайдер перевел эту цифру в современную валюту. У него получилось «более полутора миллионов долларов и 100 тысяч фунтов по меркам 2008 года». Что и говорить, славно погулял «легендарный полковник»!

Постоянно нуждаясь в деньгах, Вильгельм стал собирать средства «на реставрацию Габсбургов». Для этого в Австрии сложились подходящие условия. Общество там разделилось. Одни были за нацистов и объединение с Германией. Другие — за левый прокоммунистический проект. В такой обстановке многие влиятельные политики считали, что спасение страны — в восстановлении старой династии. Тем более, что сын последнего

императора Карла принц Отто подросток и проявлял желание занять престол. Однако все испортил голубой герой нашего рассказа. Он ринулся добывать деньги с таким же энтузиазмом, с каким бегал по гомосексуальным публичным домам.

Паутина, которую плел Вильгельм, порвалась в самом слабом месте. Правы французы: ищите женщину! Даже в трагикомической судьбе такого персонажа, как «легендарный полковник», не обошлось без нее. Кроме любви к мальчикам, пан Вышиваный время от времени проявлял интерес и к женскому полу. Возможно, это было необходимо ему для поддержания имиджа добропорядочного представителя древнего рода. Но, как бы то ни было, именно в это время он завел себе некую Полетт Куйба — особу, известную широкими знакомствами с французскими политиками, а также тем, что некоторым из них она оказывала интимные услуги, официально числясь секретаршей.

Десятого ноября 1934 года «принц Вася» и Полетт встретились в парижском отеле «Ритц» с алкогольным магнатом Андре Эмаром. Мадемуазель Куйба изложила производителю абсента деловое предложение. Предоставим слово Тимоти Снайдеру: «Она утверждала, что имеет заблокированный счет в банке Ротшильдов, который должны разблокировать весной. Если бы Эмар немедленно дал ей четыреста тысяч франков, она могла бы через несколько месяцев гарантировать ему приличный доход... Она намекнула, что за это время заработает очень большие деньги в результате близящейся габсбургской реставрации. По ее утверждению, в случае предоставления ей денег, Эмара ждала «королевская» прибыль».

Французский бизнесмен сделал вид, что согласился. И пообещал подружке Вильгельма требуемую сумму с тем условием, что она встретится с ним лично — в его «кабинете». Мадемуазель Куйба было не привыкать налаживать связи с влиятельными людьми через это место. Она охотно согласилась посетить «кабинет». «Легендарный полковник» тоже не возражал — в конце концов, Полетт не была мальчиком.

Однако Андре Эмар был не так прост. Между встречей в ресторане и свиданием в своем офисе он успел навести справки и установить, что никакого счета в банке Ротшильдов у Полетт нет. Он понял, что мадемуазель Куйба — обычная мошенница. И вызвал полицию. В тот же вечер в момент встречи с Эмаром Полетт Куйба была задержана с поличным и арестована. Во время следствия она призналась, что в сговоре с Вильгельмом «собирала средства на реставрацию Габсбургов».

Об этом шумном судебном процессе не написала редкая парижская газета. Вильгельм бросил подельщицу, предавшую его, и сбежал в Вену. А в это время в зале суда всплывали все новые и новые пикантные подробности. Они ставили крест на репутации австрийского принца и украинского полковника. Полетт рассказывала трогательную историю, что влюбилась в Вильгельма, не устояв перед его шармом. Но, как оказалось, эрцгерцог предпочитал ей мальчишек, и она должна была постоянно держать наготове 100-франковые купюры, чтобы ее возлюбленный расплачивался за секс с моряками. По словам Полетт, это доводило ее до отчаяния. Потом Вильгельм предложил ей план «обчистить» Эмара. И она согласилась.

Легендарный полковник. Кто бы мог подумать, что этого героя поймут в Париже на финансовой афере

Кто был подлинным автором аферы с несуществующим счетом, еще можно поспорить. Но сексуальные предпочтения Вильгельма были известны всем, кто его знал. Один из «придворных» принца — Василий Панейко жаловался в письме к знакомому, что потомок Габсбургов, увлекшийся Украиной, вел двойную жизнь:

«Днем — княжескую, политическую, а ночью — с худшей сволочью больших городов и портов». По словам Панейко, Василию Вышиваному «всегда нужно было много денег, не так для жизни, как для содержания и вознаграждения всевозможных мальчишек, арабов, негров, моряков, различных отщепенцев общественного дна».

Как соучастник преступления Вильгельм был осужден заочно на пять лет. Полетт получила срок условно и вышла из тюрьмы. Глава Габсбургов кронпринц Отто потребовал у опозорившегося эрцгерцога сдать знаки Ордена Золотого Руна, кавалером которого являлся каждый член династии. Вильгельм, притаившийся в Вене, безропотно согласился, сделав вид, что выходит из ордена «добровольно». Больше всего он переживал не из-за ордена, а из-за любимого кота, которого пришлось оставить в Париже. По словам бесстрашного полковника, это животное было ему милее «всего человечества».

Но на этом приключения его не закончились. В 1938 году Австрия объединилась с нацистской Германией. Как офицер запаса австрийской армии Вильгельм прошел курсы переподготовки, но был отчислен из армии по причине подорванного в борделях здоровья — у него прогрессировал туберкулез. Сорокапятилетнего принца назначили в ландштурм — ополчение, куда определяли подростков и стариков. Вместо боевых подвигов «легендарный полковник» затеял судебный процесс со своим старшим братом Альбрехтом Габсбургом.

Альбрехт был генералом польской армии, крупным помещиком и владельцем пивзавода. В 1939 году он попал в плен к немцам. На польскую латифундию с жизнерадостным названием Живец и пивоварню нацисты наложили арест. Вильгельм сразу же заявил свои права на имущество брата, упорно утверждавшего на допросах, что он, хотя и Габсбург, но чувствует себя поляком. Весной 1941 года гитлеровское государство в качестве компенсации за утраченное имущество выплатило Вильгельму 300 тысяч марок — 9 миллионов долларов,

по нынешнему курсу. Получив «наследство», полковник-гомосексуалист, которого юридически признали настоящим «немцем», открыл лакокрасочный завод. Его брат сидел в нацистском концлагере, а Вильгельм производил защитную краску для вермахта и вел веселую жизнь в Вене, представляясь украинским знакомым фразой: «Я — австриец, но хороший приятель украинцев!».

Финал этой комедии положила победа Красной Армии. В 1945 году она вступила в Вену. Целых два года советская контрразведка присматривалась к деятельности принца, страдавшего раздвоением личности, национальной идентичности и сексуальной ориентации. Наблюдение показало, что кроме бизнес-связей, Вильгельм поддерживает отношения с французской разведкой и ОУН. Офицеры МГБ схватили Вильгельма прямо на улице и вывезли его в Киев, где он никогда до этого не был, хотя и мечтал сделать этот город столицей своей «державы».

На допросе в Лукьяновской тюрьме следователь старший лейтенант Колибаба спросил удивительного человека: «Габсбург Вильгельм — Ваша настоящая фамилия?». И получил ответ: «Да, это моя настоящая фамилия». «Другие фамилии Вы имели?». «Других фамилий я не имел. Было у меня прозвище «Вышиванный», которое за мной укрепилось как другая фамилия. Прозвище «Вышиванный» мне дали в 1918 году в период пребывания на Украине, за то, что я носил вышитую украинскую рубашу».

На допросе Вильгельм Габсбург рассказал свою биографию, кратко описал службу в австрийской армии, оккупировавшей Украину в 1918 году, а потом перешел к обстоятельствам службы у петлюровцев. Следователь спросил: «Выше Вы показали, что к Деникину Вы не могли потому, что Вам там не было чего делать, а что же Вы делали у Петлюры и Петрушевича?» Вильгельм пояснил: «Я просто так высказался. Мне и у Петлюры, и у Деникина было нечего делать. Но в это время я же должен был где-то находиться, я выбрал Петлюру... Прибыв в Каменец-Подольск, я исполнял обязанности переводчика «министерства войны» «правительства» Петлюры».

Протоколы допросов «легендарного полковника» опубликованы в книге Ю. Терещенко и Т. Осташко «Український патріот із династії Габсбургів». Вот только был ли этот любитель арабских мальчигов «патриотом Украины»? Лично я сомневаюсь.

**Гон! Гон! Карикатура на улан, в которых в молодости служил Вильгельм. Иллюстрация
Ф. Шёнпфлюга**

В той же книге представлена переписка Вильгельма с бароном Казимиром Гужковским — полковником австро-венгерской армии. Вильгельм писал ему 29 декабря 1916 года с виллы Райнер Баден под Веной: «Милый друг! Теперь среди очень влиятельных политиков родилась новая, на мой взгляд, очень хорошая мысль, которую вскоре хотят воплотить в жизнь, а именно: Федеративное государство Австрия, в состав которого входят непосредственно “Австрия”, “Венгрия”, “Чехия (Богемия)”, “Польша” как отдельные королевства, дальше присоединится федерация объединенных южных славян и Великое княжество Украина. И тогда каждое королевство имело бы своего короля... И в каждом из этих государств федерации в качестве регента будет один из эрцгерцогов — это одна из лучших идей создания единой Великой Австрии! Дай Боже, чтобы мир, который, кажется, уже действительно близок, принес бы нам такое долгожданное осуществление наших планов»...

Из письма Вильгельма Габсбурга депутату австрийского парламента барону Николаю Василько от 29 апреля 1917 г.: «Австрийская монархия еще не достигла своей высшей точки, мне кажется, она достигнет ее только после войны, когда произойдут большие перемены, и я уверен, что Австрия шагает навстречу новой и славной эпохе, так же, как и Украина».

На следующий день Вильгельм развил свою мысль: «Милый господин Василько!.. Чем дальше, тем все более я надеюсь, что вскоре появится совсем свободная Украина с австрофильским направлением».

«Что касается нашей монархии, — вернулся Вильгельм к своей излюбленной идее 20 мая того же 1917 года в письме к тому же корреспонденту, — то автономная Украина будет создана». Наиболее четко подлинное желание Вильгельма высказано в письме от 18 апреля 1917 года: «Я верю, что вы приложите все свои усилия, чтобы сделать из Австрии Великую Австрию, именно этой цели все мы жаждем, именно за ЭТОТ ИДЕАЛ все мы боремся. А разве невозможно, чтобы Украина отделилась от России как самостоятельное государство — в случае, если она станет автономией, чтобы в союзе с Австрией быть стеной-границей против могущественной России? Я считаю, что эта идея в русской Украине правильно пропагандируется, что она вскоре там утвердится и приобретет для НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА очень большое значение, станет нам очень полезной, но сегодня воплотить эту идею в жизнь очень трудно, и именно вы, любезный господин Василько, можете этому содействовать».

Вот это и есть подлинное политическое кредо Вильгельма Габсбурга. Украинцам не стоит обольщаться. Даже нацепив вышиванку, австрийский принц остался австрийцем, думающим только о своих интересах. Политический трансвестит всегда был эгоистом и прагматиком, какую бы комедию ни ломал. Его идеал — автономная Украина в составе Великой Австрии.

И все же мне остается только удивиться Божьему Провидению, покаравшему этого хитрого содомита. Неисповедимые пути Господни все же привели его в Киев — в Лукьяновскую тюрьму на допрос к следователю министерства государственной безопасности УССР. Вильгельм умер от туберкулеза в 1948 году в камере. Точное место его захоронения неизвестно. Скорее всего, он лежит на Лукьяновском военном кладбище в одной из безымянных могил. Скандальный принц-аферист нашел свое королевство — но под украинской землей. Пусть это послужит уроком для всех «искателей» легкой добычи в этом, по выражению Гоголя, «заколдованном месте».

Союз плуга и трезуба

Судьба незадачливого Вильгельма Габсбурга, пытавшегося поймать корону Украины с помощью вышиванки лишней раз доказывает, что даже для имперской Вены с ее мощным бюрократическим аппаратом, попытки решить так называемый «украинский вопрос» так и оставались импровизацией до самого распада двуединой монархии. Престарелый Франц Иосиф пропустил даже удобный момент для восстановления Польши, после того как русские войска очистили ее в результате Великого отступления 1915 г. Что же делать с Украиной, чтобы не обидеть поляков и не вызвать неудовольствия у своих союзников немцев, старик Прогулкин, которому в год его смерти исполнилось 86 лет, просто не представлял. Преклонный возраст не давал никаких надежд на то, что перед смертью его внезапно посетит озарение, полезное для наследников. А у молодого императора Карла, вступившего на трон 21 ноября 1916 года, до Украины так и не дошли руки. Единственное, что он успел осуществить, — это переименовать официально галицких русинов в украинцев. Целых два года бюрократических раздумий ушло на то, чтобы разрешить труднейшее государственное противоречие: сформированный Австрией из галичан Украинский Легион воюет с Россией, а состоит он из... русинов, что подталкивает личный состав к весьма каверзным вопросам: кто же мы такие, на самом деле?

На самой же Украине — по другую сторону фронта подавляющему большинству будущих «украинцев» это слово оставалось по-прежнему совершенно неведомым, в отличие от простых и понятных терминов: официального — «малороссы» и неофициального — «хохлы».

Когда работа над этой книгой уже подходила к концу, к одному из киевских букинистических магазинов мне попала потрепанная брошюрка почти столетней давности — историческая повесть Адриана Кашенко «Під Корсунем». На титульной странице ее значилось:

«Катеринослав. Друкарня І. Війсьман і І. Мордхілевич. Феодосійська 9. 1917 р.». Сразу же после выходных данных шло предупреждение жирным шрифтом:

«ЯК ЧИТАТИ УКРАЇНСЬКУ КНИЖКУ».

«Хто не знає ще, як саме читати книжки, писані нашим правописом, — поясняв автор, — тому подаємо такі правила:

1. Ъ зовсім не пишеться, бо його ні нащо не треба: пишемо не ракъ, ладъ, а рак, лад.
2. Замість Ы пишеться И, й вимовляється це И не мяко, а твердо; написано: риба, сини, — треба читати рыба, сыны».

Энтузиаст самостийной орфографии пан Кашченко утверждал, что с помощью нового правописания без твердого знака, но с буквой «є» слова украинского языка можно писать «найкраще», что, впрочем, выглядело несколько самонадеянно. Ведь «рак», «лад» и «рыба» одинаково звучат и по-русски, и по-украински. Однако Кашченко настаивал, что в языковой реформе, которую он пропагандирует, скрыт величайший экономический смысл и прямая народная выгода: «Слова, написані цим правописом, беруть менше місця, а через те й книжки, так друковані, можна видавати і продавати дешевше».

Но главное не это, а то, что в год ВОЗРОЖДЕНИЯ УКРАИНЫ, когда в Киеве уже заседает самозванная Центральная Рада, фабрикующая свои универсалы, жителям Украины приходится объяснять, как читать по новому украинскому правописанию, не понятному на тот момент никому, кроме его создателей. Ведь дореволюционная украинская орфография НИЧЕМ не отличалась от общероссийской. В ней красовались те же имперские «яти» и «еры», унаследованные со времен Киевской Руси.

Российские большевики еще не успели отменить эти пережитки царизма. Они возьмутся за правописание только в следующем 1918 году. Но, опережая их, Адриан Кашченко (между прочим, литератор весьма известный в тогдашних узких украинских кругах)

объясняет массам при содействии типографской фирмы Мордхилевича и Вейсмана, спешно «украинизировавшегося» в Вийсмана, что ГЛУБОКАЯ разница между украинцами и русскими заключается в отказе первых от твердого знака — ибо он не нужен — «ні нащо не треба».

В общем, долой твердый знак — хай живэ вильна Украина!

В крохотном подвальчике киевского букиниста на Пушкинской улице с легкомысленной вывеской «Купідон» у входа (согласно кашенковской орфографии) мне удалось поймать переломный момент истории — самое начало насильственной украинизации, которую потом подхватят большевики. Правда, буквально в двух шагах на той же улице все еще тосковали по твердому знаку — название ресторана «ОнегинЪ» даже весной 2013 года в Киеве имело в конце неискоренимый дореволюционный «ер».

И как-то сразу вспомнились слова киевского историка Андрея Стороженко, написанные по окончании гражданской войны: «“Украинцы” — это особый вид людей. Родившись русским, украинец не чувствует себя русским, отрицает в самом себе свою “русскость” и злобно ненавидит все русское. Он согласен, чтобы его называли кафром, готтентотом — кем угодно, только не русским. Слова: Русь, Русский, Россия, российский — действуют на него, как красный платок на быка».

Этот вырвавшийся в запале полемики пассаж можно было бы не цитировать. Но любой честный историк обязан его вспомнить. Дабы передать накал страстей, кипевших в начале XX века, в связи с выходом на сцену удивительных существ, назвавшихся в афише украинцами и устроивших зажигательное выступление с гетманской опереткой и петлюровским гопаком.

Их антрепризу многие не восприняли. Большинство жителей Украины выбрали тогда другие театральные «труппы» — красную, белую, черную (анархистскую) и зеленую (против всех). В том числе и Андрей Стороженко — не просто случайный прохожий, оставивший автограф на заборе истории, а потомок древнего казацкого рода, один из лучших исследователей прошлого старой Малороссии и родной брат Николая Стороженко — директора 1-й Киевской гимназии, воспитавшей Михаила Булгакова. Новшество Грушевского и Петлюры г-н Стороженко не принял и украинизироваться не пожелал — отбыл вместе с белыми в Германию, где и выпустил книгу «Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям».

Объяснять, кто такие украинцы и чего они хотят, должен был и председатель Центральной Рады Михаил Грушевский. В 1917 г. он выпустил целую брошюру с таким названием («Хто такі українці і чого вони хочуть»). Она начиналась словами: «В Інформаційне Бюро Центральної Української Ради, де даються всякі пояснення в українських справах, записуються запитання, з якими приходять туди люди. Переглядаючи ці запитання, я бачу, як іще БАГАТО є людей, які неясно собі розуміють, ЩО ТАКЕ УКРАЇНЦІ, чого вони хочуть, до чого йдуть, і хто може йти разом з ними»...

Извольте представить эту скандальнейшую картину. Киев. Весна 17-го. В здании Педагогического музея цесаревича Алексея заводится некое самозванное, никем не избранное сообщество, именуемое себя Центральной Украинской Радой. Туда приходят киевляне с вопросами: кто вы такие? Чего хотите? «Мы — украинцы!» — гордо заявляют клерки новой бюрократической структуры. «А что такое украинцы?» — настаивают киевляне, так ничего и не уразумевшие из этого ответа. Но сотрудники Информбюро Центральной рады сами неясно представляют, что это за неведомый «зверь» такой, хотя и получают за участие в

непонятном представлении жалование, убеждающее их в реальности всего происходящего. А на парадном фасаде наспех «украинизированного» классического здания все еще висит (его снимут только при немцах — в марте 1918-го) двуглавый имперский орел, «высидевший» этих «украинцев». По версии Андрея Стороженко — из РУССКИХ яиц.

И тогда сам «батько» Грушевский, кряхтя, садится за письменный стол, поглаживает бороду-веник и строчит официальное объяснение, из коего следует, что украинцы — это новая смесь из самых разнообразных племен. Диалектический переход количества в качество! «Подивитися на вигляд Українців — зараз можна помітити, що се люди не одної породи, — виводит на листе бумаги Грушевский, вспоминая лица соратников. — Видно, що се потомки РІЗНИХ НАРОДІВ І ПЛЕМЕН, що ПОМІШАЛИСЯ і злилися в один народ»...

И опять не обошлось без двусмысленностей. Слово «помешаться», как известно, имеет два значения. Перемешаться. И... сойти с ума. Но что взять с профессора Грушевского, выросшего в русскоязычной семье и выучившего «рідну мову» по книжкам — самостоятельно? Он до конца жития своего многохитростного владел ею туго — почти, как иностранной!

Андрей Стороженко вполне согласился бы с Грушевским, что украинцы — потомки различных племен. Однако, этот один из первых исследователей украинского этногенеза, в первую очередь, выделял тюркскую в смеси степную составляющую. И придавал ей зловещее значение. «Как же понять такой парадокс, что русские ненавидят свою «русскость» как что-то им чуждое и отвратительное? — вопрошал Стороженко в «Украинском движении». — Мы полагаем, что это странное явление может быть объяснено только из учения о расах. Население Южной России в расовом отношении представляется смешанным. Русское в своей основе, оно впитало в себя кровь целого ряда племен, преимущественно тюркского происхождения. Хазары, печенеги, такие мелкие народцы, как торки, берендеи..., половцы, татары, черкесы — все эти племена преемственно скрещивались с русскими и оставили свой след в физических и психических особенностях южнорусского населения»...

Немецкая открытка периода Первой мировой войны. Надпись рядом с девушкой в переводе гласит: «Русский тип» («Russen Typen»). Полевая почта отправила ее 19.03.1917 г.

“Украинская идея” — это гигантский шаг назад, отступление от русской культуры к тюркскому или берендейскому варварству», — делал вывод Стороженко.

Но не могу полностью согласиться и с мнением автора «Украинского движения». Гайдамаки Петлюры действительно впервые появились в Киеве с татарскими шлыками на шапках. Но, кроме тюркского, в украинском движении не менее важную роль сыграли и другие этнические элементы. Что сами изобретатели новой нации отлично понимали! Предоставим снова слово Грушевскому: «Переглядаючи фамілії українські, побачимо тут і потомків родин великоруських, і польських, і німецьких, і сербських, і жидівських, що пристали до Українців в різних часах і вважають себе Українцями».

И тут я позволю себе еще одну цитату, которая даст нам возможность уточнить мифические легендарные времена, упомянутые председателем Центральной Рады, как всегда, не договаривающим главное. Михаил Грушевский родился в 1866 году. Но даже через два года после его рождения в книге, изданной в Галичине, еще не подозревающей, что пускающий пузыри в детской кроватке мальчик (пока еще без бороды!) объявит ее «украинским Пьемонтом», население этой австрийской провинции все еще будет называть себя РУССКИМИ. Вот эта книга. Она тоже есть в моей библиотеке — «Науковий збірник, издаваний літературним обществом Галицко-Русской Матицы. Год издания четвертый.

1868. Выпуск I и II. Во Львове. В книгопечатне Ставропигийского института».

Открываем на 51-й странице и читаем: «Все народонаселение города Станиславова по народности составляют: Русские, Поляки, Армяне, Немцы, Евреи». Страница 214-я: «Народонаселение Ярославля составляют Русские, Поляки, Немцы, Жиды». Страница 194-я с характеристикой города Яворова: «За исключением евреев и не многих языком различающихся иноплеменников, здешний народ коренно-русский».

А где же «украинцы»? А их еще не придумали Грушевский и компания! По малолетству и младенческой беспомощности. Но уже плачет, словно предвидя страшное антирусское грядущее Галичины, автор изданного в 1868 году во Львове научного сборника, настаивая, что Станиславов будет русским городом, «як долго край останется русским», независимо от того «владеет ли в нем династия Сассов или Габсбургов, Польша или Австрия».

Оказывается, даже Галичина во второй половине XIX века все еще ощущала себя русским краем под австро-польской оккупацией! Вынос мозга. Так, кажется, это в просторечии называется? Причем, вынос, имеющий документальные основания в виде огромного корпуса печатных материалов.

Наверное, такой же восторг испытывает ученый-палеонтолог, которому удалось обнаружить вымершую переходную форму. Все стало на свои места. Никаких украинцев на Галичине не было не только в XIV веке, как нас учили в советской школе, но и через 500 лет. **УКРАИНЦЫ — ИЗОБРЕТЕНИЕ XX СТОЛЕТИЯ.** Трагическая мутация русского самосознания на самой границе Русского Мира, вызванная польско-австрийским идеологическим облучением.

Степан Шухевич — офицер 33-го полка ланвера, сформированного преимущественно из русинов, и родной дядюшка небезызвестного Романа Шухевича — вспоминал, как произошла эта подмена этнонимов в австрийской армии зимой 1916 года. На фронт прибыл наследник престола эрцгерцог Карл. Он провел смотр полка: «Нас заведено десь далеко-далеко поза фронтом до якогось густого лісу... лежав сніг... урядове наше назвисько було тоді «Рутенен», а слова українець або українці не люблено. Коли Карло підступив до мене, запитав, за що я дістав моє доволі високе відзначення, а опісля запитав, ЯКОЇ НАРОДНОСТІ мої люди. Я

відповів, що рутенці.

— Ніяких рутенців, усі українці, — відповів Карло, подав мені руку і пішов перед фронтом моєї сотні...

... від тієї хвили з розказів, наказів, звітів і т. і. в австро-угорській військовій команді зникло слово «Рутенен», а писано та говорено тільки «Українер»».

Чтобы эта этническая мутация обрела легитимность, ей пришлось придумать фальшивую родословную, флаг, герб и гимн.

Степан Шухевич

Необязательно этим гербом мог стать знакомый всем трезуб. В 1917 году Михаил Грушевский написал статью «Украинский герб». В качестве герба новой страны он предложил... золотой плуг на синем фоне, чтобы «этот знак новой Украины занял центральное место в государственном гербе»...

Нетрудно догадаться, что эта идея была подсказана наивным народническим мышлением председателя Центральной Рады. Малороссийское дворянство в XVIII веке просто посмеялось бы над таким предложением. Плуги, грабли и косы — орудия крестьянского труда — не имеют никакого отношения к гербам, являвшимся признаком благородного воинского сословия. Плуг в гербе, с точки зрения геральдики, — это издевка над его владельцем, намек, что он обычный проходимец, решивший присвоить дворянский статус, на который не имеет права. Грушевского все это, видимо, не смущало. Его государство должно было стать державой рабов, понуро бредущих за миражом — золотым плугом.

Но экзотическое предложение полоумного профессора все-таки не прошло — в результате долгих дебатов на синий щит Украины попал не плуг, а трезуб первых Рюриковичей — древний символ феодального рода, создавшего некогда Русь. Отказаться от него, признать, что Украина к Руси не имеет никакого отношения, решительно порвать со всем «русским» в себе и упасть в дорусское прошлое к древлянам и полянам Центральной Раде не хватило душевных сил. Хотя, по логике, вслед за принятием трезуба следовало провозглашать монархию, приглашать Рюриковичей на киевский престол и претендовать на

их наследие — Новгород, Полоцк, Владимир-на-Клязьме и всю Великую и Белую Русь в придачу к Руси Малой. Однако суженное «половецкое» сознание первых украинских националистов такой размах не вмещало, протягивая загребущий, но все-таки хуторской взгляд только до Кубани — где мазанки, то и наше!

В реальности Центральная Рада оказалась именно Союзом плуга и трезуба. Чем-то вроде Союза меча и орала из «12 стульев». Ее будущие деятели вымалевывали на картах свою Украину годами. На детскую игру «в государство» они радостно осваивали сотни «грантов» — только в 1909 году австрийское правительство потратило на содержание львовского «научного» общества им. Шевченко во главе с Грушевским 14 000 крон, по постановлению краевого Галицкого сейма, и еще 8000 крон из бюджета имперского Министерства просвещения.

Но к внезапному крушению Российской империи и необходимости взять на себя ответственность за ее осиротевшую без царя окраину, впадшую в смуту, ни профессор Грушевский, ни журналист Петлюра, ни писатель Винниченко оказались совершенно не готовы. Великие дела невозможны без преодоления великих трудностей. К делам же кабинетные мечтатели оказались не способны совершенно, предпочитая витать в наркотических грезах о золотом плуге, который сам упадет им с неба.

Показательно, на что тратились деньги, выделяемые австрийским правительством тому же Обществу им. Шевченко во Львове в уже упомянутом 1909 году. Будете смеяться! На создание «культу Шевченка в його розвитку» и изучение... украинских похоронных обрядов. — Члены этого псевдонаучного сообщества составили тогда перечень вопросов, который требовалось изучить в первую очередь. Привожу только некоторые — самые любопытные:

«1. Які знаки віщують смерть і хто їх видить або чує? Які сні або пригоди проповідують смерть?»

<...>

3. Що роблять з тілом небіжчика? Хто його миє, чеше і убирає?.. Де дівають соломку з сінника, на яким лежав мерлець?

4. Де кладуть мерця, на стіл чи на лавку, куди ногами, і як убирають катафальок?

<...>

6. Хто робить трумну, з чого, коли і за що?»

По-видимому, этот консилиум ученых кретинов изобретал не так Украину, как гроб для нее. Не забывая, впрочем, своих повседневных жизненных нужд — тот же Грушевский на «изучении» технологий истинно украинского гробостроительства умудрился разжиться перед Первой мировой войной особняком во Львове, дачей в Карпатах и многоэтажным «небоскребом» в Киеве, квартиры в котором сдавал внаем — неплохо, видать, кормила бородатого прохиндея «украинская справа»!

Подводя итог неудавшемуся эксперименту по изобретению новой страны, Дмитрий Донцов — идеолог украинского национализма уже следующей, бандеровской, эпохи (и еще

один новый «украинец» из щирых москалей) был вынужден признать в том же 1926 году, когда в Париже был убит Петлюра: «Украина, которой жаждем, еще не существует, но мы можем создать ее в собственной душе».

Языческая химера, зародившаяся в душах малочисленной группы интеллектуалов, страдавших малороссийским комплексом неполноценности, требовала новой порции жертв, дабы воплотиться в действительность.

Ведь каждая душа

создает

только

«свою» Украину.

ЛИЧНУЮ!

... И где найти достаточное количество чистых, праведных душ?

1 июля 2013 г., Киевь.

(Продолжение следует)

Бібліографія

Беляев В., Рудницкий М. Под чужими знаменами. — М., 1954.

Вернадский В. И. Дневники. Октябрь 1917 — январь 1920. — К., 1994.

Винниченко В. Щоденник. Том перший. 1911–1920. — Едмонтон — Нью-Йорк, 1980.

Винниченко В. Щоденник. Том другий. 1921–1925. — Едмонтон — Нью-Йорк, 1983.

Винниченко В. Щоденник. Том третій. 1926–1928. — Київ — Едмонтон — Нью-Йорк, 2010.

Вілсон Ендрю. Українці: несподівана нація. — К., 2004.

Гофман Макс. Записки и дневники. 1914–1918. — Ленинград, 1929.

Григор'єв Г. У старому Києві. — К., 1961.

Грушевський Михайло. Спомини. — К./Київ. — 1988. — № 7-12; 1989. — № 8-12; 1992. — № 2, 3.

Грушевський Михайло. На порозі нової України. Статті і джерельні матеріали. — Нью-Йорк — Львів — Київ — Торонто — Мюнхен, 1992.

Грушевський Михайло. Хто такі українці і чого вони хочуть. — К., 1991.

Гуммерус Герман. Україна в переломні часи. Шість місяців на чолі посольства в Києві. — К., 1997.

Гунчак Тарас. Україна: перша половина ХХ століття: нариси політичної історії. — К., 1993.

Демкович-Добрянський Михайло. Українсько-польські стосунки у ХІХ сторіччі. — Мюнхен, 1969.

Денник начальної команди Української Галицької армії. — Нью-Йорк, 1974.

Деникин А. И. Путь русского офицера. — М., 1991.

Донців Дмитро. Рік 1918, Київ. — К., 2002.

Дорошенко Дмитро. Нарис історії України. — Мюнхен, 1966.

Дорошевич О. Українська культура в двох столицях Росії. — К., 1945.

Доценко Олександр. Зимовий похід. — Варшава, 1932.

Драгомиров М. И. Австро-прусская война. 1866 год. — М., 2011.

Дубинский И. В., Шевчук Г. М. Червонное казачество. Издание пятое. — К., 1987.

Екельчик Сергій. История Украины. Становление современной нации. — К., 2010.

Екельчик Сергій. Українофіли: світ українських патріотів другої половини ХІХ століття. — К., 2010.

Ефимов Борис. Мой век. — М., 1998.

Єфремов Сергій. Щоденники. 1923–1929. — К., 1997.

Иван Франко в воспоминаниях современников. — М., 1966.

Ільницький Олег. Шевченко і футуристи. — Мюнхен. // Сучасність. — 1989. — № 5.

Історія українського війська / За редакцією проф. Івана Крип'якевича та ін. Друге доповнене видання. — Вінніпег, 1953.

Канализация Киева (1894–1994). — К., 1994.

Капеллер Андреас. Мала історія України. — К., 2007.

Кашенко Адриан. Під Корсунем. — Катеринослав, 1917.

Кин Ц. И. Италия на рубеже веков. — М., 1980.

Київ. Енциклопедичний довідник за редакцією А. В. Кудрицького. — К., 1981.

- Киевщина в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции (1917–1920). Сборник документов и материалов. — К., 1962.
- Ключ Юрій. Лібідо поетеси. — К. Ц Лель. — 1995. — № 5.
- Ковалевський М. М. При джерелах боротьби: Спомини, враження, рефлексії. — Інсбрук, 1960.
- Ковальчук Михайло. Невідома війна 1919 року. Українсько-білогвардійське збройне протистояння. — К., 2006.
- Костенко А. І. Леся Українка. М., 1971.
- Крип'якевич Іван. Коротка історія України. К., 1993
- Крути. Збірка у пам'ять героїв Крут/ Упорядники Осип і Надія Зінкевичі. — К., 2008.
- Лежогубський Феодосій. Де знайти правду? Катехит реальних шкіл у Львові. — Львів, 1916.
- Леся Українка в воспоминаниях современников. — М 1971.
- Леся Українка. Зібрання творів у дванадцяти томах Том 10. Листи (1876–1897). — К., 1978.
- Леся Українка. Зібрання творів у дванадцяти томах Том 11. Листи (1898–1902). — К., 1978.
- Леся Українка. Зібрання творів у дванадцяти томах Том 12. Листи (1903–1913). — К., 1979.
- Махно Н. І. Воспоминания. Книга 1. — Париж, 1929.
- Махно Н. І. Воспоминания. Книга 2. — Париж, 1936/1937.
- Меир Голда. Моя жизнь. — Алматы — М., 1993.
- Міхновський Микола. Самостійна Україна; Справа української інтелігенції. — К., 2007.
- Науковий збірник, издаваемый литературным обществом Галицко-русской материцы. Выпуск I и II. — Львов, 1868.
- Петренко Іван. Історія України від найдавніших до теперішніх часів. — Краків, 1941.
- Петрів Всеволод. Військово-історичні праці. Спомини. — К., 2002.
- Петровський М. Возз'єднання українського народу в єдиній українській радянській державі. — К. — Харків, 1944.
- Пчілка Олена. Твори. — К., 1971.
- Романенчук Богдан. Бій під Крутами — пам'яті лицарів абсурду. — Львів, 1932.
- Рот Йозеф. Марш Радецького. — К., 2000.
- Саксаганський П. По шляху життя. Мемуари. — Харків, 1935.
- Семенко Михайль. Вибрані твори. — К., 2010.
- Семенко Михайль. Кобзар. — Харків, 1924.
- Снайдер Тімоті. Червоний князь. — К., 2011.
- Сосюра Володимир Третя рота. — К., 1997.
- Субтельний Орест Україна: історія — К., 1992.
- Табачник Дмитро. Історія української дипломатії в особах. — К., 2004.
- Терещенко Ю., Осташко Т. Український патріот із династії Габсбургів. — К., 2011.
- Тинченко Ярослав. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки. — К., 2007.
- Тинченко Ярослав. Перша українсько-більшовицька війна (грудень 1917 — березень 1918, — К. — Львів. 1996
- Тинченко Ярослав. Українські збройні сили: березень 1917 р. — листопад 1918 р. — К.,

2009.

Турченко Ф. Г. Микола Міхновський: життя і слово. — ., 2006.

Тютюнник Юрій. Революційна стихія. Зимовий похід 1919–1920 рр. — Львів, 2004.

Тютюнник Юрій. З поляками проти України. — Харків, 1924.

Урланис Б. Ц. История военных потерь. — С.-Пб., 1998.

Хроніка наукового товариства імени Шевченка у Львові Справозданє за місяці: січень-цвітень. Вип. II. Р. 1909. Ч. 38. — Львів, 1909.

Хроніка наукового товариства імени Шевченка у Львові. Справозданє за місяці: май-серпень. Вип. III. Р. 1909. Ч. 39. — Львів, 1909.

Чернин Оттокар. В дни мировой войны. Воспоминания бывшего австрийского министра иностранных дел. — М. — Петроград, 1923.

Чикаленко Євген. Спогади (1861–1907). — К., 2003.

Чикаленко Євген. Щоденник. Том 1. (1907–1917). — К., 2004.

Чикаленко Євген. Щоденник. Том 1. (1918–1919). — К., 2004.

Шелухін С. Назва України. — Відень, 1921.

Эко Умберто. Баудоллно. — С.-Пб., 2003.

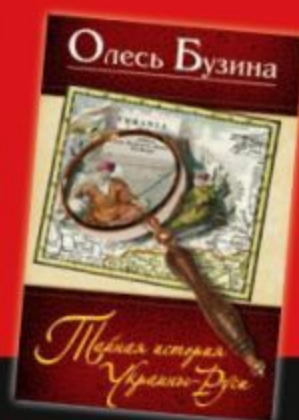
Эрцбергер М. Германия и Антанта. Воспоминания бывшего германского министра финансов. — М. — Петроград. 1923.

**“ПОБЕЖДАЕТ
ОЛЕСЬ БУЗИНА”
ЮРИЙ ЛУЦЕНКО,
ДВАЖДЫ МИНИСТР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
УКРАИНЫ**

**“ЗНАМЕНИТЫЙ УКРАИНСКИЙ ИСТОРИК И ПИСАТЕЛЬ
ОЛЕСЬ БУЗИНА ЧЕРТОВСКИ ЗОЛ И НЕВЕРОЯТНО ОБАЯТЕЛЕН...
БУЗИНА – ФИГУРА ЯРКАЯ, ПРОВОКАЦИОННАЯ”
ДАРЬЯ АСЛАМОВА, “КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА”, МОСКВА**

**“ЧТО МНЕ ИМПОНИРУЕТ В БУЗИНЕ, ТАК ЭТО ТО,
ЧТО ВСЕ ЕГО ВЗГЛЯДЫ И ВЫВОДЫ ПОДТВЕРЖДЕНЫ
ФАКТАМИ И ЦИТАТАМИ ИЗ ДОКУМЕНТОВ”
АЛЕКС ПАНЧЕНКО, ГАЗЕТА “СЕГОДНЯ”**

в № 2 журнала «Украинский вестник» за 1906 г., выходившем в Петербурге на русском языке. Учитывая язык, место издания и гонорар, полученный ее циничным автором в рублях, особенно забавно читать его откровения, что именно Галичина «становится центром экономического движения и в отношении украинских земель Россия играет роль культурного арсенала». Ныне обстоятельство и место появления на свет провокационного термина Грушевского старательно замалчивается, ибо выходит что на самом деле «украинским Пьемонтом» был... Петербург времен Первой русской революции 1905–1907 гг., который еще во времена Гоголя и Шевченко из-за обилия выходцев из Украины называли в шутку «колонией образованных малороссиян».